

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2109643409

Людмила
Петрушевская

Театральная
премия автору
«Золотая Маска
2020»

БРАЧНАЯ
НОЧЬ,
ИЛИ 37 МАЯ
КОМЕДИИ И ДРАМЫ

Людмила Петрушевская

Людмила
Петрушевская

БРАЧНАЯ НОЧЬ, ИЛИ 37 МАЯ

КОМЕДИИ И ДРАМЫ

Москва
2020

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
ПЗ1

Художественное оформление серии *Юлии Девятовой*

Иллюстрация на переплете *Александры Шадриной*

Издание осуществлено при содействии
литературного агентства Vanke, Goumen & Smirnova

Петрушевская, Людмила Стефановна.

ПЗ1 **Брачная ночь, или 37 мая : комедии и драмы / Людмила Петрушевская. — Москва : Эксмо, 2020. — 448 с.**

ISBN 978-5-04-110746-8

Книга пьес Людмилы Петрушевской — явление редкое и значительное. Вот уже почти пятьдесят лет ее пьесы существуют в театральном мире, сначала власти СССР их запрещали, но пьесу ведь можно поставить и в комнате. Что и делали режиссеры. Потомто пьесы ее пошли по всей стране и по многим странам мира (кроме Африки, о которой сведений нет). И драматурга Л. Петрушевскую наградили Государственной премией, театральной премией Станиславского и премией «Золотая маска», и сейчас только в Москве идет шесть ее спектаклей. Считается, что пьесы читать трудно. Нет, как в романе, этих слов: «Был поздний вечер июльского дня». Но ведь и в театре зритель первые пять-семь минут не знает, где все происходит и кто здесь кто. Однако вскоре читатель — удивительным образом — постепенно и создает для себя декорации, и видит героев, и становится зрителем созданного им самим спектакля.

Откройте книгу. Театр Людмилы Петрушевской теперь Ваш.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-04-110746-8

© Петрушевская Л., текст, 2020
© Шадрина А., иллюстрация на переплете, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЧИНЗАНО

ПЬЕСА В ДВУХ ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧИНЗАНО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Паша
Валя
Костя

Вечер. Пустая комната. Два стула, подобранных на свалке, садовая скамейка, ящик из-под конфет — большой и чистый. Входят Паша, Валя и Костя.

5

Паша. Как нашли, сносно?

Костя. Мы тебе, Паша, мебель привезли. В трамвае сняли сиденье.

Паша. Сенк'ю.

Валя. Костя вынес. *(Смеется.)*

Паша. Сюда, прошу садиться.

Валя. В общем, мы-то с Костей уже повстречались на выходе с работы, сюда не знаю зачем понадобилось ехать. Все можно было там устроить.

Костя. Ехал в такую даль. Сядь, посиди.

Паша. Старик! Сначала о деле. *(Косте.)* Деньги с тобой?

Костя. Со мной.

Валя. Ну, старики, мне надо. Быстро закончим, я поехал.

Паша. Погоди, не до тебя.

Валя. Деньги мне отдай. Как не до меня?

Паша. Да отдам, но не сейчас же.

Валя. Костя, передавай мне деньги, как условились. Надо было отдать раньше, я предвидел, что все так получится.

Костя. Не расстраивайся.

Паша. Старики, внизу дают чинзано. Лучшее из всего, литр. Хочу взять домой три бутылки, надо позарез. В таком случае, Валя, я так или иначе десять рублей потом тебе добавлю. Мне домой вино надо.

Валя. Другой разговор. А куда домой-то?

Паша. Туда домой, в первый городок.

Валя. Ты что, здесь не живешь?

Паша. Временно.

Валя. Временно живешь или временно нет?

Костя. Сегодня здесь, и всё.

Валя. А вообще где?

Паша. Сейчас еще нигде пока уже опять.

Костя. Старики, время. Ехали сюда с Валею (*достает деньги, отсчитывает две десятки*) долго.

Паша. Тут хватит на шесть. Я тогда с вашего разрешения пять возьму домой. Пять мне тогда на все хватит... Чинзано все окупит! Валя, буду должен, стало быть, двадцать рублей.

Валя. Паша, чего ради я тогда ехал в такую даль, спрашивается?

Паша. Я тебя сегодня не звал.

Валя. Извини, старик, нехорошо.

Паша. Извини, старик. Но тебе мало, что я отдаю тебе тридцать? Ведь такое дело: чинзано.

Валя. Хорошо, но одна на мою долю.

Костя. Договорились, чудесно.

Валя. Скорей, мне пора. Где у тебя тут сортир?

Паша. Попудриться? Направо вторая дверь.

Валя уходит. Костя достает деньги.

Паша. Чего уж, давай все.

Паша, не считая, сует деньги в карман и уходит. Возвращается Валя.

Валя. Давай деньги-то. Тридцать.

Костя. А я отдал всё Паше.

Валя. Ну ты даешь. Ну, старик. Ты же должен был их передать мне.

К о с т я. Я тебе должен был их передать до праздников. А ты — старик, туда-сюда, после праздников, уезжаю, туда-сюда. Вот тебе и после праздников.

В а л я. Я тебя не понимаю, старик. Не понимаю. Кому отдал? Кому? Паше? Зачем?

К о с т я. Он мне их давал, я ему и отдал.

В а л я. Деньги-то мои!

К о с т я. Ну и будут твои. Сколько-то погода. Я тебе сказал еще на выходе с работы, так и так, Валя, на меня сегодня не рассчитывай, я еду Паше отдавать деньги. Ты что сказал? Что я, в пятницу буду как отщепенец, сказал ты. И поехал.

В а л я. Нет, старик, я тобой недоволен. Недоволен. С тобой происходит, я тебе не говорю, потому что ты и сам мне это неоднократно говорил, что ты падаешь все ниже и ниже.

Костя обнимает Валу.

Ну, не ожидал, нет.

Костя целует Валу.

Отвали!

К о с т я. Сейчас выпьем. Он принесет. Он принесет пять бутылок.

В а л я. Одну я возьму домой. Нет, две. В конце-то концов.

К о с т я. Кто говорит? Возьми две.

В а л я. Мои деньги.

К о с т я. Вот тут ты глубоко не прав. Пока они не твои, а просто тебе их хотели до праздников вернуть, а ты не взял.

В а л я. Нет, ты не прав. Я специально сюда приехал, чтобы Паша отдал мне долг. Деньги-то ты вез? За чем же дело стало?

К о с т я. Все точно. Но это не значит, что именно те деньги, которые я ему вез, он должен тебе отдать. Когда сможет, тогда отдаст. А как он отдаст то, чего у него уже

(*смотрит на Валины часы*) в данную минуту нет? Чего нет, того не вернешь. Вот я не отдал ему пятьдесят рублей, потому что их у меня не было. Отдал сорок.

Валя. Как не было?

Костя. Праздники же были.

Валя. Не понимаю отношения к чужим деньгам.

Костя. Паша перед праздником буквально всучил мне эти пятьдесят рублей: отдай Вале. Я не хотел брать, отказывал, но Паша, памятуя свою слабость и не надеясь собрать больше такую сумму, просто приехал ко мне на квартиру, и, несмотря на то что Полина его не пустила, хлопнула дверь, он звонил десятки раз. Полина с Иваном высунулись, и Паша отдал им конверт — сказал, для Кости, здесь пятьдесят рублей. Иван расшвырялся, как всегда, и крикнул, что у них такие не проживают. Но, как умный старик, он от пятидесяти рублей не отказался и при нем пересчитал даже. Раз, подумал, Паша с чего-то принес пятьдесят рублей, значит, было какое-то подсудное дело, иначе Паша бы, без суда то есть, не стал бы приносить. Я прихожу затемно, Полина спит, все спят, на столе лежит конверт с запиской, привет от Кольцова. Утром я не стал к завтраку вставать, думаю, пусть разойдутся. Они за столом мое имя не поминали, только Иван выступал все время, что Владика надо купить шубу за полсотни, как раз полсотни, денег нет, вернее, деньги есть, но у такого человека, который не постесняется у родного ребенка на зиму шубу украсть. И на питание не дает. Владик спрашивать не стал, у кого его шуба, а Света спросила. Светка все время Ивана подначивает. Таким детским голоском: дедушка, а кто у нашего Владика шубу украл? За столом воцарилось напряженное молчание, а я сплю за загородкой, подушка на ухе. Владик сказал Светке, что папа украл, а Светка не ожидала, ей надо было всегдашний спектакль разыграть. Но не тут-то было, Владик, молодец, прикрыл диспут. А то обычно Иван им задает загадку: нет, говорит, Светочка, тебе сегодня сливок и сухой колбасы для Владика, один человек твою черную икру вкупе с красной и белой на вино израсходовал. Света счастлива: кто это? Кто этот человек? А тот, отвечает дед Ванька, который вчера

пришел пьяный к нам в дом. А кто к нам в дом вчера пьяный пришел, спрашивает далее Светка. Тут все молчат. Владик молчит, и торжествующая теща молчит. Полина мрачнее тучи молчит, да и дед Ванька не отвечает. Представляешь?

Валя. Ты говоришь! А вот у меня еще того лучше...

Входит Паша с двумя портфелями.

Паша. Самое смешное, что никого народу. Они всё больше тут употребляют красненькое да мордастенкое. Говорю: «Мне чинзано». А один около меня стоял, спрашивает: «А че это?»

Костя. Сколько взял?

Паша. Сколько договорились, мужики.

Костя. А для Вали не забыл?

Паша. Две.

Костя. А неужели мне одну взял, не догадался?

Паша. Больше.

Костя. Слава богу.

Паша. Ведь закрывался магазин, в том-то и дело.

Валя. Ну а теперь...

Паша. Айн минуту. *(Выходит в кухню.)*

Костя. Он молодец. Потому что среди ночи опомнишься, сунешься, а нигде ничего. Помнишь, как у Кондакова пришлось с двух часов ночи чай пить?

Валя. Ну!

Костя. Чай такая вредная вещь. На почки действует, на сердце. Я утром домой пришел, пошел бриться перед работой, посмотрел на себя в зеркало. Ай! Лицо в зеркале не умещается.

Валя. Ну!

Приходит Паша с тарелочкой.

Костя. Закусь?

Паша достает из портфеля кулек и высыпает на тарелочку конфеты.

Валя. Дорогие купил слишком.

Паша. Для тебя мне ничего не жаль.

Валя. Да?

Костя. Из горла будем?

Паша. Старики, анекдот: два вурдалака оторвали человеку голову, и один другого спрашивает: «Из горла будешь?» *(Приподнимает ящик, вынимает полбуханки хлеба.)*

Костя. Еда.

Валя. Отрежьте кусочек. Я с работы.

Костя достает перочинный нож, аккуратно отрезает кусок.

Паша *(открывает бутылку)*. Костя, достань там еще два сверточка: сыру, колбаски нарежь.

Валя. С ума сошел.

Паша. Для тебя, Валя, купил.

Костя. Старик, тут в одном свертке какие-то тряпки.

Паша. Не то, все не то, дай-ка. *(Забирает.)* Вот, вот свертки.

Костя. А я смотрю: в одном тряпки, в другом туфли.

Валя. Продавать, что ли, нес?

Паша. Ешь, дорогой.

Валя. Пока человек ест, он не пьет.

Паша. И ешь. Ну, мужичье! С приездом! И за мою маму!

Пьют.

Валя. Да, Костя, ты не досказал насчет десятки.

Костя *(с непонятной интонацией)*. А!..

Паша. Какой десятки?

Костя *(с нажимом)*. Какой десятки?

Валя. Он из этих пяти одну истратил, оказывается.

Паша. А?.. Ну!.. *(Радостно смеется.)* А я ничего не могу понять. Считал-считал у кассы!

Костя. Какая десятка?..

Валя. Ты мне сказал, что десятку растратил.

Костя. Какую десятку?

Паша. Старики, выпьем!

Пьют.

Валя, ты ешь. Ты чего себе зубы не вставишь, быстрее есть будешь?

Валя. Да все некогда. То одно, то другое. У жены в квартире мебель строю.

Паша. У какой жены?

Валя. У Ольги, у какой.

Паша. Откуда?

Валя. Им дали квартиру. С матерью. А мать вышла замуж к мужу. Ольга говорит, хоть раз в жизни по-человечески пожить, не с твоими родичами, и уехала с Алешкой. Алешка уже в детский новый сад ходит. Я теперь там каждый вечер.

Костя. Как каждый? А вчера?

Паша. А в понедельник?

Валя. У Ольги там нет телефона.

Костя. Понял. Родители считают, что ты у жены.

Паша. А Ольга звонить родителям не будет?

Валя. Ольга не будет. Она вообще говорит, что ей все надоело, вся эта семейная жизнь. Но мебель я строю!

Паша. Говорит, пошел, значит, отсюда.

Валя. Старик, не совсем. Не совсем. Она хочет, чтобы я с ними жил, я не отказываю. Но мои родители как же? Они останутся одни на пятидесяти метрах на старость? Интересно, что же это, они на меня всю жизнь работали, а я теперь их брошу? Кто машину отцу водить будет?

Паша. Покупает?

Валя. Почти купил.

Паша. Поездим. Поездим.

Валя. Отца же, не моя.

Костя. Но, с другой стороны, тебе и разводиться нельзя.

Паша. Почему?

Костя. Валя оформляется за границу.

Паша. Куда?

Валя. На кудыкину гору.

Паша. В капстраны, значит.

Валя. В ЧССР я был, в Болгарии, Золотые Пески.

Паша. А я в Монголию оформлялся.

Валя. Ну и как?

Паша. У них штаты не расширили. Хотели расширить и не расширили. Не стали.

Валя. Не оформили, значит. На тугрики много не купишь. У нас один малый оттуда привез жене немецкое меховое пальто. Белый мех, но без ватина. Она в ателье носила на ватин ставить. Выше пятнадцати градусов мороза нельзя. Каждый день слушает погоду и ругается, лучше бы кожи привез.

Паша. Кстати, о женах: позвони, Константин, пойди.

Валя. Кому?

Костя. Дружининой. Но ее нет сейчас дома.

Валя. Дружининой?

Паша. Блондинка.

Костя. Она к подруге поехала на день рождения.

Валя. К кому?

Костя. К нашей Смирновой из отдела.

Валя. Надо туда поехать, мужики!

Костя. Туда Паше нет допуска.

Валя. Без Паши поедem.

Костя. У меня тоже допуска нет.

Валя. Ну что вы! Ну так нельзя! У Смирновой так отлично. Баранью ногу подают.

Костя. И джин, да. Но мы там прошлый раз с Пашей заночевали, так пришлось.

Пьют.

Сидели так на кухне, а потом из холодильника папашину настойку от давления выпили. Чекушечку. Внешне такая же, как старка. Не отличишь. Утром ехали в метро, у нас давление сильно упало. Или ихний скандал подействовал: самовнушение началось.

Паша. Скорей всего. У меня точно от скандалов падает давление.

Костя. Поспали на кольцевом маршруте, сколько пришлось. Заехали в депо, так неудачно. Сигналы долго подавали.

Валя. Чем?

Паша. Постукивали.

К о с т я. Папаша Смирновой на нас кричал, что мы самоубийцы, что такое выпили, что он три раза в день принимает по две капли. Прислали за золото с Дальнего Востока. Резко снижает тонус.

П а ш а. Шарлатанство все это. Моему папаше тоже привозили.

К о с т я. Значит, это мы так расстроились просто. На работу не ходили, лечились долго потом.

В а л я. Тогда я схожу позвоню. *(Ест.)*

П а ш а. Ешь, на твои деньги куплено.

В а л я. Ты мне ничего пока не отдавал. *(Ест.)*

К о с т я. Кому ты хочешь звонить?

В а л я. Кому дозвонюсь. Сейчас вот поем... *(Ест.)* В Монголии, кстати, шерсть отличная. Поехал бы ты, Пашка, то привез бы своей Тамаре шерстяную кофту. Но что делать, раз не оформили. А то Тамара была бы довольна.

П а ш а. Тамара? Да, с ней, старики, сурово. Я до двенадцати должен успевать домой, а то Тамара после двенадцати лишает меня супружеских ласк. Стало быть, я должен попасть на автобус двадцать три ноль две. Ну и до автобуса отсюда... полчаса как минимум.

К о с т я. Тридцать пять.

П а ш а. Если автобус двадцать три ноль две... То мне на жизнь остается здесь *(смотрит на Валины часы)* почти ничего. Валя, иди, звони.

В а л я. Но что интересно, ведь ты уже с ней разошелся.

П а ш а. Правильно. Для того чтобы прописаться к старушке матери в ее квартиру.

В а л я. Понимаю, может пропасть квартира? Мать-то старая.

П а ш а. Откуда?

В а л я. Они все уже старые более-менее. К тому идет.

К о с т я. Она у него сейчас в больнице лежит, да?

П а ш а. Скоро забираю. Завтра.

В а л я. Завтра суббота, выписки нет.

П а ш а. А я заберу.

К о с т я. У нее малокровие?

П а ш а. Выпьем за упокой.

В а л я. Дурак. Бросается словами. *(Пьет.)*

Паша. Чем хорошо выпить: все уходит на задний план.

Валя. Зачем уходить от реальности, если реальность такова, что мы просто любим пить, любим это дело, а не из каких-то высших соображений что-то забыть? Зачем все время прикрываться какими-то пышными фразами? Пьем, потому что это прекрасно само по себе – пить! Свой праздник мы оправдывать еще должны. Да кому какое дело, перед кем оправдываться?

Костя целует Валю.

Ну... А как твоя Тамара реагировала на развод? Что ты подал?

Паша. Она сама подала. Еще раньше, чем я ей сказал.

Валя. Значит, она сама... Это много лучше.

Паша. Обьюдно. Стороны пришли к обьюдному решению.

Валя. Так ты здесь живешь?

Паша. Когда где.

Валя. Стало быть, тебе не нужно никуда ехать, чего же ты тут рассчитывал время! И мне не нужно ехать. Костя, ты тоже, чего тебе, успеешь еще за свою загородку «осторожно, двери закрываются». Пьем, мужики! Доставай еще одну бутылку! Сколько, стало быть... тебе... две, мне... три, нет, четыре, а остальное выпьем!

Паша. Иди, позвони-ка, времени уже в обрез.

Валя. Какое в обрез!.. Ты же... Как это... Нигде не живешь. Никому не нужен ты.

Паша. Если я опоздаю, меня лишат супружеских ласк.

Валя. Каких супружеских?

Паша. Ласк. Она просто дверь запирает в квартиру.

Валя. Да какие у тебя супружеские! Это у меня супружеские да у Кости за загородкой... Кстати, Костя, ты у родителей по-прежнему ночуешь?

Костя. Поругался.

Валя. Нехорошо, старик! Глядишь, и переночевать негде будет!

Костя. Поругался. Полина все говорит: «На кой нам их куры!» Придут навестить внуков, несут куру. На восемь че-

ловек. И действительно, придут. Обед давно без этой куры готов, давно бы сели, нет, они ее варить желают. Все холодное. А они, дураки, не понимают, что их благотворительность у Полины и у Ваньки одно раздражение вызывает. Полька меня просит: скажи им, не надо. Я сказал, мать расстроилась, отец капли принимал. Мы твоим детям, раз у них всё пропивают. И вот тебе, всё свернули на меня. Мать говорит, если вы с Полиной такая дружная семейка, и не ходи сюда ночевать, не стоит. А подумаешь! Да застрелитесь!

Паша. После двенадцати ни одна машина в нашу сторону не ходит. Ни одна. Можно взять девочку, положить на шоссе и без помехи делать все что хочешь сколько хочешь раз. Так что надо спешить, надо торопиться. (Пьет.)

Валя. А ты от Тамары еще не выписался?

Паша. Выписался, осталось к матери прописаться, какие-то пустые формальности. Я тянул, но теперь всё.

Валя. Правильно, пропишись, не ровен час останешься без квартиры.

Паша. Надо спешить! Торопиться! Я не успеваю на автобус!

Костя. На автобус ты еще двадцать раз успеешь. Уедешь. Подожди еще пять минут, Валя сходит позвонит.

Валя делает себе бутерброд и выходит.

Костя. Ну как у мамы?

Паша. Ей операцию по пересадке костного мозга надо делать. Срочно. Завтра же. Надо будет дать костный мозг, я дам. Я дам костный мозг завтра же, уже проверяли. Совпадает. У жены с мужем — нет. С ребенком еще может совпасть, а с женой — никогда. Не кровная, а тут кровная. Вот и все о'кей! Все будет о'кей. Выпьем.

Костя. Ты сегодня к ней ездил, как?

Паша. Ездил. Не спрашивай. Такие дела, что не спрашивай. Совсем белая.

Пьют.

К о с т я. У меня папаше все время плохо. Надо спросить у Смирновой, что мы тогда пили. Здорово снижает давление.

П а ш а. Да, мы тогда царапались долго из вагона.

К о с т я смеется.

А как они, не согласны выделить тебе площадь?

К о с т я. Мать говорит, что с Полиной все равно разойдешься и на нашу голову жить придется.

П а ш а. Наоборот! Если у тебя будет отдельная площадь, то ты разойдешься и будешь жить сам.

К о с т я. Они сказали, что, во-первых, хотят умереть на своем месте, где привыкли. И знаешь, их очень дед Ваня, оказывается, поддержал, я не знал. То всё они не контактировали, не контактировали, а тут папаша позвонил Ваньке, и нашли общий язык. Да, представьте себе, сказал Ванька, старому человеку нельзя менять динамический стереотип и место жизни. Он от этого умирает очень быстро. А дело в чем? Полька тоже просит у своих родителей, чтобы они разменялись и выделили ей хотя бы однокомнатную квартиру. Мой муж, мне с ним жить и так далее. Нет, сказал Ваня, нам нельзя из-за динамического стереотипа. И они с моим папашей это дело обсудили и постановили. Да как, да что, да кто будет с детьми, они к внукам привязались. Понимаешь, они к моим детям привязались! Ты, Полина, одна не сможешь, Кистянтин тебя продаст у первой же будки с пивом.

П а ш а. Да, ты уже говорил.

К о с т я. Я тоже так, пусть живут как знают. Я пальцем не пошевелю для себя. Никому не желаю мешать жить. Не хочу судиться, разговаривать, чтобы они с машиной вещей отъезжали. Да пропади оно все пропадом. А я живу. Они, не в силах ничего сделать, молча смотрят на мое падение, а я не падаю, я живу. Дети сыты, одеты, телевизор работает, как говорит дед Ванька. Да, в понедельник деньги дают, надо будет Владику купить валенки. Дружинина принесет своей дочке валенки за четыре рубля.

П а ш а. Могла бы и за бесплатно. Так бы отдала.

К о с т я. Она бы отдала, да я бы взял.

П а ш а. Понятно.

К о с т я. За это дело мне будет четыре рубля. Принесу валенки, скажу Полине: купил, вычти из питания четыре рубля.

П а ш а. У меня тоже: Тамара привыкла, что я получаю рубль пять. Теперь тут мне повысили. Она меня спрашивает: Паша, ты рубль двадцать теперь получаешь? Я говорю, что ты... Да... Так и не узнала...

Возвращается В а л я.

В а л я. Бабушка сказала, что она через двадцать минут домой вернется. Звонила, что в дороге уже.

К о с т я. Кто?

П а ш а. Блондинка?

В а л я. Именно. Ирка Строганова.

Пауза. Костя и Паша с укором смотрят на Валую.

К о с т я. Она придет и все выпьет.

В а л я. Я ее видел на вечере встречи в этом году. Позвони, сказала, когда захочешь выпить.

К о с т я. Она тут к нам приезжала с дочкой, дед Ваня сколько на стол выставил рябинового вина, столько она и приняла. У нас день рождения был у Светы. Два дня родня гуляла. До чего ее дочка на Семена похожа! (*Показывает рожу.*)

В а л я. Ей не в армию идти.

К о с т я. Ирка тут же за столом рассказала, что, откуда бы она ни приползла, как бы ни выпила, обязательно на ночь всю одежду своей девочки сложит, погладит для детского сада стопочкой. Родня была в восторге.

В а л я. Она кандидат.

К о с т я. А так смешно получилось, что Семен со своей новой женой тоже приехал на день рождения Светы. Но только Ирка Строганова перепутала и приехала днем позже. Или не перепутала, а рассчитала. Скорей всего. Но это

было воскресенье, так что за столом сидела вторая очередь родственников. А то бы две жены повстречались.

Паша. Семен часы отдал?

Валя. Какие часы?

Костя. Да, с часами. Семен повел меня в пивбар в день зарплаты. Говорит: «Я своей новейшей жене должен отдать отчет в деньгах, так что мы с тобой выпьем, а ты мне часы дашь в залог. Я скажу, что купил у мужика за пятерку». Я снял часы.

Паша. Это ты говорил.

Костя. Да, проходит неделя, я отдаю Семену деньги и спрашиваю, где часы. Он отвечает, что ремешок оборвался и часы он потерял. Ладно. В следующий раз мы встретились, он говорит, пойдем ко мне домой, у меня дома ничего нет, жена рожает. Приходим, я смотрю: на окошке лежат мои часы. И правда с оборванным ремешком.

Валя. Что у тебя общего с этим человеком?

Костя. Общего у нас то, что я его боготворю и им восхищаюсь. Пошли мы тут с ним в ресторан для иностранцев, открыто до трех утра. Там друг у Семена стал метрдотелем. Пили до этого на какой-то посторонней свадьбе. Семен подружился там с музыкантами, мы сидели с джазом и пили наравне. Потом нас вывели, и тогда мы поднялись в бар для иностранцев и пили там до упора. Потом все ушли, мы с Семой разделись и пошли купаться в бассейн с золотыми рыбками. А Виталик, метрдотель, по краю бегаёт и кричит: «Парни, вы мне тут крепитесь, а то рыбки подохнут. Терпите».

Валя. Ирка красotka была.

Костя. Пьет много. Говорит, по обстоятельствам своим пьет. Семен ушел при тяжелых обстоятельствах, мать у нее умерла, дочь болела, а он взял и ушел.

Валя. Что значит, пьет по обстоятельствам! Сама по себе хочет и пьет. Мы вот – хотим и пьем, а не из-за обстоятельств. Мне нравится пить, люблю я вас, товарищи мои.

Костя. Вот у меня тут был малый лоцманский загул. Прихожу через неделю домой, ложусь, врач дает бюллетень с диагнозом: дисфункция.

Валя. Кишечника?

Костя. Нет. Всего... Дисфункция организма. Дал мне бюллетень, мы с Пашей пошли, встали в очередь. Давали шапки по тридцать рублей. Постояли и пошли: денег не было. Я позвонил двум-трем взять в долг. Паша позвонил разок, а потом мы от этой идеи отказались.

Валя. А в чем выражалась дисфункция?

Костя. Давление сто восемьдесят на сто десять. Первый раз померил, кстати. Но ничего, до двухсот пятидесяти у людей доходит, и живут. Как у моего папаша...

Валя. Вспомнил! Еще кому позвонить.

Паша. Блондинке?

Костя. Помнишь, Паша, ту блондинку, с которой мы в метро познакомились? Рядом сидели. Я ей говорю: позвольте представить вам моего друга, Пашу Кольцова, поэт такой был. Она засмеялась. Не поверите, говорит, я тоже по паспорту Кольцова. Я говорю: не верю, паспорт. Предъявляет. Точно, Кольцова. Всё посмотрели: адрес, возраст — сорок лет.

Валя. Позвони.

Костя. Там в паспорте телефон не указан.

Валя. Пойду позвоню по записной книжке. *(Уходит.)*

Паша. О чем-то мы с тобой хорошо так говорили.

Костя. Да, а потом не вспомнишь. О чем-то родном, а о чем? Помнишь, летом мы с тобой у нас на кухне трое суток пили — Ваня с тещей были на даче, благословенное время года. Говорили, говорили, а о чем? Потом вспомнил и не вспомнил.

Паша. Я опаздываю.

Костя. Хорошо как было. Нам всего-то нужно: суббота, воскресенье да часть пятницы и часть понедельника. А я теперь субботу и воскресенье сижу на диете. Хожу с детьми гулять.

Паша. Я опаздываю на автобус. Потом не добратся. А мне надо...

Костя. Всего в этой кухне нам надо было: на полу два старых пальто да стол с бутылкой. И никто больше не нужен.

Паша. Мне надо ехать. *(Встает.)*

Костя *(протягивает руку)*. Достань бутылку, раз встал.

Паша. Пора, еду, пора. *(Садится.)*

Костя сам наливает в оба стакана.

Костя. С работы хочу уходить. Уже всех предупредил.

Паша. Еду. Всё. Кончено. Что здесь? Ничего. Здесь такого нет ничего. Я могу выпить. Я должен выпить в этот день. Который один раз в жизни.

Костя. Пойду работать грузчиком, как Соболев. Он за рейс сшибает по пятерке, и так эн раз.

Паша. Сколько у меня денег?

Костя. Эн.

Паша начинает рыться в карманах.

Паша. Сколько у меня денег? *(Вынимает бумажки.)*
Три рубля... Рубль... Три рубля... Это сколько? *(Рассматривает бумажку.)*

Костя. Дай.

Паша. Это сколько? *(Рассматривает бумажку.)*

Костя. Дай. Это у тебя карточка почтовая.

Паша *(продолжает рыться в карманах)*. Справка о смерти. Это я должен отдать Тамаре. А при чем Тамара? Моя мать к ней не имеет отношения. Справка МЮ 280574. *(Целует справку.)*

Костя. Это сколько?

Паша. МЮ 280574.

Костя *(заинтересовался)*. А сколько у меня? Мне нужно четыре рубля на валенки. Их я возьму у Полины. А валенки возьму у Дружининой. Сколько же у меня останется? Четыре рубля возьму у Полины, скажу: вычти их из питания, не вношу, так вот, эти четыре рубля, которые я у тебя беру на валенки, вычти из питания. А валенки принесу в другой раз. И еще. *(Достает десятку.)* Стало быть, десять рублей, да четыре возьму у Полины, да валенки загоню на Преображенке... за пятнадцать. Хорошие валенки.

Паша. У меня было ведь пять десятков, верно?

К о с т я. Десять да четыре... да шестнадцать.

П а ш а (*бьет кулаком себя по лбу*). Где деньги, где деньги?

К о с т я. Успокойся. Дай я тебя поцелую. Узнаешь, как я целуюсь. (*Целует Пашу в ухо.*)

П а ш а. Выпьем.

Входит В а л я.

В а л я. Вот! Вот! Сколько тут?

П а ш а. Где мои деньги?

К о с т я. Валя! Дозвонился?

В а л я. Какие твои деньги? Мои!

П а ш а. Не пугай.

К о с т я (*показывая почтовую карточку*). Это четыре рубля на валенки. И за валенки четыре рубля. Остальные пусть идут на питание.

П а ш а (*в отчаянии*). Справка есть... Все готово. Деньги — и поеду.

В а л я. Так он у тебя десятку взял.

К о с т я (*твердо*). На валенки... и на питание.

В а л я. Давай-ка мне.

К о с т я. Выпей. (*Пьет.*) В этот раз не отдам на питание. Каждый божий раз он не дает на питание.

П а ш а. Мне все надо купить. Больше никто не купит. Только не надо мне бумажных цветов на могилу. Так просила. Хоть какие, но живые. Вот только достать деньги, и всё.

К о с т я. И вот у меня тоже. (*Показывает десятку.*)

В а л я (*грубо*). Давай, тебе говорят! (*Берет деньги у Кости, тот поникает головой и засыпает.*)

П а ш а. А ты, верно, давай мне. (*Протягивает руку.*)

В а л я. Это ты ошибся. (*Берет у Пашки деньги, считает.*) Это ты мне давай. Пять... Три... Две рублевки... и десять. Двадцать рублей хоть. Когда отдашь остальные тридцать?

П а ш а. Отдай. Это не мне.

В а л я. Ясно, не тебе. Сам отдай сначала.

П а ш а. Кинь, кинь, а то уронишь.

В а л я. Мне надо, мне! А не тебе! Урод нравственный.

Паша угрожающе поднимается на Валу, но падает.

Пьют до упаду!

Паша. Мне цветы!

Валя. С женой мириться? *(Прячет деньги.)*

Паша. Маме.

Валя. Маме зачем цветы? Родителям мало надо, чтобы их дорогой сыночек хоть пришел, поел, посидел на глазах. Цветы твоей маме не нужны. Моей маме я не ношу цветов. Нет. Я сам прихожу, я ей дорожке цветов. Пока они живы, я обязан к ним ходить, чтобы они на меня нагляделись. Маме цветы – смешно. Я бы сам своей купил, что мне ты. А не покупаю. *(Уходит.)*

Паша. Мне пора. *(Собирается.)* Костя! А? Костя! *(Трясет его.)* Я ухожу. Сколько времени?

Костя. Часы потерял... Ремешок разорвался...

Паша *(в панике)*. Я не успею! Не успею! Сколько времени?

Костя *(протягивает ему руку без часов)*. Гляди.

Паша *(в панике)*. Я ничего не вижу. Последнее время я стал хуже и хуже видеть. Я слепну!

Костя *(не открывая глаз)*. Я тоже ослеп. Дисфункция.

Паша. Мне уже пора.

Костя. Никуда тебе не пора. Ты забыл. Ты с Томой имеешь развод. Ты никому ничего не должен. Прошло то время. И я никому ничего не должен, кроме ста рублей. Давай бутылку. Пошарь.

Паша. Я ослеп, ни одной не вижу.

Костя. Это не то. Дай я. *(Достает из портфеля сверток.)* Закусь. Но это не то. *(Разворачивает свертки, там платье и туфли. Надевает платок.)*

Паша. Не так. *(Накрывает платком лицо.)*

Костя. Вот бутылка. Пей, Паша, тоже.

Паша. Я ничего не вижу.

Костя. Я тоже тебя не замечаю. Где твой рот? Я попою. *(Льет вино поверх платка.)* Слушай, у тебя лицо почернело.

Паша. У меня? *(Щупает платок.)* От горя. У меня мама умерла... завтра похороны. Только не опоздать, вот оно что!

Костя. Ты, главное, не думай. Никогда так не бывает, что окончательно опоздал. Глядишь, опоздал, а глядишь,

ничего от этого не ухудшилось. Следи за временем. (*Подносит руку к лицу Паши.*)

Паша. Ничего не вижу.

Костя. Я тоже. И неважно. Какое дело. Поедешь завтра.

Паша. Правда! Все равно сегодня уже все закрыто. Чего я так спешил? Чего я поеду? Что, к Тamarке мне срочно?

Костя. Вот именно. Их надо тренировать постепенно, воспитывать, чтобы они не волновались и не брались на испуг, верно? Чтобы когда ни пришел, они рады! Не приходил, не приходил, а пришел!

Паша (*роется в портфеле*). Яблоки откуда-то. Это я нес ведь на передачу маме, третьего дня.

Костя. Нес, а они опять тут. Как дар небес.

Паша. Тогда ешь.

Костя. Всё успеем, и попить, и поесть. Слушай! Да ведь завтра же суббота! Куда нам спешить, куда тебе спешить? Мы можем и завтра продолжить. Ведь завтра суббота, завтра вообще мы никому не обязаны.

Паша. Ты думаешь?

Костя. Но в воскресенье я как штык должен быть у Полины. Я с детьми в воскресенье на диете. Утром в воскресенье я просыпаюсь, а мои бурундуки сидят на мне. Говорят: мы, папа, будем тебя сейчас мучить, пока не закричишь. Ну, говорю. У них иголки. Пока не закричишь. Я молчу. Они глубже загоняют. Папа, почему ты не кричишь? А я говорю: партизаны всегда молчат.

Паша. Но до воскресенья ты здесь со мной. Ты слово дал.

Занавес.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СМИРНОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Смирнова Эля
Шестакова Полина
Дружинина Рита
Валя

За столом сидят Эля и Полина.

24

Эля. Это вам спасибо, что вспомнили про мой день рождения. Никто не вспомнил, а вы, незнакомый человек, пришли. Я ведь в этом году ничего не устраиваю, всех предупредила, чтобы не совались. Отца сегодня в больницу забрали, мать спит с сердечным приступом.

Полина. Я сама бы никогда не вспомнила про ваш день рождения, я так замоталась. Это позвонила одна женщина, сказала, что Костя сегодня должен быть у вас, и попросила пойти к вам. Этой женщине очень нужен Костя. Она сказала, что у вас день рождения.

Эля. Это она ошиблась. У меня-то день рождения был позавчера.

Полина. А сегодня что?

Эля. А сегодня пятница. Все в курсе, у меня дни рождения раз в год по пятницам. Знаете, раз в год народ надо подкармливать, а то озлобятся.

Полина. Но эта женщина сказала, что Костя у вас будет точно.

Эля. Надо же, какая настырная женщина. Кто это?

Полина. Ее зовут Тамара.

Эля. Какая это Тамара?

Полина. Она бывшая жена одного Костиного знакомого. Фамилию не знаю.

Эля. А как зовут знакомого?

Полина. Его зовут Паша.

Эля. Надо же, Пашу уже бросила жена. А что, она тоже сюда придет?

Полина. Она из загорода звонила. Вряд ли.

Эля. С этими бывшими женами никогда ничего не известно.

Полина. Знаете, Эля, у него еще ведь мать умерла. У Паши.

Эля. Что за жизнь!

Полина. Жизнь просто потрясающая. Паша поехал за справкой в морг и какой день не появляется.

Эля. А что было у матери?

Полина. Что-то с кровью. Белые тельца.

Эля. Скорее всего, Паша запил.

Полина. Вот. Тамара тоже придерживается. Причем Костя единственный, кто связан с Пашей.

Эля. Ладно. Будем ждать.

Пауза.

А Костя домой не будет звонить?

Полина. Он когда звонит, отец отвечает, что таких нет дома.

Эля. Костя об этом рассказывал. Он любит рассказывать. Говорит, одеваюсь я долго на работу, выхожу, теща у книжной полки стоит, подметает, и с суровым видом причем. Стало быть, там у нее, в книжках то есть, заначка есть. Они деньги в книжках хранят на текущие расходы. Дети еще неграмотные, а я, как известно, книжек не читаю. Опять-таки одного меня не оставляют, стараются. Но тут теще звонок. Теща в коридор. Звонит, как ясно из разговора, ее подруга, жена ее первого мужа, а это на час. Я взял книгу ихнюю, «Пятьдесят лет в строю», а там ничего.

Полина. У нас мало денег. Папина пенсия, мамина совсем ничего, я младший научный да двое детей... Костя ведь не вносит денег.

Эля. Нет, он говорит, нашел. В романе «Поджигатели» Николая Шпанова. А теща в коридоре как на иголках, кричит: «Извини, я сейчас разговаривать не могу». Не могу и так далее. Ее эта жена ее мужа первого глуховатая. Ну, говорит Костя, как я мечтаю: теща спросит — где деньги, а я скажу — возьмите на рояле. Там первые сто рублей.

Полина. У нас нет рояля, чего он выдумал. И он денег никогда бы не взял.

Эля. Да, он говорит, они так называемые порядочные люди. Я их денег не тронул.

Полина. У нас только пианино.

Эля. Полина, я вас давно хотела спросить, а как у вас с Костей?

Полина. Что?

Эля. Как складывается?

Полина. Да как складывается, обыкновенно.

Эля. Костя ведь мой друг. Я за него в книге расписываюсь, когда он опаздывает, потом, знаете, он уйдет, пиджак повесит, у него с Пашей свиданка у пивного ларька каждый день в одиннадцать утра, а шеф выйдет, я ему — быстренько: Шестаков в изотопном блоке. А туда телефона нет.

Полина. Он на вас просто молится, вы ему производственную травму оформили, помните, он тогда перелом ребра получил?

Эля. Конечно, помню, я его якобы с лестницы привела. А он что тогда?

Полина. У них тогда с одним знакомым грузчиком рояль к стене прижали.

Эля. Хорошо, что еще рабочий день у нас не кончился, Костя не опоздал. Он называет «опоздать на работу» — это прийти, когда кончается рабочий день.

Полина. Как у нас складывается? Костя настаивает, чтобы мы уехали и жили от родителей отдельно. А я их не могу бросить, они старые. Потом, кто будет с детьми. Потом, на какие шиши купить квартиру. Так что все упирается.

Эля. Полина! Выход один: надо разводиться.

Полина. А детей без семьи оставить?

Эля. А вы еще найдете себе. Вы еще молодая.

Полина. О чем вы говорите.

Эля. А вы зря Костю любите. Вы его поменьше любите. Не бегайте так за ним. Найдите себе кого-нибудь.

Полина. Я ни о ком не могу без дрожи думать.

Эля. Уже нашли кого-то?

Полина. Кого?

Эля. О ком без дрожи не можете думать. Надо же, я Костин друг, а ничего не знаю. Надо будет у него спросить.

Полина. Никого у меня нет! Никого!

Эля. А надо, чтобы был. Надо уметь клин клином вышибать.

Полина. Конечно. А потом опять клин клином.

Эля. А вы думали. У меня так вся жизнь на клиньях.

Полина. Когда я была совсем девчонка, у меня были вот такие косы... И за мной ухаживал один лейтенант... А я училась в школе. И он получил назначение и уехал. Когда я выходила за Костю, я у того просила прощения, мысленно. Я думала, что Костя — это клин. А вышло, что на всю жизнь.

Эля. Да ну, еще жизнь будет.

Полина. Костя у меня только второй случай в жизни.

Эля. Это не играет никакого веса. Тут один с нашей работы стал ко мне кадриться. Родители на даче, он шастает и шастает. Как-то раз засиделся, метро не ходит, в трамвай не содят. А денег у него на такси нет. А я принципиально в таких случаях не даю, отказываю. Я еще их снабжать должна. Перебьешься, говорю, с каким знаком пишется. Он тогда: «Я у тебя заночую». Ладно. А у меня белье в ванне какой день замочено, я плюнула, стала стирать глубокой ночью. Несу на балкон вешать, а он уже в трусах на тахте расположился и говорит: «Только не говори мне, пожалуйста, Смирнова, что я у тебя в жизни второй мужчина». Вот вам и второй в жизни случай, как вы говорите. Ну вот. Я тогда плюнула, в родительской комнате на задвижку заперлась. Так он полчаса под дверью стоял, просил открыть, говорил, что мы взрослые люди, и что тебе стоит, и все такое. Что в таких случаях говорят. А потом лег как ни в чем не бывало и захрапел. Так храпел, я мимо пошла в ванную, он не слышал. Я не сплю, а он храпит. Все на све-

те прокляла. Потом еще с ним на работу пришлось ехать как одна семья. А вы говорите – второй случай в жизни.

Полина. Вот вам и клин.

Эля. Женщина вообще должна выходить замуж, когда она не любит, когда любят ее. Так что в следующий раз выходите без любви.

Полина. Только под наркозом.

Звонят в дверь.

Если это Константин, не говорите ничего. Что я здесь.

Эля открывает, входит Дружинина.

Эля. Дружинина, какое совпадение! Я только что о тебе подумала, хоть бы она не приходила.

Рита. Смирнова, поздравляю с днем рождения, желаю. Тебе подарок вермут италиано. Называется чинзано.

Эля. А вон он уже стоит на столе, уже мне поднесли.

Рита. Завоз, что ли?

Эля. Наверное, завоз. Знакомьтесь, это Рита, моя подруга, а это Полина Шестакова, жена Кости Шестакова, о котором ты много слышала.

Рита. Очень приятно. Это чинзано к нам в буфет завезли.

Полина. А я у нас в винном купила.

Рита. Наверное, завоз. А я тете Машке переплатила.

Эля. Видали? У Риты там спецбуфет. Знаете, где она вкальвает? На Новодевичьем.

Рита. Обыкновенный буфет, тетя Маша.

Полина. На Новодевичьем? Ой, у вас там, наверное, свежий воздух.

Рита. Прям свежий. Как в склепе сидим. Стены – во! Как в склепе. В пальто работаем.

Полина. Вы знаете, какое совпадение? Мой папа спит и видит, как попасть на Новодевичье.

Рита. Как-нибудь заходите с отцом.

Полина. Он у меня, вы знаете, пенсионер республиканского значения. Как они собираются все у одной там

старушки, эта старушка тост поднимает и говорит: «Когда мы начинали, мы много мечтали. Теперь наши мечты сбылись. Все мы персональные пенсионеры». Видите как. А вы, оказывается, на кладбище работаете на таком. Просто совпадение.

Рита. Я, собственно, не на кладбище, а в музее. Там рядом музей статистики. Не имеет никакого отношения.

Полина. А отец так мечтает о Новодевичьем!

Рита. Если ему интересно, пусть заходит. У нас, правда, утвержденный текст экскурсии, но для вас я расскажу пошире.

Полина. Самое главное, у нас там бабушка моя лежит, мамина мама. Но больше четырех захоронений в одну могилу не дают. А там уже скопилось три. А мамина сестра еще жива, она уперлась: он, дескать, не прямая линия, а зять, боковая линия. А папа с мамой хочет лежать.

Рита. Вы давно без мамы? Я уже год.

Полина. Что вы! Слава богу, живы. Все живы. У них режим дня. Они просто железные. Меня переживут. А я иногда думаю: вот бы мне первой умереть! Никого не хоронить.

Рита. Хитренькая.

Эля. Тогда о чем речь? Девочки, еще выпьем, у меня все-таки день рождения.

Рита. Да, да, действительно. Ну кто у тебя будет-то?

Эля. Ты что, не могла мне позвонить? День рождения отменяется.

Рита. У меня девка болела, я с ней сижу, телефона в доме нет, сама знаешь. К тебе поехать, наняла тетеньку, шестьдесят копеек в час, с девкой сидеть. Уложила спать, тогда только поехала. А что, день рождения отменяется?

Эля. Отец сказал, что больше такого безобразия в доме не потерпит, что его жизнь не к Петрову, а к Покрову... Сама знаешь. И за месяц заблаговременно начал больницу себе пробивать. Не можешь же ты при больном отце, которого в больницу заберут вот-вот, а все не дают направления. Сегодня наконец ему выделили. Отъехал, мать замутил, я на работу не ходила...

Полина. А что с отцом?

Эля. Что всегда. Диабет, гипертония, склероз.

Полина. А у моего папы аденома простаты, облитерирующий эндартериит и склероз.

Рита. Вот и мы такие будем.

Полина. В том-то и дело.

Эля. Что вы, он в больнице отдыхает от нас. Говорит, чтобы больше у меня без дней рождения.

Полина. А мы давно все отмечаем в узком семейном кругу, все знаменательные даты. Папа ходит с трудом, а от гостей мусор, тарелки, расходы.

Эля. Вот именно. Два года подряд я им делала баранью ногу, салаты, помидорчики доставала. Пролетает сорок-пятьдесят рублей, а дарят одни бутылки. Сами выхлебают и рады. В прошлом году мне подарили стеклянный мундштук, книжку «Древние бурятские памятники» и что-то еще...

Полина. Нет, мне мама подарила серьги с изумрудами.

Эля. Ну ладно, будем думать, что у меня все же день рождения. Чокнемся. Первый тост за хозяйку, второй за прекрасных дам, третий...

Рита. Третий за детей. Шестьдесят копеек в час.

Эля (Полине). Я слышала, у вас много детей?

Полина. У меня двое, а у вас?

Эля. У меня вообще.

Рита. А у меня девка. Очень замечательное существо пяти лет, зовут Таня.

Полина. Нет, у меня Владику семь, а Светочке четыре с половиной. Ради них надо кое-как жить. Я тут в экспедиции была, летом в Каракумах. Вышла в пески, легла на бархан и думаю: вот бы так от солнца удар получить, умереть. Но детей ведь не оставишь, их надо поднимать. Старики уже старые.

Эля. Да ну, все вырастут, у нас в стране все вырастают. Я вон без отца, без матери, у бабушки в Чулкове сколько жила? И получилась свободный человек. Отец с матерью были за границей, в горячей точке планеты. Туда с ребенком не разлетишься.

Полина. А у меня мамин отец при царе был генерал-губернатор. Мамина мама была гувернанткой.

Рита. А сколько же лет вашей маме?

Полина. Она поздний ребенок была у родителей. И я у них поздний ребенок.

Эля. А я боюсь поздних детей. Среди поздних детей тридцать процентов идиотов, американцы просчитали.

Рита. Да ладно, я вон сама пишу диссертацию, вторую главу третий год, тоже все обсчитываю, просчитываю, знаю. Но главное, Полина, как вы умудряетесь с двумя стариками и с двумя детьми! Я вон, пока у меня мама болела, девку на пятитдневку сунула. Она там коростой покрылась, а тут мама помирает, а тут начальница просила подать заявление по собственному желанию, что у нее экскурсоводов нет. У меня, говорит, есть на ваше место молодой энергичный товарищ, он быстро освоит тему. Какой-то выпускник.

Эля. Чей-то сынок, наверное.

Рита. Я думаю, вам, наверно, муж помогает, иначе как с двумя детьми да со стариками на руках!

Полина. Он мне ни капельки не помогает.

Рита. Как вам тяжело, я вам сочувствую.

Эля. Это мне тяжело и тебе тяжело, а ей все прекрасно.

Полина. Да, мне прекрасно. Стираю дважды в неделю. Мы в прачечную не отдаем, не хотим вариться в общем котле. Детей купаю два раза в неделю. Магазины ежедневно. Готовит мама. Еще пишу диссертацию.

Рита. У вас еще диссертация?

Полина. А как же. Не только у вас. Печатаю ее сама. У нас машинистки со схемами берут тридцать копеек страшичка.

Эля. У нас двадцать пять, хотите договорюсь?

Полина. Пять копеек меня не устроят. Потом у мамы довольно хороший «Ундервуд» остался от ее еще мамы. Она работала машинисткой. Пишбарышня называлась. После революции. Что такое пять копеек, на них не пообедаешь. Я вон не обедаю, беру с собой бутерброд, на горелке готовлю чай. Летом, когда наши на даче, дома хуже, никто не готовит. Так я ем суп из пакетиков. На два дня идет один пакет. Один раз двое суток сидела голодная. Костя привел к нам друга Пашу, и они мой суп на два дня сразу съели. Я с работы пришла и прямо заплакала. Холодильник пу-

стой. Я же рассчитывала на горячий суп. А супа нет. Села печатать, печатаю и плачу. Костя на меня кричит, что, людей, что ли, нет кругом, заняла бы рубль, сбегала бы в столовую. А я плачу. Так и проголодала два утра и два вечера. Хлеб-то и сыр для обеда у меня был с собой в сумке, тоже на два дня. Иначе бы я не протянула. Обед обедала.

Эля. Да ну, я всегда живу в долг. Играю в черную кассу. Денег нет и не будет, зато есть что надеть. Родители пока кормят. Все остается мне на булавки.

Рита. Ну да, как мы пошли к одной бабе на банкет. Защита диссертации. В ресторан. Наутро меня девочки на работе спрашивают, кто как был одет. А ты, спрашивают. А я, говорю, была в чем всегда, в отрепьях.

Полина. А я всегда аккуратно хожу, я перешиваю из старого. У нас швейная машинка марки «Зингер», я перешиваю из своих старых школьных платьев, тогда носили длинное такое и широкое.

Рита. О, я это дико люблю, когда из ничего, из старых тряпок...

Эля. Старая тряпка и есть старая тряпка.

Полина. Нет, я недавно нашла в сундуке бабушкины пододеяльники, спорола с них кружева, прошвы и сшила себе блузочку.

Эля. Да ну! Ветошь одна.

Полина. Что вы, алансонские кружева, я подштопала. А некоторые думали, что это тюль, который они покупают рубль километр.

Рита. А я тоже всегда в старом хожу. Ну и что?

Эля. Все равно я вам завидую. У вас трое детей. А у меня никого нет, поезд ушел. Без мужа я как-то не решилась, ребенок будет, спросит, что да как, да отчего размножаются. А мужа завести не решилась. Был меня моложе.

Полина. Почему, случаев много, теперь многие выходят замуж за моложе себя. Такая мода, берут себе мальчиков.

Эля. А я не решилась.

Полина. А какая была разница?

Эля. Двенадцать лет.

Полина. А у нас на работе я знаю случай на восемнадцать лет разница. Он был только что из армии, а она такая

огневая женщина из бухгалтерии, ей тридцать восемь, ему двадцать. Сначала они просто так жили. По буфетам в очередях друг другу очередь занимали. Пошли всякие разговоры. Было какое-то письмо. У нас же девушек подавляющее количество, восемьдесят процентов. Ну, ее вызвали куда надо. Она возмутилась, он тоже возмутился. Ну и это их подтолкнуло. Им хотели как лучше, а вышло еще хуже. Потому что она в результате паспорт на стол кладет, а в паспорте штамп о бракосочетании. Все зашумели, но она умная женщина. Она все сделала как надо, она пошла по общественной линии.

Э л я. Обратилась в профком?

По л и н а. Нет, что вы, она вошла в кассу взаимопомощи. Работать там ни у кого нет охоты, она стала казначеем. Баба она огневая, работа закипела, со всех взносы содрала, с кассиршей договорилась в день зарплаты. К ней же по-тому и стали подъезжать, кто за сотней, кто за чем.

Э л я. Ну и правильно, заткнулись. А сейчас как они живут?

По л и н а. Сейчас-то живут хорошо. Она на инвалидности, у него почки отбиты. Друг друга поддерживают, в походы ходят, каждую субботу в лес. Питаются по системе йогов, на обед репочка, изюм, грецкий орех.

Р и т а. Я пробовала по системе йогов, когда совсем дошла, вся опухла. Но по системе йогов питаться еще дороже. Йоги, во-первых, питаются с рынка. На рынке все качественное, но та же репка стоит как индейка. И потом, нельзя ведь перед ребенком отделяться репкой! Ему курицу нужно.

Э л я. Куры и фрукты детям, как у нас соседка говорит. Давайте, девочки, выпьем того вина, которое стоит как две куры детям плюс шестьдесят копеек в час по таксе.

Р и т а. Не напоминай.

Э л я. За мой день рождения. Ну а что было дальше, Полина?

По л и н а. Что она стала инвалид, это он ее два года назад все-таки угробил. На мотоцикле. Она ехала в коляске, ее потом по костям собирали. Она при этом хорошо держалась, мужественно, год пролежала в больнице, потом ко-

стыли отбросила, по стеночке ходила. А он говорит — теперь не мысляю жизни без нее, так что девочки наши опять умылись, фигу получили.

Эля. Полина!

Полина. Фигу! Он, правда, сначала вроде легко при катастрофе отделался, но теперь, видите, почки болят, отбил, значит, почки себе.

Эля. Нет, это у него на нервной почве.

Рита. У нас в музее тоже девяносто процентов баб. Девять баб и одна штатная единица свободная, на восемьдесят пять рублей. Начальница мечтает какого-нибудь мальчика на это место взять. Все мечтает, домечтается, пока у нее единицу не сократят. А работать некому. А бабу она не берет.

Эля. Я тоже баб не терплю.

Полина. О присутствующих не говорят.

Эля. А ты молчи, алансонское кружево. Нет, я бы так не смогла, за моложе себя выйти. Я слишком оглядываюсь, кто что скажет. Полина, а Костя ваш намного старше?

Полина. Мы одногодки.

Эля. Но он старше?

Полина. Нет, он меня моложе на девять месяцев и три дня.

Эля. А вот я не могу, когда я старше, а он моложе. Мне кажется, все будут смеяться надо мной, связался черт с младенцем.

Рита. Недавно начальница анекдот рассказала! Приходит ребеночек из детского сада, пьет кисель, отхлебнет, подпрется рукой и говорит: мусикапи. Еще хлебнет, опять: мусикапи.

Полина. А, знаю, у нас рассказывали.

Рита. Ну вот. А мать спрашивает, что это все ты мусикапи, мусикапи. Ребенок отвечает: это наша воспитательница с нянечкой пьют из стаканчиков и говорят: эх, мусикапи сейчас.

Эля. Не поняла сути.

Рита. Эх, мужика бы сейчас.

Эля (Полине). Давно хотела спросить: это у вас какое кольцо?

Полина. Изумруд с бриллиантами и платина. Это гарнитур с серьгами.

Эля. Надо же, как похоже на чешскую бижутерию! Никогда бы не сказала! Молодец, Полина! Молодцы чехи.

Рита. А у нас в семье все пропало. У них в эвакуации все пошло в обмен на хлеб, на картошку. Дураки были.

Эля. Куда это все девалось, у нас в Чулкове ничего похожего нет. Хотя были беженцы. И усадьба рядом была.

Полина. А у нас тоже все сначала пропало. Наследство перешло к старшему маминому брату, девочкам дали только приданое. А у этого брата была домраба, Нора. Она всю войну работала на заводе, кормила брата, ничего не продала. Когда война кончилась, он на Норе из чувства благодарности женился. И все наши от них отвернулись. Но когда он умер, моя мама стала принимать Нору у себя, а потом мы с ней объединились, съехались по обмену. Мамина сестра так до сих пор нам этого не простила. Зато все наследство у нас.

Эля. Теперь все детям перейдет.

Полина. Да, хорошо, что девочка есть, ей все ценности достанутся, а не чужой невестке.

Рита. Тяжело чужую старушку было кормить-то.

Полина. Тяжело. В праздник тоже лапкой тянется с рюмкой, чокается. А умерла она ровно в тот день, когда родилась Светочка. Как почувствовала, что пора комнату освободить. Врачиха так и сказала — лечить вам ее только мучить.

Эля. Ну и правильно сделали, сбагрили на тот свет... Хорошо, еще не отравили, может быть.

Рита. А у нас тоже все погибли да повымерли. Тоже ведь была большая такая семейка, профессорская. Дедушка до революции был блестящий студент, катал барышень на своем автомобиле, на скрипке играл... Где эта скрипка, хотела бы я знать... Хорошая, наверное, была скрипка, от мастера...

Эля. А у нас в Чулкове тоже ни у кого ничего не сохранилось, хотя мы под немцем не были. Беженцы только у нас жили. Я там в книжном магазине подписалась на Достоевского и на «Всемирную библиотеку». Но это когда-то было так, теперь уже все в книжном магазине подме-

ли. Сами разнюхали. Единственно, что у них осталось от темноты, — как чуть что, кого-нибудь посадят, они сразу к отцу... Он до сих пор у них котируется как шишка на ровном месте. Он у них кому-то раз в жизни помог, теперь рас-плачивается за это.

Р и т а. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, это закон, Смирнова.

Э л я. Какое там доброе дело! Он помог одному дяде Юре Смирнову, а тот, оказывается, на свадьбе кого-то топором посек. Дядю Юру освободили, остальным обидно. Деревня дуروطлясова.

П о л и н а. У меня на Спасе-на-Песках тоже у папы целая улица Шараповых. Папа мой Шарапов, и целая улица Шарапова Слободка. Мы туда один раз с Костей ездили, когда поженились. Лес. Волга. Мы из дома в дом ходили, целая неделя прошла на этом. Они из свеклы варят. Костя до сих пор вспоминает. Да. А они сразу после того наладились к нам ездить, а у отца режим строгий, он совсем не пьет, а водки вообще не употребляет, тем более самогонку.

Э л я. Конечно, они мешочники. Мать их моя раз и навсегда шуганула. Я еще маленькая была, но помню. Дядя Юра Смирнов приехал с дядей Петром. Сидят с отцом, в комнате накурено, нахаркано, отец расхрабрился, пьяненький, и кричит матери, а мы пришли с прогулки: «Давай, мамаша, ставь нам гаванский ром». А тогда еще дело при Батисте было. Мать взяла у них со стола пятилитровую банку грибов да как ахнет об пол!

Р и т а. Порезались?

Э л я. Обошлось.

Р и т а. Я тоже родственников раньше едва терпела, теперь-то почти никого не осталось, теперь я над ними трясусь. Все-то они друг на друга клепали, какие-то жилплощади вспоминали, заявления, письма, наркомовские пайки, кто деда обобрал, куда его шкаф с рукописями делся, куда серебро, куда библиотека. А мне ничего не надо. У меня есть кооператив, мне с головой хватает имущества. То они грибки во дворе красят, по два рубля собирают, то в фонд библиотечки просят... А у меня же наследств никаких.

П о л и н а. Через сколько войн прошли.

Эля. Сейчас начнутся скоро наследства. Уже мода бриллианты собирать, золото. Я и то в очереди постояла, взяла.

Полина. Наследства, если на них опираться в повседневной жизни, быстро проматываются.

Рита. У нас один знакомый получил неожиданно из Швейцарии наследство. Взял «Жигули», что еще. Кооператив себе и матери, холодильник, пианино, ковры. Еще что-то. «Жигули» у него вечно замусоренные, сам как ходил, так и ходит в чем попало, на «Жигулях» возит из лесу какие-то пни и коренья. Возит собаку к ветеринару. У него у собаки легкая форма шизофрении. В квартире бедлам.

Полина. Потому что нет культуры.

Рита. Нет, культура есть, он ведь из Рюриковичей, причем последний в роду. И рождает одних девок, скоро будет третий заход, все ждут. Он в панике, не будет, говорит, продолжения нашей фамилии. А жена у него дочь какого-то генерала, совсем простая девка. А он из Рюриковичей. Холодильник у них уже течет, три раза мастера вызывали, дочки учиться музыке отказались как одна. Он говорит: с вещами я промахнулся. Ковры требуют пылесоса и все такое. Дал маху.

Полина. Конечно, надо было золотом брать.

Эля. А жить на чем? На бутербродиках?

Рита. Он говорит, надо было книг по искусству закупить. Это было бы нетленное богатство, нетленка. И читать их опять же можно, двойное богатство.

Полина. А золото можно носить.

Рита. И будешь, как старший продавец, вся в золоте ходить.

Эля. А что ты знаешь про старших продавцов? Человек стоит столько, сколько он стоит.

Рита. Вообще-то верно. У меня моя парикмахерша, Зинка, вся ходит в золоте, как чучело, но добрый человек. Тут рассказывает: пошел ее сын выкидывать мусор, возвращается, говорит – там на помойке кто-то спит, хрипит, не бросай сюда, сынок. Ну, она быстренько с сыном пошла, там, действительно, старичок под стеной сидит, ночует. Он приехал в собес хлопотать себе пенсию, из подъезда его попросили, он приткнулся на помойке. Они этого ста-

рика привели к себе, ну, куда девать человека с помойки, они ему в ванной постелили, потом ванную вымыли, и все.

Эля. Ну и зачем ты это рассказала?

Рита. Ну вот она в золоте ходит. Правда, как мастер она плохая.

Эля. Оно и видно, ходишь вечно как лахудра, на голове сосульки одни.

Рита. Да у меня голова быстро пачкается. Через два дня опять мыть. Мотаешься — работа, детский сад, детский сад, работа. Чего там.

Эля. И золото у твоей Зинки тридцать первой пробы, и мастер она такая же. Одно связано с другим, золото с мастером. Золото требует свое.

Рита. Ну да, как один мой знакомый говорил: она вышла замуж за сына больших родителей, а получила алкаша.

Полина. Это кто вам так говорил?

Рита. Вы его не знаете, такого человека.

Эля. Успокойтесь, это ей говорил этот, Рюрикович.

Рита. Нет, Рюрикович не сын больших родителей, у него старушка мама искусствовед, я к ним раньше приходила, они чай наливают, а насчет сахара извиняются. И генеральская дочь шла за него замуж по огромному собственному желанию, у него невест человек десять было, на выбор.

Эля. Десятая была ты.

Рита. Одиннадцатая.

Пауза.

Эля. А кстати, Дружинина, на тебе ведь тоже золото, обручальное кольцо, забыла? Но я бы на твоем месте не носила его на левой руке, так носят только вдовы, но отнюдь не матери-одиночки.

Полина. Насчет золота: мама все боится войны, говорит, в случае чего живи как Нора: ничего не продавай, все оставь детям.

Эля. А дети — своим детям. А жить когда?

Полина. Мы живем ради детей.

Эля. Один раз я ради детей, то же самое, пошла на преступление. Пока суть да дело, у меня образовался пятиме-

сячный плод, чистить нельзя по закону. Но я стала вытравлять, деваться некуда. Чуть сама не подохла, попала в больницу на ту же самую чистку, вся черная, лежу, помираю. Так врач такой молодой был, никогда его не забуду, все это дело шваркает в тазик и говорит: «Эх, какого парня загубили!» Я даже сознание потеряла.

Полина. Бывает, пятимесячные плоды кричат.

Рита. А я себе говорю: сколько у меня будет, все мое.

Полина. Всех будете рожать?

Рита. Всех.

Полина. Ну, это еще вам везет, что вы только раз попались.

Эля. Да у нее случая не было.

Рита. В общем, да.

Эля. То-то мужики от тебя шарахаются. А ко мне липнут. Потому что я думаю головой. Человек прежде всего должен себя осмыслить, что он есть в жизни. Может ли он рожать от моложе себя. А так получается — ты их плоды, они тоже наплодят, и никто даже не остановится, не подумает — имеет ли он право. Жить с моложе себя, губить парня, чтобы он потом с отбитыми почками ходил и репку жрал.

Полина. Что вы расстраиваетесь, еще будет у вас на улице женское счастье, поверьте мне.

Эля. А вот у тебя нет, не будет.

Полина. А у вас и не было.

Эля. А у тебя уже второй раз клин клином не вышел.

Полина. Убивает еще детей.

Эля. Клин! Клин!!!

Рита. Напились жутко. Голова кружится. Как я домой доеду... Тетенька уже уходит, наверное... Что ей эти шестьдесят копеек... Ну что я здесь сижу, чего жду... Танька одна проснется, будет кричать в темноте...

Эля. Отца в больницу провожала, намерзлась, настрадалась, спать уже ложилась, тут она является. Видите ли, охотится за мужем. А он бегаёт от нее за километр!

Полина. Я? Я не за мужем. Его ждет женщина по имени Тамара, потому что у Паши умерла мама.

Эля. Вот пускай его Тамарка и ищет. Тамарка Пашу, а ты под это дело ищешь Костю.

Рита. У Паши мама умерла!..

Полина. И еще мне Тамара сказала, что тут, на этом дне рождения, будет Костина женщина, его самая дорогая, зовут Рита Дружинина.

Эля. Правильно. Тамарка же с Пашей разошлась, теперь начала проваливать все явки. Рита, молчи! Пашу-то надо найти.

Рита. Полина, он давно меня бросил.

Полина. Да ну, господи, я это знаю. У Тамары застарелые сведения. Теперь у Кости женщина по имени Ира.

Рита. Кто сказал?

Полина. Рита, детей не сотрешь с лица земли. А больше никто от него не родит. Он алкоголик. У него слишком большие алименты.

Эля. Эта дура бы родила.

Полина. Вот вам ваш бывший муж сколько платит алименты?

Рита. Когда восемь, когда десять рублей.

Полина. Умножить на четыре... Это что за заработок такой, не поняла.

Рита. Я не знаю. Как будто бы он ушел на какие-то полставки, чтобы только не платить. Специально. Сам-то он зарабатывает на книжном рынке. Собирает еще картины.

Эля. Вот тебе будет первое наследство Таньке.

Рита. Он ушел на полставки, потому что был против ребенка. Он настаивал на аборте. Был против Таньки. Ни разу ее не видел. Мы разошлись еще до родов.

Эля. А я что говорю? И мой был против, и он меня бросил. Конечно, я стала страшная, меня рвало в каждой подворотне, ревела целые дни. Много себе позволяла. Один раз целую селедку съела. Он и сбежал от меня. Хорошо ли быть матерью-одиночкой, с отцом моложе матери на двенадцать лет, да еще и который не хочет ребенка знать, да еще безо всякой надежды? Хорошо ли это ребеночку... Маленький мой... Что я наделала, о, что я наделала...

Рита. Да ну, Полина, бросьте, в самом деле, какая Ира... Какая там Ира... Никакой Иры. Он погибает, а вы — «Ира».

Полина. Ира и еще какая-то Кольцова в книжке у него появилась. И еще один ребенок на стороне, страдает диатезом экссудативным. Он просил меня достать кварцевую лампу для облучения ребенка, страдающего экссудативным диатезом.

Рита. Для Танюшки, это для нее. Для моей Танюшки. Давно просил?

Полина. Да он еще до вас просил.

Рита. Когда?

Полина. Когда мы еще не были женаты.

Эля. Детей много, плюнешь и попал в детей.

Полина. Отец должен быть с детьми. Баб много, а законных детей двое.

Эля. А я что говорю? Мой поезд ушел.

Звонок в дверь.

Кто звонит, тот дурак!

Открывает, вводит Валью с портфелем.

Валя. Поздравляю, смотри, что я тебе принес! *(Открывает портфель, показывает Эле.)* Редкая вещь, дорогая. Через отца в спецбуфете. Слыхала? Чинзано.

Эля. Мы вас звали выгоняли, а вы перлись не хотели.

Валя. Итальянский вермут.

Эля. Ты чего пришел?

Валя. В Японию еду, зашел проститься.

Эля. В Японию еще куда ни шло.

Валя. Скоро взносики платить мне будешь. Я теперь заделался председателем совета молодых специалистов. *(Раздевается.)* Отец машину купил. *(Входит, видит Полину и Риту.)* О, холёсенские. Познакомимся, Валентин, срочно вылетаю в Японию. Что это с ними?

Эля. У Паши, знаешь, мама умерла.

Валя. Поминки?

Эля. Нет, еще не похоронили. Паша куда-то пропал, без него не похоронят. Ты не знаешь, где он?

Валя. Я? Откуда? Почему я?

Эля. Мы вот ждем Костю, он вроде обещался прийти.

Валя. Да-да, он, наверное, будет. Так что посидим, пождем. А ночь-то холодная, думал я, где я ночку коротать буду... Набегался, намерзся. А здесь тепло. А там холодно. Можно я согреюсь из вашей бутылочки, пока мою достанешь... *(Наливает, пьет.)*

Эля. Учти, на такси у меня как не было денег, так и нет.

Валя. Все с тех пор так и не разбогатела?

Эля. А мама болеет, так что тише вообще.

Валя. А я все никак не разведусь. Все езжу по заграницам, а разведенному не поездишь.

Эля. Это ваше дело.

Валя. Надо же, Пашина мать умерла... Жалко.

Эля. И некому похоронить. Вот, сидим как идиотки. Куда, что...

Валя. Ничего, люди кругом хорошие найдутся, наружи не оставят ее. С завтрашнего дня я подключаюсь. На меня можно положиться. Я человек действия, у меня в руках все. Девочки, не плачьте, к вам пришел ваш мальчик.

Р и т а. Ну да, как мы с Танькой смотрим телевизор, она мне говорит: «Мама, вот видишь, кто поскакал?» Я: «Поскакали две лошадки». Она: «Нет, мамочка, это кобылла и кобель».

Полина. А я один раз на даче – Владик был еще маленький, Светочка вообще еще не родилась – вижу, Костя идет с двумя детьми: мальчик за руку, девочка на руках. И показалось мне, что это наши будущие дети... Так это Косте шло, двое детей. Оказалось, соседская девочка, с соседнего участка... Если бы у меня родился второй мальчик, я бы повесилась, но родилась девочка. А та, соседская, все время бегает через наш участок на улицу. Владик ее гоняет, приходит, говорит: «Она, мама, нашу малину объедает». А Костя ему отвечает: «Неужели, сынок, ты у меня жадным растешь? Ты же у меня не такой».

Валя. Смирнова, как хорошо, что ты есть.

Занавес.

ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Юра
Слава
Галя
Соседка

Сцена представляет собой лестничную площадку. Двери.
Из лифта выходят Юра, Слава и Галя. На них пальто
и шапки.

43

Юра. Куда?

Галя. Направо, пожалуйста. (*Звонит несколько раз в дверь.*) Соседки нет.

Юра. Можно сказать, хорошо.

Галя снова звонит и прислушивается.

Обито клеенкой. Десятку отдали.

Галя. Двадцать не хотите? (*Звонит.*) Но мы вдвоем с соседкой, так что решили. Сквозняк на лестнице, шум.

Юра. Я бы вам за так сделал. Ради глаз.

Галя. Ради глаз выходит еще дороже.

Юра. Не дороже денег.

Галя. Дороже.

Юра. Почему это вам так кажется? Почему вам дороже, а мне не дороже? Мне, может быть, как раз дороже. Целый день с дверью ковыряться.

Галя (*звонит*). Мне дороже.

Звонки раздаются над сценой очень явственно.

Юра. Вы странная. Вам это самой нужно, как и мне. Мы ведь идем друг к другу с открытой душой?

Галя. Допустим.

Юра. Тогда надо признаться, что вам это тоже нужно не хуже меня. Мы ведь не притворяемся тут в жмурки?

Галя. Предположим. *(Роется в сумочке.)*

Юра. Вы хотите то же, что и я. Я хочу того же, что и вы. Мы равны! Я вас не обижаю, вы меня.

Галя еще раз звонит и снова роется в сумочке.

Почему мы вам сказали ошибочно, что будет один в светлом пальто на остановке, в руке торт? Потому что хотели с другом на вас посмотреть и, если не подойдете, тихо сесть в автобус и уехать. Чтобы не обижать. Чтобы не тянуть резину. А сразу и ясно. Но не уехали, вы нам подошли.

Галя. Да? *(Делает вид, что увлечена беседой, поворачивается спиной к двери, лицом к собеседнику и перестает рыться в сумочке.)*

Юра. Да. У вас то, что надо, глаза в моем стиле. Волосы пока не видны.

Галя. Черные.

Юра. Брюнетки еще темпераментней.

Разговор продолжается как ни в чем не бывало, но Галя стоит, как бы загораживая вход в квартиру, и ничего не предпринимает, чтобы пустить гостей в дом.

Галя. Вы хорошо разбираетесь в людях.

Юра. Я? Да, я это делаю. *(Воодушевляясь.)* Вот мой друг Славик, сотрудник одного из институтов. Познакомьтесь.

Галя. Галина Ивановна. Очень приятно.

Славик *(подавая руку)*. Я.

Юра. Славик. Ростислав. Мой друг.

Галя. Ваш друг молчаливый.

Юра. Это признак ума. Молчание — золото.

Галя. А разговор — серебро.

Юра. Это вы подметили. Это верно. Я много говорю. Выпил с утра бутылевич «Сурож». Марка портвейна, «Сурож». Вы извините, суббота. Музыканты играют на мероприятиях. С утра уже поднесли.

Галя. Музыканты?

Юра. Мы музыканты. Но это разговор будущего.

Галя. Почему? Мне интересно.

Юра. Что вам сказать? Музыкант заставляет страдать человеческие души, а сам ничего. Слезы ему вода, горе не вечно.

Галя. А что вы играете?

Юра. В основном Шопена. Марши.

Галя. Да? А на чем вы играете?

Юра. Такая есть валторна. Валторнист.

Галя. А что это?

Юра. Духовое.

Галя. Духовое?

Юра. Когда я был мальчиком, у меня от нее лопалась губа. Видите? Вот. *(Выворачивает губу под лампочкой.)*

Галя. Ой. Часто лопалась?

Юра. Ежемесячно.

Слава. Пошли.

Юра. Подожди. Славик молчит, но чего-нибудь обязательно скажет, и всегда в точку.

Галя. А как, вам зашивали?

Юра. Зашивали? Нет. Зарастало. Неделю не играть — зарастает. Но я не давал зарастать, расковыривал.

Галя. Больно было?

Юра. Я валторну зато терпеть ненавидел.

Слава. Да пошли.

Юра. Однако учился в музыкальной школе. Погоны носил.

Галя. Хочешь не хочешь, я понимаю.

Юра. Дуди.

Слава. Я пошел.

Юра. Славик хочет уйти.

Галя. Правда?

Слава. Нашел тоже! Грош цена в базарный день.

Юра. Мы обиделись.

Галя. Да?

Юра. Ехали, а вы нас не пускаете. Это некрасиво. Договаривались по телефону. Встретились на остановке. Если мы вам не подошли, то вы так и сказали бы. Еще тогда. А то ехали, приехали. Расценивали вы нас, что ли? Некрасиво. Вы себе цену должны знать, какая вы. Это не в ваших силах, так играть. Красотки так играют. Но только не вы.

Слава. Пошли.

Юра. погоди, пусть ответит за это. Чем это мы не подходим?

Галя. Неужели?

Юра. Что — неужели?

Пауза.

Слава. Неужели в самом деле все качели погорели!

Юра. У нас тут еще три телефона записаны, могли бы им звонить. Учительница английского языка. Культурная женщина. Посадила, скатерть ковровая, хрусталь, живет одиноко. Ноги не вытирайте, и так пол невымытый, руки опускаются, все мое со мной, а больше не для кого. Потеряла любимого Колю.

Слава. Не Колю. Колю она любимого потеряла. Собаку. Породу.

Юра. Колю она потеряла. Фотография чья висит?

Слава. Фотопортрет Хемингуэя.

Юра. Ты откуда знаешь?

Слава. У нас в лаборатории такая же висит.

Юра. Слава у нас все знает. Сотрудник одного из институтов. Но рухлядь у нее! Позапрошлого столетия выпуска. Не выкидывает, память о предках. Она происходит не отсюда. Бабушка у нее, сказала, смолянка. Видимо, из Смоленска все барахло вывезли. Бабушка смолянка, ходила в холщовых платьях, духов не употребляла, женщина должна пахнуть свежей водой. Спина прямая до сих пор. Так с прямой спиной и сидит на колесах ее бабана.

Слава. На бабанах бы я женился.

Галя. Я в Смоленске не была.

Юра. Я в Смоленске не бывал.

Гал я. А где бывали?

Слава. Это его собачье дело.

Юра. То есть, проще говоря, не вашего ума дело.

Гал я. Я бывала в Сочах.

Юра. И никого себе там не подыскали?

Гал я. Как сказать.

Юра. Никто не позарился на красоту?

Гал я. Как еще сказать.

Юра. Это бывает. Есть люди, которые никому не нужны, никто ими не интересуется, как отщепенцы одни сидят. А нами все интересуются со Славиком, мы нужны. С вами это так, поцелуй с разбегу, а есть... Учительница английского языка, тридцать восемь лет, преподает в институте. Люстра — хрусталь и бронза.

Гал я. Вы уже говорили про нее.

Юра. Э, нет, это еще... Другая. Их несколько.

Слава. Ну, пошарили отсюда. Счастливо оставаться.

Гал я. И вам счастливо доехать.

Юра. Приятно было познакомиться. То есть не особенно, конечно. Но все бывает. Откровенно говоря, вы нам тоже подошли не очень, мы только так между собой посоветовались — недаром же ехали, может быть, она закуску выставит, бутылевич со знакомством.

Гал я. Да, стол собрала.

Юра. Вот если бы мы к вам не подошли на остановке, вы бы одна свой стол подъедала. Села бы сама с собой. Ваше здоровье, Галина! Ваше тоже, Ивановна, отдохнем. Поздравилась бы с бутылкой. А то мы подошли, все-таки человек не один, люди не зверята. Все-таки ты не совсем нам не понравилась, все-таки было в тебе что-то, красивые глаза, пальто вот.

Гал я. Пальто каждый может надеть.

Юра. Не скажи, Галина, не скажи. На ком пальто как на корове седло торчит. А на тебе все ладненько так, аккуратненько. Галка должна быть такая — черненькая, ладненькая. Птица.

Слава. Да ты ее не знаешь — что уж сразу Галка.

Юра. А Галка — потому что она мне нравится. У меня все знакомые Галины — все Галки. У нас раздатчица в сто-

ловой Галка. Даже две Галки — старая и пожилая такая. Галчонок.

Галя. Вы в казарме живете?

Юра. У меня комната есть. Питание только казенное.

Галя. А мама ваша?

Юра. Мамы нет и неизвестно.

Галя. Правда?

Юра. Так что ты, Галка, не думай.

Галя. Да я не думаю.

Юра. Пойдем, сядем да и посидим как следует быть. А?

Галя. Легко сказать.

Слава. Юра, пошли отсюда, ну!

Юра. Ну, бывай здорова, Галка, не скучай!

Галя. Извините.

Слава нажимает кнопку лифта.

На десятом автобусе до конца, до круга.

Юра. Разберемся, Галка! Эх вы! Ну не ожидал. Запомни меня. Запомнишь? Завтра проснешься и вспомнишь. Вспомнишь так, замечтаешь, а меня уже нет.

Галя. Как нет?

Юра. Обыкновенно. (*Импровизируя.*) С пятого этажа без лестницы. (*Пауза.*) А лифта в доме нет. И все.

Галя. Ну прям.

Юра. Seriously. Скажи, Славик.

Слава. Да пошли.

Юра. Потому что никогда не известно.

Слава. Он по водосточной трубе.

Юра. И сыграю сам по себе Шопена марш. А потом раз — и в цинк!

Слава. Нет, цинк для иногородних, кого труп куда-то отправляют. Не для местных. Тебя куда отправлять?

Юра. Я не тутейший. Я сам с Бреста.

Слава. В Бресте у тебя нет никого. Кому твой цинк.

Юра. Лифт долго держали. Пришел. Я Гале свой цинк завещаю. Слава, а ты сыграешь на геликоне. Галка, захоронение послезавтра. Приходи. (*Нежно целует ей руку, она не дает, целует ей полу пальто.*) Клянусь!

Всегда любил упрямых. В ней что-то есть. Оскал какой. Несговорчивая девушка — это добрая, хорошая девушка для одного. Это — внутренняя красота. Так, Галочка?

Галя (*улыбнувшись*). Да не знаю я.

Юра. Какой оскал! Славик. Ну, пока до свидания. Я любил твои косы корзиночкой, называл тебя попросту Зиной. Это я стихи сочинил, когда был в десятилетнем возрасте. Называл тебя попросту Зиной...

Галя. Знакомая была?

Юра. Нет, просто так. Медсестра в санчасти. Но это можно изменять, можно сюда вставлять Мариной, можно Ириной. Разные случаи бывали. Я люблю твои косы корзиночкой, разреши мне назвать тебя... (*Думает.*)

Слава. Глиной.

Юра. Назову тебя нежно Галиной. Сними-ка шапку, какие у тебя волосы, дай поглядеть.

Галя снимает шапку.

Ничего.

Слава. Хорошего. Лифт пришел. До виденья, пани.

Галя. Чего?

Юра. До зобаченья, пани.

Галя. Как это?

Юра. Конечно, прическа так себе.

Галя. Химия.

Слава тянет Юру в лифт, они уезжают. Галя подходит к двери лифта, слушает, как он едет. Звук стихает. Галя прислоняется к стене, достает расческу. Несколько раз звонит. Слушает у двери. Стучит кулаком в дверь. Прижимается к двери лицом, так и стоит. По лестнице тихо поднимаются Юра и Слава. Юра зажимает Гале глаза.

Ой! Ну кто это? (*Начинает вырываться.*)

Юра не пускает Галю.

Юра (*тонким голосом*). Угадай! Ктё этё?

Галя сразу успокаивается, стоит неподвижно, как бы прислушиваясь к своим ощущениям.

Галя. Вы, Юра?

Юра отпускает. Между Галей и Юрой что-то в это мгновение произошло, их интонации меняются.

Юра. Вы чего не дома, не за столом?

Слава. Ты не видишь, она ключи забыла.

Юра. Чего же ты молчала, вот задрыга!

Слава. А соседка где?

Галя. Я не знаю. Она должна вроде вернуться, если не заночевала у дочери.

Юра. Да ну, взломаем дверь тебе. Поможем чем сможем.

Галя. А как же?.. Нет, нет. Я из-за двери на работу завтра опоздаю. Замок вставлять, за слесарем бегать. Соседка не войдет, ключи другие.

Слава. Никогда не опаздывала?

Галя. Нет, нет, что вы. Не стоит того.

Юра. Да ну... Ночь здесь проводить.

Галя. Вы идите, идите.

Юра. Поезжай к родным.

Галя. У меня нет.

Юра. Совсем?

Слава. Как у Юры, нет и неизвестно.

Галя. Отец женился... на моей подруге.

Слава. Не дурак.

Юра. И ты переживаешь? Матери нет давно?

Галя. Мама в больнице сейчас находится.

Юра. Переживает? Развод не дает?

Слава. А подруга есть? К которой можно пойти.

Галя. Вот это и была подруга.

Юра. Ничего, пройдет. Это пройдет.

Галя. Мама руки на себя накладывала.

Юра. Пройдет, пройдет, Галина Ивановна, это дело такое. Отца не осуждай, мужчина должен как минимум жить

три жизни: первая молодость, вторая молодость и третья молодость, от шестидесяти и выше. Ты ему жить не указывай. Ты его принимай, как он есть, и не очень упрекай. Он все уже в жизни для тебя сделал, на ноги поставил. Две молодости тебе отдал. Теперь пусть для себя, для здоровья пожелает. А мать, что же, она забудет, забудется.

Г а л я. Я ее после больницы к себе возьму, туда некуда.

Молчание.

Ю р а. Ты ей дочь.

Г а л я. Она хочет внучонка, тогда, говорит, я забуду себя.

Ю р а. Так сразу внучонка. (*Пауза.*) Скоро только кошки родят. По крайней мере девять месяцев. Да еще какое-то время найти мужчину. Не всякий ведь согласится. Не каждый пойдет на это дело. Кому охота иметь на стороне ребенка.

Г а л я. Нет, мама так не согласна. Я ей предлагала. Слышать не может без ужаса. Если у меня... то, говорит, чтобы у тебя было хоть все. Только с распиской.

Ю р а. А потом в одной комнате теща, и семья, и ребенок. Каша какая-то.

Г а л я. Но ведь я и сказала все Анне Дмитриевне. И дала свой телефон для того.

Ю р а. Какой... Анне Дмитриевне?

Г а л я. Ну вот которая-то сватает.

Ю р а. Парикмахерше?

Г а л я. Ну.

Ю р а. Ты таким путем замуж? Ой, не верь, не верь нам, мужикам. Нам разве это нужно, разве этот хомут? Просто погулять, приятно провести время, как мужчина может с женщиной. Зачем ему лишние сложности, зачем эти скороспелые браки? Ты нам не верь, не верь. Никто, ни один дурак так не женится. Кому это нужно? Не верь. Да и ты тоже ведь не просто так семью завести хочешь, а для покоя, чтобы мать утешить, так? Ты ведь здесь тоже нечестно ведешь: мужику покажется, что он тебе подходит, а это не он тебе нужен, а мать успокоить посредством его. А муж не любит мать. Муж не любит, когда все по теще, а хочет, что-

бы по его было. Только ради его. Ты и будешь на два фронта работать. Мать будешь слушать, муж смотается, а если ты мужа во всем слушаться будешь, мать твоя нервная вообще на лампочке повесится. Нет, это все не дело.

Галя. А вы как считаете, Ростислав?

Слава. Я не думаю, что ты из-за матери хочешь замуж.

Галя. Правда?

Слава. Чего ссылаться? Тебе самой это позарез.

Галя. Мне самой-то ничего жить одной. Я приду с работы, у меня чисто, телевизор, шифоньер, все необходимое. Я так рада была, когда мне комнату дали. Мама с отцом последнее время плохо жили, ругались. Какой отдых! А мама теперь упрекает, что вы все меня предали. Ты, говорит, в первую голову, подругу водила. Ничем не уговоришь, плачет.

Юра. В кого ты и уродилась, упрямая такая.

Галя. Я? Я не упрямая.

Слава. Пусть отец уезжает.

Галя. Она ему развод не дает.

Юра. Вот семья.

Галя. Плачет, отвернется к стене.

Юра. Вот семья, семейная жизнь. Да пропади она пропадом! Хотели хорошо вечер провести, вот вам. А мне хорошо, ни отца, ни матери, никого, фамилия Брестский. Никто от меня не страдает, и мне страдать не от кого. Вот Слава у нас, тот в семье с тещей живет, вот каждый вечер оттуда гуляет.

Слава. Где это я гуляю?

Юра. А со мной.

Слава. Это не считается. Я в четырех стенах не нанялся сидеть.

Юра. А ты жену бы взял и с ней ходил.

Слава. А это наше дело.

Юра. Так что вот видите, Галя.

Галя. Ну что я вижу?

Юра. Что семья в настоящее время не существует.

Галя. А что же?

Юра (*философски*). Существует женское племя с детенышами и самцы-одиночки.

Галя. Правда?

Юра. И как вы, самки есть, которые могут перейти в женское племя.

Галя. Неужели же?

Юра. Это-то как раз самое плохое, самки без детенышей. Вот как ваша мама.

Галя. А вы какие будете?

Слава. Кончай, Юра. Брестский у нас в похоронном оркестре самый трепач. Как примет — ну не заткнешь кляпом.

Юра. Почему и Анна Дмитриевна нас предупредила: мол, Галина хорошая девушка, но забывчивая. Это у нее недостаток. Деньги ей внести забыла?

Галя. Не забыла. В аванс отдаю.

Юра. Ты все так можешь забыть: чайник кипящий, газ, свет выключить. Ключи забыла. Надо же!

Галя. Я?

Юра. Нет, я.

Галя. Я не забывала.

Юра. Я забыл.

Галя. Я просто не хотела вас пускать. Вы мне не понравились, оба двое.

Юра. Ты очень даже хотела, ты обрадовалась, ведь ждала на остановке. Десять минут мерзла.

Галя. Нет! Не десять!

Юра. Десять минут по часам. Слава проверял.

Слава. Это он не соврал.

Галя. Потому что я видела, что это вы.

Юра. Откуда? Мужчина в светлом пальто и с тортом?

Галя. Я видела, что это вы. Вы шептались и на меня смотрели.

Юра. Вообще-то да, на тебя так смотреть никто не будет.

Галя. Не сказала бы.

Слава. Странно. А так ведь ты вроде ничего на лицо.

Юра. В темноте на остановке.

Галя. Лифт!

Из лифта выходит Галина соседка.

Соседка. Ты чего тут?
Галя. Ключи забыла.
Соседка. Чумовая. Добрый вечер.
Юра. Добренький вечер.
Слава. Здравствуйте.

Кланяются в пояс.

Юра. Симпатичная мордашка.

Соседка входит в квартиру, Галя за ней.

Такая симпатичная, а ушла.

Дверь захлопывается.

Слава. Звони!
Юра. Сам звони.

54

Слава звонит. Дверь не сразу открывается. Выходит Галя
в платье и в тапочках.

А действительно она ничего. Галя, мы стоим и ждем приглашения, как пешки.

Галя. Ради чего это?

Юра. Приятно провести вечер. Мы можем очень хорошо посидеть, поговорить. Споем вам.

Слава. У вас стол же накрыт, честное слово. Жалко стараний.

Юра. Просто как два друга и подруга.

Галя. А зачем, что будет-то?

Слава. Ну все будет.

Галя. Это мне не нужно.

Юра. Зачем-то было нужно.

Слава. Красотой мы всё такие, ростом не убавились.

Галя. Это не относится.

Слава. Галина, вы смотрите современно. Есть день, и его надо прожить так, чтобы не было мучительно боль-

но. А было бы мучительно хорошо. И так день в день. Все равно ничего прочного нет. Живите днем и будьте счастливы днем. Что смотреть в будущее? Там нас всех ожидает знаете что? Как итог — марш Шопена самое большее. А то и этого вам не закажут. И нет людей более жизнерадостных, чем мы. Много получаем, много тратим, дома нас не ждут... Жена моя уже привыкла и на развод подала...

Галя. Вас жена бросила?

Слава. Она бы меня бросила, если бы я на ней женился.

Юра. Мы, Галочка, холостые на сегодня. Жены наши пусть подождут.

Галя. А мне без разницы.

Соседка (*выглядывая*). Дверь что не заперта?

Галя. У меня ключ.

Соседка. Закрывать? Дует.

Галя. Закрывай, закрывай.

Соседка. Да не стой ты с ними, с пьянью этой. Ханыги чертовы, надоели.

Юра. Такая симпатичная бабка, не стоит.

Соседка. У, руки горят прямо. (*Захлопывает дверь*.)

Слава. Юра, на Богом обиженных не обижаются.

Галя. Что такое это ханыги?

Юра. Не повторяй глупых слов и дурацких.

Слава. Мы ей незнакомы, и так на чужих людей бросаться. Она на всех бросается? Надо лечиться.

Юра. Иглоукалыванием.

Слава. Надо все-таки решить вопрос о накрытом столе. Как поступим?

Соседка (*открывая дверь*). Как хочешь, Галя, я их не пушу. После одиннадцати имею право. (*Захлопывает дверь*.)

Юра. Еще нет одиннадцати.

Слава. Без десяти.

Юра. За десять минут все уладим. Управимся.

Галя. Там много.

Слава. Вы нас не знаете.

Юра. Мы способны на чудо.

Слава. В крайнем случае закончим заседание здесь.

Галя. Что – здесь?

Слава. Я как-то даже привык.

Юра. Тихо, тепло, светло.

Слава. Подайте Христа ради.

Галя. Я вам вынесу.

Юра. Можно на газете.

Галя. Обождите. (*Уходит.*)

Слава. Сейчас примем, а?

Юра. Не пора ли нам пора, что мы делали вчера в это же самое время.

Слава. Что ты, хорошая баба.

Юра. Что у нее там за бутылка? У такой может быть водка.

Слава. Конечно, не сухое-то вино.

Юра. Как эта нам подносила из рюмок.

Слава. И хорошо, что без этих скатертей, половиков.

Юра. Я не привык.

Слава. Подъезд – самое наше место.

Юра. Сплю на новом месте – приснишь жених невесте.

Выходит Галя.

Галя. Вот тут... Хлебушко. Колбаски нарезала... Сыр. И вот.

Слава, Юра. Что ты, что ты, спасибо.

Галя. Только вы спуститесь на этаж. А то соседка вас еще погонит.

Юра. Хорошо, Галина Ивановна. Так и сделаем. Извините, Галина Ивановна, если чем не угодили.

Слава. И простите ради бога.

Юра. Два друга и подруга.

Слава. Ничего, я еще, может быть, на вас женюсь.

Юра. Да! И я. А что?

Слава. Имейте в виду так что. Если мама, не дай бог, мы сыграем все. Марш Шопена.

Юра. И вообще, если это дело понадобится – сразу ко мне. Звоните. Мы со Славиком наших ребят организуем. Для друзей все. За умеренно и бесплатно.

Слава. Много мы не можем, но уж что про что, а это мы способны сразу же. Хоть завтра понадобится.

Юра. Все отлично, Галчонок. Детей заведешь хороших, красивых.

Слава. А что касается нас – то только позови! Мы наготове со своей музыкой.

Юра. Часто только мы не можем, а так – пожалуйста. От времени до времени.

Спускаются.

Занавес.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСПОДА БОГА

В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Катя
Коля, ее муж
Степа, ее друг
Бабка Ольга Петровна, ее бабушка
Гриша }
Стэн } ее гости
Джули }
Валентина, соседка
Ромашка, сотрудник органов
Баба Маня, его мать
Дед, его отец
Сокол, его сослуживец
Чаусов }
Шкодин } милиционеры
Кравченко Зинаида Романовна, цыганка
Врач-психиатр
Джорик, тибетский терьер
Антоша, маленький ребенок

58

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

Катя, Коля на кухне. Катя разливает чай, режет хлеб. Все это нервно, судорожно. Коля, в наушниках, слушает радиоприемник и записывает. Коля хмыкает, легонько кивает — реагирует в меру отпущенной ему природной эмоциональности.

Коля (*кивнув слегка, бормочет*). Не понимаю и прошу разъяснить смысл вопроса. (*Пишет.*)

Катя. Что?

Коля. Мм... Погоди.

Катя. Может быть, ты сегодня не поедешь? А? Останься, прошу тебя. К тебе же приедет Степа. Человек затратит полдня на дорогу. Приедет с тобой поговорить. А?

Коля. Чш-ш! Не слышно! (*Хмурится.*) Ручка кончилась. Дай быстро ручку! (*Катя долго роется, ищет, находит толстый красный карандаш.*) Не то! Вечно у тебя нет ручек!

Катя. Не ори!

Коля. Тише! (*Нагибается под стол, шарит там, находит ручку.*) Все у тебя всегда по местам разложено. (*Пишет.*)

Катя. Это Антоша раскидал... Я же на работу быстро собираюсь... В садик к семи утра... Я обещала ему дать порисовать... Вот он, наверно, и уронил перед выходом... Еле его оторвала. Плакал... Он тебе рисовал, ты видел? Машинку.

Коля. Тише! Я ничего не слышу!

Катя (*кричит*). Смотри! Это тебе Антошка рисунок ручкой рисовал! Ты видел? Он старался!

Коля (*кивает, сам себе диктует*). Я опасаюсь, не предьявят ли мне мои свидетельские показания в качестве обвинения. (*Снимает наушники.*) Полезные советы.

Катя. Молодой семье?

Коля. Название я пропустил, но это как вести себя на допросе.

Катя. А. Я читала. Наверно, Альбрехт. Как быть свидетелем.

Коля. У нас есть?

Катя. Степа же привозил.

Коля. А есть?

Катя. Не знаю... Может, он увез... Посмотри.

Коля. Нет времени. Потом.

Катя. А я читала, но ничего не запомнила. Так что, ты едешь в Москву?

Коля. Прежде всего надо требовать внести все вопросы сначала в протокол. Значит, так: и только после этого отвечать.

Катя. Ну и что это? Зачем?

Коля. Следователь часто задает неправильные вопросы, на которые можно не отвечать.

Катя. Можно и не отвечать.

Коля. Но записанные неправильные вопросы плохо характеризуют работу следователя, он начинает нервничать. Так что надо требовать записывать.

Катя. А какие неправильные вопросы?

Коля. Допустим, личные. Те, которые касаются только свидетеля и не имеют отношения к делу. И те, которые можно использовать против него и из свидетеля сделать подсудимого. Я не хочу отвечать, так как опасаюсь, не предъявят ли мне мои собственные показания в качестве обвинения.

Катя. Здорово. Ну например.

Коля. Ну например...

Катя. Ну например. Допустим, знаете ли вы... допустим, женщину по имени Соня. И пожалуйста, я запишу этот вопрос в протокол.

Коля. Гражданин следователь, я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Катя. За уклонение от ответа статья и срок.

Коля. Это личный вопрос.

Катя. Еще бы.

Коля. Кстати говоря. Вот. (*Читает.*) «Отказ или уклонение свидетеля от дачи показаний – штраф до 50 руб. или исправительные работы на срок до 6 месяцев».

Катя. А зачем ты мне это говоришь?

Коля. При чем исправработы – это не исправлагерь, это просто вычитают из зарплаты 20 процентов. Поняла? Это важно тебе для будущего.

Катя. Ну что, гражданин, вы знаете Соню?

Коля. Никто не должен принуждать свидетельствовать против самого себя.

Катя. Почему? А как же преступники?

Коля. При чем это даже пятая поправка к Конституции США.

Катя. Итак: женщина Соня... Как ее фамилия?

Коля. Я готов ответить на ваш вопрос, если вы объясните, какое он может иметь отношение к делу.

Катя. Но вы же ее любите?

Коля. Мне кажется, что это не имеет отношения к делу.

Катя. Но вы с ней живете?

Коля. Не понимаю и прошу разъяснить смысл данного вопроса.

Катя. Здорово, но непонятно. *(Начинает напевать без слов, понурившись.)*

Коля. Катя. Мне необходимо получить развод как можно быстрее.

Катя. Я давно это знала. *(Пожимает плечами.)* А как же Антоша?

Коля. Дело идет о другом. Я должен спасти человека.

Катя. Человека? Ты хочешь сказать, Соню?

Коля. Она не выдержит второго срока. Ее арестуют, ее сразу выкинут из квартиры. Мать ее скончалась. Она одна живет. Если ее арестуют, она будет без дома, без прописки.

Катя. А ты-то при чем?

Коля. Мы распишемся, она меня пропишет к себе. Она уйдет в лагерь. Квартира сохранится.

Катя. А что, она не могла подобрать неженатых? Их миллион.

Коля. Могут попасться нечистоплотные люди.

Катя. Ты один чистоплотный.

Коля. Завтра пойдем, или я подам на развод один. Самая верная формулировка, по которой эти скоты не отказывают, — это сексуальная несовместимость. Хочешь, ты пиши это в заявлении, тебе удобней.

Катя. Ты сказал «эти скоты»?

Коля. Ее вот-вот арестуют. Не до высоких слов.

Катя. Я поняла. Хорошо. Завтра пойдем. *(Плачет.)*

Коля. И я тоже избавлю тебя от клички «жена диссидента», скроюсь в Москве, это уже другой комитет ГБ, не наша область. И не кидай, пожалуйста, Антона на бабу. Она его совсем разбаловала. Читать не учит. Он смотрит телевизор, зачем?

Катя. Не бойся. Я с первого числа вообще увольняюсь. Буду сидеть дома с Антошкой. Заведующая тут меня вызва-

ла... говорит, я бы сама с вами не рассталась... воспитателей нет... дети вас вроде слушаются, несмотря на неопытность... С высшим образованием кроме вас у нас вообще... А что, говорит, за стихи вы с ними разучивали про ангела? По плану у вас «Первомайский флажок». Это чьи про ангела стихи? Ну и что как Блок! У вас одни еврейские авторы на уме, Блок и Баратынский! Представляешь? Говорит, дети ведь все равно на вас донесут! И трехлетние донесут! Они родителям, родители стучат сразу в райком, мне звонят оттуда, и указательный палец в потолок, как будто райком у нее в небесах. Или они звонят, родители, сразу, говорит, в КГБ. *(Показывает на потолок.)*

Коля. Тебе надо найти такую работу, как мне нашли, без коллектива...

Катя. Я ищу, но ночных сторожей у нас тоже проверяют, знаешь... Трудовую книжку как посмотрят... Режимный город – это не Москва... Знаешь сам... Потом не берут с университетским дипломом на физический труд... Я уже ходила... Как я буду без тебя? Я не могу так прожить. *(Плачет.)* Ты очень суровый. Я просто цепенею от страха, когда ты так со мной говоришь.

Коля. Ты пойми, что сейчас не о нас с тобой идет речь и даже не об Антоне. У тебя есть бабка. Ты проживешь. А Соня погибнет. Она больной человек. Ее арестуют, надо добиваться пересмотра и тэ дэ. Эх, надо лекарства добыть... У тебя кто-то был в аптеке...

Катя. Да, Марина.

Коля. Как бы к ней подъехать... Лекарство редкое, дорогое... Денег-то нет, вот что.

Катя. У меня отложено было на сапоги... Возьми.

Коля. Да, потому что курс лечения рассчитан на три месяца. Псориаз.

Катя. У меня все равно резиновые сапоги есть, с шерстяным носком. Зима бывает теплая.

Коля. У нее сапог вообще никаких, так... туфли на резине. Ты не представляешь, что это за человек! Вяжет кофту из шерсти собаки!

Катя *(мертвым голосом)*. А, этот свитер – это ее подарок?

Коля. Заставила надеть. Для моего радикулита. Ну все, пора и честь знать, спасибо этому дому, пойдем к другому. Возьму с собой яблоко для нее, у нее малокровие и запоры.

Катя. Бери, бери все, я еще достану, или бабка достанет. Антон обойдется. Книгу хочешь ей? Мне подарили Галлича и Джойса «Дублинцы», кто-то опять привез, а у нас же есть...

Коля. Эти книги не подарили, это ее, ее книги, запомни, это я от нее привез, я все ее книги самиздатовские взял, привез. Она ждет обыска. И часть ее рукописей.

Катя. А! А я ведь помню, что наших «Дублинцев» я дала почитать, я специально список веду, кому что отдано.

Коля. Это ты напрасно... список...

Катя. Да у меня там только инициалы, я что, глупая. Ты сам сказал, раздаешь кому попало книги. Книжки-то Степнины... Я и завела тетрадку кому что.

Коля. Смотри, ты теперь остаешься одна...

Катя кивает, глаза ее полны слез.

Если ты давала кому-то книги, то это уже распространение... А по статье, если ты не сообщалась именами тех, кому ты распространяла, это уже лишение свободы сроком до трех лет. Я бы тебе оставил свои записи... но сейчас они нужней Соне.

Коля как бы специально на прощанье учит Катю.

Так... Мое имя можешь упоминать, Сонино ни в коем случае. Ни в коем! Ты одна знаешь, что эти книги ее.

Катя. Ну что же я, по-твоему... Ты что!

Коля. Хотя мне садиться тоже пока рано... У тебя есть бабка, у нее только я.

Катя. Я готова сидеть.

Коля. Мать маленького ребенка не посадят, что ты. Так... условно... В случае чего бабка призовет тетю Александру...

Катя. Тетю Александру противно.

Коля. Ты что! Держи ее про запас!

Катя. Бабка к ней ездила сидеть с ее другой внучкой... Вечером пришли гости... Александра даже ее чай пить не позвала... Старуха привыкла на ночь чайку... Гости из их министерства. Бабка всю ночь от гордости не могла заснуть... Она же гордая, сама ничего не попросит...

Коля (*собирает яблоки с тарелки в сумку*). Так... (*Оглядывает кухню.*) Неудобно с пустыми руками... Ей всегда все стараются привезти что-нибудь.

Катя. Хочешь? (*Снимает с полки вазочку.*) Это от меня вам.

Коля. Спасибо, спасибо. (*Он расстроган.*) Я передам это ей от тебя. Это такой человек! Все отдает другим. Помнишь, шапку Антоше? (*Катя кивает.*) И варежки тебе пуховые? Это от ее собаки, у нее пудель! Адель!

Катя. Ты едешь сейчас? Поехали вместе! Антона сегодня из садика бабка заберет, и Джорика она взяла. Джорик пошел ее провожать в магазин и так с ней и ходит, наверно... Джорика тоже можно вычесать, хочешь, я для нее буду пух собирать? Поехали, а? Поехали к ней!

Входит Цыганка с узлом.

Цыганка. Девушка хорошая, детям валенки, сапожки, пальто, шапки какие, кофты остались? Трое детей, холодно, есть нечего. (*Берет со стола кусок хлеба и вазу. Коля молча отбирает у нее вазу.*) Золотая! Я тебе погадаю. Скоро приедет кого ждешь, кого любишь, жених золотой...

Катя. Я сейчас посмотрю. (*Выходит.*)

Коля. Как вы сюда попали?

Цыганка. Не гони цыганку, золотой, погадаю. Все будет у вас хорошо, будет жена хорошая. (*Жадно ест хлеб.*) Дай водички, дай водички цыганке. (*Коля наливает ей из чайника в чашку, доликает заварки, кладет сахар, мешает, подает.*) А за это (*цыганка пьет*) будет тебе ранняя дорога в червонный дом. (*Вынимает карты.*) Положи что-нибудь мне на ручку. (*Коля кладет ей яблоко, цыганка ест и смотрит на карты.*)

Коля. А теперь быстро идите на лестницу и там ждите, вам все вынесут.

Цыганка. Спасибо золотой, дорогой, я еще приду.
(*Коля уводит цыганку, возвращается, садится к приемнику, крутит ручку, прорываются сигналы Би-би-си: «Город Лондон би... би... си!» Быстро надевает наушники.*)

Катя (*входит*). Какая-то идиотка, какой может быть жених у жены?

Коля. Все Антошкино отдала небось?

Катя. Ну что, едем к Соне? Я сегодня свободна. Степа посидит один, скоро бабка придет, приведет Антошу и Джорика...

Коля. Нет. Сегодня я поеду, буду работать в электричке, как ты без приглашения, она занятой человек, больной... Я вернусь утром, пойдем подадим заявление. Пока!

Коля выходит, Катя надевает наушники, начинает чистить картошку, безмолвно вытирает слезы.

Сцена вторая

Баба Маня и Ромашка пьют чай на кухне.

Ромашка (*глядя на часы*). Все, я не успеваю.

Баба Маня. Поешь молочка-то. Утрешнее.

Ромашка кивает, читая газету.

Налить?

Ромашка мотает головой.

Хочу тебе сказать. (*Оглянувшись на дверь*.) Твоя Лида вчера дачникам миловидовским, приходил мужик в трусах, отдала кастрюлю смородины, а я приготовилась наvertеть с сахаром. Отдала по три рубля всю кастрюлю, а на станции баночка целых три рубля пол-литровая. Смороды-то уже нет! Ну?

Ромашка. Не суйся.

Баба Маня. Как машину им покупать, так суйся, а как деньги... Ты что! Машину на что мы вам с дедом купили «Жигули»? Каждый рубль считаю.

Ромашка. Не лезь. Так надо. Я скажу сам ей.

Баба Маня. На лекарствах сэкономишь, деду сустак не достал? Не достал. У деды нашего плохо с сердцем, деда запил. Где-то берет. А сердце-то больное, он пьет, тогда надо сустак. Достань на работе.

Ромашка. Я не в аптеке сижу.

Баба Маня. Миловидовский дачник-то с бородой все с Лидкой: а вы где работаете? Она: я в декрете. Не сказала, что в «Интуристе». А муж ваш очень такой... видный... что ли, сказал. Солидный ли... Не помню. Эффектный, вот, мужчина.

Ромашка (*польщенный*). Видали!

Баба Маня. Лида ему не сказала, где работаешь. Говорит, военнослужащий.

Ромашка. Военнослужащий, а кто еще!

Баба Маня. Я ему отлила стакан. С бородой, а в трусах ходит.

Ромашка. Называется шорты.

Баба Маня. Он мне сустак обещался деду достать.

Ромашка. Он где работает?

Баба Маня. Сказал вроде, тоже военнослужащий.

Ромашка. С бородой?

Баба Маня. А я узнаю у ихней девчонки. Дети всё говорят.

Ромашка. У деда сердце, а ты опять самогон гонишь! Нальешь мне поллитровку, возьму с собой.

Баба Маня. А чем платить? Навоз машину нанимали за три литра. Привезли.

Ромашка. Вот дед и запил.

Баба Маня. Я уж прячу, он где-то находит. Все места знает. Под кроватью держала, нашел, в сарае нашел. Я теперь далеко спрятала, а у него нос, как у нашего Валета, чует. Валету хлеба надо буханок десять. Чушке тоже буханок двадцать. Чушка вчера во дворе Витькины ползунки заела. Упали с веревок. Смотрим, у нее те семки одни болтаются, из рыла висят. Ничего. Все полезно, что в рот пролезло. (*Смеется.*) Ползунки дражные были уже, еще Юркины. Нюра опять у колонки шумела.

Ромашка. Не обращай.

Баба Маня. Не обращай! Шумит, не ходитя на мою колонку, мою воду выкачали.

Ромашка. Колонка общая.

Баба Маня. Ну какая, она же до себя дотянула водопровод, поставила колонку у своей калитки... Или, кричит, платите половину. Кричит, триста рублей с вас.

Ромашка. Раскатала губы-то.

Баба Маня. Дачники миловидовские тоже к ей по воду ходят, мальчишку посылают, она на мальчишку так-то шумит: не топчи мой лужок, не лей и так дальше. Я-то езжу с коляской, на коляске большой бак, а то мне со стиркой как же... Витька обоссется, она сразу в грязное кидает, нет, застирала и высушила. Так он ссыт сто раз в день! Чистёха городская. Нюрка орет: «На мою землю с вашими колясками не ездитя!» Лимитчица!

Ромашка. Земля общая, советская.

Баба Маня. Кто ё знает, орет! Мой луг, моя колонка. Засранка. Они баню-то себе срубили за забором... Поставили и всё, где не их участок. Всё заняли, приехали, муж у нее тракторист, директор им сразу всё разрешил. Из-под Ульяновска откуда-то. Там, говорит, нет ничего, колбаса в городе по талонам...

Ромашка. У нас тоже по талонам. Также нету.

Баба Маня. Она в Москву на поезде дальнего следования наладилась ездить, вернется, опять шумит. Колотырная. Лимитчица, всё ей надо. Двое мальцов хулиганы. Юрка наш боится, к речке мимо них несется.

Ромашка. Она доорется, гляди.

Баба Маня. Еще того лучше, слушай. Она где наша Розка пасется с козлятами... За бугром-то... Гляжу, ходит. То ли чего напосыпала там. То ли порошку какого? Я не разглядела, побежала, она будто за грибами в лес сразу подалась. На траве вроде нет ничего... Бежит, сама с собой разговаривает, шумит. Больная.

Ромашка. Больная?

Баба Маня. Я хотела порошок собрать, которым она посыпала вроде... На карачках ползала, но порошок, видно, мелкий. Розку привязала теперь за нашим огородом,

хожу, рву траву подальше. А то в молоко что попадет... Говорят, и так у нас всё тут радиоактивное.

Ромашка. Ты слухам не верь и слухи не распространяй, ясно? Знаешь что за это бывает? Атомная станция у нас самая безопасная в мире, ясно? Эту воду можно пить!

Баба Маня. Ага, Краснов Сережка принес в бидоне воду для опытов, у него знаешь огурцы в прошлом году вымахали! Сорт «Мечта девушки». Во! С цельный локоть! *(Показывает.)* Этой водой поливал, в сегодняшнем году что-то воду не носит. Через проходную не пропускают, что ли. Ты бы достал, а? Такой воды.

Ромашка. У меня не то предприятие.

Баба Маня. Ты Юрке нашему рогатку сделал, он в Ньюру стал целиться, в ее пацанов, я отобрала от греха, рогатка-то какая... солидная... эффе́ктная. Ей же убить можно! Под суд пойдем!

Ромашка. Я же сказал ему, целиться только вверх! Только в птиц! Отдай обратно Юрке, пусть скворцов бьет. Все вишни обклевали.

Баба Маня. А водопровод тянуть будем? У крыльца бы и поставили.

Ромашка. Ага, миловидовские тоже будут к нам ходить? Бесплатно?

Баба Маня. А мы с ними скинемся! Еще того лучше! Вот они с дачников получают... А то я не пущу их на свою колонку, пусть тогда к Нюрке психбольной шастают.

Ромашка. Она психбольная?

Баба Маня. А кто же? Орет как больная. Я ору, она орет, кто кого.

Ромашка. Всё мне тут вот напиши, фамилию, где работает...

Баба Маня. Правильно, правильно... Так их и надо. Лимитчики. И сустав для деды. И воды с атомной станции.

Ромашка. Воду запрещено. А, ладно, привезу из водохранилища. Там рядом. И люди же купаются. Дети.

Баба Маня. А то огурцы сегодня летом будут плохие... Укроп весь в рост удался... Краснов Сережка хвастал, что из труб сварил своей Ларке кроватьку... Она из деревянной кровати вырастает... Я сговорила у них ее для нашего

Витьки. Осенью отдадут за двадцатник. Трубы эти с атомной станции списанные, Людка красновская сказала. Ты бы такие нам достал?

Ромашка. Трубы не обещаю. Куда я трубы пойду тащить!

Баба Маня. Он ведь и качели хвастал сварить для ихних ребят. А кроватку старую что, хорошо, купим, в магазинах ничего нет.

Ромашка. Для кого нет... А для кого... Что он будет в старой рухляди валандаться.

Баба Маня. Тогда чешскую доставай. Лакированную. Полированную. Для нашего генерала. Как раз на день рождения. Лапы лапы лапоток, буде Витеньке годок.

Ромашка. Давай мне бутыль. Сколько там, с литр? Поехал. Сегодня много работы. Может, на ночь задержусь. Скажешь Лиде.

Баба Маня. Да она тоже задержится на ночь. Встретитесь там в кровати. Я знаю. Ничего.

Сцена третья

Степа (*сидит, слушает радиоприемник, входит Коля*).
О, привет.

Коля. Привет. (*Следует рукопожатие.*) А Катя что?

Степа. Катя мне дала ключи, куда-то убежала. На поезд, что ли. Сказала, что едет в Москву вечерним дальнего следования.

Коля. А я вот не еду. Я позвонил отсюда, видимо, там в Москве обыск. Специфический голос: а кто ее спрашивает? Не забрали бы ее там. Но я всё ее перевез по разным адресам... Надо было поехать... Эх, боюсь не успеть.

Степа. На обыск явиться можно, они не имеют права не впустить.

Коля. Она больна ведь. Моя знакомая. Они ей и лекарства не дадут принять... Я знаю... По двадцать часов шмонают... Но у нее ничего нет! Ни одной книги! Толстой, Пушкин, Достоевский... Положим, есть Евангелие... Знаете, вопрос следователя: «Откуда у вас Евангелие». — «От Луки». — «От какого, фамилия, адрес». Она с Евангелием

не захотела расставаться. Но туда ей не дадут. Может, и не арестуют, а? Ну вот, сейчас Катя к ней помчится и как раз влипнет на допрос. Ах я! *(Поникает головой.)*

Степа. На обыск явиться можно, но ведь не выпустят до конца.

Коля. Это-то ладно. Но из нас двоих я хотя бы должен ее спасти. Я должен остаться на воле.

Степа. Если ничего не найдут, ничего не сделают. Ко мне пришли в гараж, где я сторожу, я как раз в прошлое ночное дежурство унес из сейфа все книги и положил туда под замок подушку. Сменщики всю дорогу спят на моей подушке, ложишься, чем-то пахнет, не могу понять. А мой сменщик Сережка-писатель мажет лысину тибетским средством, конская моча с чем-то, с травами. Пьет и мажется. Я никак в толк не мог взять, откуда аромат. Полночи не спал, всё везде нюхал. Теперь запер подушку, на следующее дежурство являются двое плюс Михал Михалыч, сняли начальника бедного с койки, приволокли как понятого. Он войну прошел с честью, а тут стоит мелко трясется. Хороший старик такой. Я ведь никогда не опаздываю и стенгазету выпустил ко дню Советской армии «Наши ветераны». А ветеран у нас один он.

Коля. Сколько же обыск-то будет, если ничего нет?

Степа. А как, в доме всегда есть книжки, белье... Они любят стулья вспаривать... У меня дома одеяло долго щупали, оно их заинтересовало, ватное, вата вся скомкалась... Не выдержали искушения, распороли. Все потом ходили в отрепьях извалянные. Вата же липнет!

Коля. Ну часа три? Сколько им нужно?

Степа. Часов пять, как правило. Ну, слушай про обыск у меня в гараже. Говорят: «Открыть сейф!» Я отвечаю: «Нет ключа». Так. А где ключ? Заволновались, почуяли добычу. Нет и нет ключа. Что я, помогать вам буду, что ли? Это не соответствует моим интересам. Ага! Тут они завелись, а Михал Михалыч стоит как убитый: второй ключ от сейфа у него дома. Но молчит, не выдает. А сейф вскрывать надо автогеном, если нет ключа. А времени второй час ночи. Я сижу. Они послали за специалистом на Лубянку. Пока что ведут допрос. Я сам сижу и тоже записываю для себя. Этот, который со мной работает, говорит: какова цель ваших записей? А я

ему так жеманно: я не уверен, что ваш вопрос имеет отношение к делу. Точно по учебнику отвечаю. Он: но вы подтверждаете, — а я: нет-т! Тут пошел третий час ночи, я чувствую, Михал Михальчу туго, он сердечник, я сказал, что прошлый раз, кажется, забыл ключи от сейфа у него, когда носил ему стенгазету. Выручил его. Они быстро с ним съездили, меня другой сторожил как личная охрана президента и Генерального секретаря, в уборную со мной ходил, я там до-олго сидел с газетой! Тут они приехали, сняли меня с насиженного места, я сам слетел, а то неровен час чего подложат в сейф без меня, взрывное устройство или конверт с долларами со штампом «бухгалтерия ЦРУ». Ну вот.

Коля. Ах, как я влип! Она поехала к Соне! Их арестуют двоих. И всё будет перечеркнуто!

Степа. Да не арестуют, на каком основании! Вот меня же не арестовали! Ну вот. Открывают они сейф.

Коля. Степан Петрович, вы ничего же не знаете, что вы так легко относитесь!

Степа. А там подушкой всё забито! И вонь стоит! Я ее потому что чистил немецким пятновыводителем, от которого начинается рвота. Плюс еще не выветрились тибетские травы на конской моче. Они, конечно, подушку испортили. Все в пуху стояли, как кремлевские ели! И аромат!

Коля. Да ну вас, Степа. *(Пьют чай.)*

Степа. А Катя зачем туда двинулась?

Звонок в дверь.

Коля. Да дура. Думает, я туда поехал, она за мной. Зачем только? Договорились же встретиться утром! *(Выходит.)*

Входят Гриша, Джули и Стэнли.

Гриша *(ставит пестрые сумки и пакеты на стол)*. А, Степан! Хорошо, что вы здесь опять, я как ни приеду, вы здесь ночуете. Коля срочно работает? А где Катька? Я хочу ее.

Степа. А... Катя поехала бить кому-то морду.

Гриша. А... Коля-то здесь?.. А кому же, как не ему?..

Степа. А она не в курсе, что он не там, а здесь.

Гриша (*широкий жест*). Это мои друзья Стэн и Джули, Соединенные Штаты, но Европы.

Степа. Хай!

Стэн (*гогочет*). О, хай!

Джули. Хэллоу. (*Садится на пол у стены.*)

Степа. Привет.

Гриша. Стало быть, так. Это Стэн, он изучает историю КПСС и пробивается в госпартархив, но без успеха.

Степа (*произносит длинную английскую фразу, Стэн в восторге хлопает Степу по спине*). А где ты их подобрал? Он что, коммунист?

Стэн. Коммунист, йа! (*Гогочет.*)

Гриша. Инглиш пипл.

Стэн. Я, я!

Гриша. «Я» — это «да» по-итальянски. Где виски, Стэн? Виски! (*Роется в сумках и пакетах.*) Где водка? Нафинг. Ничего нет. Где всё оставил? Дурак, забыл ан дэ ка! В машине лежит. Иди теперь. Гоу! Водка! Ясно? Дур-рак!

Стэн. Ду-жак. Соука падла!

Гриша. А? Талантливый ученик. Мой ученик!

Стэн. Хо-уй! Бли-ац!

Джули вздрагивает и бессмысленно поднимает голову.

Стэн. Ахоу-итэль-наяя стшана! Стшана доужаков! Си си си пи!

Гриша. Си си си пи — это по-ихнему СССР.

Стэн. Паш-тийа наш жулеуой, паштия комьюнистоу кэй пи си си.

Гриша. Кэй пи си си — это ка пэ эс эс. По-ихнему. Всю дорогу лозунги читал. А устной речи учил его я.

Стэн. Оуп уашу мац!

Джули вздрагивает.

Гриша. Это пока всё. Всю дорогу он учил приветствия.

Стэн. Джули! Ай лав ю!

Гриша. Он на ней женится завтра. Он так решил. Встреча в си си си пи. В ю эс эс а. Иди за уодка! Гоу!

Стэн выходит.

Гриша. Мы здесь ночуем. В маленькой комнате. Я ведь тоже имею право выпить и не вести машину обратно. А вы с Колей на супружеской кровати.

Степа. Что-то плохо сегодня всё, а? Кати вот нет...

Гриша. Одно остается, выпить.

Степа. Немного нехоти ты его одного послал на улицу. *(Выразительно стучит по столу, кивая на окно.)*

Гриша. Да ладно, к моим «Жигулям» здесь приехали.

Степа. Ну, когда докторскую защищаешь?

Гриша. Смеешься?

Степа. Маленький режимный город, все всё видят. Атомная станция.

Сцена четвертая

Милиция. Пост № 2. Звонит телефон.

Чаусов. Старшина Чаусов слушает! Так. Так. Адрес. А. Знаю. Улица Ленина, знаю... Так. Это какая улица Ленина, старая или но... Старая. А то номера поменяли. Какой номер? Семьдесят? Это новая улица Ленина. Бабка, знать надо! Давно знать надо, всю жизнь живешь. Бывшая Менделеевская, так и говори. Квартира? Мало что я знаю, я должен записать. Так... Этаж? Понятно. Что они там... А. Нарушение тишины. Общественного порядка. Сколько их там собралось? Что значит... тыща? Ты мне тут... бабка. Не могу записать я тыща! Сколько точно? Как не могла? Дверь не могла на цепочку открыть? И выйти свободно могла посмотреть-то. Ты же член народной дружины, а? На площадку! Как нет. Как нет?! Что значит в стенку стучала, это не метод. Хулиганов надо призывать. В режимном городе, понимаешь.

Входит Шкодин.

Чаусов. Товарищ Шкодин, опять на улице Ленина, на старой, тьфу, на новой улице Ленина собрались баптисты на молитвенное собрание.

Шкодин. Машины, черт, нет. Куда они поехали? На улицу Жолио-Кюри, что ли?

Чаусов. Да, там убийство. Или нет, они уже на улице Курчатова, там они. Драка, сын отца ножом, отец сына табуреткой по голове. В состоянии алкогольного опьянения. Самогон вчера, видно, гнали.

Шкодин. Самогон пусть везут весь на выставку вещественных доказательств. Экспонатов мало. Комиссия будет в понедельник.

Чаусов. Охо-хо.

Входит Ольга Петровна.

Ольга Петровна (*очень приветливо улыбаясь*). Здравствуйте, товарищи! Я опять к вам, замучила вас прямо, вы работаете и работаете. Я заявление принесла, как вы и просили, товарищ начальник!

Шкодин. Какое заявление? Я ничего вас не просил.

Ольга Петровна. Вчера в кустах опять изнасилование прямо под моим окном! Девочки кричали! Подростки собрались. Я вам пошла звонить, вы обещали прислать машину.

Чаусов. А кто дежурил-то?

Шкодин. Вчера машина была на убийстве.

Ольга Петровна. Групповое изнасилование! Группа девочек и группа мальчиков! Под моим окном. Я высунулась, говорю: за вами милиция едет. В ответ сплошной мат, стена мата поднялась. Поняли? Утром у меня оказалась подожженной дверь и куча бутылок раскатилась. Можно так жить? Под моим окном кусты сирени. Я сама же идиотка сажала. Я просила старшего инженера домов кусты выкорчевать. В ответ жильцы поднялись, мне на двери написали мат. Вот тут в заявлении я указала фамилии подростков.

Шкодин. Обратитесь в детскую комнату.

Ольга Петровна. Обращалась. Она мое заявление приняла. И что-то ничего не меняется.

Чаусов. С подростками была проведена беседа, о коммунистическом воспитании.

Ольга Петровна. На лестнице прямо около моей двери они устраивают каждый вечер выпивон! Я боюсь выйти! Соседская Анька, когда мать уходит на работу, немедленно является из школы не одна, и там такие крики! Пусты, больно и так далее. Как я могу слушать? Как? Я стучу в стену. Звоню в дверь, я беседовала с матерью, она меня гонит и угрожает психбольницей! Я ответственно заявляю, что они мне всё время угрожают! Аньке-то двенадцать лет всего! Что же будет?

Шкодин. Гражданка, вы не по адресу. Это надо в детскую комнату милиции, мы занимаемся взрослыми.

Ба б к а. Мою дверь постоянно вскрывают. У нас с дедом нечего взять, и потом, я уже боюсь выйти! Надо меняться на Москву! Но у нас атомный реактор, кто поедет сюда?

Шкодин. Вы тут мне здесь не распространяйте... Понимаешь. Клевету. Атомные станции у нас самые безопасные в мире! Ясно? А то за такие слова... Понимаешь.

Ольга Петровна. Прошу принять у меня заявление о хулиганстве с моей дверью. *(Подает лист бумаги.)*

Чаусов. У нас ваших заявлений...

Ольга Петровна. Ничего, это же ваша работа! Будьте здоровы и благополучны. *(Выходит.)*

Чаусов медленно и торжественно рвет заявление.

Ольга Петровна *(входя)*. Я хотела вам сказать, что копию я послала своего заявления в областное управление внутренних дел, товарищу Дружинину. До свидания.

Чаусов и Шкодин с досадой смотрят друг на друга.

Звонок.

Чаусов. Старшина Чаусов слушает! Нет, товарища Шкодина нет. *(Шкодин кивает головой.)* Опять? Что опять поют? Ну и что? Что они поют? *(Шкодину.)* Баптисты громко поют. Что поют? *(Шкодину.)* Опять поют «Широка страна моя родная», а текст божественный. *(В трубку.)* Скажите им, что будет послан наряд милиции! Как в тот раз! Пятнадцать суток будут сидеть с уголовниками! Понимаешь.

(Шкодину.) Это на старой улице Ленина. Они для маскировки то поют на мотив «Наш паровоз впереди лети», то гимн затынут. Подпольщики, понимаешь.

Шкодин. Знаю. У меня на бывшем моем участке тоже. Везде одна картина. Это, видно, им указание такое из центра.

Чаусов. А где у них центр?

Шкодин. ЦРУ, не знаешь? Центральное разведывательное управление. США.

Чаусов (*присвистнув*). Тогда они не по нашей линии.

Шкодин. Нет, это идет как мелкое хулиганство. Баптисты, адвентисты, пятидесятники, буддисты, кришнаиты, кто еще? Свидетели Иеговы, а то еще есть индуисты, бредутся наголо, мы их всё время брали в поселке Оболенское, думали, дезертиры из армии.

Сцена пятая

Гриша, Коля, Степа сидят за столом, Джули под стеной клюет носом.

Гриша. Моя жена, котик, говорит — уезжая, уезжайте и ради бога среди ночи не приходите не будите. У нас Ивану пять месяцев.

Степа. Довольно редкое имя.

Коля. Всего только час прошел.

Гриша. Ничего, сейчас Стэн притащит две бутылки... водка и виски...

Джули вздрагивает и поднимает голову.

(*Кричит.*) Ноу, Джули, еще нема! Смотрите, реагирует только на русский мат и на слово «водка».

Джули снова открывает глаза, затем поникает.

Где он ее нашел... Экзотический цветок.

Входит Валентина, беременная соседка.

Валентина. Я извиняюсь... Смотрю, дверь приоткрыта. У вас закурить не найдется? А то тошнит.

Гриша. Я недавно спал с одной беременной, пожалуйста. (*Достает сигареты, зажигалку, подает сигареты Валентине.*) Она мне звонит в рабочее время, так и так, ваш телефон мне дала Раиса. Раису не помню, но это ничего. Не в том суть. Встретились у метро, я подъехал. У нее в квартире были мы и, что характерно, в ванной рожала кошка.

Валентина. Фу, какие сигареты!

Гриша. Ничего, кури, приучайся.

Джули (*внезапно*). Пусть она уйдет.

Валентина. Какие сигареты противные!

Степа. Беломор есть, хотите?

Валентина. Ой, прямо спасибо большое! (*Берет у Степы папиросу, Гриша подносит зажигалку.*) А где Катя? Коля, где Катя?

Коля (*хмуро, поглядев на часы*). Уехала в Москву.

Джули (*от стены*). Ты! Ты мне не нравишься!

Гриша. Экзотическое растение!

Степа (*встает, Валентине*). Садитесь.

Валентина. У меня просто ноги дрожат! Спасибо. (*Садится.*) Мой Сережка беспокоится, прямо с ножом лезет!

Гриша. Вас как звать?

Валентина. Я соседка. Соседка. Валентина.

Гриша. Ладно тогда. Значит, так: я веду женщину в ванну после полового акта, открываем ванну, а она рождает. В смысле кошка уже рождает. Буквально раздвоилась. Сидит как кенгуру, а из нее котенок высунулся наполовину и тоже орет! Передние лапы раскинул и вниз головой орет! Кошка как бы валетом! Мы так смеялись!

Валентина (*сидит*). Прямо грозитя убить пьяный. Прямо дай да подай! Где я тебе возьму? У меня у самой на жизнь не хватает! А когда Катя приедет?

Коля. Может быть, года через три.

Валентина. А, ну хорошо. (*Курит.*)

Джули (*встает*). Не Лена, а Елена Константиновна, запомни, халда!

Валентина. Выпила что-то не то.

Гриша. Кто такая Елена Константиновна?

Валентина. Я и работать не могу, всё время бюллетеню... Денег у меня нет!

Джули (*встала*). Фак ю!

Валентина. Прямо с ножом к горлу пристаёт, вот так нож держит.

Джули. Уберите ее! Рвань!

Гриша. Что-то ей почудилось.

Валентина. Охерела совсем. Сейчас мужа Сережку вызову... Он тебя живо тут... Он милиционер.

Степа. Хотите, я вас провожу домой... Валентина?

Валентина. Нет, спасибо уж. Вы меня проводите, он и тебя и меня прикончит. Нет, лучше я здесь посижу Катюшу обожду, сюда он не сунется. Катя когда приедет?

Гриша. Через три года, сказали.

Джули неверным шагом подходит и садится Коле на колени.

Коля. Здесь занято...

Входит растерянно улыбающийся Стэн, за ним Ромашка в штатском.

Ромашка. Это ваш американец? Он тут заблудил... Не в те квартиры стучится.

Гриша. Он, спасибо, литовец. Ачу, ачу. Иди сюда, Стэнавичус. Спасибо. Ложи сюда пакеты. Спасибо. О, одна не звенит, две звенят не так. Бутылки, ха-ха. Выпьём, товарищ!

Коля. Минуту. (*Встает с Джули вместе.*) Прошу вас выйти отсюда. Вас, вас, гражданин начальник. Неприкосновенность жилища гарантируется Конституцией! Вам это известно. Прошу уйти немедленно.

Гриша. Сиди, сиди, Коля! Товарищ, вы с нами выпьете? Тут все свои, советские.

Джули (*стоит, уцепившись за край стола*). С-сучара... Мать твою...

Стэн (*приветливо улыбаясь, кивает*). Мац твою...

Гриша. Видите?

Ромашка (*показывает удостоверение*). Попрошу предъявить документки.

Коля. Я заявляю протест! (*Садится.*) Мало того, что он стоит во дворе вечно... Топтун...

Джули, поколебавшись, садится к нему на колени, он тут же вскакивает и отходит к стене.

Степа. У меня только пенсионное удостоверение. (*Протягивает.*)

Ромашка. Какое пенсионное?

Степа. Третьей группы по шизофрении. Институт Сербского, лежал.

Гриша. У меня только водительские права... Нет, вот паспорт, слава тебе господи! Ух... (*Говорит по-английски Стэну.*)

Коля. Он не имеет права, ничего ему не предъявляйте! Он ворвался в чужую квартиру без санкции прокурора!

Ромашка без слов сует ему под нос свое удостоверение.

Дайте-ка, дайте-ка... Это что у вас?

Ромашка. Прошу паспорт.

Коля. Вот ты получишь, а не паспорт. Я у себя дома!

Стэн (*улыбаясь, делает приветствие рукой*). Си си си пи! Оуп уашу мац!

Ромашка. Нарушение паспортного режима.

Коля. А я вам говорю, выйдите отсюда вон, я буду жаловаться вашему майору! Я подам на тебя в суд, мошенник!

Джули. Пусть он уйдет, я не хочу его видеть.

Валентина. Гражданин начальник, да вы что, это все советские люди приехали в гости...

Ромашка (*Коле, ровно*). Предъявите паспорт.

Коля. Зачем?

Ромашка. При отсутствии наличия паспорта я вас задержу как нарушение без определенного места жительства.

Коля. Вот паспорт. Я здесь прописан, и вам это отлично известно.

Ромашка. Так... (*Смотрит паспорт, затем спокойно кладет его к себе в карман.*)

Коля. Вы не имеете права! (*Он в отчаянии.*)

Ромашка садится, достает лист бумаги, списывает данные зарубежного паспорта Стэна, все молчат.

Ромашка. Это вам здесь тут атомная станция, господа! Закрытая зона, а не что. Вас когда уволили с АЭС, гражданин Голицын Николай Алексеевич? За что?

Коля. Вам надо, вы и узнавайте.

Ромашка. Вам надо вести хорошо на допросе. Как и ранее.

Коля. Я знаю, как вести себя на допросе.

Ромашка. Видно, боялись вас задержать на атомной станции. Читателей таких... Взорвете что... (*Смеется.*) Государственная безопасность! Мало вас к нам вызывали, вы опять за свое!

Входит Бабка Ольга Петровна с Джориком под мышкой.

Бабка. Здравствуйте! Знакомые всё лица. А где Катя?

Коля. Катя поехала в Москву.

Валентина. Сказали, вернется через три года.

Ромашка. Ваши документы.

Бабка (*садится*). Понятно. Антоша, сюда не входи! Здесь форточка, раздевайся там! Я кому сказала! И возьми Джорика! (*Выпускает собаку за дверь.*) Да! И на ему поесть! (*Передает в дверь собачью лакушку.*) И помой ручки! Сейчас будем ужинать! Я тогда тебя позову! На тебе ручку! Держи и рисуй! Альбом у тебя в столе! Вечером будем читать Алису! Так и быть!

Звонок.

Ромашка. Всем оставаться на местах. (*Выходит.*)

Бабка (*дрожжа*). Так я и знала, так я и знала. Иностранцев-то зачем? Гриша?

Гриша. Да-а...

Ромашка (*вводит Цыганку*). Так. Документы!

Цыганка. Я пришла что: хозяйка дала носки, одного не хватает! А! Ладно! Дай погадаю, гражданин начальник! Тебя ждет большая дорога, пойдешь по большому жизненному пути, ой, берегись брюнета!

Ромашка. Достаточно, гражданка цыганка.

Цыганка. Я русская, гражданин начальник, украинка. Кравченко Зинаида Романовна. (*Достает из сапога паспорт, дует на него, плюет в сторону, вырывает ловко волосок из головы Ромашки.*) Зовут меня Индия.

Ромашка. Ты что, понимаешь! Ты что, понимаешь! (*Вынимает из ее руки паспорт.*)

Цыганка (*дует на волосок*). Будешь выпускать газету! Главный редактор будешь! Большой человек! В кабинете! Народный депутат! (*Берет свой паспорт, прячет в сапог, показывает на Гришу.*) Ты... тебе будет плохо...

Гриша. А. Я знаю, я скоро умру.

Цыганка. Нет, хуже. Но потом ты будешь ездить на большой машине... В большом кабинете...

Ромашка. Может, хватит?

Цыганка. О, гражданин начальник, я еще погадаю, стой! Ты (*обращается к Коле*) будешь большой человек в партии, депутат (*закрывает глаза*) в президиуме... с твоей женой...

Коля. Член партии? Еще новости.

Цыганка (*Степе*). Ты женишься на хозяйке и родишь двух детей, мальчика и девочку... Будешь большой человек в партии, депутат... (*закрывает глаза*) в президиуме.

Степа. Да никогда! Нагадала. Все мы тут партийные, все депутаты. (*Хмыкает.*)

Ромашка. Так. Кончай.

Цыганка (*смеется*). Нет, не все. Кому не сказала, тому не сбудется. Гражданин начальник, главный редактор газеты, не забудь меня, Кравченко Индия. Спасибо хозяйке. Отдай им паспорта, отдай. (*Уходит.*)

Ромашка (*возвращает паспорт Грише*). Партия! Кому вы нужны в партии! Ум, честь и совесть прежде всего надо иметь! А вы, гражданин Голицын (*Коле*), за паспортом зайдете. (*Уходит.*)

Коля. Это противоправные действия!
Стэн. О, хай. Оуп уашу мац! (*Поднимает Джулию.*)
Валентина. Не беспокойтесь. У меня муж в милиции,
Сергей, я ему скажу, не беспокойтесь. Вернут.

Все, кроме Степы, Коли и Валентины выходят.

Коля (*иронически*). Да, спасибо.
Валентина. Только не сегодня, сегодня он болеет.
Коля. Что вы тут, в самом деле...

Пауза.

Валентина. Вот я все ночи не сплю и думаю. Вот я, простой советский человек, понимаете? Кончила школу, простой советский человек.

Коля. Вы этим не отговаривайтесь: простой. Да еще и советский. Простых людей нет.

Валентина. Есть! Нас миллионы! Простые советские.

Коля. Очень непростые.

Валентина. Нет, мы маленькие советские люди.

Коля. Что это значит?

Валентина. Неученые, без верхнего образования.

Коля. Тогда надо просто говорить: я необразованный человек.

Валентина. Почему это необразованный. Я кончила, например, вечерний техникум четыре курса.

Коля. Так в чем же дело?

Валентина. Техникум связи.

Коля. Ну и что?

Валентина. Имею образование. Но среднее, незаконченное.

Коля. Ничего страшного. Надо читать.

Валентина. Что читать? Что вы читаете? За это до пяти лет дают.

Коля. Ну что вы читали последнее время?

Валентина. Я достала «Имя твое».

Коля. Это чье?

Валентина. Не помню.

Коля. «Имя Твое» — это из молитвы.

Валентина. Да вы что!

Коля. Да святится имя Твое, да придет царствие Твое.
(*Читает вслух «Отче наш».*)

Валентина. Это эти! Это эти бормочут внизу, баптисты, что ли?

Коля. Книга о божественном?

Валентина. Вспомнила! Прокудин автор!

Коля. Такого нет.

Валентина. Забыла. Но там всё про Сталина.

Коля. Проскурин.

Валентина. Точно! Откуда вы всё знаете? Там про Сталина. Вы всё знаете, да?

Коля. На самом деле ничего.

Валентина. Вы гордые! Вы перед нами гордые! А за счет чего? За счет нас. Я работаю с четырнадцати лет, мать почтальонка болела. Разношу почту. У меня опущение матки. И я не знаю, смогу ли я родить. Тяжести носила тут по оврагам. Участок большой. Зимой утром темно, глаз выколи, вечером возвращалась по полю, это теперь город построился, а тогда-то... Одни деревни. Мама мне купила шерстяные рейтузы.

Степа кашляет.

Ну вот. Да вы послушайте! Как меня били. Они велики. Я плакать. Я в техникуме училась в вечернем, первый год. Я надела пояс и рейтузы навернула на пояс, раз повернула, два, придумала, держатся крепко, а то пузыри на коленях. Возвращалась поздно вечером, за мной бежит парень, пачка вот такая, улыбается. Мы с ним долго возились, сначала полчаса. Я ему сумку кинула, когда он за мной бежал. Он не остановился. Хорошо я в рейтузах была. Скатились мы в овраг. Он мне рот варежкой заткнул моей же, я выплюнула и говорю: ты что, с ума сошел, я же задохнусь, весь рот мне разорвал. А через поле шел дядя Володя пьяный совсем. Тут он меня бросил и убежал. Дядя Володя говорит: «Вы чего тут?» А я побежала в поле за сумкой. Потом на моей свадьбе он говорил:

«Меня благодари». Я домой прихожу, а мама говорит: «Говори, что он с тобой сделал». — «Ничего». Мы пошли к врачу. Такой позор! Честное слово, говорю, ничего. А на следующий день на работу пришла, синяк, около рта как порезано, лицо распухло, а девочки: «Валь, тебя что, остановили?» Смеются. Я еще у вас посижу, можно? Сережка там с ножом меня поджидает. Дайте попить водички. *(Плачет.)*

Коля наливает ей воды.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена шестая

Ромашка, Баба Маня, Дед.

Ромашка. Это заболеешь, дед, на пашне спать.

Баба Маня. Молочка поешь. Он заболееет! Он заболееет! Он завсегда как напьется, так ложится в борозду на огороде. Я его что послала: собрать колорадского жука. Этого жука сегодня видимо-невидимо. Сегодня летом у во всех жук на картошке сидит. Ну. Дед и не собрал ничего, залег и схоронился в картошках.

Дед *(откашлявшись)*. Кто?

Баба Маня. Стал наш дед совсем плохой, у Лиды съел дезодоран в шарике под мышками мазать.

Дед. Когда?

Баба Маня. Она утром собиралась на электричку... Ты еще не приехал с ночи... Искала-искала, нашла флаконто на умывальнике на полочке и увесь выеденный, рядом вилка грязная. Вилкой подковырнул и съел, после пошел в картошки спать. Она прямо затряслася увся. Теперь подмыла под мышками-то мылом и так поехала. Одеколон он еще когда ее выпил!

Дед. Когда?

Баба Маня. Сама так трясется, сама бормочет: выехали на дачу называется, удобств никаких, ходи на гумно, вонючая на работу поеду. Баню же ей не натопишь каждый день, дрова на исходе, дед дезодоран съел. Так она под

рукомойником все места подмоет, дезодораном пошпурует и пошел. А дед зубную пасту сирийскую развел в кружке и выпил. Так она пустой щеткой во рту поболтала и поехала. Мы-то раньше безо всего обходились: в баню по субботам, не татаре. А они: пасты, шарики, таблетки глотает... Чтобы ни запаху ниоткуда, ни детей не завелось.

Дед. Да не брал я, тьфу! Она сама съела.

Баба Маня. Он — она плакала — съел у нее цельную пачку этих таблеток. Противозачаточных. Так сказала.

Дед. Да она сама... проглотила, на меня грешит.

Ромашка. Отец! Сколько можно говорить!

Дед. Это она... тьфу!

Ромашка (*раздосадован*). Дед, это же нельзя. Где я теперь это достану, нигде ведь ни хера нет. Теперь завоз только в восемьдесят четвертом году аж! Такие таблетки редкие! И потом, их надо ежедневно, а то после перерыва можно попасть это... в большие неприятности.

Баба Маня. Лида плакала, да.

Дед. Когда!

Ромашка. Вот в сельпо завезли нафталин в таблетках, вот и жрите!

Баба Маня. Что говоришь, что говоришь!

Ромашка. Эти таблетки, они же за доллары, папа!

Баба Маня. Ну что я с им буду делать! В лечебницу его, где тосиманов этих... Из ПТУ лечат. Он, третьего дня я в огороде дустом поливала... Чтобы лист не поела гусеница... Ну, развела я дуст в ведерке. Он себе в пакет отлил и нюхать начал, понадеялся. Как, ей-бо, пионер в лагере. Он насмотрелся, траву окашивал там в кустах, они в кустах же этих чегой-то нюхали, сам же рассказывал.

Дед. Когда!

Баба Маня. А дети видят все эти безобразия. Витька уже ходит везде, всё в рот тянет, скоро два года, такое время пришло! Юрка вообще курит. Убить тебя мало, дед. Я на всех-то одна на вас, не усмотрю, гляди.

Дед (*откашлявшись*). Где это?

Каждый раз дед добавляет к своей реплике нечто безмолвно-непечатное.

Баба Маня. Лида сказала, что уехала и не вернется. Сказала «живете как звери». И звери! На мне козы, огород, Юрка на речке цельными днями, Витьку же с ним не пошлешь! Юрка-то его бросит! Лида на работе, ты вообще...

Ромашка. Я... ты вообще меня с каких лет отпускала.

Баба Маня. Ага, тебя и отпускать было некому, я то на свекле, то на кукурузе, а дед с трактора не слезал или пьяный в дровах лежал.

Дед. Когда?

Ромашка. Ничего, вырос же.

Баба Маня. Ага, ты вырос, ты крепкий, мы еще молоды были, и то крутом дети — то тонули, то взрывались... То вообще мёрли...

Ромашка. Капитана обещались присвоить. Если провернем одну тут акцию... Сегодня будем брать крупную антисоветчицу, шпионку. Верный будет капитан.

Бабка. Это сколько?

Ромашка. Всё будет наше. Сейчас трудное время. Но Андропов наш человек. Там все наши. В Политбюро.

Бабка. Да видали по ящику. Да, насчет капитана. Дед ехал в электричке пьяный, самое главное.

Дед. Когда?

Баба Маня. Не хотели тебе говорить... Нам звонят. У нас тут в линейном отделении милиции, говорят, сидит такой-то и такой-то Иван Петров Иванов, надебошировал, утверждает, что он есть отец капитана КГБ. (Пауза.) Показал им погоны капитана. Новые у бумаге.

Ромашка. Откудова, зачем взял?

Бабка. Из Лидинога вашего шифоньера, там искал чегой-то, враг его разбери, духи либо что, зубной порошок. Бидон браги у меня выпил, только наставила, только забродило, он выпил, пошел увесь пятнами.

Дед. Когда?

Ромашка. Дурака кусок.

Бабка. Они у его погоны-то изъяли, у милиции.

Пауза.

Говорят, отошлем у КГБ на площадь Дзержинского, дом один, что ли. Баяли.

Ромашка. Какое линейное отделение?

Баба Маня. На какой-то станции, откуда мы знаем. Он не помнит. Деда, иде?

Дед. А иде?

Ромашка. Мстят нам в милиции... Ну, падлы... *(Сидит, глядя в сторону.)*

Дед *(пищит)*. Не убивай меня, сынок. Не помню, не помню, ничо не помню...

Баба Маня. Да подумаешь, что за дело. Ну объяснишь, деда сам купил у Военторге, мечтал сыну подарить, домечтался. Гость столицы.

Ромашка *(глядя в сторону)*. Ну что мне с тобой делать, ну что. Ну скажи. *(Бьет себя кулаком по голове.)* Мне же на дежурство сейчас ехать. Преступницу брать.

Дед *(встает)*. Я на кого так похож? На кого?

Баба Маня. О, начал.

Дед. Я на кого так похож? *(Стоит, босой, бородатый, в нижней рубашке и ситцевых трусах по колено.)*

Баба Маня *(смущенная)*. На кого, на кого, на отца с матеркой.

Дед. Не говори никому, я Иисус Христос. *(Раскрывает широко руки, как на распятии.)*

Ромашка. А, вот оно что. Теперь всё ясно.

Дед. И не говори никому.

Ромашка. Это давно у него?

Баба Маня. Случалось. После фронта же. Да ты помнишь! Да пройдет. Иди проспись, о господи! Господи! Иди! Иди уже!

Ромашка. Так это с какого у него года?

Баба Маня. Да с сорок пятого.

Ромашка. В общем, так. Та врачиха, которая Ньюрку оформляла в дурдом, она работает еще? В психдиспансере? Ну к которой мы ездили насчет отравления луга?

Баба Маня. Да Господь с тобой, откель я знаю. Ньюрка-то, ты знаешь... Вернулась толстая такая... Закололи ее... уколами... Повесилась в бане зимой... Вы в городе зимой жили, я не хотела говорить... Что и гово-

ритель... Грех на душу взяли. Двое детей хулиганы, отец пьет... Тракторист... бабку из Ульяновска выписал, они ее не слушают...

Ромашка. Значит правду больная, здоровые не вешаются. Недолечили. А если она всё везде бы переотравляла? Здесь же атомная станция, как ты думаешь? Народ бы как работал отравленный?

Баба Маня. Да они и так все пьют... Их не отравишь... Они как колорадские жуки... Крепкие...

Дед. Истинно говорю вам, не успеют петухи пропеть, предаст меня один из вас.

Баба Маня. Залопотал. Вот отец его был дьяк, вот ему и отбивается на старости лет. Сам от отца отрекся, а бы не выжил. Отрекся, ирод, а кто не отрекся, того увезли на телеге, брата его, Михаила Петровича, священника.

Ромашка. Чего ты... бредишь... дьячка, священника...

Баба Маня. Молчу. Взяли грех на душу. Юрку на речке нашего никто не трогает, он говорил. После Нюрки все нас боятся. Юрка за девками бегаёт, одну подстерег, бабы видели... Дачники девочку свою увезли и сами больше не приезжают, мать ее, сказывают, всю ночь криком кричала... Двенадцать лет девочке-то, жалко... На экспертизу повезли... Так что...

Ромашка. Да болтают, ладно.

Баба Маня. Юрка много воли взял... Мне грозитя, убить грозитя...

Ромашка. Я ремня-то всыплю!

Баба Маня. Вот и пора. А то я кошку нашу выбросила, взяла другого котенка-мышелова, она уж старая... А кошка ходила у дома, всё норовила войти, я Юрке сказала, шугани ее, он взял и повесил... Гляжу, а у ней одного глаза нет, дырка красная... и висит на суку... И Витька маленький стоит, ее, значит, наблюдает.

Ромашка. Да ну, все ребята сейчас такие, не один он. Отец, завтра поедем к врачу. Лады? Освидетельствует тебя, дадут справку, подлечат. Пойми, мне капитаном не бывать через те погоны.

Ба б ка. Юрка маленького Витьку бьет. А Витька и так и так болеет, диатез... Я уж всё мыльцем стираю, без порошка... Все дети тут болеют... Витька хрипом хрипит, никак не вылечу... Как гармонь в грудке-то играет... Уезжать надо отседова... Да кто дом в атомной зоне купит... Ты у нас на всех один... *(Плачет.)* Юрка дурной, в деда удался... Посадят ведь... Не трожь деда.

Дед. И отпусти нам долги наши, да... *(Сел.)*

Ро ма ш ка. Через вас, папаня, у меня одни хлопоты получают. Теперь в больницу с вами тащиться...

Ба б ка. Он отрекся от отца, ты отрекешься от отца, Юрка с Витькой, придет час, отрекутся от тебя.

Ро ма ш ка. Ничего, перетопчусь без благословения. А вы, мама, кто тут Лиду криво судит? А? То не так, это не так, любой ведь сбежит от вас.

Ба ба Маня. Твоя Лида? Крапива крапиви рождает. Кум с кумой за семнадцать лет к нам ни разу не заехали, москвичи сраные. Мамаша полковница с-под села Касимова.

Ро ма ш ка. Нечего им сюда шастать, с меня и так хватит зимой их наблюдать. Сам всё забыть не может, что через него я в органы устроился, Лида тоже всё время меня подправляет, за слова цепляется: скажи, мол, компетентный.

Ба б ка. Как?

Ро ма ш ка. Как. *(Скромно.)* Компетентный. Да ерунда, у нас все так могут произносить. От слова «компетенция», что значит всё в ажуре.

Дед *(поет)*. Дево днесь пресущественнаго рождает, и земля вертеп неприступному приносит, ангелы же с пастьями словословят вольствию же со звездой путешествуют, нам Бо ради родися, отроча млада предвечный Бог...

Ро ма ш ка *(тяжело задумавшись)*. И если отец в дурдоме, сын в колонии... жена со своим школьным товарищем, теща спит и видит, когда мы разведемся, и на службе на меня стучит Грибанов... *(Крепко трет лоб.)* Я поехал, опаздываю. *(Уходит.)*

Дед (*поет*). Не плачь, Рахиль! Зря чадо тело не убьют душу пламенные крылы, но Бог принимает во своя святыни и какого сыну того причину, маленькое чадо в рае будет радо, маленькое чадо в рае будет радо...

Сцена седьмая

Кухня в доме Кати. Бабка Ольга Петровна пьет чай.
Катя читает.

Бабка. Как мы будем жить? Хорошо, что еще Антоша питается в саду.

Катя. Ага, заведующая садиком мне сообщила, что я обязана принести справку с места работы. Пронюхала, наверно. Я уже подала в гараже заявление по собственному желанию.

Бабка. Но они же не имели права тебя увольнять! Ты же одна с маленьким ребенком, алименты-то двадцать пять рублей!

Катя. Заведующая садом говорит: или вы нигде не трудитесь, тогда я не имею права держать ребенка в саду, у меня длинная очередь трудящихся женщин. Уже две мамыши ко мне подходили, видимо, она натравила: вы работаете или нет, вы и дома сама сидите, и еще ребенок у вас в саду, назвали антисоветчицей. Антоше плохо в садике, дети его дразнят «шпион», бьют.

Бабка. Надо научить его драться.

Катя. Поздно! Кто до пяти лет не научился, уже всё. Ребенок формируется до пяти лет.

Бабка. Ему еще нет пяти.

Катя. Он уже здоровенный лоб, четыре года и десять месяцев. Всё. Время упущено.

Бабка. Драться учить должен отец, так же как и писать на забор. А у вас отец приезжает раз в месяц. Устроил (*шепотом*) здесь книжный склад.

Катя. У него тяжелый период. Он очень много помогает людям.

Бабка. Антоше бы помог.

Катя. Ну сколько можно!

Бабка. Ты знаешь, что, если человек три месяца не работает, его (*шепотом*) сажают в тюрьму (*громко*) как тунядку?

Катя. Какой смысл каждый день обсуждать одно и то же! Им (*живок в сторону окна*) уже и записывать надоело!

Бабка (*в сторону окна*). Я заявляю протест против издевательства над нашей семьей! Я буду писать Андропову, копия кто там председатель забыла. Они специально выгоняют тебя уже с третьей работы, ядерного исследователя, тире няня в детском саде, тире ночной сторож! Чтобы объявить тунядцем и посадить!

Катя. Перестань так орать.

Бабка. Все-таки у них аппаратура дает сбои. Плохая слышимость, что ли. (*Выглядывает в окно.*) Слушай, этот стоит как ненормальный, смотрит на часы. Вся фигура выражает возмущение. Этот, Сокол. А Беркут, как всегда, опаздывает.

Катя. Это сегодня не Беркут, а Ромашка.

Бабка. Сокол, Сокол, как слышите, прием! Я чайник, я чайник, как слышите, прием! Я кастрюля! Почему какой день нам не вызывают слесаря, вода капает из крана. То без вызова приходят какие-то якобы слесаря по трое в ногу колонной, с чемоданчиками, то не дозовешься. (*Нормальным голосом.*) Катя, а что, этот Степа совсем к нам жить переехал?

Катя (*шепотом*). У него люди живут в его доме... Им где жить. А у нас все-таки комната свободная...

Бабка. Есть-то скоро будет нечего... На обед отварила картошки, селедку вымочила, нарезала... Все потратила. Господи твоя воля... Как будем жить?

Степа (*входит*). Здравствуйте, Ольга Петровна! Здравствуйте, Катя!

Бабка. Как спали?

Степа. Спасибо. Я вам не мешал своей работой?

Бабка. Мне нет.

Степа. Много заказов на переплетные работы. Клей вам не мешает?

Ба б ка. А я смотрю, чем так по квартире воняет, как треской.

Ка т я. А я что-то ничего не чувствую.

Ба б ка. Ко всему можно принюхаться и жить.

Сцена восьмая

Пост № 1 во дворе.

Ро ма ш ка (*в переговорник*). Орел, Орел, как слышишь, прием. Орел, я Ромашка. Заступил на дежурство девять ноль-ноль. Сокол дежурство не сдавал, я приехал – никого. Что? Орел! Я говорю, Сокол не сдавал дежурство. Напишу, да напишу. А хули знает... Может, вообще... у бабы. У какой, у какой, сам знаешь. Напишу, рапорт напишу. А что. Мне это... знаешь... Он на меня настучал... А, идет Сокол. Ромашка доложил. Прием.

Со кол. Ромашка! Ну ты стукач, Ромашка! Я же на opravку бегал, ждал до девяти, тебя нет, побегал.

Ро ма ш ка. Я? Я стукач? А кто позавчера на меня рапорт написал?

Со кол. Орел, как слышите, прием. Дежурство сдал девять ноль три Ромашке. Он явился с опозданием.

Ро ма ш ка. Орел, я с тобой говорил девять ноль-ноль, на объекте никого. Есть отставить.

Со кол. Стукач.

Ро ма ш ка. Тут стукачей нет. Тут работники госбезопасности, за слова ответишь. Вчера кто настучал сам на Беркута, что он не был на посту?

Со кол. Ну и что, когда он не был? Я прихожу и доложил по уставу.

Ро ма ш ка. Он был, но за углом, там объекты цветы посадили. Он проверял на мак. Не наркотики или как. На всходы мака или конопли.

Со кол. Спал он там, весь в земле, как чучка.

Ро ма ш ка. Не спал, а контролировал.

Со кол. В волосах трава, контролировал? Как чучка пьяный. Кто его поил?

Ро ма ш ка. Ты подносил? Уважай, Сокол, уважай те-

перь. Как ты, так и с вами, сержант Грибанов. Стукачей тут не держат.

Сокол. Орел, Орел, как слышите? Ромашка вводит вне-
уставные отношения, подаю объяснительную записку. Так.
Понял. Есть! *(Уходит.)*

Ромашка. Так, Грибанов. Так. *(В переговорник.)* Орел,
Орел, я дежурство принял. Объект отдыхает, занавески за-
двинуты.

Выходит Катя с собачкой.

О! Докладываю. Объект один вышел на прогулку с объ-
ектом четыре.

Катя. Здравствуйте.

Ромашка. Объект приветствовал пост № 1, и это не
впервой. Есть не реагировать.

Катя уходит.

Объект пошел навещать посевы на клумбе. Посевы не
идеи... не идентифицируются пока. Непонятно что. Выгна-
ли по два листа. Возьму на экспертизу. Грибанов уже брал.
Виноват, Беркут брал. Объект четыре бегаёт без привязи
и без намордника. Объект четыре побежал за кошкой. Объ-
ект номер один бежит за объектом четыре за кошкой. Объ-
екты скрылись в кустах. Понял, это якобы кошка. Наблю-
дение веду в кустах. *(Уходит.)*

Сцена девятая

Кухня. Ольга Петровна смотрит в окно.

Ольга Петровна. Смотри, опять этот идиот в задум-
чивости над клумбой. О, присел, рассматривает. Всё во-
круг клумбы вытоптали как ненормальные. Может, дума-
ют, что мы там рацию закопали? Вчера их Беркут лежал у
клумбы, рассматривал.

Катя. Он просто лег и не мог встать. Я с Джориком гу-
ляла, Джорик его стал нюхать и чихнул.

Степа. Я когда тоже с Джориком выходил, он уже стоял и говорил так в пространство: Я Беркут, объект три вышел с объектом четыре без намордника. Орел, говорил, и Орел.

Ольга Петровна. Степа, вы бы не ездили сюда. У вас могут быть (*пишет*), причем большие. Вы еще молодой человек, вы не знаете, как это, десять лет (*пишет*) и пять (*пишет*), то есть по рогам. Я ведь там была! Мы ведь там с дедом Катю родили. Вы ведь не знаете! Сейчас-то еще страшнее, раньше больше было по статье (*пишет*), а уголовники только руководили, теперь же сажают целиком к уголовникам и (*смотрит на Катю*) к уголовницам. Я очень (*пишет*), мне просто (*пишет*) за вас.

Степа. Ольга Петровна, не надо раньше времени.

Ольга Петровна. Но что хуже: ведь Кате потом куда возвращаться? Она здесь прописана одна с ребенком!

Катя. Мама, пиши.

Ольга Петровна. Квартира-то. (*Делает жест в пространство.*) Где она будет? (*Пишет.*) Тем более что она не работает уже полтора месяца. Через полтора минимум месяца ее (*пишет*), и всё. Четыре года. (*Пишет.*) И по рогам (*пишет*) сколько-то.

Степа. Но что интересно, они иногда отсутствуют. Я приехал вчера, никого нет.

Ольга Петровна. Налить чаю? Ешьте сушки. Вы же сами привезли эти сушки, Степа, вы что? Вы что стесняетесь? У нас на обед картошка, дед нанялся сарай толем крыть... Все-таки это была большая школа жизни там, ведь дед и плотник, и лесоруб... Я медсестра и тоже лесоруб...

Степа. А вы что кончали, Ольга Петровна?

Ольга Петровна. Мы вместе кончали ИФЛИ, но не кончили. Философское. Твардовский там же учился, на литературном, но гораздо раньше нас. Красивый был, высокий...

Степа. Они что, время от времени уходят?

Ольга Петровна (*громко, в сторону окна*). Да, они не всегда на своем посту, они увиливают, товарищи! Прогуливают и, откровенно говоря, пьют на рабочем ме-

сте! Дисциплинка у них хромает! Да! *(Степе, тихо.)* Честное слово, Степа, с нами даже на улицах перестали здороваться. Один к нам ходил с женой старый ее друг, его из партии исключили за неискренность с партией, уволители, теперь он работает на скорой помощи санитаром. Жена его голову так опускает и не здоровается. У них трое детей и собака. Тоже, знаете, нелегко. Так что не надо ездить. *(Плачет.)*

Катя. Степа, что я вычитала, читайте. *(Придвигает Степе книгу.)*

Ольга Петровна. Они ночуют даже в окне напротив. Заняли кухню, там в одной комнате живет дворник с женой и двумя детьми, а другая комната пустовала. Он уже в ней вроде расположился, смотрим, в окне бутылка с молоком с соской, кастрюля... Сандалики сушились детские... А потом раз, всё убрали, установили подслушивающее устройство. Видите, видите?

Степа *(оторвавшись)*. Да.

Ольга Петровна. Трубочка такая.

Степа. Да.

Ольга Петровна. Сначала ни за что не угадать, по виду это носик чайника.

Степа. Чайник вижу. *(Продолжает читать.)*

Ольга Петровна. Это определено чайник, правда? *(Громко говорит.)* Все знают про ваш чайник, поняли? Что это значит – чайник, который вместо чтобы на плите стоит круглые сутки на окне и который никто никогда ни разу не стронул с места? Это не называется конспирация. Это глупо, глупо. Орел, Орел, вы слышите? Идиотство. Рваные суки, вот вы кто.

Катя. Привет. *(Читает.)*

Ольга Петровна. Да! Это в фильме, забыла в каком. Такие слова и очень верные. Они ни одной минуты ночью не дежурят! Забираются в квартиру и смотрят там телевизор. За что мы платим такие большие налоги и содержим целую армию сотрудников государственной безопасности?

Катя. Mam, не стучи. Достучисься.

Ольга Петровна. Вот я уверена, что подслушивающая аппаратура не работает.

Сцена десятая

Ромашка (*выскакивая из-за угла*). Орел, вас слышу. При чем чайник? Это чайник дворника Веревкина. А хули его знает, зачем он там его поставил, нам без разницы. А не забирает, я знаю, у чайника носик прохудился. Хотел отнести в мастерскую, не берут паять. Надо на другую станцию ехать. Чайник уберем, так точно. Телевизор? Какой телевизор, у Веревкина в комнате телевизор, у нас в комнате только диван, стол и стул. Я знаю, кто это наступал про телевизор! Орел, я подам рапорт о невозможности совместной работы, или он, или мы с Беркутом. Сокол вообще... Таким в органах не должно быть места... Есть.

Входит Коля с чемоданом, озирается, проходит.

Объект пять приехал с чемоданом, судя по тяжести, литература. Обратное уезжал с пустым чемоданом. Возят, возят, чего возят. Смотришь в книгу, видишь, я извиняюсь за выражение, фигу. Вот, вот именно. (*Смеется.*) Они говорят: сколько поле не квантуй, все равно получишь... бесконечно??? Точно подметили, товарищ майор!

Сцена одиннадцатая

Ольга Петровна. Видали? Чайник убрали. Степа! Победа! Они убрали чайник, унесли. Стало быть, это была маскировка. Где же у них подслушивающее устройство? (*Осматривает кухню.*) Кто у нас был? Так... Так... Катя, кто у нас был за полгода? (*Пишет.*)

Катя. Сейчас... (*Задумывается, пишет.*)

Звонок. Катя срывается с места, уходит. Ольга Петровна тоже уходит. Степа встает и осматривает стены, провода.

Ольга Петровна (*возвращаясь*). Коля приехал. По каким-то делам. (*Пишет.*)

Степа. А в комнате ведь телефон?

Ольга Петровна. Телефон накроют. Подушкой.
 Степа. Надо просто снять трубку, чтобы пошел гудок.

Звонок.

Я открою.

Ольга Петровна продолжает осматривать стены, потолок.
 Степа вводит Валентину.

Валентина. Здравствуйте. (*Осматривает стены вслед за Ольгой Петровной.*) Ой, как у вас красиво! Я тоже так себе сделаю. Ой, это что? Как красиво.

Ольга Петровна. Это из Амстердама.

Валентина (*садится*). Откуда?

Ольга Петровна. Из Амстердама. Открытка.

Валентина. Из Амстердама... А Катю можно?

Ольга Петровна. Она сейчас занята. А что?

Валентина. Я хотела спросить, в чем смысл жизни.

Ольга Петровна. Я передам.

Валентина. Только обязательно. Я не знаю, зачем живу.

Ольга Петровна. Тише говорите.

Валентина. Она занимается? (*Тихо.*) Я просыпаюсь ночью и всё думаю, зачем я живу.

Ольга Петровна. Ради вашего ребенка, хотя бы, ради Славика.

Валентина. Ради Славика, я знаю. Просыпаюсь и думаю, зачем я живу ради Славика.

Ольга Петровна. То есть?

Валентина. Что хорошего-то Славiku? Зачем вот ему жить на свете?

Ольга Петровна. Каждый решает только для себя, о Славике вы не думайте и за него не решайте, я вас очень прошу. Ему надо жить на всякий случай.

Валентина. На какой?

Ольга Петровна. Вдруг всё изменится.

Валентина. Как это может быть?

Ольга Петровна. Когда-нибудь-то всё изменится!
К лучшему.

Валентина. Масло по талонам, колбаса по талонам...

Ольга Петровна. Я не в смысле еды говорю. В смысле еды меня не интересует, хотя может быть, и в смысле еды в будущем всё намного улучшится. Будут хорошие школы с умными учителями...

Валентина. Школы?

Ольга Петровна. Будут больницы и поликлиники с умными, добрыми, знающими врачами.

Валентина. Откуда? Я вот лежала в роддоме. Такой деловой роддом, прямо свалка. Цыганку поймали, на улице она рожала, привезли. Целый табор под окном закочевал, она по трубе с ребенком спустилась и правильно сделала.

Ольга Петровна (*разойдётся окончательно*). Будут чистые улицы, светлые, в магазинах всё что хочешь!

Валентина. Это при коммунизме?

Ольга Петровна. Будет милиция как на подбор, все с высшим образованием, вежливые, с первоклассной аппаратурой... (*Тревожно осматривает потолок.*)

Валентина (*смотрит тоже*). Течет потолок?

Ольга Петровна (*с досадой*). Да нет.

Валентина. Так что вот. Зачем я живу?

Ольга Петровна. Это нехорошие мысли. Это не очень хорошие мысли. И говорите тише, я вас очень прошу.

Валентина (*громким шепотом*). Занимаются?

Ольга Петровна. Знаете, что бывает после таких мыслей?

Валентина. Что?

Ольга Петровна. Не думайте даже. (*Тихо.*) И упаси вас Бог кому-нибудь рассказывать эти мысли. Вас немедленно пошлют к психиатру, и всё.

Валентина. А я всё думаю: зачем я живу?

Ольга Петровна. Положат в больницу и еще и Славу у вас отберут маленького. Бывают такие случаи, если кто хочет этого. (*Тихо.*) Захотят у вас взять информацию и пригрозят...

Валентина. Что-то взять?

Ольга Петровна. Неважно.

Валентина. Что у нас взять? Зачем я живу? Зачем Славик? Зачем живет мой Сережа? Он выпивает, с бабами гуляет, а я со Славиком. Зачем мы со Славиком?

Ольга Петровна. А это уже ваш Славик сам должен решить, зачем он. Когда вырастет. Это Славиковы дела.

Валентина. Я не сплю, проснусь в три часа и лежу, а то хожу.

Ольга Петровна. Сварите валериановый корень. Еще очень помогает голодание. Редко кто может покончить с собой голоданием. На третий день голодовки проясняется мысль, на шестой всех начинаешь любить, на десятый наступает такая сильная слабость, что ни о каком самоубийстве речи быть не может.

Валентина. Я давно ничего не ем. Только доедаю за Славиком. Он плохо ест.

Ольга Петровна. Вот доедать не надо.

Валентина. Как это не надо? Лучше в нас, чем в таз, моя мама говорит. Так что передайте Кате — в чем смысл жизни. Я спрашиваю. Вы здесь самые умные. Катя мне таблетки давала от сна. Я не сплю, полную упаковку выпила, не сплю. Только шатаюсь. Передайте. *(Уходит.)*

Ольга Петровна. Эта Валентина очень здравый человек. Действительно, встает вопрос о смысле жизни.

Степа. Да она просто стучит, пришла на проверку.

Ольга Петровна. Все равно она человек.

Степа. Шестов писал — не хочу другого мальчика.

Ольга Петровна. Простите? Где вы видите мальчика?

Степа. Это я так.

Ольга Петровна. Это вы о Коле?

Степа. Нет. Шестов писал — не хочу другого мальчика. У него погиб сын.

Ольга Петровна. Ужас.

Степа. Вот и я. Не хочу никакого другого... Никого.

Ольга Петровна. Это вы о Кате? Ей бы надо мужа.

Степа. Да, я тоже так думаю.

Ольга Петровна. И это тоже решение. *(Пишет.)*

Степа. Я так и говорю. *(Пишет.)*

Ольга Петровна. Очень прекрасно. *(Развеселилась, поет.)* Вот теперь мне действительно хочется жить.

Я шестнадцать лет все ждала. Знаете, лагерь, а особенно ссылка развивают в человеке обостренное чувство счастья. Когда-нибудь об этом напишут. Деда перевели из Норильска работать в Комсомольск-на-Амуре, такое место заключения, город юности, ветры как буря ежедневно, улицы широкие, просторы просто ледяные. Я к нему туда приехала, я в ссылке жила под Омском. Нам люди сдали жить ванную, все равно вода на четвертый этаж не доходила, а ванная была нетопленая. Мы положили на ванну две чертежные доски. Все было хорошо, но меня на улице встретил наш однокурсник Вэ, не буду называть, он потом нехорошо умер, раком. Одноделец. Проходили по одному делу. Утром меня взяли снова и отправили в Омск. Зачем это было нужно этому Вэ, стучать? Ему не скостили ни одного дня. На органы работать не окупается. Как выяснилось. Они плохо платят, не отдают долгов и часто ликвидируют своих. Опасная работенка, между прочим. Под Омском у меня вскоре родилась Катя. (*Смотрит в окно.*) Слушайте, что он такое пашет на моей клумбе, этот сотрудник третьего отделения? Я заявляю протест, ваши люди всё вытоптали и повырывали на моей клумбе, где у меня посажены цветы. Кроме того, протекает кран в ванной, я уже заявляла. Неужели нельзя прислать вашего водопроводчика, наш водопроводчик в отпуске. Диспетчер разговаривает со мной возмутительно, говорит, если будешь сюда ходить, писать и заявлять, то она вызовет милицию. Вода-то течет!

Степа. Я бы сделал, но нужна прокладка.

Ольга Петровна. И пусть захватит прокладку. И она говорит: выйди отсюда, слесарь в отпуске, прокладок нет, жалуйся в свой президиум. Куда хочешь. Так что пусть ваш якобы водопроводчик захватит и прокладки.

Входят Катя и Коля. Коля здоровается со Степой.

Ольга Петровна. Спекла олады, кофе желудевый в кастрюльке, я пошла к деду. Господи твоя воля, что же это будет? Приходила соседка Валентина, она, по-моему, своим умом дошла до мыслей о самоубийстве.

Катя. Опять пила вчера с Сережкой, подрались, видно.

Ольга Петровна. Простая женщина в декретном отпуске, а думает о возвышенном, ищет смысл жизни. Постой, а как же она кормит? Если ты ей даешь снотворное?

Катя. Молока у ней нет. Берут в детской кухне всё питание.

Ольга Петровна. Я пошла, а то старик будет ругаться. Он тут взялся говорить с тем... С этим, который внизу.

Катя. С дежурным?

Ольга Петровна. С дежурным по нам. Ага. С гороховым пальто. С агентом третьего отделения. Но разговор у них получился, как с тем, кто стоит на страже у Мавзолея: полная немота в ответ. Так. Катя, надо срочно выходить замуж. Я пошла.

Катя. Мама! *(Пишет.)*

Ольга Петровна. Но ведь квартира... *(Пишет.)* И потом замужняя женщина имеет право не работать! Ясно, товарищи? За работу! Из лагеря жену-то к мужу пропишут!

Катя. Оставь меня в покое. Возьми Джорика погуляй.

Ольга Петровна. Ты играешь с огнем. Вечная мерзлота — это такое дело, что после нее даже Комсомольск-на-Амуре покажется городом действительно юности, хотя там температура воздуха доходит до минус сорока пяти плюс ветер свищет. О. *(Выходит.)*

Катя *(показывает листочек)*. Гриша, оказывается, в Бутырках все это время. Получили...

Гриша *(появляется из тюрьмы обросший, бледный до желтизны, одно стекло в очках с трещиной)*. Дорогой Котик и сын Ванечка, вам передадут это письмо из Бутырок, где, как известно, я и нахожусь уже три месяца. Я вас прошу, не надо никаких передач, они все равно до меня не доходят, это лишняя трата денег для вас. В камере шестьдесят человек при норме тридцать, в шесть утра нас подымает рев стада быков, гимн Советского Союза, репродуктор забран решеткой, до него не добраться, но мы придумали, затыкаем это дело на ночь моим одеялом, все равно в камере душно. В первый же вечер урки меня избили, требуя наркотиков, сломали два ребра, объясняться бесполезно, я стучал в дверь, и потом дверь открылась и чья-то рука сунула в камеру упаковку в десять неизвестных мне таблеток. Когда меня по заявле-

нию спустя две недели повели на рентген, врач Степанова обнаружила перенесенный инфаркт миокарда. За это время было много событий, я лежал в тюремной больнице, потом меня перевели в камеру на двоих, сосед оказался педиком, который среди ночи набросился на меня. Это обыкновенный вариант насадки, я об этом уже слышал и был готов ко всему. Дорогой Котик, знайте, что все это только способ, чтобы выбить из меня показания насчет Кати и всех. Со мной работают люди из конторы на Лубянке, хотя ведут меня якобы по делу о хищении. Мне вменяется в вину, что я, списывая оборудование, не уничтожил его, а хранил. Они набрали уже сумму в сорок семь тысяч, это до десяти лет строгого режима. Всё, что я списал, но не уничтожил, всё оборудование за пять лет, считается хищением, но вы же сами понимаете, Котик, что в наше время, когда ничего не достанешь, преступно уничтожать даже гвозди, не говоря об электронных приборах. Котик, никогда в жизни не соглашайтесь на материальную ответственность, если кому-то понадобится вас посадить, они посадят. Здесь сидит еще один такой же завлабораторией и целая бригада модельщиков. Они отливали детали повышенной сложности в песке, в опоках, по договорам получили большие деньги, больше, чем министры получают. На семь лет строгого режима всю бригаду высококвалифицированных литейщиков.

Пост № 1.

Ромашка. Орел, Орел, я Ромашка. Объект номер два с объектом номер четыре движутся по направлению к шоссе. Я Ромашка. Объект четыре облаивает. А ну! А ну! Гражданка, уберите вашего кабыздоха! А ну! Гражданка! Я т-тебя! Орел, я Ромашка. Объект кидается, причем каждый раз, хули. Есть не травить, есть сохранить. Есть! Но собака может пропасть, бегаёт без веревки, я не отвечаю. Есть искать, если пропадет. Есть отвечаю головой. А кусит если? Если, говорю, покус сделает? Тибетский терьер. Есть ватные штаны. Где я возьму? Есть дать заявку. Орел, Орел, переходите на прослушивание через чайник. Остаюсь на внешнем наблюдении. Они там как всегда диспут открыли.

Слушать в обязательном порядке? Этнос и нация. Да откуда я знаю что это. Эт-нос. Да откуда я знаю. Остаюсь на внешнем наблюдении.

Сцена двенадцатая

Кухня. Катя, Коля, Степа.

Коля. Доклад о Платонове они сорвали: стояли на ступеньках и у входа дружинники в повязках и всем говорили: ничего не будет, сегодня кинофильм. Кинофильм придумали! Специально привезли какой-то фильм Бондарчука «Красные колокола». Доклад был в малом зале, афишу сорвали, сидели только Шурыгины, Котик, трое из библиотеки... В целом человек двадцать. Когда я стал говорить про «Котлован», из зала ушел один человек, а потом, я смотрю, одна мне идет цветы вручает, организаторша, а какой-то улыбается и со столика берет все записки ко мне и мои наметки. Я у него вежливо взял. Организаторша потом звонила и говорила, вы мне теперь всю жизнь алименты платить будете, меня грозят уволить за ваш вечер... (*Громко.*) Она-то чем виновата, я ее же обманул. Я же не сказал, что «Котлован». Вызывали в милицию, где работаете. Я знаю. Я эти шутки сразу понимаю. Говорю, это не подлежит разглашению.

Степа. Меня сначала тоже всё вызывали.

Коля. Предложил показать паспорт. Я дал, он взял и в стол положил. Опять. Говорю (*громко*), говорю, не имеете права, это противоправные действия. Он отвечает, приходишь, когда предъявишь справку с места работы, что ты не тунеядец.

Коля отдал читать Кате, та прочла, кивнула, пишет в ответ. Затем Коля пишет. Степа с беспокойством, кусая губы, смотрит в окно.

Степа. Что-то мне их поведение не нравится сегодня. Секунду. (*Берет у Кати блокнот, вырывает листки, сжигает.*) Так будет лучше.

Коля (*Кате*). Я не договорил, мне пора на поезд.

Степа. Их там скопилось уже двое.

Катя. Знаете, езжайте вы оба.

Степа. Я хотел поговорить.

Катя. Честно, мне сейчас не до чего. Что-то тяжело на сердце, понимаете?

Степа. Я схожу в аптеку?

Катя. Не надо, Степа. Я хочу немного поспать... Всю ночь не могла спать, читала... (*Пишет.*) Так страшно.

Степа читает, сжигает, встает. Коля прочесть не успел.

Катя (*Коле*). В общем, книга о туризме. Маршрут и все в гору. Гинзбург.

Коля. Катя, я, может быть, часть вещей (*пишет*) заберу?

Катя. Не надо. (*Пишет*).

Коля. Тут становится (*пишет*) и даже???

Катя пожимает плечами.

Мужчины уходят.

Сцена тринадцатая

Пост № 2.

Чаусов (*в трубку*). Чаусов у телефона. Алло! Что? Это кто? Да, четвертое отделение слушает. Кого? Какую собаку? Алло! Перезвоните. (*Кладет трубку.*) Собаку им сразу. (*Звонок.*) Четвертое отделение, Чаусов у телефона. Так. Так. Так. Машину прислать не могу, на вызове. Одна машина, понимаете? Я не знаю. Откуда собаку я вам возьму? Где вы видели здесь собаку? Собака одна на весь город. В городском управлении. Ну не знаю, на чем вам спать. А соседи видели? Что подумали? Что? Что на дачу переезжаете. Молодцы. Номер машины... Нет? Ну я запишу. Я, говорю, запишу, когда они вернуться... Они поехали в район в деревню одну. Дороги, знаете... Поломки... Пока вернуться... Да не плачьте вы... Вы жива, дети живы, остальное наживете... Бывает, знаете? Они, воры, еще не ушли, а тут хозяйева приходят, ну, они хозяев и убивают... Поневоле... Тоже

случается. А тут вы пришли поздно и остались. Живы, говорю! Жи-вы! Москва слезам не верит. Живы, и всё.

Шкодин (*входит*). Кто живы?

Чаусов. Так что ждите. (*Кладет трубку.*) Ограбили женщину одну, двое детей, привела из садика, вынесли всё, осталась в чем на работу ушла.

Шкодин. Всё?

Чаусов. Голые стены.

Шкодин. Свои работали.

Чаусов. Наводка соседей.

Шкодин. Где проживает?

Чаусов. Новая улица Ленина, двадцать пять, квартира шесть.

Шкодин. Так. Там ходят к этой... Шиманской.

Чаусов. Березкин, Надька, Броневик этот... Из мебельного. Адидас... Чукотка... Нет, Чукотка в ЛТП.

Шкодин. Пока что... загонят, пропьют, концов не найти. Надо до утра.

Чаусов. Мирский с машиной на выезде, в деревне Совкино. На свадьбе.

Шкодин. У кого?

Чаусов. Ни у кого, посекли там топором... Совкиновские посекли дубцовских...

Шкодин. Да... Они там, наверное, задержатся.

Чаусов. Мирский задержится, это точно.

Шкодин. Они всю мебель, весь грузовик продадут пока что.

Входит Ольга Петровна с Джориком под мышкой.

Чаусов. Гражданка, куда? Тут люди, а вы с собачьей мордой... Выйдите, гражданка.

Ольга Петровна. Я все-таки насчет заявления. Знаю, вы мое-то заявление порвали...

Чаусов. Вы что, гражданка, говорите. Собаку уведите.

Ольга Петровна. Тогда покажите, где оно лежит. Собаку сейчас.

Шкодин. Так что, Чаусов, я пошел обращаться к врачу. Как договаривались.

Чаусов. Вас понял, товарищ начальник. Собаку привяжите там.

Ольга Петровна. Товарищ начальник! Я к вам.

Шкодин. Одну минуту, сейчас вернусь, обождите. *(Выходит.)*

Чаусов. Вы ее привяжите у крыльца... Покрепче... Сейчас товарищ начальник выйдут.

Ольга Петровна. Как фамилия? Я запишу.

Чаусов. Выйдите тут с собакой, гражданка! А не то что. Фамилия! Писатели нашлись! А потом заходите. Товарищ начальник сейчас занят.

Ольга Петровна *(Джоррику)*. Фамилия начальника Шкодин. Странная такая фамилия. *(Выходит.)*

Звонок.

Чаусов *(берет трубку)*. Алё! Сейчас. *(Выходит.)*

Шкодин *(входит)*. Алё! Это ты? Это я. *(Смеется.)* Ты меня не теряй, я на тебя выйду часов в девятнадцать. Алё! Ты что не одна? А чё? Ты у меня смотри! А кто в кабинете? Бухгалтера? Ты мне оставь там...

Входит Чаусов.

Балычок есть? Баночный, так. Икры банки две... Я говорю, банки две стограммовые. Ничего, найдешь. У жены день рождения. Ты меня не теряй сегодня. Всё. Целую. Пока. *(Выходит.)*

Ольга Петровна *(входит)*. Собака очень нервничает. Так что мне вас ждать некогда.

Чаусов *(Ольге Петровне)*. Слушаю вас. Да, вам нашу документацию показывать не могу. Начальник выйдет, обращайтесь к нему. Можете в Верховный совет.

Ольга Петровна *(доверительно)*. Товарищ Чаусов, мы с мужем уже какую ночь не спим... Квартира на первом этаже, этаж, правда, высокий... Ну что делать... Ведь бандиты же растут, мат стоит стеной. Все стены исписали, изрисовали, пьют... Ведь еще они совсем маленькие девчонки...

Чаусов. Маленькие — это вам в детскую комнату милиции. Вам уже было говорено. А и она, лейтенант, что она с ними сделает? Ну отправит в колонию для малолетних... Они там еще лучше научатся... Что делать?

Ольга Петровна. Но ведь не спим... Муж у меня еще работает, я с утра бегу к дочери, внучка в детский сад... Как жить? Они ведь угрожают... У нас на окнах решетки сделали, сами заказали, форточку боимся открыть... Как в тюрьме...

Чаусов. Ну, в тюрьме... Это вы еще не сидели.

Ольга Петровна. Сидела.

Чаусов. Судимость?

Ольга Петровна. Успокойтесь, мы уже реабилитированные.

Чаусов. Сталина на вас нет.

Ольга Петровна. Слава тебе господи.

Входит Врач.

107

Врач. Караваяева Ольга Петровна?

Ольга Петровна. Я. *(Оглядывается.)* А что? У меня там Джорик привязан...

Врач. Пойдемте, поговорим.

Ольга Петровна. Вы знаете, не могу. Мне за внуком в детский сад.

Врач. Успеете. Только поговорим, и всё.

Чаусов подходит к входной двери. Ольга Петровна бросается ему наперез, хочет выйти.

Подождите! Стойте!

Чаусов хватает Ольгу Петровну.

Ольга Петровна. Мне там надо... Пустите... *(Кричит.)* Джорик! Джорика надо отвязать! Он сам найдет дорогу домой! Он же привязан!

Собачий лай в ответ.

Врач. Держите! Укол сейчас сделаем... Тише! Больная, тише! Ну что вы вырываетесь, больно ведь будет...

Ольга Петровна. Товарищ лейтенант! Товарищ Чаусов! А-аа! Что вы делаете! Товарищ Чаусов, отвяжите пса... Он не виноват... Христом Богом... Не надо его на жи-водерню... Он сам добежит домой... Он умрет... Он от горя умрет... Внук будет плакать! Что вы со мной делаете! (*Ольгу Петровну ведут, собачий отчаянный лай.*) Кто Антошку заберет, надо позвонить. Позвоните дочери домой! А-а-а! (*Кричит, Чаусов и врач ее уводят, Чаусов возвращается.*)

Чаусов (*запыхавшись, возвращается и набирает номер*). Оформлять как мешает работе государственных учреждений? Да. Так точно. Как пишется? Ши-зафри? Фре... Язык слома-ешь. Шизафриния. Интеллигенты пархатые придумали...

Отчаянный лай.

Куда ее кабыздоха? Понял.

108

Сцена четырнадцатая

Ромашка сидит за столом, обложенный кучей книг. Катя по другую сторону стола. Соколов приносит еще пачку. Чихает. Пыль.

Ромашка. Так. Бердяев. Уже шестая книжка. Издано в Пари-же. Ну, чья это книга?

Катя. Моя.

Ромашка (*пишет*). ...дя... ев. А кто вот вам ее передал?

Катя. Нашла.

Ромашка. Где нашла? Адрес. У кого нашла?

Катя. Что значит «у кого»?

Ромашка. То значит, у кого узяла.

Катя. В каком смысле узяла?

Ромашка. Объясняю: узяли вы сами. Никто вам не рас-пространял, никто не передавал. Вы сами лично узяли, но у кого?

Катя. Как я могла узять сама? Без разрешения?

Ромашка. Ну.

Катя. Нет, я без разрешения ничего не беру.

Ромашка. А то, предупреждаю, вы шестую книгу этого. (*Смотрит.*) Бердяева нашли на скамейке у сквере. Собрание, что ли, сочинений нашли?

Катя. Да.

Ромашка. Так... Солженицын... Так. У сквере?

Катя. Это я забыла, не помню.

Сокол (*входя с книгами*). Пятый час забыла да нашла. Кончай ты с ней... Посадим ее с уголовниками... В камеру... Посидит ночку с мужиками... Всё вспомнит.

Ромашка. У вас всё?

Сокол. Нет, там еще вагон. (*Выходит.*)

Ромашка. Вы его не слушайте. Он не я. У меня у самого двое по лавкам болтаются, тоже дети. Я хочу вам помочь, понимаете? У вас здесь на семь лет строгача. У вас сколько лет ребенку?

Катя. Неважно.

Ромашка. Мы же понимаем, что это не ваши книги... Сами вы ничего сюда не принесли. Что же вы будете за своего бывшего супруга отвечать? Пусть он сам за себя ответит. Имущество вы ведь не делили после развода? Ну. И говорите. Это не мое. И всё.

Сокол (*вносит новую пачку, скидывает, поднимается пыль. Ромашка звучно чихает, вытирается рукавом*). Зама- рались, товарищ старший лейтенант.

Ромашка. Иде?

Сокол. Лицо передняя часть.

Ромашка (*вытирает лицо рукавом*). Ладно. Дальше. Джойс. Дублин-блинцы. Так. Как же так скатились, граж- даночка. Так. А! Война и мир. Лев Толстой. У меня род- ственники живут на станции Лев Толстой. Он там помер. Там туберкулезный санаторий. Больные на них все вре- мя жалобы пишут: не соблюдают норму закладки блюд! Подпись: глаза больных. Так. Чья это книжка?

Катя. Нашла.

Ромашка. Да! А тут-то штамп стоит: библиотека (*вер- тит книжку*) техникама... чего-то. Краденое!

Катя. А, это я купила.

Ромашка. Где?

Катя. А... У книжного магазина.

Ромашка. Скупка краденого, еще два года лагерей.

Катя. Хорошо.

Ромашка. Э, э!

Сокол всовывается.

Закипяти там чаю.

Сокол убирается.

Так... Доктор Живаго. Ничего себе у доктора фамилие.
(*Монотонно.*) Чья книга?

Катя. Пастернака.

Ромашка. ...нака. При каких обстоятельствах он передал вам эту книгу?

Катя. Он уже умер.

Ромашка. Да? У вас усе: то вы нашли у скверу, то вам усе померли. (*Читает.*) Платонов у вас умер, Пильняк умер... Флоренский у вас умер, Ахматова умерла... Как они вам книгу передают, так все концы в воду. А! (*Веселеет.*) Вот это вот так! (*Записывает.*) Вам эта тетрадь знакома?

Катя (*смотрит, цепенеет*). Нет.

Ромашка. Это ваш подчерк?

Катя. Нет.

Ромашка. Список отданных книг. Кому. Б. Д. Это мы найдем. Факт распространения. Бунин. Окаянные дни. Е. П.

Катя. Нет, это не моя тетрадь, и я не знаю, как она тут оказалась.

Ромашка. Ничего, у нас лаборатория, сделают анализ... (*Кладет тетрадь в сторону. Орет.*) Грибанов! Чайник скипел? Ходи сюда (*Сокол всовывается.*) Побудь здесь... Чтoб ни до чего не касаться... (*Выходит.*)

Сокол (*садится, с удовольствием*). Да... на семь лет себе набрали...

Катя. Простите, пожалуйста, уже давно должна моя мама с ребенком из садика... Я волнуюсь, их нет и нет. Мне не хотелось бы пугать ребенка... Он маленький... Недавно

пережил развод... Ночами кричит... Он болел только что... Пусть они идут сразу к бабушке, не пускайте их сюда... Он будет плакать... Не выводите меня при них...

Сокол. Сколько бабانه лет?

Катя. Шестьдесят пять.

Сокол. Да... Не доживет ваша бабулька... Ребенка куда, в детдом? Этого-то вашего посадят точно... Его же книги... Он и отпираться не будет, он будет вас выгораживать, и вас посадют, и его.

Катя. Хорошо, хорошо. Но сейчас пусть не надо, а?

Сокол. Там же тоже обыск в комнате. В его-то комнате, ребенка. Пацан нам и покажет, кто ему что дал. Библию. Евангелие. Скажет, откуда ему эта книга.

Катя. От Луки.

Сокол (*доволен*). Ну и вот. Лука-то в Америке небось? Книга издана в Америке. ЦРУ! Вам ребенка не отдадут в такие руки. Рядом атомная станция. Недаром вам не довели работать там! Ох недаром! Атомная станция должна обслуживаться людьми с чистой совестью! Э! Э!

Ромашка (*всовывается с чашкой в руке, отхлебывает*). Ну!

Сокол. Обнаружена библия американского производства. Сука ЦРУ! Орден Красной Звезды!

Ромашка. Уважай, Сокол! (*Указывает глазами на Катю.*)

Сокол. Тянет на шпионаж.

Ромашка. Не, это Москва сразу заберет, не. Мы на них пахать не будем. Майор не похвалит.

Сокол. Вражеские голоса слушали...

Звонок, еще звонок.

Катя (*прячет голову под стол*). Закройте дверь, это они! Это бабушка с Антоном! Меня нет! Меня нет дома!

Звонок, еще звонок, грохот в дверь. Крики. Сокол беспокоится. Тревожно прислушавшись, подходит к двери. Крики. Грохот.

Голос Ромашки: «Не положено! Не положено! Что? Говорю, нельзя!»

Сокол (*тревожно ухает*). У? У? Шо? У? (*Не выдержав, высовывается в коридор, потом исчезает. Звуки борьбы. Прихлопывает дверь за собой.*)

Катя хватается тетрадь со стола, засовывает в трусы. Садится. Входит запыхавшийся Сокол. Быстро осматривает комнату, хлопает руками по книгам, чихает. Крик: «Катя, я здесь!»

Катя. Мне надо в уборную. Кто там?

Сокол (*презрительно*). Куда еще.

Катя. Мне обязательно.

Сокол. Да не они, не они это... Вперся тут на свою голову, сейчас его хорошо обыщут...

Катя. Сижу пять часов уже, необходимо.

Сокол. Э! Давай его в ту комнату! Тут на оправку посрать просятся! Ага! Хочет знать кто пришел.

Голос Коли. Это я, Коля! Катя, я с тобой! Катя! Не беспокойся! Они не имели права меня не пустить! Я вернулся с дороги! Это Коля! (*Голос заглушается, как подушкой.*)

Катя. Что с Антоном? Где они? Найди!

Сокол. Найдет, как же. Увезут вас обоих, дурак херовый, сам же влез.

Катя. Коля! Коля! (*Плачет.*) Обыск идет пять часов!

Сокол. Встать, вернее, сесть! К дверям не подходить!

Катя. Пусти меня посрать, Сокол, а то я прямо здесь сяду.

Сокол. Другое дело. Иди. (*Выводит Катю, охлопав ее предварительно не без удовольствия.*)

Ромашка (*запыхавшись, возвращается на прежнее место. Сокол вводит Катю и исчезает*). Так... Маленький лорд... Фаунтлерой... Издано в Санкт-Петербурге, о! Ворванное небось.

Катя (*входя*). Ты проиграл, Ромашка.

Ромашка (*пренебрежительно, не отрываясь от бумаги*). Шо?

Катя. Ты проиграл. Пока ты там бегал... Я порвала и выкинула ту самую тетрадь. С именами и датами. Кому я да-

вала книги. А ты ее уже внес в протокол. А исправленный протокол я не подпишу, без этой тетради. Я ее туда впишу сама с примечанием, ясно? И сразу же, как только меня доставят в УКГБ, я напишу на тебя письмо, что ты проворонил важнейшее вещественное доказательство. Ты понял, ворона!

Ромашка (*стрфузив*). Та... Он (*кивок на дверь*) ваш этот бывший... уже показал, что все книги его. Напрасно беспокоитесь, гражданка. Ваш супруг. Он подпишет протокол. Он всё на себя взял.

Катя. Ну и что, здесь его дом. Он имеет право держать литературу здесь, но на самом деле вся литература моя.

Ромашка. Как докажете? Что нашли у сквере?

Катя. Доказывать не надо, она у меня в доме, а он здесь не прописан.

Ромашка. Да он уже показал, что это его.

Катя. Хранила всё это я! А распространение вы не докажете, тетрадь ты упустил, Ромашка!

Ромашка. Упустил Сокол.

Катя. И ты, и Сокол. Вас уволят из органов. И никто тебя не защитит.

Ромашка. Я буду главным редактором, ты что! Одна цыганка гадала! Депутатом! Ясно? Срать я хотел на твои доносы, стукачка.

Катя. Никто тебя не защитит, Ромашка, даже твой тесть полковник КГБ.

Ромашка. У нас тоже, у моей тетки... на станции Лев Толстое... Она поваром в туберкулезном санатории... Больные всё письма писали, всё жалобы опускали... И недолечившись, их перевели у больницы, а кого домой... Так у нас же не станция Лев Толстое... У нас атомная станция. Здесь тут повышенная государственная безопасность... От диссидентов и шпионов, как вы... А то усё взорвете на хер... (*Смеется.*) Здесь даже нет выборных судей... Судить тебя и вас будет тройка... Потому что вы, гражданка, способны на усё... Раз такие книги читаете... Даже не распространяя... Хотя у нас уже есть против вас свидетели... Сами не скажете, другие докажут... Мы ох-

раняем от вас государственную безопасность... И всего мира... Кто на ваши бумаги тут будет смотреть... Письма ваши здесь читать... На х... Вы читайте, а не мы...

Появляется Гриша без очков.

Дорогой Котик, я все время думаю о вас и о Ванечке. Тут возникло против меня довольно спонтанно еще одно обвинение. Оказывается, сказали соседи по камере (здесь сидит много народу моего типа, кстати), не так давно в Свердловске в трамвае произведен взрыв при помощи устройства КУВ-два. Устройства такого же типа были мною списаны, но не уничтожены. Они впоследствии пошли на изготовление прибора ИКД-три. Если окажется, что списанные мною устройства КУВ-два того же года изготовления, что и взорванные в свердловском трамвае, на меня спокойно повесят этот взрыв и закроют мною это дело. И тогда мне светит вышка. Пока что я иду на десять лет строгого режима. Увидимся на суде. Скажите Кате, что у меня нашли «Архипелаг ГУЛАГ» про который Гена показал, что он его брал у Кати, точнее, книгу ему передала Катя, а я взял у него сам. Таким образом, набирается шесть статей, но я борюсь до последнего. У меня нашли десять патронов от мелкашки, с тех пор как я занимался стрельбой еще в институте, это хранение оружия, два года. И еще, Котик, помните, те детали, которые я не мог достать для устройства КУВ-три и наконец купил на свои деньги у спекулянтов возле магазина «Пионер», причем за два года на две тысячи. Теперь мне вменяют скупку краденого в особо крупных размерах. Жду суда и надеюсь на Бога. Кстати, лежа на больничной койке, я нашел формулу, подтверждающую существование Господа Бога. Вот она на всякий случай. Я оставляю пустое место. Я тут придумал кое-что для Вас, чтобы Вы с Ванечкой не пропали с голоду, может быть, когда-нибудь мы и встретимся. Меня повезут на экспертизу в институт психиатрии имени Сербского, мои молитвы были услышаны пока что только наседкой. Тех, кто верит в Бога, они объявляют психически ненормальными, но деespo-

собными. Такой парадокс. Да святится Имя Твое. Всё время думаю о Вас и ребенке. Господи, прости и помилуй. Целую, ваш Григорий.

Сцена пятнадцатая

Милиция.

На двух стульях лежит ребенок в пальто и шапке,
у телефона Чаусов.

Чаусов (*звонит*). Товарищ Шкодин, извините, побудил? Нет? А-а... Гуляете еще? Говорю, поздно! А! Поздравляю вашу супругу. Товарищ майор, у меня тут парнишка спит, не знаю куда засунуть... Камеры забиты, баптисты сидят, и те, что взяты на убийстве на Жолио-Кюри, и вся драка с улицы Курчатова. Детская комната заперта, Глухова уехала, отгулы у нее за воскресенье за изнасилование малолетней... Да тогда с дачи привозили... На экспертизу... валандались... Нашли тогда, всё закрыто. У них там только одна дежурная, прислать некого, а у меня все на происшествиях, на Менделеева и на Ленина, а Мирский со свадьбы с убийцами не вернулся из Совкина, заночевали в кювете, наверно... Дороги-то сами знаете... Дожди прошли... Да... Ну и так... Может, остались... Самогон проверять на дегустацию... Ну вот. А парнишку привела сторож детсада... Да нет, не забрался, не ограбление, ему-то четыре года, на пальцах мне показал, но крепкий паренек, дашь все шесть лет. Он невостребованный. Адрес свой знает, но по указанному адресу никто дверь не открыл, это на Ленина, контора обыск производила, вы в курсе. Да, да. Сторожиха с ним приходила. Остался последний в саду. Да я думал в камеру вроде, но они у меня перемешаны, баптисты с бытовиками. К баптистам я бы посадил его, баптистки не тронут, бабы честные, тихие, но там у них сидит женская часть свадьбы, до сих пор волосы рвут друг на друге со стороны жениха и со стороны невесты, и две легкого поведения колотят в дверь, что невиноваты, из «Волны» взяли их как незаплатившие, кричат, что их накололи студенты. Никак не успокоются. В обезьяннике сидит дискотека у меня из

парка, изъяты кастеты, цепи и финки. Парнишка одно говорит: «Дайте, пожалуйста, немножко хлеба», а где я ему возьму? Во родители, диссиденты, я бы таких лишал материнства. Говорит, зовут Антон, мама Катя, папа не виноват, его нет, видимо, мать-одиночка, бабушка Оля. Ну, помните, брали днем. Так что никто за ним не явился. Так пацан знающий. Он мне тут все песни спел. Потом плакал. Теперь спит. Ага. Куда его? Сейчас если Мирский вернется, убийцу привезет из Совкина... А? Ладно. Лады. Пусть спит закаляется, все равно ему тюрьма светит, а куда он денется, все так: тюрьма либо армия. Еще раз поздравляю с днем рождения супругу... Альбину Петровну... Ну ладно. Пусть знает, где ему жить... *(Слушает.)* Ну тогда придется в камеру. *(Стуки и фрики усиливаются, начинается пение.)* А ну у меня тихо! *(В телефон.)* Запели, понимаешь. Эти колотят, эти поют. Да что они могут, божественное, наверно, я не различаю, мне не все ли равно. *(Кладет трубку, выскакивает, уходит.)*

Песня, что называется, растет и ширится, сцена погружается во тьму, только луч света сверху падает на лежащего мальчика.

МОСКОВСКИЙ ХОР

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ли́ка

Са́ша, ее сын

Э́ра, жена Саши

О́ля, дочь Саши и Эры, 18 лет

Не́та, сестра Ли́ки

Лю́ба, дочь Не́ты

Ка́тя, младшая дочь Не́ты

Ло́ра, дочь Ка́ти, 17 лет

Га́ля, подруга Ло́ры

Миха́л Миха́лыч, брат мужа Ли́ки

Ста́нислав Ге́ннадиевич, руководитель

Московского хора

Ли́да, уборщица

До́ра Абра́мовна Ско́рикова, староста

Ле́ня

Ми́лицонер

Ра́я

Московский хор

Дрезденский хор

117

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Репетиция Московского хора. Хор сидит. Станислав Геннадиевич сидит на стуле на возвышении.

Станислав Геннадиевич (*поет*). Ми бемоль, вот ваша нота... Первые альты. Мммм...

Альты. Мммм.

Станислав Геннадиевич. Со второго номера. И! *(Взмахивает рукой.)*

Альты. Несите, голуби, несите народам мира наш привет.

Станислав Геннадиевич. Все!

Московский хор. А-а-а...

Станислав Геннадиевич. Стоп-стоп-стоп. Дора Абрамовна, еще раз вступление. Вы думайте, что вы поете. Летите, голуби, летите! Для вас нигде преграды нет! Вот текст. А тысяча девятьсот пятьдесят шестой год уже! Вы будете петь на Московском фестивале! Если, конечно, вы будете петь как сейчас, этого не состоится.

Дора Абрамовна. Тенора все время понижают к концу.

Станислав Геннадиевич. Будет решаться вопрос с тенорами. Может, будем приглашать со стороны. Вообще, старики за жесткость подхода. Опоздания на занятия, невыученные тексты, разговоры, все это учитывается. На фестиваль оформляется шестьдесят человек, это: костюмы, талоны на питание, два автобуса. Нам шьют из синей шерсти! Белые крепдешиновые блузки. Учтите, тенора!

Дора Абрамовна. Им надо протранспонировать на два тона ниже, они «ля» не берут.

Общий хохот.

Станислав Геннадиевич. И если теноров у нас мало, они на вес золота, то с альтами дело хуже. Альтов у нас двадцать, а мест в первых альтых десять, во вторых пять.

Дора Абрамовна. Вторых альтов сажаем в тенора.

Общий хохот.

Станислав Геннадиевич. Старики ведут тетрадь учета. Скорикова!

Скорикова. Ребята, старики не идиоты. Все мы хор. *(Потрясает журналом.)* Вот тут у нас сплошные опоздания

и неяви. Потом, к весне, люди нас будут брать на арапа. Учтите! Никакие справки. Певец не болеет! Баранова Галя не являлась четыре занятия.

Галя. Воспаление легких. Мне даже сессию продлевают.

Скорикова. Ладно, Баранова сама старик, мы с ней разберемся. Новенькая, Сулимова Лариса, почему все время опоздания?

Лора. Я хворала.

Скорикова. Вот тебе раз!

Станислав Геннадиевич. Сулимова, кроме того, ты так дудишь, что хочешь передудеть весь хор. Мы же хор! Я тебе специально знаки показываю (*показывает ртом и рукой*), что тише, а ты переорать всех хочешь.

Дора Абрамовна. Она солистка у нас.

Общий хохот.

119

Станислав Геннадиевич. Так. Все поют. (*Поет.*)
До-ми-соль-до!

Дора Абрамовна. Моцарт, первый номер, пожалуйста. Сулимова, когда я так показываю, ты поешь втрое тише. Сулимовский специальный знак.

Московский хор (*мощно*). Авеверум... Ве-рум корпус... Натум де Мария ви-иргинэ...

Картина вторая

Квартира Лики. В комнате Лика и Эра.

Лика. Эра, ты нашла время. (*Ковыряет ложкой в кастрюле.*)

Эра. Шли бы вы на кухню, ей-богу. Я тут разгребусь.

Лика. Я только что из кухни. (*Показывает кастрюлю.*)

Я туда обратно не попрусь.

Эра. Там картошка отварена, еще горячая. Чем есть эту гадость.

Лика. Эра, ты не тем занимаешься.

Эра. Какой смысл есть холодное. Вечно у нас едят с бумажки, пальцами и из кастрюли.

Ли ка. Ты специально это затеяла? Между прочим, наша прислуга Дуня, когда к Неточке приходили кавалеры, начинала выносить помои у всех на глазах или ночные вазы.

Эра. Как будто мы еще в эвакуации.

Ли ка. А что ты с этим собираешься делать?

Эра. Я хочу привести диван в порядок. Машка изо всего выросла.

Ли ка. Собакам выкидать? Как говорил Вадим Михалыч.

Эра. Я вчера была у Сони. Соня возьмет для Юрочки.

Ли ка. Ты все раздаешь по людям. Когда у Оли будет ребенок, пойдешь по миру побираться. Господи, не каша, а сплошные угли.

Эра. Варили вы. Какой, к черту, ребенок.

Ли ка. Ну когда-нибудь будет же. Эта каша стоит с субботы. Никто не съел, не выкинул, никто не позаботился. (Ест.)

Эра. Господи, как избавиться от барахла! Все забито тряпками.

Ли ка. Сколько времени, ты знаешь? Ты же нарочно устроила бедлам, чтобы встретить так мою сестру.

Эра. Еще полчаса до прихода поезда, да им еще ехать... Успеется. Обед готов.

Ли ка. А мне вот не в чем выйти встречать родную сестру. Дай, дай мне эти тряпки. Я сварганю себе пальто.

Эра. Я же вам сколько раз покупала пальто!

Ли ка. Где?

Эра. А зеленое?

Ли ка. Оно мне было узко. Потом, такой маркий цвет, мне бы его тут же разорвали...

Эра. купишь вам пальто, а потом его опять продавать. Купить-то купишь, а продать-то не продашь!

Ли ка. Оно слишком узкое, это пальто. Все это поняли. И не купили.

Эра. Хорошее пальто, там привезли, была давка. У меня на руках трое детей! И еще вы. И Саша, который флотский

офицер и умри, не встанет в очередь. (*Демонстрирует кальсоны, вынутые из дивана.*) Флотский офицер умрет, но не наденет кальсон!

Ли к а. При чем кальсоны? Саша давно в командировке и не на ваших руках. Я тоже сама себе варю. (*Потфясает кастрюлей.*) И детей подкармливаю.

Э р а. Вы этим подкармливаете? Углями?

Ли к а. Дети у вас отданы государству. При живой безработной матери дети прозябают в садике.

Э р а. Кто, Оля?

Ли к а. А Оля вообще дома не ночует. Вчера пришла в двенадцать ночи.

Э р а. Она была у Маринки.

Ли к а. Вот именно, у Маринки.

Э р а. Они там занимались.

Ли к а. Чем они там занимались?

Э р а. Тем и занимались. Меня не было дома. Могу я в кои-то веки, уложив детей, сходить к Соне! К двоюродной сестре своей! К единственной родной душе в этом мире!

Ли к а. Ты да, ты была там. А я ждала, я ей звонила и в полдвенадцатого спустилась подышать. Идут двое стилиг. Здесь у них так (*показывает на лоб*), здесь так, здесь так. Один указывает на наш подъезд и говорит: «Ты знаешь, что в этом подъезде у тебя будет ребенок?» А он, тот, отвечает: «Пошарь во лбу, ты спишь, наверно». Вот. А ты раздаешь все детское Сонькам и Ванькам. Вполне целое.

Э р а, плача, кидает все обратно в диван, опускает сиденье.

К сожалению, я всегда оказываюсь права, то есть лучше бы мне вырвали глаза. Мои старые глаза всё видят, и за это меня ненавидят.

Э р а. В чем вы выходили?

Ли к а. В Сашиной шинели.

Э р а. Так.

Ли к а. Было двенадцать ночи, успокойся. Я встретила Олю, и мы с ней поговорили. Мы с ней обо всем договорили-

лись. Я успокоила девочку, мы обнялись и поплакали. Она сказала, что будет поступать в институт, в университет. После этого ты, придя за полночь, тяжело избила Олечку по щекам.

Эра. Я дала девке пощечину, чтобы она не таскалась к этой дряни.

Ли ка. После слез еще ударить ребенка! Уже я ей дала подзатыльник, и хватит! До-воль-но!

Эра. Сидит, якобы занимается французским. Я говорю, ты что, не учила, так себе сидишь? Она говорит: «Почему?»

Ли ка. Я ее спрашиваю: «У тебя будет ребенок?» Она тоже: «Почему?» и «Кто это тебе сказал?»

Эра. Да ерунда. Сидит, пишет стихи.

Ли ка. Да, она в ведро выбросила и порвала, а я вынула и прочла. Ну, ты знаешь: «От ликующих, праздно болтающих, обгадряющих руки в крови уведи меня в стан погибающих за великое дело любви». Точная цитата, хотя некоторых мест не хватило, испачканы томатной пастой.

Эра. Это стихи Симонова.

Ли ка. Некрасов, но это неважно. Она влюблена. Сколько времени?

Эра. Полчаса все еще до прихода поезда.

Ли ка. Только полчаса? *(Активно работает ложкой.)*

Эра. Мама, я вас прошу, наденьте мой халат. Голубой.

Ли ка. Мне его тут же порвут. Все время вещи рвут вот здесь, под мышкой. Кто рвет, неизвестно.

Эра. Я зашью.

Ли ка. В нашу квартиру все время проникают посторонние. Ночью я посыпала содой. Утром на ней были чьи-то следы.

Эра. А я утром подметала, ничего не пойму, по всей кухне сода.

Ли ка. Я искала одну вещь на буфете, но там оказался пакет с содой.

Эра. Начинается.

Ли ка. Это моя вещь и моя квартира.

Эра. А вот мне некуда идти. Мама умерла. Всё.

Ли к а. Твоя мама умирала в роскоши, ты ее обслуживала не отходя. А я обслуживала твоих детей. Роскошь всегда бывает за чей-то счет. Сколько времени?

Э р а. Часы у меня стоят!

Ли к а. К такому моменту я ослепла.

Э р а. Кто-то пришел! У них же нет ключа. Это кто? *(Ли хорядочно подбирает тряпки с пола.)*

Ли к а прячет кастрюлю за диван.

О л я *(входя)*. Это я.

Э р а. Ты уходила?

О л я. Да, я отнесла учебники Маринке.

Э р а. Какие учебники, какой Маринке?

О л я. Она будет поступать, я ей дала на время.

Э р а. Что?

О л я. Мама, мои дела я буду решать сама, договорились?

Э р а. Какие учебники ты дала ей?

О л я. Неважно.

Э р а. Не заставляй меня рыться в твоём столе.

О л я. Тригонометрию и историю ВКП(б).

Э р а. Пока я тебя кормлю и даю тарелку супа, а ты палец о палец не ударяешь, ты еще сбагрила учебники этой мрази. Чтобы самой не заниматься.

Ли к а достает кастрюлю из-за дивана.

О л я. Меня кормит мой папа.

Э р а. Конечно, твоя бабушка тебя хорошо научила, как отвечать матери. Но кормлю тебя я. А папа твой в командировке три раза по два месяца. И похоже, что ему плевать на тебя.

О л я. Это на тебя ему плевать, а не на меня.

Ли к а. Оля, что ты говоришь! Девочка моя! Мы же договорились! Ты же с ней так не должна!

О л я. А что она... варезку разинула...

Э р а. Короче говоря, тригонометрию ты вернешь и ВКП(б) тоже. Эти учебники доставала я.

О л я. Тригонометрию мне, кстати, дала Маринка. Два года назад.

Эра. Накануне сдачи своих экзаменов ты решила ее отблагодарить и вернула.

Оля. Впереди еще целый год.

Эра. Какой год, какой год! Декабрь, январь, так, так, май, июнь, семь месяцев! Семь месяцев! За это время ребенка можно родить недоношенного!

Оля (*с горящими щеками*). Я более не буду брать у тебя ни крошки хлеба!

Эра. У меня? В вашем доме у меня только подушка и одеяло, успокойся.

Оля. Ни крошки более и ни глотка.

Эра. Скажи это своему отцу, когда он через месяц опять нам позвонит. Он через месяц скажет тебе: «Терпи, дочь моя старшая».

Оля. А, ему на меня наплевать...

Эра. Ты что, ты его любимая девочка. Это я у вас у всех прислуга. Приготовить, подать, помыть посуду и постирать, убрать и купить.

Оля. Вот я и не буду больше этого есть.

Эра. Снять с тебя штаны и выдрать.

Оля. Пошарь во лбу...

Ли ка. Что-о?

Оля. Ты спишь, наверно.

Эра бросается к Лике и обнимает ее. Они застыли. Оля уходит.

Ли ка. Идут! (*Отстраняет Эру, прячет кастрюлю за диван.*)

Входит Саша с чемоданом. Он в черной шинели, в белом кашне. Лика встает ему навстречу, накидывает на плечи точно такую же шинель, на которой до сих пор сидела и полами которой укрывала ноги. Целуются. Эра ждет своей очереди рядом.

(*Не отпуская Сашу.*) Я совершенно ослепла! Со мной никто не хочет сходить к врачу! Саша, ты вернулся! (*Ищет глазами Эру.*)

Саша. Я с тобой схожу.

Ли ка. Вот я закрываю левый глаз и не вижу совершенно уже ничего.

Са ша. Ну какой смысл закрывать.

Ли ка. У нас такая радость! Сегодня возвращаются из эвакуации Неточка и Любочка! Михал Михальч поехал за ними и вернулся с ними из Уфы! Не знают, бедные, что через пятнадцать лет Ли ка без пальто и слепая. Они будут жить у нас пока что. Ты рад?

Са ша. Это тетя Нета? А кто такая Люба?

Ли ка. Да Люба же, помнишь, ты за ней ухаживал? Ну, когда тебе было семь лет, вы за елкой с ней спрятались?

Са ша. Любка, что ли?

Ли ка. Ты был в нее влюблен, признайся.

Са ша. Ну вот еще.

Ли ка. Они вызваны в Москву, и им дали квартиру. *(Торжественно.)* Меня вызывали в связи с посмертной реабилитацией Ивана, Маруси, Николая, Лялечки и Люсика и спросили, есть ли какие-нибудь нужды. Я сказала, что еще одна сестра все потеряла и они влачат жалкое существование в Уфе. Теперь им дали квартиру в Москве, комнату им и комнату Кате с Лорой. Двухкомнатную роскошную квартиру под Москвой, где-то в Новых Черемушках. Электрички даже не ходят. Трамваем полтора часа.

Са ша *(Эре)*. Мне надо с тобой поговорить.

Ли ка. Ты меня слушаешь?

Э ра. Мне тоже.

Ли ка. Ну вот, они наотрез отказались жить с Катей. Я их пригласила телеграммой, они пока поживут у нас. Ничего? Ты не против?

Са ша. Да я, собственно, на один день.

Э ра. Чтобы ночью быть там.

Са ша выходит.

Ли ка. Я понимаю, они не хотят комнату. Нета ведь была женой замнаркома. Тем более с Катей у них нет ничего общего, она им не писала и не помогала...

Эра. А мы с мамой после ареста папы жили в Удельной в комнате семь метров на две семьи.

Ли ка. Но ты очень скоро по головам нашей семьи стала невесткой полковника, а они оказались на речке Уфимке в эвакуации и скитались.

Эра. Вы меня приютили, за это я вам благодарна, и мне напоминают об этом ежедневно. Но моя мама тоже оказалась на разъезде Шубаркудук в бараке из сухого конского дерьма пополам с соломой.

Са ша входит с чемоданом.

Ли ка (*перебивая*). Но они столь деликатные и тонкие люди, что сами ни о чем не напоминали, не просили ничего. Ни слова из ее груди, лишь бич свистел, играя. Единственно, чего они не боятся, это жить с Катей. Катя им чуждый элемент, она боролась за жизнь и всюду скрывала насчет врагов народа — родственников, чтобы прокормить маленькую дочь. Когда ее вызывали к тому же майору Дееву, она ляпнула, что они были невменяемые и не отвечали за себя. Не знала, что не требуется никаких оправданий. Хотела их опять выгородить, как в тридцать восьмом.

Звонок.

Эра, это они, возьми там кашу, я уже не успеваю.

Эра достает из-за дивана кастрюлю, уносит. Входят Катя и Лора.

(*Закрыв лицо*.) Кто это? Кто? Дорогие! Я ничего не вижу! (*Плачет*.) Слепла!

Катя (*плачет*). Ли ка, дорогая, здравствуй! Это я, Катя, с дочерью!

Ли ка (*мгновенно просыхая*). Ты меня напугала! Фу как напугала!

Катя. Это моя Лора! (*Почти кричит*.) Лора! Помнишь?

Ли к а. Я слепая, но не глухая. Можешь не кричать.

Ка т я. Я так рада! (*Целует Лику.*) Как ваша поживает Олечка? Она поступила в институт? Моя Лора поступила в стоматологический! Изучает череп и кости! А где Олечка? Оля! К тебе пришла сестра!

Ли к а. Она занята, она готовится к экзаменам.

Входит Оля. Обе девушки становятся по противоположным сторонам сцены.

Ка т я. Олечка, ты помнишь Лорочку? Твоя троюродная сестра.

Оля отрицательно качает головой.

А Лора тебя помнит.

Лора отрицательно качает головой.

Ли к а. Сижу здесь слепая совершенно, не говоря уже о том, если закрыть левый глаз (*закрывает ладонью*). Вот! Вот и результат! Ничего не вижу!

Ка т я. Надо обратиться к глазнику.

Ли к а. Катя, ты знаешь нашу жизнь. Ем я одни объедки, потому что они оставляют кучу продуктов. Кто голодал, тот не оставляет.

Ка т я. Я ничего не оставляю. Лора тоже ест все под корень. Конфеты уничтожает. Я буквально прячу.

Ли к а. А свиней подбирать за ними нету. Они оставляют, все испортится, тогда в ход иду я. Ем одно прокисшее и подгорелое. Покупают, готовят, потом оставляют по полкастрюли. А сами варят заново. У нее как кастрюля пригорела, бац! Она покупает новую. А я вынуждена хлебать предыдущее.

Ка т я. Зажрались.

Ли к а. Нет, ни в коем случае нет, просто им всем некогда! Саша, когда дома, отсыпается на всю жизнь. У Эры тысяча всегда отговорок, никогда не ест. Она веселый кощей. Дети вообще ничего не едят, когда болеют, а когда

здоровые — они едят в садике черт-те чего. А у Олечки, посмотрите, абсолютно нет фигуры, а ведь ей уже семнадцать лет, восемнадцатый.

К а т я. Да, у нее еще не прорезалась фигурка.

Л и к а. Нет, фигура-то у нее божественная, она сложена как танагрская статуэтка, Эра тоже была такая в ее годы. Но у Эры был зад, а у Олечки нету.

К а т я. Ну-ка, ну-ка. (*Смотрит.*) Есть, есть.

Л и к а. Его нет!

К а т я. А моя Лора мучается от своей фигуры вообще. Скажи, Лорочка. Она молчит. Она считает, что она квадратная.

Л и к а. Немного того.

К а т я. Смешные девочки. Они чем-то похожи. Олечка и Лорочка, ну-ка, кто выше? Ну-ка встаньте спиной друг к другу.

Девушки не двигаются.

128

Л и к а. Они не могут быть похожи, так как Олечка похожа на красавца Сашу.

К а т я. Все-таки что-то родственное есть. В щеках что-то.

Л и к а. Это ложное впечатление.

К а т я. Они одно поколение.

Л и к а. Это не в счет, не в счет.

К а т я. Я была в молодости сложена как богиня, все меня находили интересной. Один скульптор мне сказал: «Всю жизнь ходите на каблуках. У вас фигура богини».

Л и к а. Нет, ты не в нашу родню, ты в папу своего уда-лась, в Василья. А наша Олечка — вылитый красавец Саша. Саша и Эра — пара красавцев.

К а т я. Когда Лора приходит к своему отцу, к Сулимову, на кафедру, все говорят, что она вылитый Сулимов. А вообще никто не знает, что она похожа на меня в юности. А я была как богиня, но никто этого не замечал, кроме скульптора Пискарева.

Л и к а. Напомни, что за Сулимов такой.

К а т я. Мой муж.

Ли к а. У тебя был разве муж?

Ка т я. Сулимов.

Ли к а. А разве Сулимов на тебе женился?

Ка т я. Потом-то да.

Ли к а. Помню, Нета жаловалась, что Катя ждет ребенка от неведомо кого. Мы к этому легко отнеслись, не осуждали.

Ка т я. Я не хотела за него выходить, обиделась. А когда меня на собрании прорабатывали как члена семьи врага народа, Пискарев встал, посторонний человек, и сказал, что готов на мне жениться, и тогда Сулимов взял свои слова обратно, его забрало за живое. Он ведь на этом собрании отрекся от связи с врагом народа. А у меня уже пузо было! Сулимов заревновал и после собрания со мной расписался. А я его презирала. Но ты знаешь, как глупые девчонки высказывают замуж! У Олечки уже небось есть кто-нибудь. Олечка, пойдешь замуж?

Ли к а. Ох, не говори! Отбоя нет. Вчера стою, двое внизу у подъезда идут, и один говорит: «В этом подъезде я скоро женюсь». Ну вот.

Ка т я. А у вас же и на первом этаже есть квартира?

Ли к а. Там живет доктор Клованский с женой, сыном и внуком. И Шиллера со старушкой дочерью. Игорь Алексеевич с Валею, Ната с Лёсиком, Борис Витальевич все разводится. А напротив нас Поделковы, у них две дочери. Одна в третьем классе, другая в кровати, в пеленках лежит. И у Сыроквашиной дочь ветеринар, с мужем в Германии. Ляпина с сыновьями, Лева Калинин по кличке «донор», поскольку клопов разводит. Саша-пропитушка с дочерью. Но ей четырнадцать лет, я сомневаюсь. Ее и в сорок никто не возьмет.

Ка т я. А я, наоборот, любила одного человека, Володю, но он болел туберкулезом и уже доживал свои дни. А Пискарев меня любил. Помню, приехала я к Владимиру в санаторий. Он умирает лежит... Он умирает, а я беременная...

Ли к а. Олечка, иди занимайся. Ей рано слушать такие вещи.

К а т я. Ну вот. Он умирает, а я беременная. А сестра Пискарева нашла меня в сорок третьем году, отдала мне портрет мой на бумаге карандашом. Пискарев рисовал в камере перед смертью. Все вещи отдали сестре, а среди них мой портрет карандашом.

Л и к а. А Саша подполковника получает.

К а т я. А разве не был?

Л и к а. Олечка университет закончит, а Саше, глядишь, полковника дадут.

О л я, кивнув, уходит, Л о р а тоже выходит.

К а т я. Вот. Так сказать, родная мать приезжает, но не ко мне.

Л и к а. Это все пустое. Сулимов, Пискарев, это все миф, они исчезают, иногда даже не оставив после себя детей, а теперь у тебя будет родная мать и родная сестра.

К а т я. Я им простила давно. Я им сама квартиру выхлопотала у майора Деева, реабилитации добилась. Я им деньги посылала.

Л и к а. Если бы они еще тебя простили.

К а т я. В чем меня прощать, не понимаю. Мама меня не любила с детства. Записала в дневнике, она вела дневник по Фроиду: когда Любочка ко мне прижимается, мне приятно, а когда Катечка, то противно. Мы были Люка и Кука. А когда Кукочка, то противно. Тетя Маруся мне рассказала, мать ей давала читать.

Л и к а. Я знаю эту ветхозаветную историю. Ты хочешь быть страдальцей. А вот зачем ты майору Дееву сказала, что они психически невменяемы и за себя не отвечают?

К а т я. Чтобы их реабилитировали!

Л и к а. А что они такого сделали?

К а т я. Они же были че эс, члены семьи врагов народа. Связь с врагами народа.

Л и к а. Но ведь уже всё! Уже ведь было всё!

К а т я. Кто знал, что всё? Когда меня вызвали, я вспомнила всё! Тридцать седьмой год. Ты сидела когда-нибудь на допросе, когда в тебя лампой светят?! Я беременная сидела.

Ли ка. Сидела.

Ка т я. А сейчас вызвали, ознакомили с делом, и первое, что я сделала, я стала их же защищать! Ты чувствуешь, что такое защищать врагов народа было в таком месте? Сам следователь меня благодарил, пожимал руку, сказал, что вы их реабилитировали сами, до дверей проводил. А то, говорит, в этом деле днем с фонарем не разберешь, что они понаписали. А я рисковала, что Лора моя одна останется. Но подумала: мало для них сделала, Лорочка уже большая, сама прокормится. *(Всплакнула.)*

Ли ка. А то, что ты услышала про дневник, так это же Фрейд! Его давно разоблачили и запретили! Сейчас твоя мать старая и страшная старуха. Как я.

Ка т я. Ты все еще интересная женщина. А про меня тоже в доме отдыха так сказали, представляешь?

Ли ка. Это одна видимость. Внешний обман. Я, в первых, совсем ничего не вижу, а пойти к врачу отказываюсь, во вторых, и не с кем. По Фрейду это что-то значит, что меня туда не ведут.

Ка т я. Если хочешь, я с тобой схожу.

Ли ка. Нет, нет, это у них какое-то торможение по Фрейду. У меня, потом, нет пальто и ботинок.

Ка т я. Надо с собой бороться. Я всю жизнь с собой боролась, была скромной и застенчивой. Всех стеснялась, особенно мужчин. И я преодолела это. Ты тоже должна. Хочешь, я с тобой схожу?

Ли ка. Да у меня что, некому сходить? Но в каких ботинках, вот в чем вопрос. Я хожу в ботинках после Саши еще в бытность его старшим лейтенантом. Им выдают каждый год, но не в этом дело. Теперь: неизвестно, какой у меня стал размер. Я привыкла к свободе. *(Вытягивает ноги в огромных ботинках, разглядывает их.)* У Саши сорок пятый размер. Эрка мне купила какие-то из клеенки, так в них ноги просто гудут! И они явно мужские. А ведь где-то были мои собственные, нянины, из сукна. Суконные, теперь таких не делают. Сукно! Но их, видимо, моль пожрала.

Ка т я. Подошвы-то бы остались?

Ли ка. Не знаю, не знаю. Украла, видимо, подошвы-то. У нас всё тибрят. Сумку мне разрезали, вынимаю из сундука, разрезанная по шву.

Катя. Всё. Я тебя веду к врачу, и начинаешь новую жизнь. Будешь все видеть.

Ли ка. На кой шут мне все это видеть. Я вообще охотней бы глаза закрыла и к стене отвернулась.

Катя (*загоревшись*). А что, Сашка уже ее бросил? Так я и знала.

Ли ка. Не мели чушь! Это ты бросила мать! Воспользовавшись Фрейдом. Прекрати изображать из себя жертву! Они приедут, все забудь!

Катя. А ты не бросила свою сестру?

Ли ка. Мы же потеряли связь! Вадим кормил две семьи, свою и предыдущую, там сын погиб под Брест-Литовском, осталась бабка. У меня на руках Оля, мама и няня, все умирали. Эра сбивала тару на военном заводе.

Катя. А я без стипендии на одни алименты. Лорочку на лекции водила в кацавейке, сама в папиной шинели. Она тихо сидела, но потом меня все-таки в деканате предупредили. Жалко на ребенка, говорят, смотреть, как он на лекциях мучается. Это ваш мальчик? Говорю на Лорочку, «мой». Пришлось в детский дом отдать, там все-таки трехразовое питание.

Ли ка. Переступи, переступи через это. Они не виноваты. Мало ли какую мать ребенок раздражает. Это бывает. Меня Оля раздражает.

Катя. Я ведь к ним ездила. Я-то переступила. Но кто другому сделал зло, тот того ненавидит.

Ли ка. Все люди делают друг другу зло. Так было задумано.

Катя. Я к ним приехала, они испугались и не открывают. Я через дверь им говорю, а они как мыши молчат. Нам дали вместе двухкомнатную квартиру, Лика похлопотала, в Москве. Молчат. Я была у следователя, за вас боролась, молчат. Следователь сказал, что ваша мать тут понаписала, что надо с фонарями разбирать, а я говорю, я ответила, что они были невменяемые. Молчат и, чув-

ствую, вдвоем от дверей отскочили. Всё еще ненавидят меня.

Ли ка. Оставь, оставь, едут две дряхлые старухи.

Ка т я. Молчали и бумагами шуршали. Рвали на части.

Ли ка. Это у нас семейное, мания преследования. Теперь все хорошо. Неточку восстановят в партии, Любочку в комсомоле.

Ка т я. Куда! Любе сорок три года.

Ли ка. Были обе синеглазые, с золотыми кудрями...

Звонит междугородняя.

Алло! Ффу. (*Дует в трубку.*) Кто говорит? Кого? Коровина, да, сейчас, Саша! Са-ша!

Входит Саша.

А кто это? Березай. Одну секунду, вот он идет.

Са ша (*берет трубку*). Алло.

Высвечивается кабинка межгорода, Ра я у телефона.

Ра я. Это я. (*Плачет.*)

Са ша. Привет.

Ра я. Когда ты приехал?

Са ша. Только что.

Ра я. Как доехал?

Са ша. Да нормально.

Ра я. Нормально?

Са ша. Нормально.

Ра я. Ты еще меня не забыл?

Са ша. Помню.

Ра я. Ноги у меня распухли, не тот размер, был тридцать пятый, теперь тридцать шестой. Тридцать шестой с половиной.

Са ша. Какой?

Ра я. Тридцать шестой. На микропорке.

Са ша. Хорошо. Мам, дай ручку записать. Так, записал, хорошо, взгляну. На микропорке.

Ра я. Купи еще одеяло.
Са ша. Большое?
Ра я. Маленькое.
Са ша. Маленькое. Есть.
Ра я. Ты требуй у них развод.
Са ша. Ладно-ладно.
Ра я. Развод, слышишь?
Са ша. Да ладно. Не будем спешить.
Ра я. Ты меня любишь?
Са ша. А? А?
Ра я. Ты меня любишь?
Са ша. Да. Я согласен.
Ра я. Целую тебя.
Са ша. То же самое.
Ра я. Ты любишь меня или нет?
Са ша. Нет, первое.
Ра я. Я тебя жду.
Са ша. Да, так точно.

134

Входит Эра.

Ра я. Ты не забудь, тридцать шесть с половиной.
Са ша. А?
Ра я. Тридцать шестой с половиной.
Са ша. Я проверю.
Ра я. Нет, ты, наверное, не вернешься.
Са ша. При чем здесь старые галоши?
Ра я. Ты говорил с ними о разводе?
Са ша. Нет еще, но буду.
Ра я. Я тебя люблю.
Са ша. Да, я тоже.
Ра я. Я умираю.
Са ша. Да? Не надо волноваться, это вредно.
Ра я. Когда едешь?
Са ша. Выезжаю сегодня.
Ра я. Я тебя жду.
Са ша. Хорошо. Так точно, товарищ капитан.
Ра я. Если ты не приедешь, я повешусь.
Са ша. Всё. А то деньги идут.

Р а я. Я тебя целую.

С а ш а. И я. (*Кладет трубку, взволнованный.*) Документацию просили привезти, плюс секретарша Еремина просит туфли на микропорке для дочери, тридцать шестой размер. Где бы купить?

Э р а. Это теперь у тебя дочь секретарши Еремина?

Звонок.

Л и к а. Эрка, это они.

Входят Н е т а и Л ю б а.

Картина третья

Репетиция хора.

Станислав Геннадиевич. Так. Бах. С первого номера.

Д о р а Абрамовна. За такое пение хочу получать молоко.

Хор смеется. Поют.

Картина четвертая

Квартира Лики, стол. За столом Лика, Эра, Саша, Оля, Катя, Лора, Михал Михалыч, Люба. Неты не видно, она лежит на диване, ее закрывает стол, уставленный едой.

Л и к а (*торжественно*). Господи, наконец настал день и все старые долги выплачены. Наконец вы вернулись, теперь я могу умереть.

Н е т а (*подняв голову из-за стола*). Ты спасла мне жизнь.

Л ю б а. Мама, лежи.

М и х а л М и х а л ы ч (*Кате*). Катя вас зовут?

К а т я (*рассеянно*). А что такое?

М и х а л М и х а л ы ч. Есть разговор.

Катя. Не могу и не могу.

Михал Михалыч. Это у вас займет буквально ничего.

Люба бросает взгляд на Катю, не обещающий ничего хорошего.

Люба. Мама, лежи. Тебе плохо.

Михал Михалыч отходит в сторону. Катя, посмотрев в сторону Любы и в сторону Лоры, кивает, но с места не двигается.

Лика. Может быть, вызвать Клованского? Старичок под нами, он лечит, хороший старичок, профессор.

Эра. Он по желудку, мама. Вы вечно вызываете при насморке и радикулите, а он по желудку. Это же разные части тела.

Михал Михалыч (*Кате, громко*). Кое-что надо узнать.

Катя (*подходит*). Ну что вам.

Михал Михалыч. Какая сердитая. Красивая, сердитая.

Катя (*оглянувшись, тихо*). Красивая кобыла сивая.

Михал Михалыч. Ищем сойтись с хорошей женщиной.

Катя (*так же*). Жена, что ли, больная? У всех у вас жены больные.

Нета (*поднявшись*). Мы снова в Москве! (*Видит Катю, падает на подушки.*)

Михал Михалыч. Ты поближе нас узнаешь, тогда поймешь. Нашу семью.

Катя. О, о, о! Я не способна на это.

Михал Михалыч. Хочется сойтись с простой, хорошей женщиной с изолированной комнатой.

Катя. Любовь не вздохни на скамейке. (*Оглядывается на Любу и Лору.*)

Михал Михалыч (*вытаскивая записную книжку*). Чтобы блины пекла... Рубашку бы погладила.

Катя. Блины! (*Усмехается, рассматривает носок туфли.*) Любовь с хорошей песней схожа.

Михал Михалыч (*смотрит в записную книжку, при-
готовил карандаш*). Как?

Катя. Так. А песню (*с нажимом*) нелегко сложить.

Слегка кивает Лоре.

Михал Михалыч. Хорошо. (*Пауза.*) А подруга есть?

Катя. Есть. (*Сбита с толку.*)

Михал Михалыч. Но нам чтобы изолированная ком-
ната и хозяйственная.

Катя (*со слабой улыбкой*). Вы дерзкий.

Михал Михалыч. Ладно, ладно.

Катя. Есть. На радио. В отделе жизни СССР. Лет со-
рок... редактор. Жених погиб на фронте. Но не девушка.

Михал Михалыч. Хорошо! Дальше.

Катя. Комната на Каляевской.

Михал Михалыч (*записывает*). Далековато, но дальше.

Катя. Поет в хоре.

Михал Михалыч. Снимем. Дальше.

Катя. Тома Скорикова. (*Бросает взгляд на Любу, та от-
ворачивается.*)

Михал Михалыч (*записывает*). Хозяйственная?

Катя. Просто жадная.

Михал Михалыч (*взволновавшись*). Сильная женщи-
на. Надо же! Толстая?

Катя. Наоборот. Нога сороковой размер.

Михал Михалыч. Я тебе, Катя, отзвоню на днях. Зав-
тра я так (*пауза*), так... Погребение — тринадцать тридцать,
завтра вечером к ней можно зайти?

Катя. Ну... Не знаю. Я спрошу.

Эра. Может быть, вызвать скорую?

Нет а (*поднявшись*). Любимые, родные! Мы снова вместе!

Катя отходит от Миши, делает шаг к дивану. Пауза. Лица
наконец решила, что настал момент.

Лица. А теперь, мать и другая дочь, поцелуйтесь и про-
стите друг другу!

Катя (*осторожно начинает приближаться к дивану*).
Мама! Мама! Мама! (*Плачет.*)

Люба (*предостерегающе*). Мама! Мама!

Лора (*зовет*). Мам! А мам!

Эра (*укоризненно, Лике*). Мама.

Люба (*отчаянно вопит*). Мама!!! (*Приникает ухом к ее груди.*)

Эра (*тихо, Лике*). Мама.

Ли ка. Катя, иди ко мне.

Не та (*садится*). Она нас бросила, забросила и еще ждет чего-то. Семнадцать лет не писала.

Ка т я. Ты тоже не писала.

Не та. Теперь под нашу марку ей дали квартиру.

Лю ба. Мама, тебе плохо.

Катя и Лора идут к выходу.

Михал Михалыч (*поймав Катю*). Так вам сразу отзвонит Лева, Майкин племянник, он стал холостой, мы ему везде ищем. Большие претензии, но я чувствую, что это то. Вы бы подошли тоже, но изолированная комната, вот в чем вопрос.

Ка т я, захлебнувшись слезами, кивает и уходит с Лорой.

Михал Михалыч (*Саше*). У них одно имущество — черная сумка. Одна черная сумка, обе за нее держатся. Хорошо, они разрешили купить себе по пальто, по ботинкам и по платку на голову. Они потеряли всё. В купе они спали валетом на одной полке. С нами ехал человек, некто Железняк, герой Гражданской войны. Он семнадцать лет был там, гораздо дальше их и не так, как они. Он сказал, что не ждет ничего, только хочет увидеть дочь, которая родилась без него. Жена от него отказалась сразу же в первые дни ареста. Тот майор, который вел его дело по реабилитации, сказал, что вам вернут всё: партбилет, ту же квартиру, ту же работу. Он сказал, что ту же квартиру невозможно, там давно другие люди, а работал он директором на заводе, который производил серпы, косы и лобогрейки.

Не та. Саша, как хорошо, что в такой день ты с нами. Я помню тебя юным. Ты и Любка были детьми.

Са ша. Как раз я собрался уходить, так что действительно.

Эра. Совсем?

Ли ка. Нет, у моего Саши просто-напросто роман, как у каждого женатого мужчины.

Са ша. Почему роман? Кто тебе сказал?

Эра. Оля, торопись поговорить с отцом, пожалуйста ему. Как тебе тяжело дома, как тебя попрекают куском хлеба и тарелкой супа. Не дают гулять по ночам. Тычут в морду.

Са ша. Терпи, дочь моя старшая.

Эра. Я что говорила?

Са ша. Терпи, дочь моя старшая.

Оля (*опустив голову, плачет*). Не могу. Возьми меня с собой.

Эра. Правда, возьми нас с собой в Березай! Тебе сразу под нас сунут квартиру. Оля будет работать писарем в штабе, я в прачечной, старшиной, Машка и Сережа пойдут в юнги.

Ли ка встает.

Мама уже в форме, только фуражку осталось.

Ли ка садится.

Не та. В воздухе носится какая-то тревога. Над этим домом витает тревога.

Ли ка. Да брось! Что это, в каждой нормальной семье свои заскоки. Вы просто приехали, вам видней. А мы здесь как рыба в воде. Первый раз его после войны отправили в Североморск. Ха-ха-ха, слушай, Саша. Тоже им кто-то увлекся. Эра приняла меры, в результате родился Сережа. Ему семь лет, он родился в сорок девятом. Затем была Лиепая, командировка, это совсем близко, в пятидесятом году. Эра туда съездила, было примирение, Эра родила Машеньку. Теперь Машеньке уже пять лет. Надо только решиться и родить.

Не та. Нет, дело не в этом.

Ли ка. Да брось. Самое главное, человека никогда не исправишь злом. Ему как хочешь угрожай, издевайся, а он все равно на добровольных началах роет себе яму. Помнишь Фрейда?

Лю ба. Мама! Шашто бупро и шасхо будит?

Не та. Шаса буша шабро буса шает буэ шару.

Люба. Ну, так надо помочь! Шана будо шапи бусать.

Не та. А куда, ты же мане бузна шаешь?

Люба. Ничего, шауз буна шаем. Ложись, тебе вредно.

Михал Михалыч. Видал? И так всю дорогу. Бебенят.

Саша. До скольки обувные?

Ли ка. Это у вас что за азбука? Сиди, Саша.

Не та. Это язык шабу. Шая бузык шаша бубу.

Ли ка. Шаша бубу. Оригинально.

Саша. Одну минутку, я забыл. *(Достает из чемодана большую бутылку с вином.)* Укрепляет нервную систему.

Эра приносит рюмки. Саша тем временем наливает себе полный стакан и выпивает весь, наливает сразу еще один полный стакан. Выпивает. Эра на ходу убирает от него бутылку, садится, ставит бутылку подальше. Саша с маниакальным упорством подходит, тянется к бутылке.

Эра. Да что за черт, в самом деле! Сядь на место к чертовой матери!

Саша *(не сходя с места, швыряет стакан об пол)*. Эх!

Не та *(вопит)*. Ложись! *(Увлекает за собой Любу, они исчезают за краем стола.)*

Саша вскакивает и выбегает. Ли ка неуверенно встает и трогается за ним.

Ли ка. Саша! Он не поел! Надо заесть! Закусить, а то запьянеешь!

Эра. Мама! Не ходите, там осколки, вы же слепая, вы напоретесь!

Михал Михалыч. Я за одну зиму вынес... три гроба. Мать жены Левы. Вы его не знаете, он мой племянник со стороны Майки. Отец жены Левы умер через месяц. На ее похоронах были все, на его никто. Почему? Отвечаю. Отец жены Левы был главный инженер молокозавода, из уважения к нему на похороны его жены пришли все. А когда он повесился, уже не перед кем было. И у нас соседка пятидесяти двух лет, сын не сдал в консерваторию, отказался подходить

к роялю, его стали водить к роялю под руки, дальше больше, потерял остатки соображения. Она очень быстро сгорела. Ее муж спустя месяц посватался к соседке тридцати лет. Но ему шестьдесят! Соседка теперь с ним не здоровается.

Эра тем временем посылает Олю за веником, та быстро подметает.

Эра. Скоро Сережа приведет Машку из садика. Дрянь паршивая, что натворил! Да я сейчас мордой кинусь в эти осколки. *(Порывается броситься на пол, Оля ловко кидается ей поперек.)*

Люба *(поднимаясь над столом)*. Пошли на почтайт?

Не та *(приподнимаясь)*. Шапо бушли.

Ли ка. Ешьте, ешьте, сидите. Нюня, не нюнь. Помнишь, как мы в детстве пели? Нюня нюнится, Маня манит, Ваня ваньку валяет, Коля колется, Лена ленится...

Не та. Лиза подлизывается.

Ли ка. Леня тоже ленится...

Не та. Семеро детей... Иван, Мария, Николай, Елена, Лев, Елизавета, Анна...

Ли ка. Ванечка, Маруся, Мика, Ляля, Люсик, Лика, Нечка.

Плачут.

Картина пятая

Репетиция хора.

Станислав Геннадиевич. Значит, летом едем на праздник песни в Литву.

Московский хор *(музыка туш)*. Пам... Па-рарарара...

Станислав Геннадиевич. Вместе с хором Литвы, Латвии и Эстонии у нас сводный хор. Репертуар: «Стабат матер» Перголези, «Аве верум», ну, это мы знаем, «Скоро, увь» Мендельсона, а от нас: «Летите, голуби», Бах «Вокализы», Свиридов на слова Пушкина, «На десятой версте от столицы», короче говоря, будем петь фестивальный репертуар. У меня всё. Дора Абрамовна, хотите сказать?

Дора Абрамовна. Очень устаю. При разучивании с альтами в кармане Сулимова болтала с Барановой. Хорошо бы они так знали партии, как знают болтать.

Станислав Геннадиевич. Да, кстати, к нам пришел первый тенор, еще один к нашим двум. Берет «до».

Дора Абрамовна стучит по верхнему «до».

Мы его переманили из хора медработников, Володя Гречанинов. Таким образом, у нас есть солист на «Стабат матер» и на украинскую. Так. Теперь все свободны. Скорикова Тома, вам слово.

Скорикова. От совета старейшин, внимание. Собираем по пять рублей на переписку партий.

Баранова подходит к Лоре.

Гая. Слушай, у тебя деньги-то есть? А то жить негде. *(Смеется.)*

Лора. Есть десятка.

Гая. Сдашь за меня? А я опять на хлебе и водичке.

Лора. Опять?

Гая. Ты видела, меня два месяца не было?

Лора. Да я сама болела.

Гая. Что было! *(Смеется.)* Меня из университета отчислили. Только молчи, никому не говори.

Лора. А я анатомию не сдала зачет... Плакала по всем углам.

Гая. Плакала! Я давно не плачу. Мне надо было сдавать математику, а меня на кафедре уборщицей устроили, стипендии-то нет. Вот мыла окна, простыла, воспаление легких. Ну, в общем, не сдала. Ну, в общем, меня отчислили. И из общежития выписали.

Скорикова *(подходит)*. Так. Кто еще не сдал? Сулимова, Баранова.

Лора отдает десять рублей, Скорикова ставит галочку в тетради.

Лора. Пойдем жить к нам! У нас пока еще бабушка с теткой не живут, они живут там у одних... У мамы комната, у меня комната. Но ненадолго.

Гал я. Спасибо, добрая душонка. Я не такая хорошая, чтобы меня жалеть. Я много чего в жизни пережила. Как ты думаешь, сколько мне лет?

Лора. Ну... двадцать?

Гал я. Двадцать два, вот! Ахнула? У меня совсем другая жизнь, девочка, чем ты думаешь. Я не такая, как все. Я родилась за стакан пшена. На разъезде Шубаркудук.

Лора оглядывается, не слышит ли кто.

И я не могу теперь вернуться к матери и опять спать с ней на одной кровати! На разъезде Шубаркудук!

Лора. А мы, знаешь, сколько лет с мамой на одном матрасе спали? Пока мне не исполнилось семнадцать лет! На полу. До пятьдесят шестого года!

Гал я. Мы спали на одной кровати – я, мама и братишка. Потом братишка заболел костным туберкулезом, мама купила у соседки железную кровать. Он так радовался кровати!

Лора. А теперь мы получили комнату, и здрасте, мама хочет выйти замуж за одного старика. Ему пятьдесят три года!

Гал я. Ничего! Мама пустила к себе на койку жильца, вольнопоселенца дядю Костю, за сто рублей. Я у стеночки, мама в середине, дядя Костя с краю. Потом этот дядя Костя начал приставать к матери. Я перешла спать на пол. Голова под братишкиной кроватью, ноги под ихней. На полу хорошо... Чурки всегда спят на полу. Потом он начал приставать ко мне. Так мне надоел!.. Надоедает, надоедает, кланчит... Все просил. Сам хилый был, только из лагеря. Ты, говорит, удивительно красивая, хотя тебе всего двенадцать. Я тебе ведь сказала, я не такая, как все...

Лора (*оглянувшись*). А у нас в анатомичке Юровская стоит, на меня смотрит и говорит: быть девицей – позор! И они все курят. И она еще химию сделала, с одной стороны волосы, как пух, висят, я говорю: «Юровская, как твоя прическа называется?» А она говорит: «Лучше так, чем такой лахудрой, как ты, ходить». Они смеются и обзывают

меня «мичуринская коза». Знаешь, такой анекдотик, дед с бабкой померли, дед идет в рай, а бабку не пускают. Он говорит: раздевайся, совсем (*оглядывается*), и становись на четвереньки (*оглядывается*). Вот он подходит в рай, а его спрашивают: а это кто с вами? Кого вы ведете на веревке?

Галя. А. Знаю.

Лора. Да. Это, говорит, мичуринская коза.

Галя. Не обращай. А вот я вообще... материна мать и отец были кулаки, их выслали, только никому не говори, я пошутила, они все по дороге умерли, мама осталась одна, оказалась она в Шубаркудуке. И я родилась в тридцать четвертом году, а маме было пятнадцать лет. А меня нечем было кормить, вот и Леша родился за стакан пшена. На меня, наверно, не один стакан пшена пошел. Но я белая, а Леша уже смуглый.

Лора (*оглянувшись*). Кошмарики.

Галя. Ну ладно, я пошла.

Лора. Ты у меня пока поживешь? У меня есть хлеб, колбаса.

Галя. Нет, я уже сегодня ела, и потом меня должен ждать один бандит...

Лора. Клевый? (*Горда произнесенным словом.*)

Галя (*так же гордо*). Я сама чувиха клевая.

Картина шестая

В доме у Лики. За столом Лика, Михал Михалыч, который задремывает, Нета и Люба.

Лика. Вашу дачу на Сорок втором километре занял доктор Еремченко.

Нета. А наша библиотека тоже (*машет рукой*) сгорела.

Люба. Нам ничего не надо. Когда ничего нет — и не о чем жалеть, и нечего отбирать. Мы последние люди, у нас нет ничего.

Лика. Господи, а я вам не посылала... Тут тоже было, первый сын Вадима моего... Ну, от той незаконной жены... Ну, я говорила. Короче говоря, Руслан. Он учился, потом женился студентом, родил девочку, она болела, ей усиленное питание. Руслан погиб. Короче, трое их, шестеро нас

после войны сидели у Вадима на шее. Вадим умер в пятьдесят пятом, годовщина уже прошла... Исполнилась. Что ты. Славная жизнь была, он уже не ходил, а дети, внуки Сереженька и Машенька, с ним в кровати сидели, он им читал, Машеньку на горшок, Сережу на горшок, вытрет, переоденет, они, как котята, переваливались по нему... У него уже пролежни были, а он все радовался, какой из него помощник. Птичек им делал из ваты, они у него и засыпали. А он умер, теперь Сереженька в садик, Машенька в садик... Скоро их Эра из сада приведет.

Не та. Кто был ничем, тот станет всем.

Люба. Ты нас спасла. Когда сосед майор Барков рассек маме топором голову, ее спас доктор. Маму перевязали бинтом, она лежала настоящая красавица, как в короне. Белоснежный бинт. Мы белого на себе ничего не видели много лет. Доктор держал ее за руку и не отпускал. Барковы совершенно распоясавшиеся бандиты.

Ли ка. Это где?

Не та. Это в Уфе. Он кричал, что мы им в примус подливаем воду.

Ли ка. А ваша Катя хорошая, добрая, несчастная. Она скиталась здесь с девочкой, снимала койки, углы. Она попала в больницу, звонит нам, мы забрали к себе ее Лору, на время, так она украла у Олечки в десять лет цветную бумагу. Тоже ведь, знаете. Сорок восьмой год. Правда, небольшой кусок, но от шоколада, со звездами. А Лора как раз жила у нас и так и не создалась. Олечка плакала страшно, деда ее утешал. Тоже ведь бедные дети, все бедные. Всего лишены были.

Люба. Бумажку потом нашли?

Ли ка. Бумажку нашли всю какую-то изодранную. Дети, что с них взять. Катя вышла из больницы, а Лорочка от нас уже три дня как убежала, жила у себя на койке у хозяев. Ужасно. Мы так и не поддерживали с тех пор связи, смешно говорить. Я думала, Катя вам помогает.

Люба. Лорочка не могла украсть. Со злости она могла изорвать. Не та семья, не та порода. У Лорочки в детстве был даже американский домик с кроваткой, из Америки привез Илья. А Лорочке было три месяца, она эту кроватку сосала.

Не та. Сын Ильи тебя любил, Илья на это рассчитывал и подарил кровать.

Люба. Володька?

Не та. Но у них у всех был туберкулез.

Ли ка. Счастью детей я никогда не препятствовала. Когда мы спрятали Эру после ареста ее матери, немецкой коммунистки, помните? Вы этого не знали. Мы ее выдали за домработницу и прописали.

Не та. А, это та история, что вы с Вадимом ахали и охали, что мальчик не виноват, мальчику рано, а тут родилась у них Оля.

Люба. А я все думала, почему Володька не нравится маме. Она говорит, они все семья перерожденцев. А у них были туберкулез, оказывается. И тут их взяли.

Не та. Я же и сказала, конечно, перерожденцы. Я была права в ста процентах.

Входит Эра, она неестественно улыбается.

146

Эра. Саша только что сообщил, что уходит от нас. Он приезжал, оказывается, взять свои вещи.

Ли ка. К кому он уходит?

Эра. Там врач.

Ли ка. Она интересная? За полгода, правда, и посторонний столб покажется интересным, но это пройдет. У него это проходит.

Эра. Видимо. Она беременная.

Ли ка. Эра, она кошка! Она самка! Она никто!

Входит Саша с двумя чемоданами. Эра, прислонившись к стене лбом, глухо стонет.

Эра, дочка, я с тобой! Она гуляющая дрянь!

Входит Оля, беспомощно стоит рядом с отцом.

Саша, объясни мне! Объяснись.

Саша. Олечка, я тебя взять не могу. Там у нас комната... восемь метров в бараке. Стройка. Я ушел в отставку, меня

ушли, вернее. Я разнорабочий. Рая медсестра. Я живу у нее. Меня пошлют на курсы сварщиков.

Оля. Мама, что ты слушаешь, не слушай. (*Обнимает Эру.*)

Саша. Надо колоть дрова, топить печку, носить воду из колодца. Ты не сможешь. Это Север.

Оля (*плача*). Мамочка, только не плачь! Я буду все делать.

Саша. Вам я ничего не должен, я оставляю вам всю пенсию.

Эра. Но твоя мать, она же твоя мать!

Саша. Ты всю жизнь ей угождала, угождай и дальше.

Ли ка. У меня есть дочь и внуки, это счастье! Только не бросай уж ты меня, моя доченька единственная. (*Рыдает.*)

Саша, мотнув головой, уходит вон с двумя чемоданами.

Эра (*задыхаясь*). Придут эти двое никому не нужные из садика. Хорошо, что у них короткая память.

Ли ка. Они пережили смерть дедушки... Переживут, ничего, и это. Эра, пойдешь работать. Дедушка умер... вот беда... Вадим Михалыч умер.

Михал Михалыч (*просыпаясь*). Я был его брат. Самые лучшие слова, какие только можно выразить.

Ли ка. Михаил, устрой Эру на работу. Она инженер.

Михал Михалыч. Сейчас трудно, массовые увольнения из армии. В школу, преподавать труд. И то сложно. Но подумаем. Майкин дядя женат на директоре курсов стенографии.

Не та. Люба, шаска бужи шачто бумы шабу будем шапо булучать шапа буюк!

Люба. Проживем, мы же будем прикреплены к столовой! Будем брать сухим пайком. Как и до войны.

Ли ка. Никакой паек не заменит детям отца, жене мужа. Эра, поезжай в Березай, вымоли, выклянчи у него прощения и роди ребенка! У тебя четверо будет, у нее один, да дрова, да колодец! Эра, валяйся у него в ногах! Никто не даст ему развода!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина седьмая

Репетиция хора.

Станислав Геннадиевич. Повторяю: до фестиваля остается — до Всесоюзного три месяца, до Всемирного фестиваля молодежи и студентов пять. Старики, вам слово.

Скорикова. Станислав Геннадиевич, сначала вот. *(Медленно.)* Мы скорбим по поводу гибели в командировке в Канаде Володи Гречанинова. Просьба встать. Просьба садиться. Станислав Геннадиевич, остается открытым вопрос о первых тенорах. В оперной студии медработников есть Туманский, но он не лирический, а драматический тенор. Стоит вопрос этот обсудить. Туманский вроде бы ставит условия, он поступает в Гнесиных на вокальное, зная, что вы, Станислав Геннадиевич, являетесь доцентом Гнесиных...

Станислав Геннадиевич. В рабочем порядке! Итак, до фестиваля считанные месяцы и двенадцать занятий. На дворе март тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. Костюмы не сшиты. Вопрос с делегатами на фестиваль международный остается открытым до победы на Всесоюзном фестивале. Подчеркиваю, до победы. Тем не менее альтов двадцать, первых альтов пятнадцать при норме десять. Альты, будьте старательны, боритесь за право. Это творческий конкурс. Сулимова, опять пошла опаздывать. Правда, уже бросили мы дудеть. Уже не солируем. Хорошо, мощно звучит Сулимова в форте, пиано надо подработать, учись у стариков. Перерыв. Баранова, подойдешь ко мне.

Баранова подходит.

Баранова, пропущено два месяца. Учти.

Галя. Станислав Геннадиевич, я два месяца пролежала в больнице, я упала с поезда. *(Поднимает со лба волосы, показывает.)* Зашивали.

Станислав Геннадиевич. Мы прошли новые вещи, возьми у Сулимовой партии, она выучила.

Лора. Я дам, Станислав Геннадиевич.

Лора и Галя отходят.

Слушай, ты где была?

Галя. Где была, там нету.

Лора. Слушай, мы столько новых вещей прошли, кошмар.

Галя. Скажи, у тебя хата еще свободна?

Лора. Да вообще-то их вот-вот выгонят к нам, они надели там страшно. Все мечтают, чтобы их оттуда выгнать. Но пока еще не выгнали. Так что их комната еще есть. Я там живу одна. А что?

Галя. Меня позавчера из больницы выписали, я сидела ночь на междугородней. День спала в метро. Поехала к своей квартирной хозяйке, она сказала, твоя койка свободна, но деньги вперед за три месяца, как всегда. А у меня как раз денег-то сейчас нет.

Лора. Кошмарики. А этот дурак Поляков из вторых теноров ко мне подходит, говорит: хотите пойти на балет «Коппелия» в филиале Большого? Я говорю: почему же. Дал билетик. Я пошла. Место было стоячее, над сценой, второй ярус. Видно было только сверху. Прыгнет она, а к нам пыль летит, на зубах скрежещет.

Галя. Поляков урод. Я бы с ним не согласилась пойти на балет.

Лора. Так он не пришел! Я там одна простояла. В воскресенье я пришла на хор, отдала ему семь рублей. Видно, он купил себе билетик, а выкидывать жалко, он мне продал.

Галя. А как я в больницу-то попала, знаешь? Ну, в общем, я устроилась работать в передвижной такой состав, чинили пути, знаешь? В вагончиках жили. Ну вот. Ну и конечно, они там меня не приняли. Я из университета! Да вообще ужас. *(Откашливается.)* У нас в вагончике жило пять баб, а спали *(пауза)* девять человек.

Лора. Мест не хватало?

Галя. Не то. К ним ночевать четверо мужиков еще приходило. Я одна спала, остальные по двое.

Лора. Кошмар. Ленская в анатомичке стоит, плачет, ее девки окружили, она замуж выходит. Чтобы отдаться Рыжему, у нас такой Рыжий есть, но он женат. Он один раз подходит ко мне и говорит: «Три рубля нет?» Я растерялась и говорю: «Нет». А у самой было. Гордость заела.

Галя. Дальше больше. Ехали поздно на электричке, бригадой возвращались. Я курила в тамбуре, ну, они меня начали задирать, хотели, одним словом, что-то сделать. Слегка прижали. Из бригады мужики. Я раздвинула двери и выпрыгнула. И на столб налетела. Вся была синяя.

Лора. Если ты хочешь, едем ко мне сейчас. Маму я уговорю как-нибудь, только бы они не въехали. А так все нормально.

Галя. Я вообще-то должна получить по бюллетеню за два месяца, но там, конечно, одни слезы. Но все-таки. Но для хозяйки на три месяца вперед ей не хватит. Но все-таки деньги у меня будут. Самое важное — дотянуть до фестиваля. Попасть в делегаты. Я хочу увидеть мир, представляешь? Тут ехал какой-то пробный автобус, в нем негры. Я первый раз увидела. Коричневые такие, ей-богу. Я стою, а я была из больницы первый денек. Машу им рукой, сама плачу. Голова перевязана. Они остановились у светофора, смотрят на меня, пальцем показывают, один платок с себя снял, с шеи, и кинул мне. Вот. (*Демонстрирует.*) Подготовка к фестивалю идет вовсю!

Лора. Пойдем, у нас дома есть хлеб, майонез, сварим картошки. А бабушка еще там поживет, я надеюсь. Они там всех кормят, так что их терпят. У них кремлевский паек.

Картина восьмая

Комната Лики. На диване на своем месте, в ногах у Не ты, сидит Люба. Рядом в шинели внакидку и офицерских ботинках сидит Ли ка и ест со сковородки.

Люба. Ли ка, съешь курочку!

Ли ка. Люба, я не могу видеть, как пища уходит в мусорный бак.

Люба. Мама, съешь ножку. Съешь, я говорю, ножку. Ты обессилена скандалом.

Входит Саша, везя детскую коляску.

Ли ка. Саша, разверни его и положи в кроватку.

Саша. Оля пошла в булочную, я ей дал денег.

Люба (*Нете*). Пойми, это нужно. А то совсем не станет сил. Ешь.

Ли ка. Саша любит детей как сумасшедший.

Люба. Пойми, у нее нервы как веревки. Она плач своего ребенка выслушивает хладнокровно и при этом стирает. Что ей твои немощные старческие слезы.

Не та. А ты ешь, ты себя забыла.

Люба. Почему никто ничего не ест? Масло скопилось за два дня. Ли ка, ты детям утром мажь бутерброд с икрой.

Ли ка. Оставьте! Сережу рвет от икры, а Машка во всем ему подражает. Они придумали, что это лягушачья икра. И говорят: бе!

Люба. Скажи, это Олечка придумала, чтобы отвадить детей, а сама ест ложками? В банке сто грамм, съедено три четверти за один день.

Ли ка. Оставьте! Оля измучена.

Люба. Год я уже наблюдаю это перерождение. Мама, орденоносец, большевик, вынуждена молчать, чтобы ее не выгнали! Оля вчера заняла ванную, когда маме было плохо, и стирала с открытой дверью, и к нам и к тебе, Ли ка, в комнату шел шум льющейся воды, пар и газ из колонки, а на вопрос она ответила, я не скрою, чтобы я шла к дьяволу. В семье бытовое разложение, у твоего родного сына две семьи!

Ли ка. Утешься, твоя мать неоднократно была замужем. А Саша держался с одной больше восемнадцати лет.

Люба. Моя мама никогда не была замужем! Это ложь.

Не та. Шабы була. Была, короче.

Люба. Но это они от тебя уходили, и потом не одновременно! А Сашка коммунист. Коммунист должен быть чист как стекло, внимательным к людям и не бабник прежде всего.

Ли ка. Это святой, святой такой должен быть, и то некоторые святые сначала пили и всем занимались. Не погрешешь, не покаешься. Един Бог свят.

Лю ба. Бога нет, ты что, ошалела? *(Оглядывается.)*

Не та. Люлю, прекрати.

Лю ба. Не для того мама и ее соратники строили социализм.

Ли ка. Ай, оставь. Социализм – это еще не коммунизм, при социализме еще многое можно. Когда будет нельзя, нам скажут.

Лю ба. Ты перерожденец и соглашателишка.

Не та. Люлю, нас выпрут отсюда.

Лю ба. Погоди. У тебя, Лика, отсталое сознание. И что получается? Бытовое разложение перешло и на детей! От кого Оля родила ребенка? А? И у кого она набралась цинизма? Дети взяли пример и выросли хамы.

Ли ка. О детях не беспокойся, о детях не беспокойся. *(Начинает плакать.)* Дети уже научены горьким опытом.

Не та *(приподнимаясь на локте)*. Не плачь, мы отомстим. Ты большой человечище, Лика. Мы отомстим за тебя.

Лю ба. Мы не оставим борьбы, ведущейся всю жизнь. Мы не опустим рук. Мы отомстим.

Ли ка. Кому? Кому? Типичная мания, у нас у всех в роду мания преследования. Саша уже вернулся, и вы видели, он поднял коляску на третий этаж. Вернулся! Оля раздражена, потому что кормит грудью и не спит. Эра раздражена, потому что Саше некуда воткнуться. Эра спит с детьми, Оля с Лялькой, и, если он вернется, им с Эрой некуда вдвоем деться. Я целыми днями на кухне.

Лю ба. Это воспаленный бред, что мы занимаем чью-то площадь. Тогда и ты занимаешь их площадь. Мы же с тобой! Она нас гонит, Лика, ты слышишь? Убирайтесь отсюда, сволочи, в ответ на замечание о бесконечно льющейся в ванной воде и горячей колонке, она выживает нас! Но куда, куда обращаться, ведь нам некуда тоже податься, кроме почтамта! Ты же знаешь!

Ли ка. Несчастные, кто вас гонит?

Лю ба. Придет время, за нас отомстят.

Ли ка. Да ну, кому мстить? Нашли тоже. Все поставлены жизнью в условия. Вы мстили когда-то, потом вам отомстили, дальше опять вы, сколько можно? Заколдованный круг.

Не та. Соглашатель, она типичный соглашатель, шаты бусо шагла буша шатель. И потом, я мстила за угнетенный народ.

Ли ка. Тебя не просили.

Не та. Да? Ты октябрист! Я мстила за народ, а уже мне никто не мстил, никакого заколдованного круга, это искривление линии партии, революционный загиб. Не без жертв.

Ли ка. Ну, какие там вы жертвы, бросьте. Вы не сидели. Лю ба (*Нете*). Шапо бушли.

Ли ка. Что сразу шапо, что бушли? Что я такого сказала? Вы сидели? Вы не сидели, вы были в эвакуации. Я чего-то не знаю?

Не та. Люлю, какого цвета у меня губы?

Лю ба. Ни фига себе эвакуация пятнадцать лет подряд.

Не та. Мне дурно.

Лю ба (*не слушая*). Исключение из партии, лишение квартиры... Исключение из комсомола, исключение из института... Гибель всей семьи!

Не та. Не выпрашивай у них! Не перечисляй! Молю!

Лю ба. Голод пятнадцать лет подряд! Картофельные очистки из соседского помойного ведра! Капустные листья, на рынке подобранные, спрашивают: это вы для козы? Жизнь без электричества ввиду неуплаты. Невозможность постоянно устроиться на работу. Я работала грузчиком! От близких и любимых ни весточки, все нас боялись. Все! Мы прокаженные! И это неизлечимо! И ни рубля! Мы и не арестованные, но и не люди, ничто! Письма, которые мы писали, они пропадали! Письма Сталину исчезали!

Ли ка. Тогда все тяжело жили.

Не та. Шау буми шара бую.

Ли ка. Все прошло. Оля все понимает, но глубоко несчастна. А вы сейчас счастливы, вас восстановили, так про-

стите вы ей и живите в пару и газу. Это пар и туман, но ведь всюду и везде люди стирают грязное белье, всюду же пыль, отбросы и горелые сковородки! Надо подчищать! Она и сама тем же дышит, кормящая мать.

Не та. Да умираю же, слышите?

Лю ба. Это не мелкая усталость, это великая ненависть к слабым и старым. Это месть прокаженным.

Ли ка. Успокойтесь, в этом доме больше я мстить не позволю.

Не та (*садясь прочно*). А будешь мстить, если кто убьет твоих малышей?

Ли ка. Пусть попробуют только.

Не та. Видишь? Ты, стало быть, будешь с убийцами бороться? Будешь защищать Машу, Сережу и Ляльку вашего?

Ли ка. До последней капли крови.

Не та. А если их унесут, ты поползешь по следам?

Ли ка. И я, и все, будь спокойна. Что ты мелешь?

Не та. И увидев убийц с окровавленными руками и Ляльку со вспоротым животиком? Что ты будешь делать?

Ли ка. Что ты порешь такую чушь, прекрати. С ума сошла.

Не та. А-а. А я видела.

Ли ка. Во сне. Прекрати ерунду.

Не та. Нет, белобандиты и фашисты... Они это делали.

Лю ба. У мамы часты видения. Она не может спать, ей чудятся убийства в мире.

Не та. Оставь.

Ли ка. Какие боевики нашлись.

Входит Саша.

Саша. Мама, мне надо поговорить.

Ли ка. Я все знаю. Я все знаю. Ты вернулся!

Саша. Без посторонних.

Ли ка. Ты не мог ведь надолго оставить свою старую слепую мать. Ну, как тебе понравился твой первый внук? Правда, хорош? Ты его развернул? Он не плакал? Вот и хо-

рошо. Говори, говори при посторонних, которые самые мои дорогие люди.

С а ш а. Хорошо, коли так.

Л и к а. Твои дети и внук регулярно получают твою пенсию, спасибо. Сколько было страданий, ты ведь ничего не знаешь. Но теперь я верю, что ты вернулся. Как тебе наш толстый? Наш Лялька?

С а ш а. Хороший пацан. Олю жалко. Не уличная ведь девочка, домашняя. Как недосмотрели за ней, не понимаю.

Л и к а. Да, в кого это она уродилась, странно.

Л ю б а *(не сдержавшись)*. Да!

Л и к а *(Любе)*. Я сама!

С а ш а. Мама, у моей Раи будет ребенок.

Л и к а. Все еще будет? Прошел ведь уже год. Ненормальная беременность, скажу я вам.

Л ю б а *(не сдержавшись)*. Да!

С а ш а. Нашему первому, Сан Санычу, девятый месяц пошел.

Л и к а. А, вы снова. Я скажу тебе, что она плодовита, как кошка. Она самка, Саша. Хищная самка. И что же, теперь ты отнимешь у детей свои деньги? Под предлогом. Ну. Эра ведь преподает электротехнику в школе, это пятьсот шестьдесят рублей в месяц. И учится на курсах стенографии, это минус пятьдесят рублей. А Оля-то не работает! И вот так мы все будем, да моя пенсия триста пятьдесят.

Л ю б а. Ну, с питанием мы снабжаем.

Л и к а. Вы гости.

С а ш а. Да, у вас полон дом гостей, я вижу, а мне негде жить, кстати.

Л и к а. Ну что же, это всегда у нас водилось, как ты помнишь. Эру мы взяли тоже в гости в тридцать восьмом году, пока ты ее не... Не родилась у нее Оля.

С а ш а. Мама, мы живем в восьми метрах. Я болел всю осень. У Раи осложнение на почки. Ей через полгода рожать, а мы ведь не молоденькие.

Л и к а. А, она у тебя пожилая оказалась.

С а ш а. Где нам жить, стройка кончится, Раю никуда не возьмут с двумя детьми, а мне дадут как одинокому только хорошо если койку, а то место в палатке. Мы же не расписаны.

Ли ка. Что я могу тебе сказать. Я твоих проблем не решу. Живите здесь.

Са ша. Это невозможно.

Лю ба (*страстно*). Да!!!

Са ша. Хотя живут же дальние родственники... Могут и родные дети хозяина пожить...

Ли ка. И вы живите... (*Сидит понурившись.*) Все. (*Вытирает слезы.*)

Лю ба. Бытовые разложенцы, перерожденцы и нездоровые элементы не должны заявлять о своих правах в таких условиях, когда старые партийки в пару, в газе и скандалах!!!

В середине этой захлебывающейся реплики Любу перебивает Нета.

Не та. Шамол бучи! Шаза буткнись! Шапо буго шанят! Да! Выгонят!

Ли ка. Переезжай... Что делать... Больные почки... Это серьезно в пожилом возрасте, да еще перед родами. Я буду на кухне, вы тут. Все дети при тебе... и все жены. Дедушка женился семь раз, часть жен отсудила себе по комнате, все жили вместе... К умирающему никто не подошел. Скрюченного положили в гроб. Глаза не закрыли, фурии.

Са ша. Молоко у Раи пропало, теперь за молоком двенадцать верст...

Ли ка. А конечно, молоко у беременных синее, дети плюются.

Са ша. Короче, мне нужен развод.

Ли ка. Я тебе должна дать развод? Я? Мать с сыном не разведут!

Лю ба. Да!

Ли ка. Ты замолчишь когда-нибудь? А?

Входит Ле ня.

Ле ня. Извините, там было открыто...

Ли ка (*еще не остыла*). И что? И что, я спрашиваю?

Ле ня (*сбит с толку*). Но там было распаханто...

Ли ка. Так и что, что распахнуто? Надо входить?

Лен я. А Олю можно позвать?

Ли ка. Олю ему. Олю? Вам Олю, но ее нет сейчас... (*Начинает волноваться.*) О-ля!

Са ша. Я сбегая, позову.

Ли ка. Да, Александр. Да, Александр. Смотайся.

Са ша выходит. Нета садится и с любопытством смотрит на Леню.

Оля со своим сыном гуляла, а теперь пошла в булочную. Она у нас везет на себе весь дом. Знаете, такая работающая. Я слепа совсем... У Оли прекрасный мальчик, знаете, Олег. А вас как зовут?

Лен я (*откашлявшись, слабо отвечает*). Леня.

Ли ка. Не слышу! Повторите!

Лен я. Леонид.

Ли ка. Прекрасное имя. У нас Олег тоже Леонидович.

157

Нета что-то шепчет Любе на ухо.

Ли ка. Ты Виноградов, что ли?

Лен я (*так же слабо*). Да.

Ли ка. Ну и что ты поделываешь?

Лен я (*пискнув*). Учусь.

Ли ка. В каком классе?

Лен я (*откашлявшись*). В МВТУ имени Баумана.

Ли ка. А вот Оля не поступила... Не могла. Родила.

Лю ба. Это не ее вина!!!

Не та. Шамол буши. Шане буме шашай.

Ли ка (*с нажимом*). У нас гости, Леня. Они немного больные.

Лю ба (*подходит, подает руку*). Любовь Васильевна.

Не та (*протягивает с дивана, невидимая, руку*). Анна Петровна.

Леня пожимает им руки, предварительно вытерев ладонь о штаны.

Ли ка. Не обращайтесь внимания, они много вынесли. *(Прислушивается.)* Кажется, Лялька плачет. Ему же есть пора, что она думает?

Слышен плач ребенка.

Где же она? Я стара, я слепа... Я перевернуть не смогу...

Плачет дитя. Леня окаменел. Медленно приподнимается голова Неты.

Не та. Ли ка, не ломай комедию. Ребенку там страшно и одиноко.

Ли ка *(Лене)*. Они тоже не приспособлены к жизни, не смогут перепеленать.

Не та. Я не в силах, но я схожу. Когда-то у меня были две девочки. Я не могу слышать плач детей.

Ли ка *(с силой)*. Это было у тебя до Первой мировой войны. А сейчас ты аб-со-лютно не приспособлена.

Не та. Ты мегера. *(Шумно падает на подушки.)*

Ле ня. Может быть...

Ли ка. Да, да. Да, да. Будь добр.

Ле ня. Может, я приду в другой раз?

Ли ка *(разочарованно)*. Как сам знаешь.

Ле ня устремляется к выходу, исчезает. Ли ка со вздохом поднимается, чтобы идти к младенцу. Успеваает дойти до дверей, и в это время входят Оля и Саша.

Ли ка. Ребенок уже надорвался, где ты шлёндралась?

Оля. Мы с папочкой беседовали.

Ли ка. Тут к тебе приходил некто Леня.

Оля. А, из нашего класса. Винограшка, что ли? Делать ему нечего. *(Убегает к ребенку.)*

Ли ка *(обращаясь к Саше)*. У нее, имей в виду, большие актерские способности. Она будет гореть на костре и изображать, что ей скучно.

Са ша. Я прошу выделить мне комнату.

Ли ка. Снова он несет свое. Слушай! Зачем тебе эти дро-

ва? Зачем бараки? Зачем палатки и керосинки? Какие такие у тебя дети? У тебя Оля, Сережка и Маша, у тебя внук Ляля, того гляди, Оля приведет мужа. Я же вижу, я не слепая! Что это за Леня? Ты понимаешь? (*В восторге.*) Ты ображаешь, какой это Леня?

Саша. Это же мой дом, имею я право...

Ли ка (*перебивая*). Имеешь полное право, Оле с мужем мы отдадим мою комнату, я переселюсь на кухню, поставим мой топчан, ты с Эрой, она многое поняла и живет тихо. Она тля, Саша! Эта тля слова не скажет больше.

Лю ба. А нас куда? Куда нас? Нас погонят, что ли?

Ли ка. Молчи, несчастье проклятое!

Саша. Ты даже не спросила, есть ли у меня фотография твоего внука.

Ли ка. А ты спросил, как Сережа и Машенька? У нас тоже есть их фотографии, Сережа играл на Новый год в детсаду старшего зайчика, а Машка, мы ей сшили снежинку.

Оля, пятась, вывозит коляску.

Куда, куда! Ты покормила?

Оля, неопределенно махнув рукой, убегает с коляской.

Саша. Мама, там тоже ребенок, и это твой внук то же самое. Понимаешь?

Ли ка. То ли я ослепла окончательно, то ли она сменила шапку на берет, менингитку надела, что ли. А мой ли внук, я не знаю. И ты. И ты знаешь, что ничего не знаешь. Как сказал Сократ.

Саша. Мама, у меня нервы доведены до предела.

Ли ка. Я не знала, что из Оли выйдет такая самоотверженная мать. Стирает ночами.

Лю ба. Специально. Чтобы доказать нам, кто хозяин.

Ли ка. Видишь, как я живу?

Саша. Все-таки надо решать.

Ли ка. По-моему, она повезла показывать Ляльку этому Лене. Слава богу, хоть кто-нибудь кому-нибудь в этом доме улыбнется, кроме Ляльки. В доме всегда должен

быть малыш! И он нам один и улыбается, а мы ему. А то все время то мы ножницы и бритвы прячем, то веревки массово выкидываем, то валерьяновку на всю квартиру варим. Эрка ночами все ходит под предлогом помощи ребенку.

Люба. Да! Стучит ножищами.

Ли ка. Олечка плачет от любого замечания, ты слышишь, Саша?

Не та. Это ты от нее плачешь.

Люба. Ты ослепла от слез.

Ли ка. А Машка, она хохочет. Олечка на нее шипит: «тише», а она истерически хохочет, Олечка ей подзатыльник, поскольку Ляля спит, так она испуленно смеется и падает на пол!

Саша. А мы все улыбаемся дома. Тихо-тихо, Саныч не плачет совсем. Рая ему не дает. Саныч два зуба имеет. *(Показывает пальцем на нижнюю челюсть.)* Стоит уже. Крепкий. Стелим на пол одеяло. Спит пока в ящике за стульями. Днем на стульях сидим, а ночью он там спит. Коляска есть, кроватку уже некуда.

Люба. Оля бьет детей.

Ли ка. Молчи!

Не та. Шамол бучи!

Ли ка. Это не бьет, это шлепает. Она же одна с ними три вечера в неделю! Мать же учится! А это хулиганье руки помыть, ужинать ходит только с шестого крика. Трое детей у нее на руках, а ведь ее время еще не пришло! Нет! Вся наша жизнь тяжелый труд. Слезами залит мир безбрежный.

Не та *(садится)*. Но день настанет неизбежный, неумолимый страшный суд!

Ли ка. О господи.

Не та *(с силой)*. Перед фестивалем молодежи и студентов будут высылать тунеядцев и плесень из Москвы. Москву очистят от всей и всяческой нечисти. *(С силой падает на подушку.)*

Ли ка. Вот и вот. Видали?

Саша. Думается мне, что я знаю, кого отсюда надо вычистить.

Ли к а. Саша, это безобидно. Они никому не делают зла.

Не т а. Высылают за разложенчество.

Ли к а. Ты говоришь это нам.

Лю б а. Как писал Маяковский: где «м» с хулиганом да сифилис.

Ли к а. Оля, например, всегда боялась их. Маленькая девочка, а как все понимала! Невинность похожа не неукрепленную крепость, писал Шодерло де Лакло.

Лю б а (*Нете*). Шашо будер шало буде шала букло.

Нета нетерпеливо машет рукой.

Ли к а. Да, укрепленная крепость — это приходит с годами.

Люба гордо кивает.

Вот Маринку — ту повыведают из Москвы за все ее дела. Обреют и вышлют в платке. За то, что она устраивала в своей квартире и что она сейчас там вытворяет, пока отец с матерью в Германии. Учиться не учится, время проводит на вечернем отделении, какой из нее педагог! А Оля сидит дома, стирает, готовит, едет с коляской в садик, свой в коляске, эти двое за коляску держатся. Прямо тебе картина Перова «Тройка»!

Входит милиционер.

Милиционер. Там было распахнуто, ключ в дверях (*кладет ключ на стол*).

Саша берет ключ, хочет положить в карман, но потом возвращает на стол.

Так. Коровина Ольга тридцать девятого года рождения здесь проживает?

Ли к а (*кричит*). Саша! Саша! Я слепа! Где ты?

Саша. А в чем дело?

Милиционер. Коровина Ольга Александровна.

Саша. Я ее отец, а ее в настоящее время нет.

Люба. Она уехала, вам сказано. Пожилому человеку плохо, врача! Моя мама большевик, орденоносец, партийная кличка Муся. Ли́ка, так надо. Мама, лежи. Это чистят Москву. Так мы и думали. Наше дело правое. За Олей пришли. Ее жаль, но что поделаться.

Ли́ка (*фронзительно*). В чем дело? Я ни шута не вижу, кто пришел? Оля ушла к мужу.

Входят Оля и Ле́ня, ввозят коляску.

Они с мужем пришли!

Оля (*с порога*). Баба, кто-то на Ле́ньку письмо в ректорат написал. Моральное разложенчество. Что он бросил ребенка и материально не содержит.

Ли́ка (*дипломатически улыбаясь*). Оля, у нас милиция. Видите? Они муж с женой, да.

Саша. Оля, старшая дочь моя, иди сюда.

Милицо́нер. Коровина Ольга Александровна, тысяча девятьсот тридцать девятого года? (*Садится к столу, вынимает бумаги.*)

Оля. Именно.

Ли́ка. Оля!

Милицо́нер (*пишет*). Девица?

Слово «девица» милиционер произносит с ударением на «е».

Оля. То есть как это?

Милицо́нер. Ну, девица или замужняя. (*Слегка покраснел.*)

Оля. Нет, я не замужняя.

Ли́ка. Морганатический брак. Ребенок же есть! Ле́ня, скажите!

Милицо́нер (*после паузы*). Вы знакомы с Бухарцевой Мариной Ивановной?

Оля. Я? Знакома.

Ли́ка. Эту сволочь мы прекрасно видели.

Милицо́нер. Когда вы последний раз у нее были?

Саша. В чем все-таки дело? Вы же должны сказать, в чем дело?

Милиционер. Маленькое ограбление в квартире Бухарцевых. Вернее, хулиганство. Написали на стенах, ножом порезали два пианино.

Ли ка. И никто ни на одном не играет ни бельмеса, заметьте. Эти пианино не для игры.

Милиционер. Ну и так далее. В люстру насыпали манки.

О ля. Когда же успели?

Милиционер. Когда в последний раз вы там были?

Ли ка. Мы запретили ей ходить в этот вертеп! Шесть, нет, восемь месяцев она уже сидит безвылазно дома или гуляет с ребенком по магазинам.

Милиционер. Когда вы были там в последний раз?

О ля. Когда? Позавчера. Позавчера днем.

Входит Эра.

163

Ли ка. Как? Ты вместо гуляния? Ты же клялась! (*Плачет.*)

О ля. Я зашла на несколько минут, когда шла за молоком.

Эра. Что происходит, товарищи? Я мать! Объясните!

Милиционер. Произошло ограбление, хулиганство на квартире у Бухарцевых. Бухарцева Марина Ивановна назвала тех, кто последнее время посещал квартиру, среди них ее.

Эра. Докатилась, дура! (*Подбегает к Оле, та прячется за спиной отца.*) Подожди у меня! (*Опустив голову.*) А это кто? Это кто? Пришел, не постеснялся? Стыд и срам, стыд и срам! Опозорил, бросил, обрек на муки!

Непонятно, о ком речь, ибо Леня
и Саша стоят рядом.

Милиционер. Минуту, товарищ. Во сколько точнее это было?

О ля (*из-за спины отца*). В два часа.

Милиционер. Кого вы там видели конкретно?

Ли́ка. И что тут плохого, что зашла? Она же не грабитель! Эта Маринка ее единственная подруга, какая бы она ни была «м». Подруг не выбирают. У человека же должны быть просветы в жизни! Посмотрите на нее, какая она слабенькая: были трудные роды, была грудница, она кормит и кормит, совсем истощена. Все ее бросили.

Оля (*перебивает*). Я там видела Бухарцеву.

Милиционер. Еще кого?

Оля. Всё.

Милиционер. Был еще один человек?

Оля. Нет.

Милиционер. Бухарцева показала, что был.

Оля. Никого там не было.

Милиционер. Вы напрасно так. Дача ложных показаний.

Оля. Да не было!

Леня. Это я там был этот человек. Виноградов Леонид Витальевич. Тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Студент МВТУ имени Баумана. Всё?

Милиционер. Сколько вы там пробыли?

Леня. Я пробыл там минуту.

Милиционер. Что вы там делали?

Леня. Оля отказалась со мной говорить, ушла. Я ушел тоже.

Милиционер. Вы бывали там часто?

Леня. Последний раз я там был... Не помню... Год, что ли... Когда мы переехали в Новые Черемушки.

Люба. За девять месяцев до рождения Ляли!

Ли́ка. Видите, как мы живем?

Милиционер. После этого вы там были?

Леня. Нет. Я же работаю и учусь. Вечером работаю.

Милиционер. Больше никого у Бухарцевой не видели?

Леня. Нет.

Оля. И я нет. И не была там с тех пор. И не буду!!!

Эра. Молодец, девочка!

Ли ка. Он ее вызвал, она пришла, увидела его, кровь бросилась в голову... И выбежала. Побежала в молочную. Лялька проснулся и очень плакал. Помнишь, Нета?

Нета слабо машет рукой из-за стола. Люба сидит в величественной позе.

Милиционер. Читаю. Я, Коровина О. А., пришла на квартиру Бухарцевой М. И., чтобы встретиться со своим сожителем Виноградовым Л. В. Подпишите.

Оля, плача, подписывает.

Милиционер. Я, Виноградов Л. В., такого-то года, то-то-то, вот здесь. С сожительницей Коровиной О. А. Здесь подпишите.

Леня подписывает, стиснув зубы. Милиционер, собрав бумаги, уходит.

Эра. Ну что, все-таки явился, подлая душонка?

Поскольку она смотрит в пол, неизвестно, к кому из мужчин обращены ее слова.

Все-таки заныло сердце у пакостника? Совесть-то мучает! Сойтись решил. А где ты был раньше, когда мы с ума сходили и веревок боялись?

Оля. Мама, на Леню какая-то дрянь написала анонимку в ректорат, что он бросил ребенка и моральное разложение.

Эра. И тогда он прибежал? *(Усмехается.)*

Саша. Я примерно знаю, кто это написал.

Люба лезет к матери под одеяло.

Оля. Я тоже.

Люба и Нета камнем лежат, спрятавши головы.

Эра. Еще чего!

Юный Леонид исчезает. Оля с коляской, помедлив, кида-
ется вслед за ним.

Люба (*приподнимается*). Лика, готовится провокация!
(*Прячется под одеяло.*)

Лика сидит понурившись.

Эра (*становится на колени перед диваном*). Умоляю вас,
уйдите! Христом Богом молю, уйдите! (*Рыдает.*) Да что же
это! Я в окно брошусь!

На диване каменно молчат, не шевелясь.

Нет же совсем жизни! Мужуку жить негде! Всюду вы,
всюду вы! Мама, скажите им!

Лика молчит.

166 Вы же люди, у вас есть свой дом! Мы вам дадим всё! Кро-
вать, простыни! Стол дам Олькин! Поживите сами!

Полное молчание.

Лика. Эра, им ничего не нужно. Ни-че-го.

Эра. Им ничего не нужно своего, только все чужое.
(*Встает с колен, вытирает слезы.*) Ладно. (*Внезапно выхва-
тывает из-под одеяла черную сумку.*) А вот вашу сумку я сей-
час выброшу! (*Выбегает с сумкой.*)

Люба. Там же партдокументы! Письма Сталину!

Нета и Люба вскакивают, путаясь в одеяле. Нета, оказыва-
ется, лежала в пальто и ботинках. Выскакивают вон. Бы-
стро входит запыхавшаяся Эра.

Эра. Надо звонить дяде Мише. Они там на лестнице.
Я захлопнула дверь.

Слышен прерывистый звонок в дверь. Немая сцена, все —
Лика, Саша, Эра — замерли.

Картина девятая

Репетиция Московского хора.

Дора Абрамовна (*поднимает телефонную трубку*).
Станислав Геннадиевич, вас из райкома по идеологии!

Станислав Геннадиевич (*идет к телефону*). Баранова звонила, что больна, у нее тридцать девять и шесть.

Скорикова (*встает*). Мы не требуем справок, надо требовать справки. Обстановка серьезная, шьются костюмы. С такой пропускаемостью, как у Барановой, встает вопрос, как будет человек болеть во время фестиваля. Имейте в виду все остальные. Совет старейшин! С Сулимовой вопрос решается – будем выводить из резерва, мест нет.

Входит Катя, делает знаки Скориковой.

Минуту. Как раз вот хорошо, что вы пришли, это мать Сулимовой. (*Отходит с Катей.*) Ты чего?

Катя. Слушай, я тут рядом проходила. Ты капитану звонила? Что он сказал? Мое письмо получил?

Скорикова. Жена подошла, больше сюда не звоните, сказала, тварь.

Катя (*схватившись за нижнюю челюсть*). Она же твой-то голос не знает!

Скорикова. Я нос зажимала.

Катя. Как быть? А тебе тот-то не звонил, Лева?

Скорикова. Я к тебе зайду. Беги. Сейчас не поговорить.

Станислав Геннадиевич (*входя*). Только что звонили из райкома комсомола... сегодня будем встречать мужской студенческий хор города Дрездена. Нам поручена честь встречать их на Белорусском вокзале в двадцать два ноль-ноль. Кто не пойдет, внимание! Не пришел, значит, не член делегации. Звонят за час, что за подготовка, понимаешь. Ни цветов, ничего. Так. Поем. Перголези. Скорикова, раздать партии из финала. «Стабат матер». Партии сдать Скориковой обратно на вокзале! Так!

Текст, как вам известно, исполняется по-латыни. Поем без шапок, я думаю. На вокзале же. Все поняли. Так. Текст! Стояла мать скорбящая перед крестом.

Картина десятая

Эра, Оля, Лика. Эра пишет, Оля диктует. Входит Михал Михалыч.

Михал Михалыч. Только прихожу, опять меня снимают с работы! Лика!

Бесперывные звонки в дверь.

Соседи вынесли им стул и чай, работает скорая помощь.

Эра. Ты диктуй с тихой скоростью. Я вся дрожу.

Оля. Невиданные урожаи в мире способна собирать Страна Советов. Я верю, что недалек тот час, когда сто цэ с гектара будет средним урожаем моей родины. Академик Вильямс.

Входит Саша, останавливается, мнетяся.

Саша. Оля, выйди на минутку.

Эра. Диктуй.

Оля. Советской стране нужна большая бдительность, чтобы охранять мирный труд советского народа. Нет ничего более волнующего, чем вид Красной площади в дни народных празднеств, когда сотни тысяч идут мимо древних кремлевских стен.

Звонки.

Михал Михалыч. Мое предложение. Дайте им тарелку супа. За тарелку горячего супа люди шли на многое. Я, кстати, тоже не обедал. Целый день пью чай по родственникам. Все горло пересохло.

Эра. Диктуй, я говорю!

Звонки.

Оля. Конституция Советского Союза гарантирует великое право на отдых. Саморазгружающаяся машина Фролова на многих работах способна заменить самосвал.

Саша. Оля, тебе говорят.

Оля. Человек должен подчинять себе природу, а не подчиняться ей.

Саша. Мне надо поговорить с мамой. Ты чего отца не слушаешь, дочь моя старшая?

Эра. Диктуй, тебе сказали.

Оля. Но ни нужда, ни лишения не сломили его воли к овладению основами современной ему науки. Ломоносов успешно закончил учебу.

Саша. Нехорошо, нехорошо поступаешь с отцом.

Эра. Ты будешь диктовать?

Оля (*зло*). Первая трудность, с которой пришлось столкнуться ученым, заключалась в выборе вещества, пригодного для изготовления прозрачного черепа. Такое вещество должно было обладать рядом особых свойств, быть устойчивым против бактерий, кислот и щелочей, пропускать рентгеновские лучи, вызывать минимальную реакцию со стороны организма и т. д. После многих проб и экспериментов было установлено, что наиболее подходящим материалом для искусственной крышки прозрачного черепа является созданная советскими химиками прозрачная пластмасса плексиглас.

Михал Михалыч. Сейчас придет грузовое такси с грузчиками. Лика, я тяжести таскать не могу, у меня болезнь сердца.

Эра (*с силой*). Когда моя мама умирала на разезде Шубаркудук, я не могла ее взять сюда. Я это знала и не предлагала. Я поехала. Она против ожиданий встретила меня сама на станции босая, стояла в пыли, ноги жилистые такие. Пока я там жила, пока мама не умерла в своем бараке, Саша отъехал в Лиепая и сошелся там с учительницей физкультуры, в пятидесятом году. И мне ни письма и ни весточки. Мама умирает медленной смертью. В полном сознании. Я бегаю на почту за три километра. Мама умирает. Ни письма, ни-че-го. Похоронила и примчалась,

нашла Лиенау, нашла гостиницу, спряталась под стол. Ду-ра! Он входит, а я из-под стола: у-у-у! Вижу, а в дверях стоят две пары ног и сумочка качается. Я вылезла со своим рюкзаком. Еле вылезла.

Звонки.

Пауза. Все замерли. Эра жалеет, что все это рассказала, Саша весь сморщился, как от кислого, Оля вообще слышит обо всем этом десятый раз и, подойдя тем временем к телефону, быстро набирает номер и так же быстро кладет трубку. Михал Михалыч, наоборот, кивает и жаждет вставить слово.

Михал Михалыч. Да-да. У меня вот тоже было буквально то же самое. Как известно, когда Майкин Сима, вы его не знаете, уходил от жены, он ушел в чем мать родила, в одной шинели. А потом, а именно сегодня, ему срочно понадобилось взять хотя бы узел с бельем, Майка сняла меня с работы, я поехал с ним и Левка, племянник Майки со стороны первого мужа, мы ему ищем жену, кстати, с изолированной комнатой, чтобы пекла блины. Почему-то настаивает на блинах. Короче, мы пришли, как оказалось, правильно, Симины жена даже не сошла с койки, Лева у нее одну подушку из-под головы с извилинами вынул, она лежала сама на трех! Не у детей же было брать, они посреди дня все лежали, у детей по одной подушке.

Оля набирает номер и быстро бросает трубку.

С а ш а. Оля, выйди отсюда, кому сказано.

Он явно недоволен рассказом Михал Михалыча, Эра же демонстративно слушает.

Михал Михалыч. Симины жена только рассмеялась, когда из-под нее подушку взяли.

Эра смеется.

А Симин младший, Изюм его зовут, подошел к Симе, к отцу, сейчас будете смеяться, и отдал ему паровозик. Изюму два года. Сими́на жена тут говорит вся в слезах: «Собака!» А младший говорит на это: «Ав, ав!» Больше ничего не сказал, видимо, не умеет. Ну вот. Делать нечего, взяли мы подушку, четыре простыни, одеяло, человеку чтобы спать, и все обошлось. Чистых не было, Сима сам брал грязные простыни из бака, она уже все бросила и не стирает. Нашли его бурки зимние, слава тебе господи, он за них больше всего дрожал. Только что я оттуда вернулся, пришел на работу, опять меня снимают, Лика звонит: ты поклялся меня выручать. Я опять вышел на улицу, сел в трамвай. Ехать до вас полтора часа от Калужской! Сам весь еще дрожу. У меня болезнь сердца, дай руку (*берет руку Эры, прикладывает к своему сердцу*), слышишь шумы?

Эра (*взглянув на Сашу*). Еще новости (*выфывает руку*).

Михал Михалыч. Никто не выдерживает, даже врачиха. Сам дрожу. Детки Симины потом тоже начали плакать, вскочили, Симу за ноги обнимают. Она сама тоже поднялась, давай детей отрывать. При нас силы ее удвоились. Она фронтовичка. Вместе с Симой воевали, привел он ее с фронта, медсестру, спасла ему жизнь. Привел. А жена его с дочерью дождалась его с фронта, он им построил в комнате перегородку как следует, доски, дранки, штукатурили. Дочери Симы уже двадцать лет, взрослая девушка, зачем ей слушать все эти дела. Этот Сима как тот ваш дедушка, будет семь раз женат, в результате было некому закрыть ему глаза. Но та, предыдущая жена Симы, ему развода так и не дала, теперь для новой жены дала. Через раз на второй.

Звонки.

Лика. Междугородняя. (*Ушла.*)

Саша (*подбегает к телефону*). Але! Але! Вас слушают.

Высвечивается Рая в кабинке телефона, молча плачет.

Саша. Слушаю вас! Ничего не слышно!

Рая молчит.

Саша. Перезвоните! Але! Барышня! Что за черт! Але! *(Медленно кладет трубку.)* Оля, помоги мне! Ты сама мать! Ты уже выросла, дочь моя старшая, уже все понимаешь! Как тяжело детям без отца! У тебя маленький брат, ты понимаешь? Ему тоже нужен отец!

Михал Михалыч. Сима тоже не мог не жениться, она его студентка, она в интересном положении, дело дошло до ректората. В результате Сима со студенткой снимают койку в Столешниковом у мужского портного. Теперь у них есть подушка, одеяло, четыре простыни и вот бурки.

Саша. Оля, мне надо срочно поговорить с мамой.

Эра. Ты будешь диктовать? Отойди от телефона, крестинка!

Оля. Социалистический реализм, социалистическая литература, литературоведение, нанести сокрушительный удар, рецидив, буржуазный национализм, космополитизм, незабываемый, великая традиция, активные строители... *(Пауза.)*

Эра. Написала. Давай!

Оля. Руководящая и направляющая сила, широкий простор. Широкий простор.

Саша. Ну ладно, раз так. Спасибо, Оля.

Звонки.

Ли́ка *(наконец подняла голову)*. Саша, придет машина, тебе надо будет поработать. Я даю им свой диван, Эра, это мой диван, свое барахло выгребь. Соньке отдай. Хотя это же теперь Ляино. И Вадима Михайловича ночную тумбочку, с чего-то им надо начинать! Это всё мои вещи, я предупреждаю. Простыни, какие чистые, шесть штук. Одеяло и подушки две. Они спят валетом. Две подушки обязательно! Моя сестра и ее несчастная дочь, мои единственные! Я их никогда не оставлю! Саша, ради тебя, ради твоей семьи они там стоят выгнанные! Тебя здесь заждались и любят. Посмотри на Эрку, на свою Ольку! Как они на тебя смотрят! Прости Эру за ее бессмысленные крики. Когда я слышала за стеной, как Эра обычно кричит на Сашу, когда он приезжает из команди-

ровок, я молилась и думала: если Саша бросит Эрку, то я понимаю почему. Но эти крики, Саша! Это были крики любви и понимания, что происходит! Скоро, скоро все будет вам, Саша! Что надо той женщине? Через нашу разоренную жизнь дойти до московской прописки? Она, конечно, уже немолода, ей пора замуж. Но, Саша! Меня предупредили, что до тебя у нее был роман с подполковником Дубом. Приехала его жена Дуб и дала ей по щеке. Твой ли это ребенок? А?

С а ш а. Мама, мои нервы доведены до предела. *(Топает ногами.)*

Л и к а. Дуба отозвали, она перекинулась на тебя.

Саша с силой грохает стулом об пол, выходит к роялю.

С а ш а. Дуба отозвали за пьянку.

Л и к а. Видишь. Все совпадает. А ты нам нужен не для достижения каких-то целей, а сам. Ты здесь родился, и это твой дом. Оля, поди обними отца. Эра, иди сюда. Видишь, они не верят тебе, что вернулся отец и муж. Саша, дай мне свой паспорт.

С а ш а *(вставая)*. Мама, у меня его нет. Я буду разбирать диван. Отвезу их, тогда приду поговорим. *(Подходит к дивану.)* Совсем доконали меня. *(Ложится на диван.)* Оля, дай одеяло.

Э р а *(шепотом)*. Его детское, в шкафу.

Л и к а. И не надо больше ездить в Березай.

Оля накрывает отца. Эра заботливо поправляет одеяло.

Саша натягивает одеяло на голову, открыв ноги в рваных носках. Эра, Лика, Оля стоят над лежащим Сашей.

Михал Михалыч *(входит с двумя грузчиками с веревками и крючьями, в ватниках и кирзовых сапогах)*. Сюда, пожалуйста. *(Подходит к дивану, на котором спит Саша.)* Вот это.

Пауза. Все смотрят на спящего Сашу. Грузчики разбирают веревки, крючья.

Деньги есть? А то у меня как всегда.

Саша (*прокашлявшись, приподнимается*). Деньги есть. Найдем. (*Садится на диване, начинает надевать ботинки.*)

Все стоят, наблюдают, как Саша шнурует ботинки.

Михал Михалыч. Одни расходы эти разводы.

Грузчики согласно кивают, берутся за диван. Саша встает и выходит вместе с грузчиками. Эра, держа тряпье, как ребенка, на весу, прячет в него голову, покачивается. Михал Михалыч провожает грузчиков, потом возвращается.

Но мы поддерживаем отношения с совсем первым браком Симы. Его старшую дочь я устроил на курсы завклубом киномехаников. Майкин дядя был замминистра, теперь полгода без работы и направили заведующим райкинофикацией. Его жена-то и есть директор курсов стенографии, я говорил... Где Эра учится. (*Уходит.*)

Картина одиннадцатая

Комната Любы и Неты в новой квартире. Они сидят на диване.

Михал Михалыч (*входя*). Вот вам ключи от входной двери, Катя вам дает свои. Просила передать. Так что новый замок вставлять не придется.

Люба. Их свидетельницу чтобы я здесь больше не видела.

Михал Михалыч. Это кого?

Люба. У Кати с Лорой в комнате сидит какая-то посторонняя.

Михал Михалыч. Минуточку! (*Выходит.*)

Нетя. Как здесь сыро! Пар с кухни не выветривается!

Люба. Потолки низкие! Три метра всего!

Не та. Пар, парильня!

Люба. Лику они так и не пустили с нами проститься.

Не та. Не говори мне о ней. Она плакала. Они ее к телефону и не позовут теперь.

Люба. Вот тебе в Москву, в Москву. Вот тебе Москва.

Не та. Мы будем бороться!

Люба. Боже мой, почему одним все счастье, все тепло и все их любят.

Не та. Саша специально приехал из Березая, чтобы нас вытурить! Его, наверно, Эра вызвала.

Люба. Оля, Оля.

Не та. Моральные разложенцы, семья падших людей! Машка маленькая и то мне язык показывала. Им нет дела до их же матери! Не купят ничего, очки не закажут. Родную тетку выставили, тьфу!

Люба. Они нас преследуют за правду!

Не та. Правильно говорила Лика: мои старые глаза всё видят, и за это меня ненавидят.

Люба. За правду сжигали на кострах.

Михал Михалыч *(входя)*. Это, оказывается, подруга Лоры. Поют вместе в хоре, что ли. Она болеет у них. Она из больницы, ей негде жить. Температура тридцать девять и шесть. Правда, я не мерил.

Люба. Вот-вот, этого-то нам и не надо.

Михал Михалыч выходит.

Не та. Лика ведь все видела, что Эрка несется с нашим портфелем! Видела, что мы побежали за ней и она захлопнула дверь за нами! И не сказала ни слова! А мы по листку собирали на лестнице ползали.

Люба. Она нас предала. Она соглашателишка. А ты чистой воды кристалл. Она предала тебя, свою сестру, ради своих отпрысков. Они никто.

Входит Катя.

Катя. Мама.

Люба. Вашу свидетельницу хористку чтобы мы больше не видели. Начинается! И чайник! Он не должен кипеть.

Катя. Что мы, звери?

Люба. Маме от пара плохо.

Катя. Ну да, конечно.

Люба. Из мусоропровода несет.

Катя. Ой, ужасно. Все жалуются.

Люба. Надо заклеить.

Катя. Хорошо. Мама, Лорочка сказала, что без своей подружки дома жить не будет. Она ушла из дому за этой Галей. Куда-то на вокзал жить. Мама...

Люба. Святое имя мамы не упоминай.

Катя уходит.

Нетя. Люба, пиши. Первому секретарю Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза! Дорогой Никита Сергеевич! Прекратите трагический театр Гауптмана. Двух больных людей выгнали на улицу, где в квартире пар и зловоние. Тунеядцы распрягаются судьбами людей, нигде не работающие и не учащиеся, вследствие морального разложения родившие ребенка, который может пойти по стопам отца и матери, которого и необходимо отобрать у матери. Тчк. Муж бросил жену с тремя детьми-уродами, показывающими язык, одна из которых тут же родила, встречаясь с сожителем в ограбленной квартире, потому что родители Германии, зпт, которая стирает по ночам, разнося по всей квартире пар и газ от замоченных пеленок, тчк. В квартире проживали посторонние, с температурой тридцать девять и шесть. Тчк, настоящая клоака тчк. Такси везло окольной дорогой через всю Москву, пиши М тире ву, так короче. Старайся короче, сказать надо много. Скорая помощь работала на лестнице якобы скорая, на самом деле психоперевозка зпт больницу отказались тчк. Кровать специально отлежали как качели зпт, как она там спала вскл, восклицательный. Ее

угнетают, заставляют питаться углями и вычищать ложкой кстр. Кастрюли пиши сокращенно. Просим предоставить другую квартиру с изол. комнатами. Слово «углем» подчеркни. И слово «психоперевозка». Еще. У Лики растет под носом шишка, и никто не ведет ее к вр. Тчк.

Люба. Мама, мы еще увидим лучшее будущее! Москва растет и хорошеет, полным ходом идет реконструкция! Изобретут средство от клопов. Все переедут в отдельные квартиры. Люди будут относиться друг к другу лучше и лучше! В такси с откидным верхом! Представляешь? По зеленеющей красавице Москве! Снесут Арбат и все лишнее. Слушай, там кто-то плачет за стеной.

Нет а. Ужасная слышимость. То есть всё слышно, все слова. Шабу будем шаго буво шарить, пока шатоль буко шаша бубу.

Люба. Провокаторы. Мы не можем здесь жить, когда плачут за стеной. Это невыносимо, в конце концов!

Нет а. Надо вызвать милицию к распоясавшимся хулиганам. Плачет ребенок? Не убивают ли? Кто-то убивает ребенка?

Люба. Надо звонить в детскую комнату милиции. Слушай, нет, это она плачет. Катя плачет. Комедиантка.

Картина двенадцатая

Белорусский вокзал. Стоит с чемоданом и авоськой Саша.

Поодаль остановились Галя и Лора.

Галя (*подойдя к Саше*). Дяденька, у вас закурить не найдется? (*Прислоняется к стенке.*) Целый вокзал обошла, полный зал, мест нет, а то бы посидели.

Саша. Да сидеть еще холоднее.

Галя. Я еду в город Брест к мужу, а вы?

Саша. Станция Березай.

Галя. Меня зовут Светлана Малинина.

Саша. А я дядя Саша, муж своей жены.

Галя. А у меня сумку свистнули. *(Разводит руками.)* И чемоданы. Заснула, и всё. В милиции всё записали и освободили. Я из Шубаркудука, еду к мужу. И всё стырили.

Саша. Знаю Шубаркудук.

Галя. Знаешь? Никто не знает.

Саша. Там в ссылке теща проживала.

Галя. Как фамилия?

Саша. Эрика Тице. Немка.

Галя. Немцы жили за разъездом.

Саша. Ну вот.

Галя. Немцы аккуратно жили. Вернее, немки. Босые ходили, как все, но чисто подметали, даже двор у барака. Там пыль везде. У наших бараков грязно, мухи летают, как пчелы. Мы этих немок звали «Гитлер капут».

Саша. Теща была антифашист.

Галя. Конечно, фашистов там не было. Еще бы. Все антифашисты. Мы тоже с матерью. *(Воспроизводит антифашистский жест — рука согнута в локте, кулак обращен к зрителям.)*

Саша. Вот-вот. Этой моей теще и вернуться было некуда, тесть из ссылки прибыл с новой женой и ребенком. И вскоре скончался. Мачеха эта мою жену и в дом не пригласила помянуть. А моя жена не такой человек, чтобы требовать наследство. И какое там наследство? Ничего вообще не требовала для себя, все для других. До сорока двух лет дожила, ничего не нажила. Ни профессии, ничего, даже денег. Трое детей. Две девочки и мальчик, восемнадцать, восемь и шесть маленькой.

Галя. По-нят-но. Есть хочется. *(Оглядывается на Лору.)*

Саша. Денег не дам.

Галя. Понятно.

Саша. Хлеб с колбасой есть.

Галя. Валяйте давайте. *(Едят стоя.)* Голова прямо как котел. Болит и болит. *(Отходит и делится с Лорой. Возвращается.)*

Саша. Пить надо меньше водку.

Галя (*оторвавшись от еды*). Вы так думаете?

Саша. И врать меньше.

Галя. Я не врала, ты что.

Саша. Вот. А моя жена мне никогда не врет, ни слова не наврала. Я ее избавил от одного там полковника, фамилия Дуб. А что она может, она сама молодая, тридцать один год, медсестра. Ничего. Теперь у нас сыну восемь... девять месяцев. Никто не сунется.

Галя. У меня температура, дядя Саша. Голова болит. Дайте на билет.

Саша. Девочка, ой, смотри, себя потеряешь.

Галя. Я студентка.

Саша. Ведь ты будущая мать. У тебя будут дети.

Галя. Ты что, дяденька. Пугаешь.

Саша. Что ты расскажешь им о своем прошлом?

Галя. То же, что и ты.

Саша. Я воевал! Всю жизнь работал! У меня трое детей, одна как ты. Восемнадцать лет. Даже четверо! (*Пауза.*) Четверо... детей.

Галя. Я тоже работала, это-то я понараскажу много.

Саша. Ну и как же ты дошла, что ни копейки? Трудовой человек?

Галя. А судьба.

Входит уборщица Лида.

Лида (*весело*). Во у меня сторожа. Во как мне лохмотье мое охраняют и швабру. Парочка, свинья да ярочка. А я вас не знаю.

Саша. И куда же ты теперь? Эх-ох.

Галя. Оставь, отвяжись.

Лида. Он оставит. Покинул волк кобылу, оставил хвост да гриву.

Галя. Тетенька, на ночь непустишь?

Лида. На время иль на час?

Галя. На ночь.

Лида. Да я вас не знаю. Одна или вдвоем?

Галя. Вдвоем.

Лида. И то. Я приберу в зале. Жди меня. Деньги... пять рублей.

Галя. А далеко живешь?

Лида. Жаворонки платформа. Вперед по кочкам.

Галя. Далеко.

Лида. Так три рубля давай. Чего.

Галя. Ладно.

Лида. Деньги-то дашь?

Галя. А откуда я знаю, куда ты с ними пойдешь.

Лида. А я тебя не знаю.

Галя. Да я у твоей сменщицы ночевала, у тети Дуси на Лесной. У нее теперь грузины с Палашей живут.

Лида. Если бы я в Москве жила... то я бы тоже по червонцу брала за коечку. С Палашей с рынка, это богатые. С Тишинки тоже, но их Жаворонки не устраивают. Ну, жди тогда. Пока я грязь буду возить.

Входит Московский хор. Скорикова раздает партии, раздается отдаленный туш духового оркестра, входит Дрезденский хор. Ребята в брючках-дудочках, в куртках в разнообразную клетку, в одинаковых буршевских фуражках. Появляется Катя.

Катя (*Лоре*). Пошли домой.

Лора. Не пойду.

Катя. Пойдем, я тебя умоляю. Девушка, извините, как вас зовут, пусть она идет домой.

Галя. Она придет попозже.

Катя. Что значит позже? Она девочка еще, ей здесь нечего делать... Скорикова! Какой пассаж!

Скорикова. Погоди. (*Оглядывается помещение.*) Сейчас некогда.

Катя. Тебе позвонил?

Скорикова. Кто еще?

Катя. Этот человек.

Скорикова. Позвонил. Говорил что-то про рубашку и про какие-то блины. Странный какой-то.

Катя. Хочет сходиться.

Скорикова. С тобой?

Катя. Ты что!

Скорикова. А меня откуда знает?

Катя. Я посоветовала.

Скорикова. Ты видишь, сейчас некогда. Я зайду. Баранова, Сулимова, вам на двоих одна партия, вернуть.

Катя (*робко Саше, который все время отворачивается*). Здравствуй!

Саша. Уезжаю. Катя. До свидания.

Катя отходит, держа в поле зрения Лору, которая уже встала в хор. Скорикова там же, раздает партии.

Станислав Геннадиевич. Мы, Московский хор, рады приветствовать Дрезденский хор! Аплодисменты! (*Хоры хлопают, здороваются.*)

Входят Ли ка и держащая ее под руку Э ра. У Эры на руке зеленое пальто. Ли ка в шинели.

Ли ка (*самозабвенно кидаясь к Саше*). Я, старая дура, все поняла! Я мчалась, чтобы тебе сказать... Саша, ты был прав. Я еду с тобой.

Саша испытывает неловкость.

Я решилась!

Саша (*с досадой*). Мама, я говорил тебе, там восемь метров.

Ли ка. Что мне восемь метров! Уж жены-то ехали декабристов, я не понимаю, что матери сидели как пни! Сибирь! Что мне Сибирь! Я и в Березай поеду! Умру хоть по-человечески, рядом с тобой...

Э ра (*уже не первый раз*). Мама, переоденьтесь, нате пальто, неудобно!

Ли ка. Я не могу здесь оставаться, мою сестру выгнали. Если я порядочный человек... Я должна уйти из дома!

Саша. Мама, у меня почти двое детей...

Ли ка. У тебя почти пятеро, но это неважно. Тебе это всегда было раз плюнуть, неважно. Я все решила!

Едем. Естественно, без Эры я не могу. Она тебе не помешает. Эра, становись на колени! (*Бросается на колени.*)

Саша и Эра кидаются ее поднимать, Лика целует руки
Саше и Эре.

Станислав Геннадиевич. Бетховен. Девятая симфония! Финал! Обнимитесь, миллионы!

Галя Баранова поднимает руку в антифашистском приветствии. Руководитель Дрезденского хора подошел к ней, сам поднял кулак и пожал ей руку. Два хора поют. Саша и Эра стоят над Ликой, которая не желает встать с колен и мотает головой.

Занавес.

БРАЧНАЯ НОЧЬ, ИЛИ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ МАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Света
Толя
Кузнецова
Лобачев
Евгения Ивановна

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

183

Толя (*решительно*). Ну что ж...

Света. Ты... есть будешь?

Толя. Меня хорошо отравили в этом ресторане.

Света. Мне понравилось.

Толя. Меня отравили.

Света. Нет, мне понравилось.

Толя. С непривычки.

Света. Нет, мне просто понравилось, как там кормят.

Толя. Цыпленок табака?

Света. Почему цыпленок, я ела бефстроганов.

Толя. Ты завтра на себе почувствуешь, что значит беф-строганов. Они на каком масле это готовят, знаешь?

Толя подходит к Свете, и вот тут она может отойти на другую сторону стола искать домашние тапочки под скатертью.

Света. Мне понравилось.

Толя. Цыпленок табака был хорош только для зубного врача.

Света. Я ела бефстроганов.

Толя. А цыпленок годился лишь только для зубного врача.

Света. В смысле?

Толя. После него срочно надо чинить зубы.

Света. У тебя плохие разве зубы?

Толя. У меня зубы отличные, ни разу не болят.

Света. Тогда что тебя волнует?

Толя. То, что, кроме костей, нечего было есть.

Света. Поменял бы, попросил официантку.

Толя. Не люблю подымать хай в ресторанах.

Света. Ты все равно поругался ведь с официанткой вначале.

Толя. Но это не от большой любви. Посадила за стол с крошками, обедками.

Света. Кто сажал? Ты сам скорей сел.

Толя. Кругом столько столов пустые, а они говорят — подождите.

Света. Подождали бы.

Толя. У тебя ведь нога стертая.

Фраза производит какое-то действие, которое вполне можно назвать как бы звуком лопнувшей струны.

Света. Я из-за этих туфель прокляла все на свете. Бежала, бегала за ними почти весь этот месяц, в результате взяла на полразмера меньше и только позавчера.

Толя. Это когда я тебе звонил?

Света. В этот день.

Толя. Трудно было достать?

Света. Да белых нигде не было. Лето.

Толя. Заранее надо было.

Света. Да так как-то.

Толя. В конце концов, написала бы мне. Адрес я тебе свой оставлял.

Света. Я тебе тоже адрес оставляла.

Толя. Я все бегал, с дома продажей.

Света. Я работала.

Толя. Там у нас, в моем бывшем городе, можно неожиданно что-то достать. На толкучке по субботам с рук продают.

Света. Я не люблю с рук, от покойника может быть.

Толя все еще стоит.

Толя. Вообще-то надо умыться после этого посещения ресторана. Где-то тут был мой чемодан, там полотенце.

Света. На, возьми там в ванной наши, красные висят.

Толя. Во-первых, если уж на то пошло, негигиенично общее полотенце.

Света. Я тебе другое наше дам, тоже красное.

Толя. Как различать будем?

Света. Я тебе зайчика вышью.

Толя. Зачем? На самом деле у меня тут целое приданое. Простыни есть, пододеяльники даже.

Света. На своих собираешься спать?

Толя. Жизнь подскажет.

Света. Я с мамой лягу, а ты постелешь себе. Тогда твое приданое не пропадет.

Толя. Не пропадет мой скорбный труд. Я стирал и гладил все свободное время. Покупал, стирал и гладил.

Света. Сам?

Толя. Я один, как ты знаешь. В моем родном городке тоже был один, хотя мама в свое время не согласилась меня женить на одной местной девочке. Сказала, что у нее родители до третьего колена ей известны и все воры. Так что я все стираю себе и глажу до сего времени сам.

Света. Вас там в Нахимовском помучили вальс танцевать и стирать.

Толя. Ты со мной зря не пошла вальс.

Света. У меня нога стертая, ты бы мог пригласить Кузнецову.

Толя. У нее свой муж для этого есть и сидел.

Света. Он бы не обиделся, если бы ты Кузнецову пригласил.

Толя. Да, он бы не обиделся.

Света. Главное, два дела тебя приучили в нахимовском: танцевать и простыни стирать. Одно другое дополняет, идеал настоящего мужчины.

Толя. Почему же? Мы в Нахимовском были на всем готовом, простыни стирать не приходилось. Это вообще дело не такое. Не умею. Даже когда я на буровой работал в степях Казахстана, и то у нас повариха стирала. И в Свердловске я ведь на квартире у хозяйки жил, по договоренности опять-таки с ее простынями.

Света. Ты это все рассказывал.

Толя. Я про простыни впервые. Первый раз в жизни простыни стирал, когда к тебе собирался. Купил, выстирал в порошке и прогладил. На купленных сразу ведь спать не будешь, через сколько рук прошли, швей-мотористки, не говоря уже о ткачах, потом ОТК, потом на складе, дальше продавцы, покупатели.

Света. Молодец. Гигиену соблюдаешь.

Толя. Да, я аккуратный парень, брезгливый.

Света. Брезгуешь нашими-то полотенцами?

Толя. Я? Нет. Зачем.

Света. А почему свои привез?

Толя. Ну так как же... Ведь я знаю. У вас на самом-то деле не густо.

Света. Не густо, но я всегда к Новому году сама себе подарок делаю: две новые смены покупаю, и спим на чистом.

Толя. Первое дело. Мы тоже так будем делать, я тебе буду дарить. В нашей семье.

Света. Где это ты видишь — в нашей семье? Может, ничего еще и не будет.

Толя. Поглядим, увидим. *(Подходит к Свете и неожиданно для самого себя кладет ей руку на грудь.)*

Света *(отшатываясь)*. Уйди-ка.

Толя. Ну что ты? Что ты? Чего боишься? Ничего не будет.

Света. Ты где, в порту находишься? Матрос дальних странствий. *(Ее разбирает смех.)*

Толя. Ну зачем ты. Ты моя жена.

Света. Фактически нет, и не думай.

Толя. Это дело пустяка.

Света. А будешь приставать, так поедешь к себе.

Толя. Куда? Куда я поеду?

Света. А куда знаешь. *(Все еще посмеивается.)* К своей маме.

Толя. Она ведь у моей сестры живет. Там некуда.

Света. Тогда к себе в Свердловск. К хозяйке.

Толя. Я оттуда уже выписался. Все! Отовсюду выпи-сался, дом материн в родном городке продал. Я нигде! Вот стою тут, у твоего стола, пока у твоей матери.

Света *(посмеиваясь)*. Стоишь — так садись.

Толя. Не надо. Обождем, постоим.

Пауза. Толя все воспринимает всерьез.

Света *(посмеиваясь)*. Пристает!

Толя. Как это получается, что муж к жене пристает? Этого не может быть на самом-то деле. Муж жену уважа-ет, и все.

Света. Оставим разговор.

Толя. Мама ведь уехала специально, ради чего страда-ла, к чужим людям ночевать собиралась?

Света. Я еще раз тебе повторяю, что она ночевать не любит. Она ничего про ночевку там не говорила, значит, не будет. Она что говорит, то и делает, и я такая.

Толя. Это хорошо. *(Задумывается.)*

Света. Я говорю только то, что думаю, я ни от кого не завишу, зачем мне придумывать что-то, врать, потом опять придумывать дальше. Говорю, что думаю.

Толя. Но она еще не скоро, чего ты боишься.

Света. Мы сколько в ресторане просидели, во-первых. Во-вторых, откуда ты взял, что я боюсь? Я не боюсь. Я во-обще не имею привычки говорить неправду. Что ты тогда обо мне знаешь? Я всегда говорю то, что есть, и я не бо-юсь. Ты меня не знаешь. Мне нечего бояться. Ты ничего обо мне не знаешь.

Толя. Я к тебе присмотрелся за пять лет учебы.

Света. Присмотрелся, но не знаешь.

Толя. Я все знаю, но не хочу знать. Около тебя вертелось двое, но не решились.

Света. Не будем меня обсуждать, договорились? Если ты меня спросишь, я скажу честно.

Толя. Мне нечего тебя спрашивать, я тебя узнал за пять лет учебы в университете.

Света. А я вот тебя вообще не знаю. Ты учился в другой группе, мы закончили, ты ко мне ни разу даже не подошел за те самые пять лет. Ни на вечерах, нигде.

Толя. Это значит, я наблюдал и сравнивал.

Света. Потом вообще взял распределение в Свердловск, уехал. Нужна я тебе была, если ты уехал? Так не бывает. Уж если любит кто кого, зачем ума искать и ездить так далеко, так Грибоедов писал. Помнишь, Мамонов читал нам на тему этих слов целую лекцию о различии женского и мужского?

Толя. Я все эти годы подбирал, и отпадали одна за другой все кандидатуры.

Света. Что есть назначение женщин в этом мире и что удел мужского начала?

Толя. Я и уехал в Свердловск, ничего не решив.

Света. Все отпали?

Толя. Я уехал в Свердловск, ничего не решив.

Света. Полюбил бы хоть раз одну, не отпала бы.

Толя. Я не могу любить. Что с меня возьмешь. Я не умею. Я моральный урод в этом смысле. Я не умею. Я тебе сказал. Я честно тебе все сказал: не люблю никого, но я хочу жениться на тебе. Хотел, вернее.

Света. Теперь не хочешь?

Толя. Теперь женился с сегодняшнего дня.

Света. Говорят, что это проверяется так: спросить мужчину, женился ли бы он на своей теперешней жене еще раз. Что ты на это ответишь?

Толя. Ты мнеходишь, ты по всем наблюдениям как раз то, что мне надо. Я много смотрел, что ты думаешь? Я поступил в университет уже двадцати пяти лет.

Света. Ты уже это рассказывал сегодня.

Толя. И опять могу повторить; кандидатур было много, и они одна за другой отпали. Кроме тебя. Кроме тебя.

Света. Ты же меня не любишь, ну скажи.

Толя. А что теперь поделаешь. Я честно говорю, не скрываю, из всех одна ты мне подходила. Но что я мог тогда, когда было распределение? Ты меня вообще не знала, подойти и предложить? Разве ты бы за меня пошла тогда замуж, непосредственно перед распределением? Нет, конечно.

Света. Нет, конечно.

Толя. А теперь вышла за меня. Вот и весь разговор на самом деле.

Света. Ты приготовился к этому за два года? Выжидал, что ли?

Толя. Как сказать, что значит: выжидал? Не то чтобы и выжидал, и готовился, помнил, не это. Я тебя не любил. Но я тебя наметил еще в университете. А потом проходит два года, мать пишет мне в Свердловск, что продает дом в моем родном городке, свой родовой дом, мое имение, на которое я уже не рассчитывал, потому что мне в моем родном городке уже ничего не светило.

Света. Почему? Поселился бы.

Толя. Мне там не было работы на самом деле. Ну, мать мне пишет, что продает дом и переселяется к Тамаре. И чтобы я поехал и продал, и треть от всего будет моя. А дом хороший и двухэтажный почти. Я ехал в мой родной городок через Москву, впереди светили деньги, и я решил зайти к тебе. *(Курит.)*

Света лежит, Толя стоит у кровати.

Света. Ты мне это уже все совершенно так и рассказывал, и хватит об этом.

Толя. Но это действительно так, что же теперь сделаешь.

Света. У тебя как будто не у всех людей. Все говорят одно, подразумевают другое, а догадываются, что все совсем еще по-другому, и при этом не подозревают, насколько они ошибаются.

Толя. Я говорю то, что на самом деле.

Света. Ты высказываешь все, и больше тебе ничего не остается высказывать, дальше уже идут одни повторы.

Толя. Это действительно, ну что ж.

Света. У тебя как будто существует только одна главная мысль, и больше, кроме этого, за душой ничего, одна твоя правда.

Толя. Так оно и есть.

Света. А вот я думаю, что ты такой же, как все и как я. И когда ты так упорно начинаешь придерживаться своей версии, я начинаю подозревать, что за всем этим кроется все совершенно другое.

Толя. Ничего другого, что ты. Я не вру почти что никогда. То есть я могу говорить неправду, если я не знаю чего-то. Но то, что я знаю, я говорю точно.

Света. А ведь ты знаешь, что дело обстоит совсем не так, как ты мне это тут изобразил. И ты это знаешь на самом деле, и я это знаю.

Толя (*монотонно*). На самом деле ничего подобного просто. Слушай, как было дело! Я поступил в университет двадцати пяти лет, я был уже немолодой для себя и собирался жениться, но присматривался, поскольку был немолодой. Одна за другой кандидатуры отпадали, и уже к диплому осталась одна лишь ты. Я уже знал, что любить никого не способен, и мало того — через сколько-то времени наблюдения за кем-нибудь возникало острое чувство неприязни. Только по отношению к тебе этого не было. Только по отношению к тебе. Сначала просто у меня к тебе ничего не было, ровная, спокойная полоса, а потом, перебирая все в уме, я туманно стал догадываться, что эта спокойная, ровная полоса отношения что-то значит. То есть что это «ничего» и есть самое ценное, и оно больше мне нужно, чем что-нибудь, чем любые другие отношения. Но мы получили распределение, ты осталась в Москве из-за болезни матери, а я не могу тебе ничего предложить в Свердловске. Там я работал два года, и опять тот же эффект, никто мне не понравился. Всегда при всем оставалась одна только ты, при всем вычитании другим ты была в остатке. И вот мама пишет мне, что продает дом и что треть, если я его продам за ту цену, которую мне удастся, будет моя. Я сразу же ушел с работы, выписался из Свердловска, мысль работала очень четко, и поехал продавать

дом через Москву. Я не знал еще, за сколько можно продать в моем родном городке хороший двухэтажный дом, но сколько-то денег светило впереди, тем более что я в Свердловске откладывал. Я пришел к тебе в библиотеку и сделал предложение тебе. Просил ответить на следующий день, с тем чтобы подать заявление в ЗАГС. И ты согласилась. Вот все.

Света. А если бы я не согласилась?

Толя. Ты бы согласилась. Я на это шел.

Света. Ты точно был уверен?

Толя. А як же.

Света. Ни капли сомнения?

Толя. В том все и дело, я это знал с самого начала. Я шел на то, что ты такая.

Света. Какая?

Толя. Вот такая, как ты есть.

Света. Но ты же меня не любишь. Правда?

Толя. Я тебе уже объяснил и, если хочешь, могу еще раз повторить. Я не привык обманывать сам себя и в течение пяти лет анализировал, и все кандидатуры отпадали одна за другой.

Света (*встала с кровати*). Оставь, я это уже слышала. Это не все и даже совсем не то.

Толя. Все то.

Света. На самом деле ты в университете любил.

Толя. Я? Кого?!

Света. Ты знаешь кого.

Толя. Я?

Света. Ты любил Кузнецову.

Толя. Нет.

Света. А она вышла за Кольку Лобачева.

Толя. Да нет!

Света. Она вышла за него.

Толя. Я говорю, нет, не любил. Я не могу любить никого. Совершенно не могу, это не в моих силах.

Света. Как бы там ни было, Кузнецова мне говорила, что ты ей делал предложение. На лестнице. Вот так.

Толя. Нет!

Света. Да говорила, говорила, успокойся.

Толя. Что я ей сказал, так это вот что: «Выходи замуж», и все. Так ей сказал просто: «Выходи замуж».

Света. Это оно и есть.

Толя. Это совет.

Света. Ты мне тоже так сказал.

Толя. Не совсем. Это разница.

Света. Я просто уже знала твою формулу предложения.

Толя. Не совсем, это дело интонации и обстановки. Я тебе сказал: «Выходи замуж», ты сказала: «За тебя?», я сказал: «Да». А Кузнецовой я совет дал: «Выходи замуж», она сказала: «Да кто меня возьмет», и я промолчал. Эта формула — она двойная, из двух моих фраз, «Выходи замуж» и «да» в случае моего предложения. А в случае простого совета я вторую фразу не говорю, я многим так советовал выходить замуж.

Света. Многих же ты любил.

Толя. Опять-таки говорю — нет. И я Кузнецову не любил, я не могу любить, что же с этим поделаешь. Я не могу никого любить и никогда не мог. Еще в Нахимовском все влюблялись, а я не мог.

Света. Ты любил и эту, азербайджанскую, Фариду.

Толя. Откуда!

Света. Ты к ней ходил, правда?

Толя. Но я же мужчина, ты не понимаешь?

Света. Да ты ее просто любил, а она тебя погнала.

Толя. Я ушел сам, самостоятельно, когда понял, что она мне по всем обстоятельствам не подходит. Чем больше я к ней приглядывался, тем больше меня от нее отталкивало. Я же тебе говорил о тех кандидатурах, которые у меня были. Одна за другой эти кандидатуры отпадали.

Света. А какие еще были кандидатуры?

Толя. Да господи, как ты думаешь! Я взрослый мужик, сначала служил на подводной лодке, слава богу, что из-за кровяного давления списали. Куда податься? Я на буровую, в степи Казахстана, а там из женщин всего одна была повариха, да и то у нее уже был муж и хахаль, а ей было пятьдесят три годочка! Как ты думаешь, после этих переживаний

я поступил в Московский университет, у меня не разбежались глаза?

Света. Ну какие, какие кандидатуры были у тебя, ну какие?

Толя. Все, весь курс. Буквально весь факультет и все общежитие, можешь считать, было у меня кандидатур.

Света. Ты говоришь неправду.

Толя. Я никогда не вру, только по мелочам.

Света. Ты говоришь неправду. На самом деле ты всех любил.

Толя. Я не могу любить, я на это совершенно не способен. У меня нет этой способности. О! Падает давление! Затылок словно сковало. Видимо, будет дождь. Сейчас я покраснею. *(Садится на кровать.)*

Света. Маму застанет дождь.

Толя. По моему давлению можно предсказывать погоду за пять минут перед дождем. Я покраснел?

Света. Мама вымокнет из-за меня.

Толя. Я покраснел?

Света. Не очень.

Толя. Возможно, дождя не будет. Тут надо точно смотреть. Смотри.

Света. Не знаю.

Толя. Смотри внимательней.

Света. Ну я не знаю.

Толя. Ты покраснела.

Света. Будет дождь со снегом, да?

Толя. Не знаю, что будет.

Света. Мне просто хочется тебе сказать вот что: ты всех любил, кроме одной.

Толя. Кого это?

Света. Да так.

Толя. Я повторяю, что вообще не любил ни одной.

Света. Но тебе нравились.

Толя. Кто?

Света. Кандидатуры.

Толя. С этим я спорить не буду. Кандидатуры, конечно, мне нравились, как дикому человеку из Нахимовского училища.

Света. Ну так не все ли равно, как назвать — нравились или любил?

Толя. Любить и нравиться — разные понятия, просто разные.

Света. Ты откуда знаешь? Ты ведь не любил никогда, ты не можешь сравнивать.

Толя. Да, я не любил никого и никогда, я не в состоянии просто любить. Я урод в этом отношении.

Света. Будем называть любовью то, что тебе все нравились. Просто назовем так. Не важно, как называть. Ты всех любил, тогда ты и меня любил?

Толя. Я не могу любить.

Света. Но тебе нравились твои кандидатуры?

Толя. Сначала да, а потом меня от них как бы отбрасывало.

Света. Не тебя отбрасывало, а тебя отбрасывали.

Толя. Нет, именно меня как бы отбрасывало. Я часто в мыслях применял это выражение: снова меня отбрасывало. Как бы отбросило. Что поделывать, я отметал одну кандидатуру за другой.

Света. Но меня ты выделял одну из всех?

Толя. В какой-то степени да.

Света. А все тебе нравились.

Толя. Я тебя выделял одну из всех, но на самом деле потом.

Света. До выпускного вечера?

Толя. До? Нет, после. Гораздо после, и в Свердловске я по-настоящему о тебе стал думать. Ты меня как-то устраивала, ты мне часто вспоминалась как единственная.

Света. Но на выпускном вечере ты танцевал опять-таки с Фаридой.

Толя. Она ведь уезжала навсегда, прощальный вальс.

Света. А Кузнецова была уже с животом.

Толя. Я, представь себе, не помню. Ты все помнишь.

Света. Тогда давай все это дело сведем к одному. Тебе все нравились, ты всех, скажем, любил.

Толя. Опять нет.

Света. А меня из всех ты выделял. Я была как бы обратный пример.

Толя. Ты — да, ты другое дело, я говорил.

Света тяжело вздыхает.

Света! Свет! Светоч! А?

Света. Ты потому и думал обо мне как о последнем варианте, который остается, когда все другие отпадают. Последний запасной вариант, который не подведет уж при всех условиях. Так?

Толя (*идет к Свете*). Иди сюда.

Света (*идет от него вокруг стола*). Самый простой и легкий путь оставлен на потом. Где тебе не откажут, не мордой об стол. Ты меня одну никогда и не любил.

Толя. Я никого... (*Садится.*) А что такое любить? Что хорошего? Что это дает? Вон твоя же Кузнецова любила Колю страстной ответной любовью и вышла за него, а теперь они друг другу так показывают (*крутит пальцем у виска*), а ребенок сидит на горшке посреди комнаты и орет.

Света. Ты откуда это знаешь?

Толя. Я ночевал у них. Две ночи.

Света. Значит, ты у них скрывался.

Толя. Почему скрывался?

Света. А как назвать? Позвонил только за два дня до свадьбы и снова исчез. Конечно, скрывался. Могли бы вместе походить, что-то сделать.

Толя. Я кольца купил, что еще надо было, месяц назад купил и тебе отдал на сохранение.

Света. Но что теперь говорить, что это был за месяц.

Толя. Был хороший месяц, я прожил хорошо и в ожидании много сделал, думал тебя увидеть.

Света. А тогда почему ты приехал в Москву и меня не захотел увидеть? Позвонил только: встретимся в одиннадцать, я приведу свидетелей.

Толя. Ужин заказал в ресторане.

Света. Мы так хорошо могли походить, погулять это время.

Толя. Но как-то оно прошло, и теперь самое главное есть, то есть мы без помех поженились и не передумали. Встретились бы до свадьбы, пошли бы разговоры, кривотолки у нас, что да как да кто любит.

Света. Сейчас-то все равно мы разговариваем.

Толя. А сейчас все уже позади.

Света. Какой хороший был месяц! Листья пахли.

Толя. Да?

Света. Я много не спала.

Толя. Все прошло.

Света. А ты приехал, сразу к Кузнецовой ночевать пошел. Пошел навещать свою старую любовь.

Толя. Мне надо было переночевать.

Света. Не обязательно.

Толя. Как не обязательно, человеку же надо ночевать, спать.

Света. У нас бы поночевал.

Толя. Неудобно.

Света. Сегодня-то ты собрался здесь ночевать?

Толя. Да. Но сегодня мы уже поженились. Расписались.

Света. Значит, сегодня тебе не будет неудобно?

Толя. Сегодня по закону.

Света. По закону не стыдно. По бумажке. А только ведь бумажка появилась, все остальное то же самое.

Толя. Это многое меняет.

Света. Ты получил право теперь надо мной?

Толя. Конечно.

Света. А как ты можешь? Ты ведь меня не любишь. Как же ты сможешь ко мне прикоснуться?

Толя. Как муж прикасается к жене. *(Не двигается с места.)* Ты теперь моя жена.

Света. И не подходи ко мне, ты меня не любишь.

Толя. Только теперь я тебя узнаю.

Света. Конечно, ты думал, что если все тебя отбросили, то я не отброшу.

Толя. Только теперь я тебя узнаю, почему те двое не решились.

Света. Тебя же все отбросили, сто пятьдесят человек.

Тол я. А были серьезные причины у них, и один это почувствовал, и второй. Один за другим. Теперь я понимаю.

Света. Кузнецова с удовольствием рассказывала, как ты стоял на лестнице и трясся и повторял: «Выходи замуж», а она в ответ: «Да кто меня возьмет, да не за кого, и кому я нужна». А сказать: «Мне нужна», побоялся, потому что знал, что ответят.

Тол я. Я покраснел?

Света. Ты покраснел.

Тол я. Будет дождь.

Света (*встала*). Теперь я понимаю, почему ты два дня в Москве проводил без меня. Ты боялся, что я тебя тоже раньше времени отброшу.

Тол я. Нет. Я мамы твоей стеснялся.

Света. Ты же ведь знал и шел на это, я сказала, что мама всегда будет жить с нами, что я всегда буду жить с матерью, даже когда мы построим твой кооператив.

Тол я. Да живи, кто мешает.

Света (*за простынями*). Я сегодня лягу с мамой, ты у нас переночуешь на своих стиранных-глаженных, а завтра пойдем подадим на аннулирование брака. (*Одевается.*)

Тол я. Я пойду ночевать к Коле.

Света. Зачем, только новости придется носить, рассказывать, что и как. Кому это важно. Переночуй здесь. Ты на моей кровати, будет удобно, как в поезде. Ни в чем тебе не идут навстречу, ни в одной женитьбе.

Тол я. Неизвестно, кому повезло.

Света. Вообще, знаешь? Действительно, собирай свой чемодан и иди и можешь сказать, что тебя опять отброшило.

Тол я. А мне его не надо собирать, я его не разобрал.

Света. Вот и иди.

Тол я. Аннулировать как будем?

Света. Не знаю, все равно. Ты иди подай заявление, я подам свое. Чего мы вместе пойдем, дружной семьей?

Тол я. Тогда извини.

Входит Евгения Ивановна.

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Света. Ты, мам? Чего это ты так рано?

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Света. Еще вечер.

Евгения Ивановна. Добрый вечер.

Толя. Вечер добрый.

Евгения Ивановна. Вечер добрый, зять.

Света. Mam, что ты?

Евгения Ивановна. Что я рано приехала? Да я поехала было в Подольск, а потом раздумалась, что я без приглашения, заранее не предупредила, все ведь у нас не как у людей, все неожиданно навалилось, тут и туфли, и платье, и ночевка. С бухты-барахты ночевать собралась у людей. Кто мне они? У меня есть своя, кстати, кровать, я никому на ней не помешаю, уши заложу. Я здесь живу и никуда не денусь, хоть лопните.

Толя. Да я ухожу, не беспокойтесь.

Евгения Ивановна. А я вам не помеха, делайте что надо.

Толя. Я все равно ухожу, совсем.

Евгения Ивановна. А, уходишь, ну иди. Ты мне сразу не подошел, думаю, чего моя Светка страдает. А ему нужна московская прописка, только всего, фиктивный, оказывается, брак.

Толя. Почему фиктивный?

Евгения Ивановна. Да не пудри мозги, не пудри. Никто хуже моей Светы не нашелся на него позариться.

Толя. Зачем так говорить?

Евгения Ивановна. Нужен ты нам. Мы и вдвоем прекрасно проживем, хоть обе старые, обе больные, но проживем. Я без мужика в холодной постели тридцать лет сплю, и она поспит. Лучше, чем с тобой. С тобой только трудности одни житейские будут. Иди без оглядки.

Света. Почему он должен уходить? Ему некуда уходить. Он здесь имеет все права.

Евгения Ивановна. Да он сам хочет уйти, ты не видишь?

Света. Что ты вмешиваешься?

Евгения Ивановна. Это моя комната, посторонним здесь нечего делать. Я же вижу, я не слепая. Постель-то немая, фиктивно за него вышла, зачем тебе этот позор-то! Штмп захотела получить?

Толя. Она не фиктивно, мы не фиктивно.

Света. Может, нам вообще лучше уйти? Толя, пошли отсюда.

Евгения Ивановна. Да что ты-то собралась! Я его не пускаю, он все нахрапом действует, а увидишь, получит прописку, построит квартиру и нас погонит, вот увидишь. Я его не пускаю. Он только обрадуется уйти. Иди, иди. Один день побыл в Москве — предложение, а она приняла. Потом исчез, где неизвестно время проводил, а ты все ждала, все бегала к телефону за других. Уходи-ка, не стой на дороге. *(Наступает на Толю.)*

Он отступает к двери.

Света. Толя, подожди, я оденусь, подожди-ка. *(Надевает туфли, морщится.)*

Толя. Надень другие, эти режут.

Евгения Ивановна. Куда ты за ним побежала?

Света. Растоптанные?

Толя. Неизвестно, сколько ходить придется.

Евгения Ивановна. Иди, иди. Вот тебе чемодан, улепетывай. *(Загораживает спиной Свету.)*

Света. Погоди, мне надо что-нибудь собрать.

Толя. Все есть. Что надо, утром купим.

Света. Деньги тратить теперь нельзя так.

Толя. Плащ возьми, дождь будет.

Света. Ты покраснел.

Толя. Затылок ломит.

Евгения Ивановна. Ну и иди. *(Вытесняет его за дверь.)*

Он приоткрывает дверь силой.

Света *(хватает его за протянутую в щель руку)*. Толик! *(Уходит.)*

Евгения Ивановна. Начинается житье!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кузнецова. С ума сошли! Что-нибудь случилось? Уже ночь. Вы что? Заходите. Дениска заболел. У них в садике случай свинки. Пока только бредит. Температура тридцать восемь и три.

Света. Врача вызывали?!

Кузнецова. Ой, эти врачи! Приехала. Пока свинки нет. Пока.

Толя. Мы вызывали для племянницы скорую. Врач приехал или там фельдшер, у них погон нет, может, притворился врачом. Высокая тоже температура. Дайте анальгин. Говорим: давали. Не знаю, значит, увеличьте дозу. Да малое же дитя, какое увеличьте. Увеличьте! Сделайте, мать просит, моя сестра, сделайте укол, просим. Он ей так: я вам не рекомендую. И смотрит выразительно. Мы ничего не понимаем, цельную ночь не спамши, так сказать, просим все-таки уколоть. Врач уклоняется и не рекомендует. Понятно?

Кузнецова. А что такое?

Толя. Мы только потом раскусили. Он уже укол сделал и уехал, а мы раскусили. Он не имел права нам сказать на себя, что шприцы не одноразовые или еще хуже, он намекал.

Кузнецова. А где их взять, одноразовые, еще чего.

Толя. А на СПИД у них в городе пока нет проверки. Не везти же дитя в Москву, тем более уже поздно, все.

Кузнецова. Ты представляешь, Толя? Свинка — это двадцать сколько-то дней, не знаю, карантин, нельзя посещать садик, значит, три недели сидеть вообще без денег! Ты же знаешь, Коля от нас ушел совсем.

Толя. Когда?

Кузнецова. Два часа назад, после врача покинул нас. Ушел. Демонстративно оставил на столе ключи.

Толя. Ничего, деньги есть, не расстраивайся.

Кузнецова. Да вот так и кончился наш пир. Я из этого вашего ресторана бежать в садик за Дениской, они говорят, мы вам обзвонились на работу забирать ребенка, ни вас, ни мужа. И смотрит. Конечно, я выпила. Я же пила

с вами. Голова кружится. Дениска с температурой сидит у них последний под вешалкой, весь красный, как помидор, глаза мутные. И у меня все в голове помутилось. Что делать? Несла его на руках домой, еле дошла. Коля, уже прихожу, — спит. Я подняла его со скандалом, он меня ногой съездил прямо по ноге, я стою плачу. Я думала, он у вас заседает.

Толя. У нас там баба.

Света. Да, моя мама.

Кузнецова. Ну ладно, разберетесь. Мама так мама, баба так баба... Я ставлю чайник на ночь глядя. Света, хозяйничай. Пойду посмотрю, как Дениска. Сумасшедший дом.

Ушла к Денису. Света подошла к плите.

Толя. Я думаю, давай двинем на вокзал.

Света. Давай. Чемодан у нас есть... Притворимся. Но там милиция не дает спать, будят, ходят по спящим и будят. Я один раз сидела на вокзале.

Толя. Зачем?

Света. Да обиделась на маму.

Толя. Давно?

Света. Нет. Все дело в том, что мать сказала, что это фиктивный брак.

Толя. Дура.

Света. погоди. Сказала, за фиктивный брак люди полторы тысячи берут и что я взяла.

Толя. Ты?

Света. И что это ее деньги полторы тысячи, ее комната. И что она найдет себе тоже не хуже меня черного человека и пропишет его за полторы тысячи. Если я ей не отдам. И без моего согласия... Она говорит. Ничего у него не облупится. У тебя.

Толя. Полторы тысячи?

Света. И что ты хочешь бесплатно и на дуру напал. Но она подчеркнула, что она не такая. И не только за полторы найдет, но и за пять тысяч с рынка чурку приведет.

Толя. Она больная?

Света. Нет.

Толя. Полторы тысячи ей? А на кооператив? Где я возьму на кооператив?

Света. А она узнала, что ты не имеешь права на кооператив как иногородний и не проживший десять лет в столице. Она имеет право. И я еще имею. Но не ты.

Толя. Перед лицом закона все равны.

Света. Сходи в юридическую консультацию. Она ходила. Меня взяла с собой. Что с ней разговаривать, у нее пенсия три копейки, и она еще откладывает на черный день. За каждые продранные колготки пилит тупой пилой. Она бутылки собирает.

Толя. Так. А ты?

Света. Что я? У меня зарплата, я тебе говорила, замдиректора библиотеки, это же смешно! Вот она и собирает бутылки. В шесть утра обходит скверы и на ночь глядя. По урнам шарит.

Толя. А работать устроиться?

Света. Она было устроилась работать, я прямо молилась от счастья, плакала. Ночной няней в детсадик, за копейки, рабский труд, через ночь в ночь выходить. Детей надо высаживать на горшочек, поднимать, а то они мочатся, два месяца отработала. Спала одна на пяти кроватках, кроватки сдвинет и спит, няням спать негде, полагается всю ночь сидеть, без права сна. Другая няня увидела и громко кричала утром. Потом один папа пришел за ребенком в полдевятого вечера пьяный, мама уже уложила, не отдала ему ребенка, так он под окном группы полночи орал, дети плакали. Утром заведующая на нее накричала, и мама ушла.

Толя. Так.

Света. Она теперь говорит, что все умные, а она дура.

Толя. Так.

Света. Понимаешь?

Толя. Не совсем. Почему я должен ей платить, что мы, чурки, что ли? Калым, что ли? Я ей должен за невесту?

Света. Ты ей ничего не должен.

Толя. А нужно обязательно ее согласие?

Света. Да.

Толя. Тити-мити. Тут уже моя мать меня наколола. Эти деньги, которые я привез, за дом, чего-то она стала делить на внучку, чуть ли не на правнучку какую-то... Виктора-зятя подключили. Ты одинокий, ты умрешь, мы будем тебя хоронить типа того, кто будет за тобой ходить, ты немолодой, разобьет тебя паралич, нам же придется горшки носить и стакан воды подносить, а в Москве тебя ограбят и отправят... Наговорили, хотя частично оказалось правильно. Одним словом. А сами боятся, что я у них останусь. Ничего!

Света. Ты подумай, люди с цепи сорвались.

Толя. Запахло деньгами.

Света. Запахло деньгами.

Толя. Тут каждую копейку экономишь. Оба отпуска работал в пионерлагере директором, чуть под суд не попал, из старшего отряда девочки гулять уходили на ночь... По шоссе. А там из Веськова, из соседней деревни, пьяные парни караулили... Потом заменял на продленке, ушла одна в декрет. Все делал. Получал так солидно, что партвзносы платил буквально с кровью, хоть из партии выходи. Завучем сделали. Но все бросил. Там на счет жилья глухо.

Света. Я поняла.

Толя. Тебя туда не привезешь. Там люди еще в вагончиках живут в засыпушках.

Света. Напрасно ты дом продал.

Толя. Там мне не было работы на самом деле... Вернее, так. Мать написала письмо, что продавай, сынок, дом, а то эти спекулянты, имея в виду мою сестру с мужем, когда я, пишет, сынок, завтра же умру, подадут на тебя в суд, дом оценят, и будешь им платить алименты всю жись, написала. Вроде она меня временно пожалела, что потом ей показалось ошибкой.

Света. Так и так обобрали.

Толя. На самом-то деле, если все так случилось, я бы продал дом и отдал сестре половину. Да и не продал бы, тоже ничего страшного, дом оценили бы как ветхое строение... Как-нибудь бы извернулся, расплатился и жил бы.

И жили бы мы. А то теперь надо было делить на троих, мать жива, да еще она прибавила на внуков... Орала целые сутки вокруг меня. Его еще родители приехали. Свой садово-огородный участок кинули для такого случая, им, видите ли, нужна машина.

Света. Запах денег.

Толя. А мне нет места на земле. Куда теперь деваться?

Света. Она сказал, что ночевать не пустит, если фиктивно.

Толя. Мне нет места на земле. *(Обнимаются.)*

Входит Кузнецова.

Кузнецова. До сих пор после этого вашего ресторана голова кружится. Все плывет. Дениска загибается прямо. *(Ушла.)*

Шум дождя.

204

Толя. Неудобно, две ночи у них ночевал, еще жену им на голову привел.

Света. Да, неудобно, я с ними после университета почти не общалась. Телефона у них нет. Семейные и жены не любят одиноких.

Толя. Ты не одинокая, у тебя есть мама.

Света. Я одинокая. Это важно, без приглашения не придешь, Кузнецова не тот человек.

Толя. Тот, тот.

Света. Ты многого не знаешь.

Толя. А чего мне знать? Люди ко мне хорошо, и я к ним хорошо. Остальное меня не колышет.

Света. А ты знаешь, что Кузнецова меня не любит? Не терпит? Тебя это тоже не касается?

Толя. Терпит, терпит.

Света. Во всяком случае, ей уже не до меня.

Толя. До тебя, до тебя.

Света. Однажды раз я приехала по делу, мне позвонили, будет вечер выпускников. Коле не дозвонились на ра-

боту, ее вообще никогда на работе нет. И я поехала. Она в дверях сказала: какой там вечер выпускников, у нее небо над головой рушится.

Входит Лобачев.

Лобачев. Давно не виделись. Решили у нас отметить брачную-то ночь?

Кузнецова. Чаю хотите?

Лобачев. Дениска болеет. Вот что.

Света. Давай я с ним посижу.

Лобачев. Зачем, у него мать есть. Достаточно и матери.

Кузнецова. Видали?

Лобачев. Уезжаете и правильно делаете.

Кузнецова. Лобачев, ты что, хочешь разменивать квартиру? Учти, нам с Дениской нельзя жить в коммуналке.

Лобачев. Отсюда надо бежать как можно дальше.

Толя. Мы не евреи бежать.

Лобачев. И напрасно.

Кузнецова. Да разведись ты и сгинь с глаз моих, ма-ньяк сексуальный. Хоть деньги буду получать с тебя.

Лобачев. Я уеду, я уже решил. Вот там-то никто не sunset ночью зайти, там строго — мой дом. Никому и в голову не вскочит вот так просто на шармачка зайти.

Кузнецова. И выписывайся, и уходи!

Лобачев. Я оставляю тебе квартиру, но отнюдь не деньги. Я ведь буду снимать квартиру. Это все наши с ночевой стараются прийти, весь курс и все общежитие. Не зарастет, извините, народная тропа, как к памятнику Пушкину. Только без цветов.

Кузнецова. То есть ты выписываешься?

Лобачев. Отнюдь, очень даже отнюдь.

Кузнецова. Ты когда уходишь?

Лобачев. Надо собрать вещи, и все.

Кузнецова. У Шифриной тоже так муж ушел, сын лежал с тридцать девять, а он пришел за своими книгами, фиг она отдала ему книги. В тот же миг, как он объявил, что уходит, она все загнала, все общее имущество.

Все! Он пришел — пустая комната! Только раскладушка и детская кровать. Отомстила. Как Медея? Он чуть с ума не сошел, выбежал и говорит там своим, которых он привез помогать таскать вещи: «Она сошла с ума!» Ничего, ничего не сошла! Ей за кооператив платить! Долги отдавать! Сына растить! Молодец! И ребенок выжил! А муж Шифриной подал на нее в суд на то, чтобы она отдала ему половину пая. Ему на работе устраивали товарищеский суд, но не устроили: Шифрина принесла бумаги, что деньги на кооператив она занимала у своих родителей. Заверено, все, у нотариуса, все! И еще сообщила, что у ее бывшего мужа вши.

Лобачев. Да тьфу на тебя! (*Плюется.*)

Света. Извините, мы пойдем.

Лобачев. Вы еще ничего, вы нас в ресторан сводили, отравили. А другие по магазинам пошныряют, полные сумки набьют, фанерой потрещат в кармане и за наш стол садятся чай пить с нашими бутербродами. Ненавижу гостей.

Толя. Я? Набивал сумки?

Лобачев. А кто же.

Толя. Когда?

Лобачев. Полгода тому назад.

Света. Интересно. Ты приезжал в Москву?

Толя. У человека есть отпуск, вернее, отгулы. Я ехал к матери и сестре. Мать живет у сестры. Тоже знаешь... Мать написала, что ее сживают со свету дочь с зятем, просила меня жить с ней в нашем городке, вернуться и жить в доме. Но я не мог.

Света. Почему? Жил бы.

Толя. На самом деле это у нее временно. Она так мне жалуется на сестру, а потом сестре жалуется на меня. Говорит, он какой-то, нашла слово, «нелюбимой».

Лобачев переходит в кухню.

Нелюби-мой. Что я ей с детства как чужой, это я. Не то платье привез, не тот размер. На нее не налезло. Кричала прямо и бросила.

Света. Я ее заранее боюсь. Прямо не хочется к ней ехать.

Толя. В этом году не получится. Надо на работу в Москве вставать. А у меня отпуск в сентябре. Я отгулял на проезде даже дома.

Света. Но если ты отгулял, тогда все. А моя мама сказала, что она тебя не пропишет.

Толя. Когда сказала?

Света. Когда я ее просила уехать в Подольск на одни сутки.

Толя. Так.

Света переходит к Толе.

Я сумки набивал. Так это я к матери ехал, туда с пустыми руками не приедешь, у них все по талонам, им жрать нечего... Мой сыр, колбасу и масло они взяли и спрятали, а пил я чай с хлебом ихним и жрал картошку на кулинарном жире. Жир кулинарный, знаешь? Так поправился, еле влез в черный костюм.

Света. Ты не толстый. Ты крепкий.

Толя. Иногда так хотелось яблочка.

Света. А мне.

Толя. Я откладывал. А молоко там тоже по рецептам, как и у нас. Одеколон с трех часов.

Лобачев. Довели страну евреи. Довели, что теперь нас в Америку не принимают. Скоро и в Израиль не будут пускать. Скоро ни в Прибалтику, ни в Крым, ни в Молдавию, тем более в Полтаву. Останемся в границах князя Дмитрия Донского и с завоеваниями Ермака. На пляж будем ездить на Белое и Баренцево море, в Соловки и на Колыму.

Входит Кузнецова от Дениса.

Кузнецова. Дениска просил пить, весь дрожит. Я его попоила, покачала, заснул, согрелся на руках. *(Взяла плед.)*

Толя. Тяжело болеют дети. Все дети болеют кругом.

Кузнецова. Я тебе скажу, что народ вымирает, вырождается, мы просто не верим, но это конец. Самоубийство народа.

Толя. Да нет, это убийство.

Лобачев. Русских выбивают?

Кузнецова. Да нет, это самоубийство.

Лобачев. Ты же слышал о жидомасонах.

Кузнецова. Поговори, поговори с Лобачевым, он много чего слышал.

Толя. У нас в школе одна еврейка больше всех зарабатывает. Биолог. И кружки, и лекции, и статейки, и черта в ступе. Летает везде, патлы торчат, уже старая, из семьи ссыльных. Экология, экология. И уже в Америку летала. И зачем вернулась, спрашивается? У нее там дочь в Гарварде преподает, устроилась. Нет, говорит, здесь могила матери. Возьми с собой в цинке в ту Америку, мало ли. Освободится хоть квартира, одна две комнаты занимает. Ее на пенсию должны давно спровадить, надоела всем, летает, пробы воздуха берет, а это запрещено. У нас рядом закрытое предприятие. Зэки вкалывали и построили чудо тяжелой промышленности. И заметь: все наши евреи же с курса устроились в Москве, а я один поехал, куда ссылали зэков. Русский коренной человек, мужчина.

Кузнецова. Лобачев мой, помнишь, выпил и стал тоже говорить то же про то же. Его зажимают. А ты сначала не пей! Но он уже не может, все.

Лобачев. А это не они правят.

Кузнецова. А это кто?

Лобачев. А это ими евреи управляют и жидомасоны. Ясно теперь?

Кузнецова. А зачем это евреям?

Толя. Чтобы занять эту территорию.

Кузнецова. Да кому нужна эта территория? Климат такой, что все время снег с гвоздями. Все реки отравлены, поля все и продукты в химии, воздух вонючий, радиоактивный, леса все повыведены, урожаяев нет, а какие есть, те сгноят. Так? Есть нечего, постелить нечего, напаялить на себя нечего, ребенка обуь не во что...

Толя. Да? Знаешь, в хороших руках эта земля знаешь? Все будет. В Финляндии климат и в Норвегии еще хуже нашего. Земля там вообще плохая, гранит. А у нас есть и черноземы. В хороших руках это знаешь что будет?

Кузнцова. Это у кого хорошие руки? У жидомасонов, что ли? *(Ушла к Денису.)*

Лобачев сидит среди игрушек.

Толя. А ты думала. *(Встает, переходит в световое пятно, ходит по кухне.)* Они свое дело туго знают. Из нашего угля можно делать все, если с умом. Даже дерьмо в хороших руках — это лучшее удобрение, а у нас оно только воняет и ни в один туалет не взойти. Сточные воды, слыхала... Из сточных вод гонят слитки металлов. Все они придумали, все евреи. Им дай волю, они всю нашу землю превратят в деньги. Не земля будет, а черт-те чего. Рай.

Лобачев. А почему ты не уедешь? Вы же евреи.

Толя. С ума сбесился. Где это я еврей?

Лобачев. А я всегда тебя за еврея держал. Как тебя увижу, сразу становлюсь антисемитом. Ты же кто?

Толя. Да у моего отца украинская-то была фамилия.

Лобачев. Прям. Ты еврей.

Толя. Да я-то Анатолий Павлович.

Лобачев. Павел — еврейское имя.

Толя. А дед — Павел Григорьевич.

Лобачев. Я и говорю. Григорий — еврейское имя.

Толя. Сестра-то Неля.

Лобачев. А я что говорю. Неля — еврейское имя.

Толя. А мать-то Полина Сергеевна.

Лобачев. Ну, Срулевна, Полина Срулевна, знаю.

Толя. Сергеевна.

Лобачев. Ты спокойно можешь доказать, что вы евреи, но скрывали.

Толя. Мать-то девичья фамилия.

Лобачев. Это все у вас синагога.

Толя. Смирнова.

Лобачев. Половина Смирновых все евреи.

Толя. Я не люблю евреев.

Лобачев. Все вы евреи антисемиты. Многие мои друзья-евреи так говорят. Это мне с моей фамилией и Кузнецовой делать нечего.

Света. В шесть утра мать пойдет собирать бутылки. Мы можем прийти и лечь спать на кровати. Днем она тебя не имеет права выгнать, только после одиннадцати.

Толя. Ты-то Лобачев, а мамашина как фамилия?

Лобачев. Так. Мамина фамилия Муштакова.

Толя. Бабушкина?

Лобачев. Бабушкина Яковлева.

Толя. А звали?

Лобачев. Бабушку? Зинаида Авраамьевна.

Толя. Ну.

Лобачев. Авраамий, ты что?

Толя. Зина Абрамовна.

Лобачев. Ну и что, Зина Абрамовна. Это имя-то русское, Абрам. В святцах имеется.

Толя. Все имена русские: Марк, Лев, Исак, Исай. Ладно. *(Тяжело задумывается.)*

Лобачев. Уезжай, ты что, в Израиль.

Толя *(сел на чемодан)*. Что я там буду делать? Я же диплом защищал «ВКП(б). Ленинская интернациональная политика».

Лобачев. Будешь все говорить с точностью до наоборот. Как все.

Толя. Кому это теперь нужно, азбучные истины.

Лобачев. А у тебя же еще есть профессия.

Толя. Ага. Научный атеизм.

Лобачев. Я не про то. А буровые Казахстана?

Толя. А! Три рабочие профессии, сварные работы могу.

Лобачев. Конечно! В пустынях Аризоны.

Толя. С ума ты съехал, Коля, я опять отправляюсь в пустыню с какого-то праздника.

Лобачев. Зато заработаешь пенсию в шестьдесят пять лет, купишь дом в рассрочку на тридцать лет и будешь жить как все: с машиной, домом, садом и огородом! В Америке! Чувствуешь?

Толя. А язык я понимаю?

Лобачев. Ты что, научишься десять слов. Все же научаются, ты не идиот.

Толя. Идиот. Тут я найду работу по специальности. Я не люблю физический труд. Я не хочу быть последним человеком. Я историк.

Лобачев. Мой папа тоже историк. История — это такая наука, законы которой меняются в зависимости от руководства. Запомни. Так называемая роль личности в истории. Какова личность, такова и история. Мой папа написал кандидатскую по Китаю. Пока писал, все коренным образом изменилось два раза, он плюнул и осветил все, как там было на момент за три года до того. Предсказывать не брался. Ученый совет даже не стали собирать, поскольку с Китаем все опять стало наоборот.

Толя. Сварщиком я и здесь могу. Я устроюсь историком.

Лобачев. Зарплата будет такая, устроишься и сразу объявляй голодовку в знак протеста. Кстати, мой папа очень был зол на евреев за Китай и мне передал в наследство: сынок, не имей дела с ними, проиграешь. У них в ученом совете заседали три еврея со стажем политической борьбы внутри кафедры марксизма-ленинизма. Они Китай даже и к обсуждению не допустили, хотя против самой темы в свое время не возражали. Китай неподсуден! Сынок, говорил папа, не выпускай оружие из рук. Недавно он опять написал монографию, и опять Китай подкачал, там что-то опять изменилось резко к лучшему. Но подумай, вот эти три еврея с кафедры марксизма-ленинизма, им тоже вот эмигрировать некуда. Если разве что в Израиле организовать компартию нового типа для Израиля... победившего, но затем развитого социализма. Сначала он победил, а потом только начал развиваться. Поедут вроде Давыдова и Нагульного в колхоз хутора кибуцы. А дед Щукарь у них Моше Даян, Герой Советского Союза.

Кузнецова. Ты всю ночь мне будешь тут лекции читать? Толя, ты где ляжешь?

Толя. Я не один.

Кузнецова. Ты-то на раскладушке... Вдвоем на раскладушке не поместитесь?..

Толя. Да мы пойдем. Мне нет места на земле.

Кузнецова. А кому есть?

Толя. Мне — нет.

Кузнецова. А кому есть-то?

Толя. Меня выперли из жизни, я нигде.

Кузнецова. А я — где?

Толя. Ты в Москве на квартире.

Кузнецова. А что это дает? Лобачев любит ночами кричать. Не спит совсем. Просит развод и полквартиры.

Света. А я думаю, почему это ты в перчатках белых, ду-мала, так надо.

Кузнецова. Это я стекло в окне разбила и руки порезала.

Лобачев. Домой уже боюсь ходить.

Кузнецова. Толя, чаю хотите?

Света. Да мы на минутку, мы гуляем как дураки.

Кузнецова. Коля тоже гуляет, я вообще знаю, где он гуляет. Знаю. Уехал как-то в командировку, то-се, мыло, зубную щетку, смотрю, зарплату мне не отдал.

Лобачев. А я не намерен больше этого делать.

Кузнецова. Видали. Но я выследила их на базе отдыха комбината фотобумаги, мне женщины на работе помогли их найти. Начальница выписала командировку в область. Борись за свое счастье.

Лобачев. Да этот пансионат — деревенская база отдыха, там куда ходить? Идея такая: Мариванна! Ходить в лес! Имеется в виду туалет. А ведь дождь круглые сутки? Сапог не взяли, еды она взяла три бутерброда с маслом. Знаешь такое название — бутерброд с маслом. Есть нечего, в воскресенье вообще все закрыто, даже серых макарон погрызть с комбижиром не купишь. И тут является Кузнецова, глаза навывкате, как у морского окуня, на руке Дениска, одна рука свободная. Зачем перла его сто километров?

Кузнецова. Коля дверь еле открывает, но я вошла и этой его девушке дала по морде. Спокойная такая девушка,

только сказала «Ой!» и руку к щеке приложила. Дениска начал орать. Так он меня, представляете, избил с ребенком на руках.

Лобачев. Ты представляешь: дождь, холод, темно, смеркается уже, туалета нет, и еще в глаз бьют.

Кузнецова. Избил с ребенком на руках. Он же не человек.

Лобачев. Выпить хочется. *(Встал.)*

Кузнецова. А выпьет — вообще не человек. *(Ушла к Денису.)*

Лобачев. Эх, пришли мы к одному другу, а у него жена балерина. Друг, ты не знаешь, он актер МХАТа. Ходим в один винный магазин. Там многие ходят, полковник по кличке Броневик... Будешь жить в Москве, я тебя познакомлю. Приходим, а жена уходит и говорит: «Не рассчитывайте на шкаф, я деньги оттуда уже взяла». Ладно. Он говорит: давай на спор, что я двести грамм французских духов выпью. Я: давай. На рубль. У меня один рубль был, у него ни одного. Налил он из двух разных флаконов «Шанель» и что-то еще... «Опиум», кажись. Так подносит ко рту... Раз! Подул и выпил с закрытыми глазами. Стоит, слезы у него текут, ничего не видит, кричит: «Воды!» Я сбегал, принес из-под крана. Он — раз! Выпил воду, орет: ах, сволочь! И так далее. Оказывается, я ошибся.

Толя. Чего?

Лобачев. Я ошибся, горячей ему налил. Ведь я специально воду сливал, чтобы похолодней, но не из того крана, очень спешил.

Толя. А сколько градусов?

Лобачев. Шестьдесят семь. Ты знаешь, сколько этому артисту лет? Он родился тридцать седьмого мая. Шестьдесят семь градусов. А я говорю: а давай на спор, что я французских духов выпью... На рубль. И я отыграл свой рубль. Этот артист говорит: меня бьют под пах моими же детьми.

Света *(переходит к Толе)*. И мать бормотала что-то про венчание.

Толя. Ну.

Света. А на венчание знаешь сколько денег!

Толя. Сколько?

Света. У меня столько нет.

Толя. Тысяча?

Света. Не знаю. Пятьдесят?

Толя (*радостно*). Пх-х!

Света. Она считает, что, когда не венчаются, долго вместе не протянут.

Толя. Не зависит.

Света. По-моему, церковь-то не разводит.

Толя. А нам не треба.

Света. Вот такие дела. Может, она тогда тысячу скотит? (*Смеется. Ушла к Денису.*)

Толя. Все надо выяснить. Могу ли я, преподаватель атеизма, быть церковником? Преподаватель истории. Учитель человеческих душ! Что это такое, атеизм?

Лобачев. Атеизм? Надо жениться на еврейке со знанием языков и с профессией программист. Единственный вариант, и я его нашел. Все знает, кандидат, болеет часто, преподает, но имеем мамашу-психиатра, которая такая тихая помешанная и ни за какие пряники не желает уезжать из России. Готова голодать. Дочь в очках, фамилия Шапиро.

Толя. Извини за бестактный вопрос...

Лобачев. Понял, Кузнецовой оформим еще кого-нибудь, пришлем мужа. Своего ребенка я не брошу! Кузнецова развод дает хоть сейчас, я ее уговорю, но Шапиро не едет никуда.

Толя. Я и говорю, им нужна наша земля. Им нужна именно наша земля. Почему?

Лобачев. Эта мамаша тихо помешанная так улыбается и считает меня аферистом. Хотя я веду себя там как иностранец, молчу. Специально поставила на стол икру, достала для проверки моих чувств, а я не съел! Теперь она, на это глядя, вижу, еще больше меня заподозрила, что я брошу ее дочь в Новом Иерусалиме и женюсь на красотке из кибуцы.

Толя. Все тещи сбесились. Моя тоже, требует у меня полторы тысячи за один факт московской прописки.

Лобачев. И правильно делает. Ты кто? Ты лимитчик! Московская прописка — это все: театры и музеи, выставочные залы и библиотеки, ну, это тебе ни к чему. Мавзолей Ленина и парад сторожей на Красной площади, Кремль, соборы, улицы, какие еще остались, дома еще не снесли которые. Тоже тебе оно не нужно! Магазины! Вот что тебе необходимо. Мне тоже в Израиле охота посетить магазины и купить Дениске компьютер.

Толя. Я питаюсь, как чушка в сарае, одной картоплей, покупаю картошку, делаю первое, делаю второе, делаю компот.

Лобачев. А зачем тебе тогда Москва?

Толя. А зачем тебе Америка?

Лобачев. Я ребенка хочу спасти.

Толя. Да?

Лобачев. Да.

Толя. У нас тоже, может быть, будет ребенок.

Лобачев. Зачем?

Толя. А тебе зачем?

Лобачев. Это уже совершившийся факт, против которого не попрешь. Не плоды уродов, не стоит.

Толя. Почему уродов? Денис твой не урод.

Лобачев. Урод, потому что уже раб. Его бьют, а он стоит, разинув варежку. ЭТА его так учит.

Толя. Меня тоже били, а я не мог. В нахимовском. Пока еще один не перевелся к нам в роту новенький, мы с ним стали вдвоем. А до того били страшно.

Лобачев. Правильно били. Потому что был раб.

Толя. Не раб, а новенький.

Лобачев. Раб не дает сдачи. Его мордуют, а он молчит. Есть не дают — молчит. Денег не дают — молчит. Жену трахают, он молчит. С работы увольняют — молчит. А если начнет орать, его тут же объявят... что больной. Вызовут психоперевозку. Остальные рабы.

Толя. Не знаю, как ты, а я не раб.

Лобачев. Ты совок. Я совок, и ты совок.

Толя. Какой еще совок, я не совок.

Лобачев. Совок, мужчина, это советский человек. Вы все рабы.

Толя. Мы не рабы:

Лобачев. Рабы не мы. Мама мыла раму. Все.

Толя. Да? Все наоборот. У раба хоть место есть. Он знает, где будет спать и когда в перерыв можно будет пожрать. У раба есть прописка и день получки. И есть рабский отпуск, и он едет загорать в рабских условиях, если удастся получить путевку. Я никогда не ездил по путевке. Я вам не раб, спать вместе с другими мужиками в одной палате. В этом году мне опять не дали путевку даже в казахские степи на курорт «Боровое», поскольку знали, что я еду в Москву жениться.

Света. Нет, она даже с венчанием все равно возьмет полторы тысячи. Она сказала, что эти деньги у нее для меня, когда ты меня бросишь.

Толя. Неправда.

Света. Нет, она так сказала.

Толя. Я не... *(Пауза.)* Я сказал – все. Надо сходить к хорошему юристу, к адвокату.

Света. Может, заплатить ей? Она же не простит. И она не потратит. Зато будет спокойней. Ты ее не знаешь... *(Задумывается.)*

Толя *(решительно)*. Я человек принципа. Я коммунист. Я не чурка, платить за брак. У нас, кстати, у русских, невеста платит.

Света. Ты ее не знаешь.

Толя. Невеста приносит приданое мужу, кстати, у нас, у русских. Так по традиции.

Света. Когда это было?

Толя. Понимаешь. Придумают черт-те чего. Тут бесплатных жен с квартирой целые вон педколлективы в пединститутах укомплектованы. Я был один мужчина в школе.

Света. Вот бы там и женился, Толечка.

Толя. Где хотел, там и женился. *(Смотрит на нее тепло и выразительно.)*

Лобачев. Жениться необходимо. На иностранке. В крайнем случае на Шапиро.

Толя. У меня тоже был один вариант... из книжного магазина. Доставала мне книги.

Лобачев. Я купил Ключевского, Астафьева, Распутина советского и книгу Пикуля.

Толя. Мне, конечно, Пикуль не достался, но хотя бы Пушкина и Гоголя я имею, для Пикуля надо было бы постараться и отблагодарить.

Лобачев. По-мужски? Но Пушкин не валюта, Пикуль валюта. На Пикуля многое можно приобрести. Мог бы и снять деву.

Толя. Но я не хотел себя связывать. Один раз давали в школьном буфете у нас дрожжи, мне что с ними делать? Всем давали к ноябрьским. Я взял, отнес ей. Она обрадовалась, разбежалась и пригласила меня в дом на пироги. Нет, я не согласился. Тогда она позвонила, что принесла пироги к себе на работу. Достала меня. Ели у нее в подсобке. Она знала, что я женюсь. Все знали и в школе. И что коплю на кооператив. И не лезли ко мне с поборами. Они вечно там собирают, то на день рождения, то на похороны. Зато и в гости не звали и ко мне не ходили, хозяйка не поощряла. Провожала меня, плакала.

Лобачев. Хозяйка?

Толя. Еще чего. Хозяйка плакала один раз, когда у нее кошелек с рублем пропал. И так до конца была уверена, что это я украл. *(Задумывается.)* Ну что ж. Где там моя, надо идти устраиваться. Страшно, а вдруг менингит.

Лобачев. Как же это может быть, тридцать седьмого мая? Вот это вопрос. Остальное ерунда.

Кузнецова. Ничего себе ерунда. У меня жилы порезанные *(показывает запястья)*. И она звонит даже тогда, когда ребенок умирает. Я говорю: нет, Марина, я не позову его к телефону — прямо при нем. Она звонит опять. Он тогда сказал: прошу развод. И написал. Из-за сексуальной несовместимости. Показал мне заявление, сам весь трясется. Маньяк.

Толя. Надо Свету поднимать, нам идти пора.

Лобачев. Я вот тоже Шапире говорю: пора тебе убраться отсюда, говорю: досидитесь с мамашей, погонят вас с мамашей в газовую камеру. Она не верит своим ушам. Представляешь? Не верит.

Толя. А мне куда? Света домой, а мне куда?

Лобачев. Я Шапире говорю: да вам с матерью, если вас будут забирать, никто дверь не откроет, эти соседи, даром, что твоя мамаша всех лечит, никто своей шкурой рисковать не будет. Не те времена. Вот, говорю, сгонят вас всех к Донскому монастырю к крематорию, и пошел! Только будете в небо смотреть, как идет дым от тех, за кем вы занимали. И вспомнишь ты меня, и заплачешь, протри очки, Шапиро. Спасай мать. Это уже я ей советую. Для нее мать – это все. Что у евреев хорошее – это они любят свою семью. Чего нет у нас. Для нее мать – это все. Мать же не хочет уезжать от могил, там муж и сын. Сын пошел в Афганистан со второго курса мехмата. Победитель олимпиад и так далее, причем учти, что в университете евреев не любит никто! Вынуждены были принять. Памятник, трагически погиб, все. Шапирин младший брат.

Толя. У нас там тоже одна психбольная, Слуцкая, не желает уезжать в Америку! Дура. В Америку!

Лобачев. Если мать умрет ее, все. Шапире вообще с места не стронется. От ее могилы.

Толя. Спать хочется, но нельзя. Где я теперь?

Лобачев. А я ни в одном глазу. Шапире позвонил для ужаса, я люблю ее ночью будить. Теперь она, умная сволочь, вызвала с матерью телефонного мастера, заплатила ему пять рублей и теперь может выключать на ночь телефон. А я ночью как Сталин, могу и хочу действовать. Тем более снотворное на меня влияет возбуждающе. Десять таблеток – и сутки гуляю. Особенно после спиртного. Был один случай, когда я хотел уйти из этого мира. Когда я третий день не мог пойти на работу. Спасибо, Шапирина мамаша дала мне бюллетень «психастения» и объяснила, что это ничего страшного и бывает при переутомлении.

Света. Я санитаркой работала, было дело, хотела поступать в медицинский. Устроилась в больницу, и вот где гребут! Врачи лекарства берут из аптеки как у себя дома, главный врач к нам в малую операционную свою матушку положил восьмидесяти лет с переломом шейки бедра на четыре месяца минимум. Как на курорт на мою шею. А у

меня больных шестьдесят в отделении, и тоже послеоперационные, и бабульки-какуны. Она, эта мать, с переломом, а у нас-то кардиология! Как хороший сын, приходил ее навещать, орал на нашу завотделением. Потом я к ней и мать приводила лежать, она не отказала, хорошая женщина, даром что я сбежала через две недели, от этой матушки главврача сбежала. Не успевала.

Толя. Так. А фамилия главврача?

Света. Лившиц.

Толя. Все места заняли, никуда не сунешься.

Лобачев. Шапира почитала на ночь своего любимого писателя Марселя Пруста в оригинале «Содом и Гоморру», посмотрела на звезды и сняла очки на тумбочку. Так ее и вижу. Люблю ее как тигр антилопу. А к Кузнецовой у меня осталось одно чувство — ненависть.

Света. А на меня бабульки мои в больнице молились, когда я приходила, норовили рублик всунуть в карман, называли так: «Наш ангел». Из меня бы вышел врач, я знаю. Теперь сижу в библиотеке.

Толя. Ничего, Лившиц вместо тебя старушек подотрет.

Света. Он мировое светило. Нейрохирург, оперирует уже за границей.

Толя. За большие доллары.

Света. Только. Я ведь тоже на букву «Л», расписывалась вместе с ним в платежке. Он в зарплату получал сто шестьдесят, а я сорок.

Толя. Ты была на «Л», а теперь ты на «Н».

Света. Но он тоже получал фактически копейки.

Толя. Я тоже получаю копейки, до трехсот. Я ел мало, на шестьдесят рублей.

Соприкасаются лбами.

Ты теперь моя жена.

Света. Как я его возненавидела и через него всю медицину. Копейки за такую работу.

Толя. Я евреев точно ненавижу. Нет, я до трехсот. Уже лекции начал читать по научному атеизму.

Света. Вот тебе баба-то даст за атеизм. Иконы видел? Она верует. И я ведь в церковь кожу. И молюсь. Тебе надо креститься.

Толя. Мамка крестила.

Лобачев. Жид крещеный...

Крестятся, целуются.

Света (*с горящими щеками*). А ты же член партии.

Толя. А я за темноту моих предков матери и бабушки не отвечаю. И в анкете нет пункта когда крестился.

Света. Нету.

Толя. Но я коммунист.

Света. А я кандидат.

Толя. Очень верно сделала.

Света. А то завбиблиотекой, а она не член.

Толя. Мы обо всех не можем думать. О нас кто подумал? А?

Входит Кузнецова.

Кузнецова. Он тут над одной моей подругой буквально издевался в пьяном виде, ходит к ним, сидит у них, мать у нее известный психиатр, говорит, он по-настоящему болен. Кладу две таблетки, (*Толе*) нальешь ему сюда кипятку. Тогда он хоть немного поспит, его же с работы гонят, он же опаздывает. Он же к девяти. Он же на идеологическом фронте цензором. А моя Шапиро тихо с матерью его лечат, хоть мне немного помогают. Моя подружка Шапиро — она известный астроном, вот так. Ездил в Штаты дважды, в Японию на конференцию. У нее жених американец, скоро сюда приезжает на три года. Поженятся.

Толя. Кто я, без прописки, без работы. Кто я? Вернуться-ка мне надо в Свердловск, там я все-таки завуч. Пока каникулы. Я уже и лекции начал читать, подрабатывать по пионерлагерям... Хозяйка бельишко постирает, чайник даст.

Света. Сколько лет хозяйке?

Толя. Пятьдесят.

Света. Она тебя жалеет?

Толя. Иногда яйцо сварит, когда картошки из сырья заказчика. Так-то она меня на кухню не пускает. Очень трудно найти комнату за такие деньги. Я уезжал, она сразу же ее грозилась сдать, вернешься, говорит, если с женой — вообще не приходи, а без жены пушу пока на койку.

Света. На свою?

Толя. Нет, она в коридоре раскладушку ставит для командировочных.

Света. Не грусти. Толя.

Толя. Я не грущу. Не буду я его кормить таблетками, если он сумасшедший, то и я тоже!

Света. Нет, Толь, я тебя люблю.

Толя. Да и я тоже.

Пауза. Не глядят друг на друга. Света режет хлеб.

Света. Я тебя никому не отдам.

Толя. Я знал это. Я шел на это.

Света (*просияв*). Знал?

Толя. Все пять лет. Все семь лет.

Света. Начиная с девятого апреля вечера? Когда мы шли втроем из Дома культуры?

Толя. Знал.

Света. Ты мой. Никто не видел, как я плакала весь этот месяц.

Толя. Иди ко мне.

Света. Неудобно. Сейчас придет Лобачев.

Толя. Плевать. (*Подходит к Свете, становится на колени, целует ей руки и ноги.*)

Входит Лобачев. Толя степенно встает.

Лобачев. Дитя, видно, помирает (*глухо плачет*). О господи! (*Встает на колени.*) Есть ли ты на небе?

Кузнецова. Есть. Есть на небе.

Света. Коля, есть хочешь?

Лобачев. Нет, только пить, горечь во рту какая.

Света. Хочешь хлебушка заесть?

Лобачев. Я пойду. Я пошел спать. И вы ложитесь здесь, и пусть через девять месяцев у вас родится маленький совок, такая же несчастная сволочь, как все мы.

Толя. Нет, нет, не сволочь. Он увидит небо-то в алмазах. В двадцать первом веке.

Лобачев. Увидит. *(Пошатываясь, уходит.)*

Света и Толя кидаются друг к другу. Света вырывается и гасит свет.

МУЖСКАЯ ЗОНА

КАБАРЕ-ТОТ-СВЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Надсмотрщик
Ленин
Гитлер
Бетховен
Эйнштейн

Действие происходит в античном театре.

223

Надсмотрщик (*сидит за столиком как режиссер*). Так. Как всем нам тут уже известно, пьесы Шекспира написала одна графиня, кличка «Голубка». Ну и бог с ней. Она на женской зоне. Играем наш мужской вариант. Со включением сил ада, но, увы, там хорошие актеры. Начинаем. Где у меня Ромео, где Джульетта?

Гитлер. Я... Джульетта.

Надсмотрщик. Был же Бетховен.

Гитлер. Он же не слышит ни кляпа. Глухой.

Надсмотрщик. Бетховен!

Ленин толкает Бетховена.

Бетховен. Я! (*Вдевает слуховой аппарат.*)

Надсмотрщик. Ты Джульетта.

Бетховен. Я Лес. Нет, я Луна.

Надсмотрщик. А кто Гитлера назначил?

Гитлер. Вы сами вчера.

Надсмотрщик (*читает список*). Ничего подобного.

Ленин. Было, было.

Надсмотрщик. Я пока не с ума соскочил. Гитлер не может быть Джульеттой.

Гитлер (*складывая ручки, женским голосом*). Могу! Ромео! Поди сюда!

Надсмотрщик. Ромео... Ромео у нас Эйнштейн. А ты, Гитлер... Ты будешь у нас кормилицей. Так. Джульетта будет Бетховен. Начали. Репетируем с цифры пять, Джульетта с кормилицей.

Бетховен (*беспокойно*). Что он сказал?

Ленин. Джульетта с кормилицей.

Бетховен. А роль?

Ленин. А ты не выучил?

Бетховен. Ась?

Ленин. Глухой, что ли? Как глухой оборотень сидит.

Надсмотрщик. С пятой цифры.

Бетховен. А.

Надсмотрщик. Играем!

Гитлер (*Бетховену*). Что-то я, Джульетта, беспокоюсь.

Бетховен. А что.

Гитлер. Я твоя няня. И мне не нравится твое состояние.

Бетховен. А что.

Гитлер. Я сдаю в стирку твои простыни...

Бетховен. И что.

Гитлер. И уже два месяца они чистые.

Бетховен. Ну и что?

Гитлер. Я не поверю ни за что, что ты стала такая аккуратная девица.

Бетховен (*беспокойно*). И что дальше?

Гитлер. Раньше одну неделю в месяц я меняла тебе простыни каждый день.

Бетховен. А в чем дело?

Гитлер. Я знаю тебя, ты сильная по своей натуре, у тебя происходят обильные месячные, ты вся заливаешься по ночам...

Бетховен. И что теперь?

Гитлер. А теперь уже два месяца все чисто.

Бетховен. И что из этого?

Гитлер. Надо выйти замуж как можно скорее, сегодня или завтра.

Бетховен. Зачем?

Гитлер. Семимесячные, видишь ли, рождаются крепкие, но уже шестимесячные... шестимесячные выживают плохо, это может вызвать ажиотаж, если шестимесячный родится четыре кило весом. Надо выйти замуж сегодня.

Бетховен (*искривленно*). Почему это?

Гитлер. Тогда хотя бы твой ребенок родится через семь месяцев.

Бетховен. Кто сказал?

Гитлер. Господи, она совершенно невинна! Ничего не понимает, что с ней.

Бетховен (*угрюмо*). Что бормочет, не знает. (*Трясет слуховой аппарат.*) Але.

Гитлер. Так. Сегодня бал, сегодня приведешь прямо сюда отца этого ребенка.

Бетховен. Я слушаю, але. Я не могу отца ребенка привести сюда, але.

Гитлер. Могла с ним переспать, теперь выйди за него.

Бетховен. Нет.

Гитлер. Ну не упрямысья.

Бетховен. Я не могу, але.

Гитлер. Ну почему?

Бетховен. Нас никто не обвенчает.

Гитлер. Я договорюсь с братом Лоренцо, по-моему, я с ним спала.

Бетховен. Нет! Нет, але.

Гитлер. А в чем дело, але?

Бетховен. Так. (*Смотрит в сторону, бьет носком об пол. Стесняется.*)

Гитлер. А кто он? Кто отец?

Бетховен. А?

Гитлер. Але!

Бетховен. Отца не выдам, але.

Гитлер. Повторите, плохо слышно. Перезвоните.

Бетховен. Как слышите, прием. Я Ромашка!

Гитлер. Ромашка, вас слышу хорошо. Диктую по буквам, к-т-о-т-е-ц! Ольга Тимур Еремей Цецилия кто?

Бетховен. Отец?

Гитлер. Константин Тимур Огульберды! К т о!

Бетховен. В. И. Ленин. Вася Ира Ленин.

Ленин. Нет.

Гитлер. Так... Я же с тебя глаз не спускала с тех пор, как ты начала путаться с братом... Это что, от него?

Ленин. Если она про вчерашнее, то я просто потрепала ее по руке.

Гитлер. Это будет у тебя племянник от брата?

Бетховен. Нет. *(Пинает носком пол. Стесняется.)*

Гитлер. А кто?

Бетховен. Я ничего и никогда тебе про отца не скажу. Запомни. Ничего про отца, про папу ни слова.

Гитлер *(ахаает)*. Ах он сволочь! Мало, что он спит со своими сыновьями, теперь на дочь перешел! Так... Ничего себе: ты родишь от отца, тебе это будет брат, ему внук, и сам себе этот ребенок будет дядя! Сам себе дядя.

Ленин. Но не от меня дядя.

Надсмотрщик *(просыпаясь)*. Пятая цифра!

Бетховен. Оставь меня, кормилица, ты дурра.

Гитлер.

Меня несчастной сделал, а жену
Толкает вообще на пакости какие...
Ах мы пропащие, але, а вообще
Какой хороший человек твой папа,
Когда он вне семьи или, але,
Когда он спит зубами к стенке.

Бетховен. Я папку люблю.

Гитлер *(горячо)*. Его все любят, окромя Монтекки. Слушай, а за кого тебе выйти-то? Все кругом ходят обрученные с семи лет! А твой жених такая гадость!

Бетховен. Фу. Потный, жирный, от него пахнет рыбой. Засыпает сразу, и храпеть, храпеть!

Гитлер. А я и не подумала. Придется тебе за него выходить. Он у тебя часто бывает?

Бетховен. Каждый день как на дежурство. Но я его не хочу.

Гитлер. Уж придется. Может быть, это его ребенок.

Бетховен. Нет, я что, дуручка! Я ему не разрешаю. Обходится сам. Противный!..

Гитлер. Ну мало ли... Припишешь... Он не понимает, небось.

Бетховен. Я его больше не хочу, слышишь? Найди мне кого-нибудь.

Гитлер. Ну все, вот звуки музыки, начинается бал. Переоденься во все белое, я тебе сейчас кого-нибудь приведу.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Так. Где у нас Луна? Ленин, ты Луна?

Ленин. Я Луна. (*Сворачивает рот на сторону.*)

Надсмотрщик (*зевая*). Кто у нас Ромео? Эйнштейн!

Эйнштейн. Я. (*Вытаскивает скрипку.*)

Надсмотрщик. А вот этого не надо. Ты что, начнешь играть на скрипке, вас с Джульеттой сразу застукают. Танцуй пока на балу с кормилицей. Гитлер! Танцуешь с Эйнштейном. Ромео танцует с кормилицей. Джульетта вся в белом!

Гитлер и Кормилица танцуют, Бетховен тем временем переодевается во все белое, то есть остается в кальсонах и майке. Эйнштейн с Гитлером танцуют «Кумпарситу» с резкими поворотами головы. Гитлер прячет скрипку Эйнштейна за кулисами.

Гитлер (*прижимая к себе Эйнштейна*). Такой молодецкий! Первоходка, небось?

Эйнштейн (*хрипло*). Ты ошибаешься, тетка! Мне далеко уже не четырнадцать!

Гитлер. Пойдем ко мне?

Эйнштейн. А если меня с тобой увидят?

Гитлер. Ну и увидят, але. А я тебя зато познакомлю с Джульеттой.

Идут к Бетховену.

Бетховен (*стоит в подтанниках, дрожа*). Ох!

Гитлер. Джульетта, ты так хотела познакомиться с Ромео!

Бетховен. Ох.

Эйнштейн. Это... Джульетта?

Гитлер. А кто же еще?

Эйнштейн. Я ее себе представлял не такой.

Гитлер. Что, оказалась много лучше?

Эйнштейн. Ой, я скрипку позабыл. Щас вернусь. (*Поворачивается уходить.*)

Гитлер. Ты, еврейская морда! Стой здесь. Скрипка вам двоим ни к чему сейчас.

Эйнштейн. Я больше ни секунды здесь не останусь, меня давно звали в Америку!

Гитлер. А в Освенцим не хо? А по ха не хо?

Эйнштейн. Ты дикая, некультурная женщина, я не желаю иметь с тобой ничего общего, ты настоящий Гитлер в юбке!

Гитлер. Я ща приду. (*Выходит крадучись.*)

Бетховен. Вы что, играете на скрипке?

Эйнштейн. Да, с семи лет. Я еще не умел говорить, думали, что идиот, и решили хотя бы научить меня играть на скрипке, мало ли, можно на улице заработать... Что еще возьмешь с идиота.

Бетховен (*загораясь*). А меня, знаешь, учил играть... знаешь такого Сальери? Композитора такого?

Эйнштейн (*осторожно*). В седьмом бараке?

Бетховен (*туманно*). Нет, он не здесь. Он там (*показывает вниз*).

Эйнштейн. Это та история с Моцартом?

Бетховен. Там много клеветы. У Моцарта всегда было плохо со стулом.

Эйнштейн. Принесу скрипку, сыграем?

Бетховен. У меня есть скрипичный концерт, ля-ля-ля. (*Поет.*)

Эйнштейн. Скрипку Гитлер у меня спрятал, олух.

Бетховен. А меня он любит. Гитлер любил Бетховена.

Эйнштейн. И Ленин тебя любит, соната «Аппассионата».

Ленин отрицательно трясет головой, потом спохватывается и снова кривится, играя Луну.

Бетховен. Меня многие любят.

Эйнштейн. Пока этот (*в сторону Надсмотрщика*) спит, я скажу: меня тут никто не может оценить, а зарабатываю я скрипкой, начну играть, они сразу суют мне кубок с амброзией и просят: здесь больше не играй. А в остальном — ну кто здесь знает, кто я и что такое е равно мц квадрат!

Бетховен. А че это?

Эйнштейн. Долго объяснять.

Ленин (*внезапно*). Да, здесь, в этих условиях, никто не обращает внимания. Как в эмиграции. Идешь — никто не узнает, даже в твою сторону не глядят. А дома, в России, приходилось натягивать парик, брить все лицо, так на меня кидались. Из-за этого мы и совершили переворот, чтобы все узнавали, кидались, но при этом не ссылали опять в Шушенское. Там тоже всем все равно, Ленин, Ульянов, фиגлюянов... Ходят крестьяне, они не въезжают, кто я.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Луна! Едрит твою в ноздрю.

Ленин. Я Луна. (*Бессмысленно кривится.*)

Входит Гитлер.

Бетховен (*Гитлеру*). А ты вообще что сюда затесался, блин! Мы еще не кончили.

Надсмотрщик. С пятой цифры! Луна плывет по небесам!

Ленин, кривясь, загребает саженками.

Бетховен. Ромео, ты как мороженный окунь, глаза с поволокой, а сам фригидный такой.

Гитлер (*Эйнштейну*). Надо, Алик, надо.

Бетховен. Ну его. Няня! Нам вдвоем лучше. Открой окно да ляг ко мне.

Эйнштейн (*с постели*). Такая себе невеста, подштанники несвежие.

Гитлер. Ты думаешь только о том, Джульетта, с кем бы переспать, а о деле забыла. Я могу, конечно, я всегда мою доцу люблю, но замуж я тебя не возьму, ребенка на себя не запишу. Тут мужчина нужен.

Бетховен. С ним не спится, няня, здесь так душно. Какой-то неказистый мужчина, а я ведь четырнадцатилетняя и в белом.

Эйнштейн (*вставая с постели*). Мне пора, луна вроде заходит.

Ленин делает попытку зайти, то есть опускается, крутя туловищем, как в твисте.

Надсмотрщик (*просыпаясь*). Луна еще не зашла!

Ленин подымается, улыбается, рот на сторону, делает пассы руками, задевает Бетховена.

Бетховен. Держите руки при себе, нахал!

Надсмотрщик. Ну не ожидал я от вас такой халтуры. Как будем вечность проводить? Бездарно будем проводить?

Эйнштейн. Потому что играют одни мужчины.

Надсмотрщик. Да ну... в женской зоне Ромео тоже играет какая-нибудь... Голда Меир.

Гитлер. Бабы бездарный состав. И жиды. И инвалиды.

Эйнштейн хочет уехать в Америку.

Бетховен (*Эйнштейну*). Я сам, Алик. (*Гитлеру*.) Я инвалид второй группы со слуховым аппаратом, ща, блин, кровянкой умоешься!

Надсмотрщик. Гитлер сейчас опустится к себе в тартары, на общак, если так будет играть.

Эйнштейн. Что такое общак, не пойму юмора.

Надсмотрщик. Он у нас вообще кипит в котле, берем его как первоклассного актера.

Гитлер.

Не верю!

Джульетта, доца, чем тебе не муж

Сей отпрыск рода знатного Ромео?

Признайся, согласишься, что будет лучше уж.

Бетховен. Я боюсь ужей.

Ленин.

Уж полночь близится, а все луна проходит
Свой вечный путь,
как смена караула
у Мавзолея Ленина, меня.

Надсмотрщик. Луна заходит. Утро.

Ленин уходит, как часовой, печатая шаг под звон курантов.

Бетховен. Ромео, никогда мне не было так хорошо, ни с родителями, ни с братом, ни с папой.

Эйнштейн (*смущен*). Чего там! Моя мамочка тоже мной довольна, народила мне сестренку с двумя рожками и хвостом. Папа ее хорошенько заспиртовал, на Новый год будет настойка.

Надсмотрщик. Ленин, так луна не заходит!

Ленин, семеня, изображает танец маленьких лебедей.

Гитлер. Сейчас сыграем свадьбу, у Джульетты родится дочь с рогами!

Надсмотрщик. Так, Ленин, Гитлер обратно на обшак, остальные свободны.

Бетховен. Кипяток только рака красит!

Финал.

ГАМЛЕТ. НУЛЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фортинбрас — норвежец
Его приближенные, они же актеры:
Пельше, режиссер
Зорге, канатоходец и трагик
Куусинен, комик

Лес. Между деревьями протянут канат. По нему ходит один из актеров, Зорге. Внизу стоят Пельше и Куусинен.

232

Фортинбрас въезжает на коне, который представляет собой палочку с конской головой. Ноги всадника, маленькие, искусственные, болтаются по бокам седла. На собственные надеты мохнатые копыта. Сзади, по желанию режиссера, могут быть приделаны ножки на колесиках. Фортинбраса сопровождает армия на таких же кониках (все актеры спектакля в масках).

Фортинбрас (*поигрывая кнутом*). Привет, норвежцы бравые!

Норвежцы (*хором*). Здра желаем, ваше высочество!

Фортинбрас. Какие новости, Пельше?

Пельше. С приездом вас, ваше высочество, принц Фортинбрас!

Зорге. Как там у нас в Норвегии?

Фортинбрас. Да половина страны осталась. Датчане все заняли.

Куусинен. Даст Господь, отомстим за старого короля. Мы тут зачем?

Пельше. В Польшу идете? Как удачно, что нам удалось вас повстречать. Мы стоим здесь на дороге со вчера, ожидая вас. Мы знаем из кухонной почты, что вы должны здесь проехать мимо нас в Польшу. Гонец со вчерашнего вечера ужинает в кухне. Сначала доложил все нам с кухарками, потом королю с королевой. Ну что. По вашему приказанию мы здесь ошиваемся в виде театральной труппы уже четыре месяца. Как шпионы, Зорге, да? Вот Зорге у нас разведчик! Все ночи дежурит!

Зорге. Четыре месяца — это два раза по два времени прошло, как они тут говорят. Так домой хочется! Жена, дети!

Пельше. Он очень об жене скучает, ночи не спит.

Зорге вытирает слезу.

Фортинбрас. Вы уже играли спектакль здесь в Эльсиноре?

Пельше. Да нас вообще сначала не пускали в замок, поскольку король Гамлет-старший скончался.

Фортинбрас. Чего бы ему не сдохнуть за полгода до этого, когда он оттяпал у нас половину королевства!

Пельше. Вы сорвали эти слова с моих уст.

Фортинбрас. Говорят, у старого короля было что-то с желудком?

Пельше. О да. Несварение.

Фортинбрас. Это вы позаботились?

Пельше. Что вы! Нам чужой славы не нужно. Это повар постарался, его тут же опустили в кипящий котел медленно, каждую следующую ногу отдельно.

Куусинен. Кухарки были в большом возбуждении.

Зорге (*сверху*). Люблю кухарок. Свежая от плиты кухарочка!

Пельше. Да!

Куусинен. Это грех, Зорге!

Фортинбрас (*бьет кнутом*). Так.

Пельше. И с тех пор нас не пускали поэтому внутрь. Из-за траура. Но вчера была свадьба, старая королева Гертруда, вдова старого Гамлета...

Зорге. Чье имя, Гертруда, переводится на норвежский язык как герой труда, она таки вышла замуж за молодого брата короля, за Клавдия, Клавочку, как его все зовут, и решила показать всему миру, как можно лишить молодого человека его ориентации.

Пельше. И нас пустили на кухню.

Зорге. Тише, я скажу. Мы были свидетели. Герой труда уговаривала Клавочку всю ночь, в восемь вечера им по заказу понесли свежие розги, в три и в пять утра слуги бегали на кухню за нутряным салом. Кухарок специально побудили. Даже я проснулся.

Куусинен. Будешь гореть в смоле, Зорге!

Зорге. Тише. Утром Клавочка плакал на груди у старика Полония и клялся, что нравственно не изменил ему. Молодому Клаве, однако, по словам кухарки Жучки, Джульетты, этот старый Полоний, Полька, надоел, а зато ему очень уже давно нравится принц Гамлет. Он ему все время: «Мой принц» с ударением на «мой».

Куусинен. Это грех. Они все будут наказаны, и Полоний, и Клавдий, и Гертруда.

Фортинбрас. Да уж, постарайтесь.

Зорге. Тише! Я скажу.

Пельше. Заткнись, горе треклятое. Видите, принц, в каких условиях я работаю с этим народом.

Куусинен. Конечно, это грех, что мы тут собираем сплетни.

Пельше. Это называется разведанные, дурак.

Зорге (*сверху*). А особенно разведанные от кухарочек! Там есть одна Джульетта... И вторая, Дездемона... Итальянки!

Куусинен. Волосы черные такие, сами усатые! Грех один.

Зорге. Одна тетка из Вероны, вторая еще почище, из Венеции!

Куусинен. Ноги под ними как колеса! О! Руки как лопаты! Я бы ни за какие блага мира не стал грешить с такими землечерпалками!

Фортинбрас (*щелкает кнутом*). Так. Что происходит конкретно.

Пельше. Ото всех этих событий молодой принц Гамлет Гамлетович пьет какой день, сошел с круга и по этому поводу ищет, кого бы убить.

Зорге. Под лозунгом «Пиндары, идите на меня все».

Пельше. Дай сказать. Хочет он убить свою маму, своего нового папу-дядю Клавдия и премьер-министра Полония. Говорит, что, поскольку его дядя стал ему папой, то он сам себе двоюродный брат, поэтому сам с собой разговаривает, сам себя все время спрашивает, быть или не быть, вот в чем вопрос, видали? Себя кличет во множественном числе, «мы», типа: «Когда мы сбросим этот бранный шум, вот что сбивает нас». А остальные стоят рядом как дураки и поддакивают. А мать свою он стал звать тетя Гертруда или просто по имени. Никогда «мама» или «мамуля». Ему нравится девушка Офелия, дочь Полония, и он хотел бы на нее опереться во всех смыслах, в том числе и лежа. Но поскольку Офелия ему не поддается, он подозревает, что она не девушка. А она действительно, как говорят на кухне, была подснута Полонием старому королю, что вызвало законную ненависть королевы, героя труда, которая ничего поделывать была не в силах и пустила слух, что Офелия чокнутая. Чтобы ее сослали в монастырь. Теперь Гамлет все время ее туда шутя посылает.

Зорге. Почему об этом на кухне знают — там варили компот из таких испанских мух и носили королю, когда у него в гостях была Офелия. Но она убежала.

Куусинен. Вот это святая. Тихая, кроткая. Мечта монаха, Офа-офа. Офелия.

Фортинбрас. Я ее видел прошлый раз. Хорошая девочка.

Куусинен. Клубок змей Эльсинор.

Фортинбрас. Нормальный ход. У нас во дворце, что ли, не так?

Пельше. Наши агенты через продавцов мяса сразу пустили по Дании слух, что Клавдий и герой труда отравили общими силами старого Гамлета. Но народ в это не поверил, перед королем пищу всегда ели из его тарелки придворные — Полоний и сама королева. Старый король своей жене, герою труда, хоть и будучи отпетый дурак, справедливо не доверял.

Зорге. А они, пожавши с его тарелки, и по сю пору здоровы, как тюрьма с пристройками. Отсюда датчане, будучи по природе здоровенными бугаями без капли воображения, не поверили нашей с Пельше разработке.

Фортинбрас. Но это неплохо, что старик Гамлет, обокравший моего отца, короля Норвежца, очень быстро после того пошел напрямик к своим поганым предкам жариться на сковородке.

Зорге. В их — о-хо-хо! — весело потрескивающей компании.

Пельше. Но что характерно: там есть один друг Горацио, приятель Гамлета, и он про вас, принц, говорил в таком духе, что, так сказать, кипя отвагой, вы, младший Фортинбрас (*кланяется*), ваше высочество, дальше буквально цитирую, набрал себе якобы с норвежских побережий ватагу беззаконных удальцов, то есть нас (*артисты кланяются*), за корм и харч для некоего дела.

Зорге. Причем, смотрите, корм и харч — не одно ли это и то же?

236

Пельше. Это для слога. Мой принц, должен вас предупредить, они тут все в замке Эльсинор говорят как бы стихами. Но, что характерно, не в рифму!

Куусинен. Это называется словобесие. Грех, одним словом.

Фортинбрас. За корм и харч для некоего дела, а дальше?

Пельше. Дальше совсем чудно: где нужен зуб; и то не что иное...

Фортинбрас. Зуб? И то не что иное — это как? Как понимать?

Пельше. Это он опять не справился, этот Горацио, со стихами. Цитирую: «Где нужен зуб, и то не что иное, так понято и нашу державой, как отобрать с оружием в руках путем насилия сказанные земли, отцом его утраченные».

Фортинбрас. Стишата так себе. Но смысл верный, а? Отобрать какие земли я, кипя отвагой, набрал себе с норвежских побережий вас, остолопы?

Актеры кланяются.

Пельше. Сказанные. Сказанные земли.

Фортинбрас. Они не хотят говорить, что это украденные у меня земли.

Пельше. Обманом выманенные!

Зорге. Это разве дело, когда старого короля вызывают на драку! Пусть это его тоже король вызвал, но чтобы за одну драку половину Норвегии отдавать?

Пельше. Ты не понимаешь смысла: датчане тогда были много сильнее, их корабли уже стояли у наших побережий. Когда наш старый король Фортинбрас вызвал на дуэль этого уroda, короля Гамлета-старшего, и предложил ему половину страны в качестве утешительного приза, этот дурак клюнул на удочку и с радостью согласился, ведь наш папа Фортинбрас был уже дряхлый, царство ему небесное. И Фортинбрас погиб как герой! Стоять смирно!

Все обнажают головы.

Вольно! Если бы старый Фортинбрас не вышел на поединок с королем Гамлетом, то Дания и так захватила бы Норвегию, но уже всю целиком. Погибли бы многие наши! А так без крови, только ценой собственной жизни, старый Фортинбрас спас половину страны. Он герой. Смирно!

Присутствующие вытягиваются в струнку.

Вольно.

Фортинбрас. А теперь, стало быть, старый Гамлет подавился моими землями и помер. Там его мой отец встретит как надо!

Куусинен. Вы правы, он подавился. Но он просто переел перетертых рябчиков, дубина. Увлёкся. С тех пор как он, по собственному выражению, стал «мяу-мяу», он увлекался жратвой и питьем. Перетертые рябчики опасная вещь.

Фортинбрас. Значит, молодой Гамлет будет королем? Это худо.

Пельше. Да что вы, мой принц. Да упаси Бог. Да никогда. Мы же стараемся. Мы его все время пугаем. Он выходит

к завтраку и плетет всем, что ночью на него опять катилась такая здоровенная голова с волосами. Еле в дверь пролезла. Всем с жаром рассказывает.

Фортинбрас. А это что было?

Пельше. А это я был в тулупе мехом наружу. Куусинен меня толкнул, я выкатился. Зорге в полном рыцарском облачении и с привязанной бородой был за окном, покачиваясь на канате. Он же еще у нас в университете связался с канатными плясунами и выучился у них кое-как, шут гороховый. (*Куусинену*). Кончай пинаться, ты!

Зорге. И сегодня утром Гамлет рассказывал всем, как на него катилась гигантская голова вся в волосах, а покойный папа кивал за окном, стоя в воздухе. Все, кстати, чистая правда.

Пельше. А доктора приняли преувеличенно добрый вид и предложили немедленно послать за монахами, чтобы изгонять беса. Гамлет возражает.

Куусинен. Он возражает, да. Проткнул самого активного врача шпагой и сказал, что ему померещилась в животе у доктора крыса. Помяните мое слово, Гамлет добром не кончит!

Пельше. А конечно. Гамлет вообще на все их слова так отвечает: и слух мой не насилуйте и вы.

Зорге. И слух мой не насилуй тут и ты. О-па!

Куусинен (*сопровождая реплику Зорге телодвижениями*). Ой, они здесь такие смешные! Такая манера, говорить стихами.

Фортинбрас. Значит, версия об отравлении через пищу не прошла. Гамлет не поверил.

Пельше. Это была моя неудачная попытка. Простите меня.

Фортинбрас. Ладно, идея-то была моя. Попробуем иначе. Скажем, протяните канат там, под крепостной стеной, где-нибудь между деревьями близко к стене, чтобы канат сверху не просматривался, и пусть Зорге является каждую полночь в кирасе короля Гамлета, опять-таки с бородой.

Пельше. Это интересное решение, принц Фортинбрас! Мы все время так и поступаем непосредственно под

спальной Гамлета. А вот у крепостных стен, чтобы все другие видели — до этого мы не додумались. Отлично, мой принц. Но Гамлет! Он ведь без просыпу пьет у себя. И как тут выманить его к крепостным стенам? Сидит у себя в башне и клюкает. А погода нынче плохая. Мороз.

Куусинен. Как они выражаются тут, «жестокий и кусающийся воздух».

Зорге. Емко сказано, а?

Куусинен. Не ругайся, это грех.

Фортинбрас. А пусть этот призрак отца Гамлета гонит о том, что его убили Клавдий и Гертруда. Стража услышит и сообщит Гамлету. Кто там у них сторожит ночами?

Зорге. Да два амбала ходят с образованием четыре класса на двоих. Бернардо и Марцелл. Офицеры якобы. Прапоры.

Фортинбрас. Стало быть, покойник должен быть вооружен, как папаша Гамлет, до зубов. Как он обычно ходил.

Пельше. Марцелл и Бернардо про себя говорят, что они вооружены «от пят до темя».

Куусинен. Малограмотные.

Фортинбрас. Стало быть, Зорге!

Зорге. Да, ваше высочество!

Фортинбрас. От пят до темя вооружись. Загрядируйся. Можешь?

Зорге. От пят до темя? Обижаете. Что я, не врубаюсь? Оф кос, мой принц. Каждую ноченьку. Сажа есть, мел, свекла, бараний жир.

Фортинбрас. Мелом бороду побели сильно. И потемней полосочки оставь. Побежалости такие. Как седина в бороду.

Куусинен. Как они выражаются, чернь с серебром.

Зорге. Хорошо придумано, однако!

Фортинбрас. Валяй. Будь бледен. Мукой обсыпья. Как король Гамлет говорил? Ты помнишь особенности интонации?

Куусинен. Да он заяц был. Своим девкам после койки любил читать басню «За-за-заяц во хме-хме-хме-лю». Джульетта наизусть даже выучила. Хме-хме-хме. И ржет.

Фортинбрас. Прекрасно. Что мы придумаем, какова наша версия? Как его убили? Отравили?

Пельше. Да нет, не выйдет. Они и желудок его исследовали, на предмет яда. Не нашли. Врачей Гертруда, кстати, наградила перстнями.

Фортинбрас. Стало быть, отравление исключаем.

Зорге. А помните, в той дрянной пьеске, которую мы играли у нас в университете, называется «Мышеловка»? Там вливают яд в ухо. Помните, приезжал на гастроли театр из маленького городка, из Лондона... Это далеко где-то. Там у них актер был такой... Женщин хорошо играл... Шакеспеаре по фамилии... Вильям. Он королеву и играл! Ты еще у него текст списал, Куусинен, помнишь?

Куусинен. Ну! Помню! Тлетворный сок полночных трав, трикраты пронизанный проклятием Гекаты, твоей природы страшным волшебством да истребится ныне жизнь в живом. Такие хромые стихата, я еле выучил. Но это перевод с английского через два языка на третий. Трикраты! Вы подумайте! Это чтобы он, халтурщик, смог найти рифму к слову «Гекаты». Далее, ремарка: «вливают яд в ухо спящему». И затем: убийца снискивает любовь Гонзаговой жены. Снискивает, как вам это понравится! Глагол «снискивать» где-то отрыл. «Нашел» то есть. Отснискал. Он, она, оне кто? «Отснискивающие».

Фортинбрас. Зорге, ты выучи этот текст и говори в его манере.

Куусинен. Я сплыву слова.

Зорге (*пляшет на проволоке, заикаясь, и повторяет текст*). Убийца сыс-сы-снискивает го-го-гонзаго-гову жену.

Фортинбрас. Вот. Все услышат и Гамлету поверят, что ему действительно является папая. И самое то будет здесь текст про это... трикраты в ухо. Не только Гамлет услышит. И вот это и будет началом всего. Уж Гамлет живого места в Эльсиноре у них не оставит! И, глядишь, я на обратном пути из Польши запросто возьму Данию, покрытую трупами руководства.

Куусинен. Норвегия Данией прибудет.

Фортинбрас. А уж вы толкитесь у ворот замка как настырные актеры, проситесь выступить с пьесой «Мышеловка». Пусть передадут Гамлету. Он тоже учился в Италии.

На его курсе-то и были Фортинбрас и Гильденстерн. И он эту пьесу использует второй раз.

Куусинен. Двукраты!

Фортинбрас. Для того, чтобы обвинить Гертруду и Клавдия.

Куусинен. Героя труда и Клавочку.

Пельше. Ты понял? Зорге, для начала как призрак скажешь Гамлету так: «Дай кратким быть!»

Зорге. Дай кратким быть, неплохо ляпнуто! Абсолютно в их духе!

Пельше (*скромно*). Это у них такой слог тут, что же делать. Образованность свою хотят показать. Зорге, записывай текст призрака, мм-м, погоди, так: когда я спал в саду, как то обычно делал пополудни, мой мирный час твой дядя подстерег с проклятым соком белены в сосудце...

Куусинен. Дивно, дивно придумано! В сосудце! Выпьем по сосудцу!

Пельше. Убью. И тихо мне в преддверия ушей влил прокажающий настой.

Куусинен. Куда-куда?

Зорге. В преддверия ушей, дурак.

Куусинен. Изумительно! Прокажающий в преддверие!

Пельше. Замолкни!

Зорге (*пишет*). И тихо мне в преддверия ушей...

Куусинен. Влил прокажающий — дивно, дивно — настой.

Пельше. При этом плавно будешь покачиваться на канате, ясно?

Куусинен. Какая точная режиссерская находка! А я буду внизу, как всегда, на подхвате, когда он упадет во всех своих доспехах. Вчера Зорге загремел с проволоки как кастрюля с болтами. Пить надо меньше, если на канате работаешь! Прямо на меня рухнул, я еле-еле увернулся!

Пельше (*возвышенно*). Мой принц, норвежец младший Фортинбрас! Все будет сделано в отличном виде! Спокойно тра-та-та езжайте в Польшу! И возвращайтесь, все будет в порядке. Уф. Так и не привык, простите Пельше, стихами говорить. (*Обычным голосом.*) Насколько я знаю Гамле-

та, гора трупов вам будет обеспечена. Вся головка Дании подчистую.

Фортинбрас. Пельше, а как проехать в Польшу?

Куусинен. Мой принц, езжайте прямо вдоль берега моря. И у речки направо. Там будет Польша. Счастливо возвращаться!

За Фортинбрасом, разнообразно подпрыгивая, идет его кавалерия на таких же лошадках — все действующие лица пьесы «Гамлет Ноль».

АКТ I

Эльсинор. Площадка перед замком. Ночь. Часы бьют двенадцать. Слышится ругань, крихтение, звяканье.

Голоса. Тише ты, Зорге! — А если я упаду всем весом на тебя? — На тебе палку, держи ее, дубина, на весу. — Что-то их нету... — Ага, идут.

Гамлет (*кому-то за сценой*). Ну и что?

Марцелл. Вы стойте там. Сейчас увидите.

Гамлет. Вы сказали, что придет покойный мой отец?

Голос (*снизу, эхом*). Попойный твой отец.

Марцелл. Слыхали? Вон, вон, внизу движется... По воздуху, между деревьями...

Гамлет (*смотрит вниз*). А я вам всем что позавчера говорил? Что он летает под моим окном... А меня объявили вообще... Что у меня порча и во мне бесы сидят.

Марцелл. До чего похож! Вылитый Гамлет Первый. Но помоложе вроде... И личико не такое одутловатенькое...

Гамлет. Похудел на том свете, надо думать. Могила кого хочешь исправит. А не мой этот запой! Где это у меня запой! Я, когда запой, сам прекрасно различаю, когда он, а когда я просто выпиваю. То выпиваю, а то я за-пиваю. Есть разница? То я выпивши, а то запивши...

Марцелл. Ну вылитый ваш отец...

Голос. Га-га-га...

Марцелл. Как ваш отец, заикается, ну один к одному!

Гамлет. Он что сказал?

Марцелл. Га-га-га сказал.

Гамлет. В каком смысле га-га-га?

Марцелл. Га-га и все. Это надо растолковать.

Гамлет. А ты как думаешь, это что?

Марцелл. Гусем кричит?

Гамлет. Пить надо меньше меня! А то все норовишь наравне. Зачем ему гусем кричать?

Марцелл. Ну я знаю... Га-га-га типа. Может, гуся ему зажарить? Или они там сырых едят?

Гамлет. Совсем ополоумел. В аду едят?

Марцелл. А мало ли. Он любил гуся жареного. Это я знаю твердо. Ладно. К завтраму зажарим.

Голос. Га-га-га.

Марцелл. Может, он Гертруду выкликает? Может, он ее так по-семейному звал? Ну, как между мужем и женой бывает. Пуся там. Бяка. Гага.

Гамлет. А, мою тетю новую... Призрак, ты ее зовешь?

Голос. Га-га-га.

Гамлет. Ты хочешь ее спросить, зачем она после тебя так скоро вышла замуж и, второе, почему за твоего брата, никого почуднее не обнаружила?

Марцелл. Но тогда бы он звал ее ге-ге-ге. Геге-гертруда. А он зовет га-га-га.

Гамлет. Чего же он хочет?

Марцелл. Но он не отвечал. Хотя однажды он поднял голову, и мне казалось...

Гамлет. Вот только не надо тут здесь мне стихами говорить, остофигело мне это, понял, ты. Пошли отсюда, будем размышлять над словами призрака.

Голос (*вопит*). Га-га-га!

Слышен как бы прыжок и страшный грохот, ругань и сдавленный вой.

Марцелл. Там что, в аду, тоже падают?

Гамлет. О Боже! Сжался над этой несчастной душой, он умер без покаяния, ужас! И он является из ада...И говорить не может. Только это «га-га-га».

Марцелл. Может, он там говорить разучился?

Гамлет. Возможно! Им там запрещают говорить, чтобы он не выдал нам, живущим, тайны загробных мук. Бедный!

Слышен жуткий вой.

Марцелл. Как его черти мают! Несчастный! Спросите его, принц, что ему надо.

Гамлет. Не могу.

Марцелл. А спросите его: «Кто ты?» Это такая магическая формула, всегда надо спросить привидение. И даже во сне.

Вой.

Гамлет. Слышишь? Бедный дух. О, как надо праведно жить, чтобы потом не мучиться после смерти... О Господи, спаси и помилуй!

Слышен стук, затем визг, крик «Куда, куда» и продолжительный вой.

244

Марцелл. О как его дерут черти! Раздирают буквально (*крестится, задумывается*). А я недавно двух кухарок имел... И лгал. Соврал им что здоров... Ой, что будет! Надо монахам пожертвовать на новый колокол... Давно собирался. А вы, принц, доктора убили. Жуть!

Гамлет. Монахи отмолят.

Вой, кашель, тонкое повизгивание, кашель и плевок.

Гамлет. Кто ты? Кто ты, бедный призрак? Кто ты?

Марцелл. Трикраты, правильно.

Гамлет. Отзовись.

Слышен грохот, крик «Опять с дуба рухнул?» — «Не тычь, не тычь мне» и ругань.

Марцелл. Они его вилами там тыкают! Ой...

Гамлет. Молчи.

Голос. Га-га-га.

Марцелл. Он! Это он!

Гамлет. Кто ты?

Марцелл. Трикраты.

Гамлет. Сам знаю отвяжись. Кто ты — кто ты.

Над стеной появляется, покачиваясь, Зорге в доспехах.

Лицо его в крови.

Гамлет. Кто ты?

Призрак. Га-га-га!

Марцелл. Вам кого?

Призрак. Га-Гамлета мне.

Марцелл. Это он! Это он заикался так! Не в силах произнести! Это он вас! Как мы не догадались-то? Га-га-Гамлет, а не ге-ге-гертруда!

Гамлет. Я слушаю, але.

Призрак. Га-га-Гамлет!

Голос снизу: «Удерживайся! Вот опять!»

Призрак исчезает, слышен грохот и лязг. Затем вой и неразборчивая ругань.

Гамлет. Папа, приходи завтра в то же время!

Голос за сценой: Скажи «нет!»

Кашель, крик «нет!»

Марцелл. Ему черти не велят. Пошли отсюда, принц, а то и нас заберут туда же.

Гамлет. Нет! Что ты мне хотел сказать, отец? Говори, пап! Я слушаю! Ничего не слышать!

Голос (*завывая*). Ой-ой-ой!

Гамлет. Что у тебя болит больше всего, пап?

Голос. Все бо-бо-болит! Оу-у!

Гамлет. А больше всего что болит?

Голос. Но-но-но!

Марцелл. Но-но-ноет душа у него, видимо.

Гамлет. Душа, да, папа?

Голос. Да, ду-ду-дурак, что ли? Ко-ко-кончай драться!

Марцелл. Это он бесам.

Голос. Да, ду-душа болит, оу! Но еще но-но-но-но...

Марцелл. Ноет. Болит и ноет!

Голос. Но-нога правая! Попробуй с такой высоты!

Гамлет. Да — с трона и бывши королем сразу в котел с кипящей смолой. Да?

Голос. В ка-ка-какой ко-ко-котел? (*Удар, писк.*) А, ну да! Ужас!

Марцелл. Спросите его, черти какие? (*Кричит.*) Черти какие?

Голос. Скоро са-са-сам узнаешь, попопоподонок.

Гамлет. Тебе плохо? Папа?

Голос. А то! Папапапападать двукраты! А ты не дерись! А то попополучишь у меня по уху!

Марцелл. Это он бесу!

Голос. Да пошел к чертям!

Марцелл. Точно! Черта посылает к другим чертям. Достали они его.

Гамлет. Папа, я к тебе скоро приду, папа! Я постараюсь!

Голос. Оуу! Сюда, сы-ссы-сынок!

Гамлет. Папа, тебе трудно?

Голос. Иди к одной матери!

Марцелл. Слыхали? Он посылает вас к Гертруде.

Гамлет. Ты слово «мать» упомянул, оно тебя чем-то мучает?

Голос. Ну да! О, я позабыл! Да! Тебя интересует, ка-ка-как я умер?

Гамлет. Речь шла о перетертых рябчиках?

Голос. Черта с два! Мне в ухо налили настой белены, когда я спал в са-са-саду, сы-ссы-сынок.

Гамлет. Кто?

Голос. Кто-кто-кто-кто.

Марцелл. Заклинаю Богом, скажи!

Голос. Кто-кто, они.

Гамлет. Кто?

Голос. Не скажу.

Гамлет. Почему?

Голос. Кинь цепку золотую вниз сюда, тогда скажу.

Гамлет. Цепку?

Марцелл. Не надо, я свою кидаю! (*Срывает с груди цепь и кидает вниз.*)

Вопли, шум, драка.

Черти за цепочку дерутся.

Гамлет. Ну — говори!

Голос. Нет. Ты кинь свою! Тут их, чертей собачьих, двое.

Гамлет (*снимает цепь и кидает вниз*). Поймали?

Вопли, тумачи, вой.

Поймал, папа?

Голос. По-по-поймал.

Марцелл. Это все же он. Я было подумал, что это с ним, то он нормально говорит, то заикается. Но все же за гробом все попере забудешь и заикаться разучишься. Столько всего, ад, котлы, сера, пламя, муки, тоска! Надо же, какие страдания там, оказывается! Надо монахов нанять, чтобы грехи мои отмаливали день и ночь.

Гамлет. Да! Сомнения отпали. Пап! Кто тебя убил?

Голос. Ктоктоктокто.

Марцелл. Точно он.

Голос (*жудахчет*). Кто-ктоктоктокто.

Марцелл. Видал, его сразу в курицу обратили, чтобы он не открыл тайны.

Гамлет. Как это?

Марцелл. Ну это же ад! Мало ли что там бывает! Обратят в курицу и потом заживо оциплют и зажарят... Мало ли. Муки же.

Голос (*жудахчет*). Кто-о! Ктоктокто...

Марцелл. Или вообще червяком сделают и закинут в пруд на крючке... Представляете, принц, какие муки? Тебя насаживают на кол такой извилистый да бросают в воду с головой... Ты захлебываешься, а сам вертишься, как та ворона на колу, да там тебя рыба разрывает зубами...

Голос. Ктоо-ктоктокто...

Гамлет. Папа!

Голос. Га-га-га!

Гамлет. Кто тебя убил?

Голос. Кинь свой плащ, то-тогда ска-ка-ка-скажу.

Гамлет (*кидает плащ*). Зачем тебе плащ?

Голос. Холодно же, елки!

Гамлет. Говори! Еще один плащ сбросим!

Марцелл. Ни фиги себе ад! То в котлы кипящие кидают, то в лед вмораживают! Эх...

Голос. Кидай!

Гамлет. Нет, сначала говори.

Голос. Да чо-чо-чо говорить, Гертрутрутрутру...

Марцелл. Да?

Голос. Да. И Кла-кла-кла...

Марцелл. Вдий?

Голос. Вдий-вди-вдий. Давай плащ, как дододоговорились.

Марцелл кидает плащ.

Голос. Га-га-Гамлет, твои дядя дядя и мамамама... Оу! Это мой плащ! Отстаньте, черти! Прощай гагагага...

Гамлет. Он не мог произнести мое имя, заикался, несчастный. Оу-у!

Снизу ему отвечает сатанинский хохот.

Марцелл. Ужас. Пошли, мой принц.

Гамлет. Как жить с этим? Ты знаешь теперь, что у меня порвалась связь времен?

Марцелл. Ка-какак это?

Гамлет. Вернее, они тут говорят порвалась связь времен. У меня были мать и отец. Я был их сын. Все было как полагается... Семья, детство, я с ними ругался, восставал против них, но это были мои родители. Папа и мама. И вдруг оказалось, что это не папа и мама, а распутница и ее жертва, убийца и убитый. Как мне теперь смотреть на мою прошлую жизнь? Я сын убийцы! Слеза моя, на веке удержишься. Все порвалось. Распалась связь времен. Рифма, рифма к слову «времен».

Марцелл. Подоен. Хотя нет, подоен. Хотя нет, кто может быть подоен? Никто. Мой принц, я устал, я вас прошу, не

говорите стихами. Я вас понял. Я, простой придворный офицер, герцог по дяде, скажу вам так. Мало ли кто как рождается, и мало ли какие родители друг друга ненавидят и готовы убить, а их дети терпеть не могут друг друга и родителей. И ничего из этого не следует. Жизнь идет! Мало ли! Если бы все вешались из-за семейных неприятностей, вообще бы на свете остались одни зайцы да медведи. У меня вон тоже... Я похож не на отца, а неизвестно на кого. Они все белые датчане, а я, видите, негр. Моя бабка по отцу всегда говорила: «Все правильно, все верно, ребеночек не наш». Моя мать ее ненавидела. Потом они все поехали на поминки моего двоюродного дяди герцога и померли, отравившись грибами. А меня отец в тот день лично выпорол и оставил дома в наказание за то, что я порвал штаны, гуляя в лесу. И я остался жив. У него была эта манера — чуть что, молоко скисло или он в карты проигрался — меня лично пороть на конюшне. И благодаря этому я ваш покорный слуга, а не мой старший брат. И я унаследовал все, чем была богата моя родня, поскольку я единственный остался жив. Мой старший брат должен был быть офицером при дворе и владельцем замка. А меня они мечтали отправить в монастырь. Домечтались. Я побежал в лес и собрал там грибочков. И они их сожрали. И я теперь живу и не думаю, там порвалась-не-порвалась связь времен. Да пошли они все!

Гамлет. Ты живешь и думаешь — вот мой дом... Мои предки... А оказывается, ни дома ни предков. Моя мать и дядя — убийцы. И у меня тоже задатки убийцы, видимо. Да! Я ведь врача проткнул!

Марцелл. Да не берите в голову! Те грибы собирали и отправляли к дяде в замок наши слуги, а я подбавил туда в мешок с десяточек сатанинских грибов, которые не отличить от белых. Долго по болотам лазил, даже штаны порвал.

Голос. Ой! Оуу! Гагага пропропощай!

Гамлет. Папа, я все сделаю! Спи спокойно (*плачет*).

Марцелл. А еще был случай вчера ночью... Я вас сейчас повеселю. Навестил я Джульетту. Поговорили, чайку попили. Стал я прощаться... Застегнул все, сапоги натянул, пошел... Потом хоп — нет мешочка с деньгами. Оставил, уронил у нее, что ли. Вхожу, ах ты господи. У нее уже Горацио под одеялом. Я говорю: Джульетта, прости, что по-

мешал, но только что мой доктор мне сказал, что я болен нехорошей болезнью... И я понимаю, от кого я заразился. И где в таком случае мой кошелек. А она: так ты шо, забыл, ты мне его подарил. Дездемона слышала, правда? А Дездемона, оказывается, третья с ними в кровати. Говорит: «Своими ушами слышала. Ты сказал: половина мне, половина ей. На излечение». И они обе так серьезно привстали на локтях, как змеи, и глядят. А Горацио натянул на себя простынку. Я говорю: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона, мало тебя душили, чтобы так бессовестно врать». Мешок я у них отобрал, конечно. Видите? *(Показывает фуку.)* Я так легонько взял ее за шею, и вот результат. Покусы. Джульетта налетела. А ведь я их искренне любил. И думал, что взаимно. Распалась связь. И что? Все встретимся в аду.

Гамлет. Как же он мучается неотомщенный. Пойдем, выпьем *(уходят)*.

АКТ 2

250

Занавеска, из-под которой торчит носок сапога. Входят Полоний и Офелия, идут, останавливаются.

Полоний. Сколько раз было говорено, слушайся отца. Раз мать от тебя отреклась, покинула своего родного мужа и детей, убралась в ад кромешный... Где все самоубийцы сидят... Каковой она и является...

Офелия плачет.

То слушайся отца! Не плачь, я тебе не верю. Та тоже все плакала. Твоя мамаша психбольная. Ты вся в нее, ничего моего, я даже подозреваю, что ты не моя дочь. Слышишь? Тут все дело в том, что ты мной совершенно не дорожишь! Не ценишь своего отца. Если бы не ты, не твое упрямство, я бы уже был отцом вдовствующей королевы, а ты бы сейчас была королева-вдова, поняла? Поняла? От чего ты отказалась, дурья башка? Нет, ты не поняла, я вижу.

Офелия, плача, кивает.

Поняла? Если бы ты меня тогда поняла и легла бы в кровать тихо дожидаться старого Гамлета, чтобы он пришел, а ты типа спишь голая... У него под одеялом... Старик бы и тронулся разумом, свою Гертруду бы погнал в три шеи (оглядывается) в монастырь, женился бы на тебе, и я бы уже давно был бы королевским зятем...

Офелия, плача, кивает.

И никакая бы чертова Гертруда не глядела бы на меня косо, а подметала бы двор своего монастыря! Метлой поганой! (Оглядывается.)

Офелия, плача, кивает.

Но уже поздно кивать, говорю тебе. Старик уже все, тютю. Подавился как индюк...

Офелия, плача, кивает.

Теперь молодой Гамлет! Если не сопьется через месяц окончательно, можно выйти за него замуж. Королем ему не бывать, но и быть отцом жены принца — это мне тоже неплохо. Гамлет, конечно, свинья поганая... Вонючий козел... Как и его папаня...

Офелия, плача, кивает.

...но выбирать не приходится. Королева Гертруда тебя, правда, терпеть не может...

Офелия, плача, кивает.

Поскольку считает, что ты все-таки была в спальне старого короля... Хотя тебя там не было, ты сбежала в самый последний момент... Как дура.

Офелия, плача, кивает.

Если бы Гертруда тебя застала в постели старого короля, она расценила бы это как попытку захвата престола, за что тебе бы полагался увоз в монастырь! Если бы она, немедленно явившись, тебя бы застала.

Офелия, плача, кивает.

Но перед тем она бы тебя схватила за волосы и сволокла бы на пол. И стала бы бить сапогами.

Офелия, плача, кивает.

Но старый Гамлет, я его знал, как себя, он Гертруду бы тогда тут же бы зарубил мечом. Я как раз на это и рассчитывал. Меч у него лежал под подушкой. Если бы Гертруда тебя сволокла с кровати, старый Гамлет что? Бросил бы в Гертруду подушкой, как обычно, и меч бы оказался на виду! Но ты все испортила!

Офелия, плача, кивает.

252

Теперь Гертруда, понимая, что королем быстренько сделают этого идиота Клавдия, королевского брата, она делает гениальный ход: залезает к нему в койку! Как раз когда он этого не ожидал и крепко спал. Мало того, тут же входят иностранные послы с факелами и подарками. И поздравляют! Кто их звал ночью? А я знаю кто!

Офелия, плача, кивает.

Клавдию приходится принимать их на кровати рядом с Гертрудой. Она милостиво всем улыбается, кивает и целует Клавдия взасос куда он не ожидал. В глаз. Пока он вытирает слезы, оказывается, что послы принесли, как предчувствовали, свадебные подарки от своих монархов, какие-то кубки и тазы золотые. Гертруда приглашает всех на венчание завтра утром! Так все и случилось.

Офелия кивает.

Сколько раз было говорено, слушайся отца, раз мать тебя бросила, ушла. Клавдий — это тюфяк, набитый ватой. Не женился бы, уперся бы у себя в кровати, стал бы один королем. У меня для него и невеста была подыскана.

Офелия кивает.

Она-то, Гертруда, теперь понимает, что ей в спину дышит наследник! Народ заволнуется, как так. Башмаков еще не износила вечером, а утром уже опять замуж! И тут же выявляется кандидат на трон, опять опасность вспухла под боком, молодой Гамлет. Даже ежели он совсем сойдет с панталыку, к чему дело сейчас неотвратно катится, то все равно он для народа законный претендент! Монарх, даже самый слабоумный, не может быть объявлен больным, это нигде не принято. Идиотов, психов и маньяков во главе страны нужно терпеть, и их терпят, так что Гамлета трогать нельзя. Будет убивать и ладно, ничего не попишешь, а безнаказанность, как уже отмечалось, рождает невроты. Офелия, хочешь быть королевой?

Офелия пожимает плечами.

Не сейчас, конечно. В будущем. Гертруде-то уже сколько? Она свой возраст скрывает. Летописи переделали. Но я был пяти лет, когда она вышла за Гамлета Первого. Согласно ее теперешнему возрасту по хроникам, ей тридцать пять лет. Но мне-то пятьдесят пять! Значит, ей сколько? Ты схватываешь?

Офелия пожимает плечами.

Ты ничего никогда не схватываешь. Ей уже семьдесят! О! Ты точно как твоя мать, глупа как пробка. Смотрю на тебя и диву даюсь, что ты еще жива. Ты хоть ее помнишь?

Офелия плачет.

Вот! Она тоже всегда слезы лила, как ты. Если ты будешь плакать, то кончишь, как она.

Офелия машет рукой и плачет.

Она оставила меня одного с ребенком на руках, даже с двумя, плюнула на все...

Офелия упирается лбом о стену.

Ну ты как она! Офелия, я твой отец, и я голову положу, но сделаю, чтоб ты стала королевой, ясно? Будешь иметь все... Пальцем покажешь, и это будет твое. Платье, туфли, камни, кареты... Самые изысканные вещи... Все начнут тебе завидовать по-черному. Офелия, все твои подружки... Хочешь?

Офелия отрицательно качает головой.

Ну ты дура, ну дура! Ну вылитая твоя мамаша! Она тоже ото всего отбрехивалась. Хорошо. Поставим вопрос так: ты хочешь, чтобы твоего отца казнили?

Офелия отрицательно качает головой.

Ты хочешь, чтобы с меня содрали кожу с живого, как с того графа?

Офелия отчаянно трясет головой.

Я завишу ото всех. Я со всеми должен соглашаться. Этот дурак Гамлет спрашивает: «Похоже облако на корову?» Отвечаю: «Похоже». Он: «А может, на ворону?» Я так: «О, ваше высочество, а может, на ворону?». Он считает меня дураком. Как я устал! Офелия, когда ты будешь королевой, ты защитишь своего отца?

Офелия кивает.

Чтобы меня не казнили, как того графа, ужас, с него живого сдирали шкуру, а он кричал... Как маленький ребенок, буквально плакал кровью.

Офелия плачет.

Нет? Не позволишь меня казнить?

Офелия трясет головой.

Я же единственный у тебя на свете, а ты мое позднее дитя... Мать твоя преступница, бросила нас с тобой.

Офелия садится на пол, закрывает лицо руками.

У тебя никого нет – подруги есть? Джульетта?

Офелия трясет головой.

Милый друг есть?

Офелия трясет головой.

А Гамлет? Он тебя целовал? Только правду говори.

Офелия кивает после паузы.

Хорошо! А где? Где куда он тебя целовал?

Офелия показывает на щеку. Потом на правую руку.

Но ты его избегай.

Офелия кивает.

Не позволяй трогать тут и тут.

Офелия не смотрит, кивает.

И тут.

Офелия не смотрит, кивает.

А особенно тут.

Офелия не смотрит, кивает.

О ф е л и я, меня не тронут, только если ты будешь женой Гамлета, поняла?

Офелия кивает, не глядя.

Что бы он тебе ни сказал, запоминай и мне все говори, я буду тебе советовать. Каждая юная девушка нуждается в советах. Но Джульетте и Дездемоне ни слова! Немедленно это будет известно всему Датскому королевству. Ясно? Только мне! Я все тебе объясню, чего хочет Гамлет, ясно? Я знаю, чего он хочет. Но ты ему этого не давай. Пусть побесится.

Офелия кивает.

Ты же дура?

Офелия кивает.

256

Ты же не понимаешь, как вообще жить?

Офелия кивает.

Ты же не знаешь, зачем ты живешь?

Офелия кивает.

Зачем солнце восходит каждый день?

Офелия кивает.

Что такое жизнь вообще?

Офелия пожимает плечами.

Я быстро тебе отвечу на главный вопрос: человек, этот тот, кто живет для других.

Офелия кивает.

Я живу только для тебя! Чтобы ты стала королевой и тебя бы никто не посмел похоронить в позорном месте вне ограды кладбища, как закопали твою мать...

Офелия плачет.

Я живу для тебя! И ты будешь человеком, если будешь жить ради других. Поняла-нет?

Офелия кивает.

Ты тогда будешь человеком, когда станешь жить ради меня, поняла-нет?

Офелия кивает.

Нет, ты словами скажи. Поняла вопрос?

О ф е л и я. Да.

П о л о н и й. Слава богу. Что ты поняла?

Офелия молчит.

Ради кого?

О ф е л и я. Что?

П о л о н и й. Ради кого ты живешь?

О ф е л и я. Ради кого?

П о л о н и й. Да.

О ф е л и я. Ради Бога.

П о л о н и й. Но это во-первых.

Офелия кивает.

А во-вторых?

Офелия кивает.

Ты ничего не ухватила. Ты почему ничего не ухватываешь? Я второе лицо в государстве и попусту разоряюсь, да?

Офелия кивает.

Смотри, ты кончишь, как твоя мамаша-самоубийца.

Офелия кивает, плачет.

Нет! Нет, нет! Моя маленькая! Моя ты рыбонька, котенок! Нет! Нет! Давай договоримся, что ты уйдешь только после меня, а? Не бросишь меня, а? Моя единственная! Душенька! Солнышко мое!

Офелия с воем кидается к отцу на шею.

Ну-ну, ну-ну. Я тебя люблю (*отстраняет Офелию*). Я и маму твою любил... Если честно, то да. Поняла?

Офелия кивает.

Просто мужчинам же нужно познавать мир, понимаешь? Мужчина должен познать все! Все испытать на себе! Все виды, способы и отклонения! Людей любой национальности, возраста и пола! (*Подумав.*) Каждую курицу, да! Котов и овец даже! И тогда он поймет, что семья — это главное. Ты поняла ход моих мыслей?

Офелия качает головой.

Ты ничего не думай! У меня болит в сердце ее имя.

Офелия воеет.

Ну-ну. Мы остались с тобой вдвоем против остального мира. Твой брат меня не удостаивает вниманием. А это ведь я его родил! Без меня его бы не было. Его мать... Ладно, о ней или ничего, или хорошо. Будем ничего. Итак, вопрос относительно Гамлета. Быть или не быть, он всем задает. Вот из дэ куэщчен. Поняла?

Офелия кивает.

Нет?

Офелия кивает.

Я тоже размышляю. На такой двойной вопрос ответ может быть только один, «Да». Это маленькая такая хитрость. Быть или не быть — отвечай «да»! И никто ничего не возразит. Дать или не дать — тоже «да», но с уточнением «когда поженимся, тогда».

Офелия кивает.

И они думают, что тот, кто такие вопросы ставит, он какое-то выдающееся явление. (*Передразнивает.*) «Быть или не быть».

Офелия кивает.

Молодец. О, сюда Гамлет ковыляет.

Офелия вздрагивает и кивает.

Опять пьяный вусмерть. И со шпагой. Идем, идем, дочка.

Офелия и Полоний уходят. Из-за портьеры вылезают
Куусинен и Зорге.

Зорге. Видал, как он над девчонкой изгаляется? А девочка хорошая. Только молчит и кивает. Мне это нравится.

Куусинен. Да уж. Не то что эти Джульетта и Дездемона, продажные бабы.

Зорге. Нашему принцу Фортинбрасу вот такая бы была нужна невеста! Молчит и кивает! Он ведь просил нас найти что-то подходящее. Такую, как Золушка. Чтобы молчала. Дома ни одной не повстречалось ему. Как познакомятся с ним, так трещат непрерывно. Бала-бала-бала! Всё они знают! Обо всем имеют мнение! Норвежки!

Пельше. Да, норвежки...

Зорге. А все-таки ему сорок! Нервы-то не выдерживают. Давай ему Офелию украдем?

Пельше. Так догонят. Казнят.

Зорге. А мы ее чучело сделаем, и как будто она бросилась в реку, и утопим! И похороним якобы!

Пельше. Да! Это мысль! Но как же чучело дойдет до реки?

Куусинен. Мдаа...

Пельше. Куусинен, ты играл у нас Снегурочку?

Куусинен. Ну.

Пельше. И Бабу-ягу?

Куусинен. Ну.

Зорге. А девочку надо бы спрятать. А то Гамлет ее трахнет. А нам она нужна как была. Невеста Фортиnbrаса должна быть ого-го какая!

Куусинен. Ну.

Пельше. Зорге, ты спрячешь Офелию там, в лесу, где мы жили перед тем. Куусинен, ты будешь у нас Офелией.

Куусинен. Чего-о?

Пельше. Тебе всегда удавались женские роли. Ты просто гений. Я тебе не говорил? А ну, покажи Офелию?

260

Куусинен кивает, потупившись. Потом начинает рыдать, накрыв голову подолом рубахи.

Пельше. Ну-ну. Не верю. Не переигрывай. Поработай над образом. Пройдись. О! Вот как раз.

Вынимает цветы из вазы, дает их товарищу. Срывает белую портьеру, накрывает ею Куусинена с головой.

Куусинен. Да, папа (*семенит с цветами в руке*).

Пельше. Потанцуй, ну тот твой танец. Спой «Любила я цветочки».

Куусинен танцует и поет.

Входит Гамлет.

Пельше. Офелия! Разрешите вас проводить отсюда вон!

Гамлет. Куда, куда! Офелия, о ниф... Это. О, нипфа... Нет. О фимпам... пам-пам...

Зорге. Так. Ну развлекайтесь. (*На ухо Куусинену.*) Пока то, пока се, я пошел похищать Офелию. А ты, Куусинен, сразу сходи с ума.

Пельше. Тише ты.

Зорге выходит.

Гамлет. Куда, куда! Офелия, о ниф... Это. О, нифа... Нет. О фипма... (*Обнимает колонну.*)

Пельше. Это не Офелия, вот это она.

Куусинен. Да, мой принц. (*Поет.*) Поо-олюбила я цветочки, полюбила я горшки. И цветочки и листочки, до кружения башки.

Пельше. О нимфа, мой принц.

Куусинен танцует.

Гамлет. Почему я раньше не видел, как ты танцуешь? Иди ко мне. Я люблю, когда танцуют.

Куусинен. Да, мой принц.

Пельше. Мой принц, она сумасшедшая. Стой, ненормальная! То танцует, то молится. То поет. Я ее веду к врачу.

Куусинен (*поет*). Я цветочек подарила кто мне дорог и любим, свою дверочку открыла, сяду-лягу вместе с ним.

Гамлет. О! Как поет!

Пельше. А танцует как!

Гамлет (*пытаясь схватить Куусинена*). О пнифпа, помяни меня в своих молипфах...

Куусинен (*уворачиваясь*). Помяну. Щас в храме и помяну, мой принц.

Гамлет бежит за Куусиненом.

Пельше (*заслоня Куусинена*). Пойдемте, крошка. Все молится она и молится, мой принц. Танцует и танцует. Стой на месте! Ну никак не сладить с ней. Больная. Пляска святого Витта называется.

Гамлет. Потом приведи ее ко мне. Через час... Нет (*смотрит на свой живот*), через два.

Пельше. О. Это воспрещено.

Гамлет. Мне можно (*вынимает шпагу*).

Куусинен. Да, мой принц, я приду через два часа (*танцует*).

Пельше (*уводя Куусинена силой*). Приведу ее к вам, вот помолимся, и все. Немножечко спустя.

Все уходят. Барабанный бой. Въезжает на палочке
Фортинбрас, за ним его войско.

Пельше, Куусинен и Зорге (*хором*). Да здравствует Фортинбрас!

Куусинен. Мой принц, надо подождать до конца, и мы вас женим на Офелии.

Примечание автора. *Далее (как у Шекспира) идет сцена сумасшествия Офелии, которую играет накрытый с головой Куусинен, и он, танцуя, достает ладонями из своего ночного горшка, и съедает оттуда все, и затем обливает себя чем-то из этого горшка поверх покрывала (все режиссеры делают сцену сумасшествия Офелии очень романтично, а сумасшедшие вообще-то неумные идиоты)... Куусинен потом бросается в воду и уплывает, дыша через тростинку, а хоронят актеры куклу. И в конце пьесы, когда на сцене гофа трупов и въезжает на палочке Фортинбрас с войском, Пельше предьявляет ему живую Офелию со словами «совет вам да любовь». Офелия плачет.*

ТАНГО - КВАДРАТ

ПЬЕСА БЕЗ АНТРАКТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лиза, кутюрье
Лена, модель
Анита, пиар-агент
Марина, менеджер ателье

Лиза, прихлебывая из чашечки, сидит у стола. Марина за компьютером. Это офис шоу-рума. На вешалках под потолком висят коллекции одежды. Зеркала. Манекены, одетые в платья. Один манекен, стоящий спиной, очень похож на Марину. Он стоит ближе других, у дивана. Груды бус и сережек по стенам. На полу автоответчик. Стоит двойной диван, разделенный спинкой на два сиденья, одно из них не видно залу. Серия документальных записей автоответчика. Затем Лиза говорит по телефону.

263

Лиза. Ты мне звонила? Я поймала твой голос на автоответчике. Я уезжала. Ну привет-привет, дорогая моя! Да у меня все то же самое. Ездила со своим отрядом в Таиланд, там было два показа... Потеряли половину багажа, сволочи, нашли только в день отъезда... Одна принцесса заказала себе кое-что и все. Сколько потратили, столько и заработали, по нулям. Ну что, какие новости? Ты ведь не просто так звонишь. Что? Что-о? Как это ты влюбилась... В кого? Не знаю? Прости, но я знаю всех. Кто же он? Надеюсь, не иностранец? Так... Так... Но погоди... Как, какой Давид? Он же муж твоей сестры! Троекродной, это не важно. Бывший? Ой не смейся. Для жен не бывает бывших мужей. Она тебя не простит! Я Галину эту его знаю. Алкого-

лички и наркоманки не прощают. Тем более брошенные. Тем более они продолжали жить вместе! В одной квартире! Я нет, не понимаю таких вещей уже, прости меня, но просто не понимаю. Он сколько лет тянул эту ношу. Эту Галину отовсюду вытаскивал... С чердака... Ее солдаты там трахнули по голове трубой... В больнице с ней сидел... И тут оглянулся — ты стоишь, да? И ты цап! И увела. Сколько тебе лет? Ты давно в зеркало гляделась?.. Я-то гляделась как раз, и поэтому для меня этого уже не существует. Как можно? Ну как можно в нашем возрасте любить? С ума сбрендила. Вот стоит мне уехать... Что? Ты-даже-замуж вышла? Когда это ты... А. Понятно. Не хотела афишировать. Не хотела ты это МНЕ афишировать, ясно... Именно мне! Боялась, что я вмешаюсь, да? Как в прошлый раз, когда я не дала тебе выйти за афериста... Но он же сидел в тюрьме! Прости, мобильник (*кладет трубку, Марине*). Нет, ну ты только подумай! И на свадьбу она меня не позвала. И платье не у меня отшивала! Сскотина. Обиделась, что я ее тому жениху сказала, что она неизлечимо больна... Сифилис в третьей стадии... Память уже отшибает. Я же ее от него и спасла! На нее ничего не действовало! Вот этого я ей этого не прощу! (*Выливает из бутылки остаток в фюмку, выпивает.*) У нее просто мания выходить замуж! При этом родная дочь у бабки гниет вдали от Москвы. (*Набирает номер.*) Ал-лэ! Ты? Слушай меня! Но ты же теперь независимая стала! Ты же раб, раб, обыкновенная раб! Когда ты жила с этим... С этим Пашей... Я еще тебя спросила, а ты говоришь: он мне ремонт делает, он сын сантехника Николая Ивановича с Сивцева Вражка, надежный человек, про-раб... он тебя обворовывал внаглую, у всех на глазах! Плитку для ванны украл вообще! Да! Я знала еще тогда, что он проходимец и никакой не сын сантехника с Сивцева Вражка! Так московские сантехники не говорят! Тем более дети сантехников. Во втором поколении! «Ложить!» И я тебя предупреждала, что здесь что-то не то! И действительно, оказалось, он никакой не сын сантехника Николая Ивановича, а вообще человек из Кишинева! Ты что говорила? Что он в постели бог? Машет как веслом ты говорила? Еще найми двух солдат из автороты Минобороны, как кутюрье

Потаповская. Она им и машину купила «Оку», чтобы в метро к ним не приставал патруль. Женщины эти, солдаты автороты, кстати, сверхсрочницы. Она их кормит обеих, но не платит. И правильно делает... Идиотка! Я просила коктейль.

Марина встает и медленно идет к дверям.

Лиза. Это я не тебе. Ну это у меня секретарь выжившая из ума дура. Да. Знаешь, есть такие олигофрены. Нарочно ползают как черепахи. Чтобы поменьше работать. Марина, ты меня слышишь?

Марина останавливается.

Слышит, слышит она прекрасно. И ей все равно. Она как робот. Я не могу от нее избавиться никак. Иди! Я коктейль просила час назад.

Марина идет к дверям.

Ид-идиотка. Да можно, можно. Мне можно. Нет, она мне никогда не ответит. Никогда. Ни слова. Ее закодировал мой психоаналитик. Леня. Да! Марина, который час?

Марина молчит, не глядя на Лизу.

Молчишь, сволочь? Делает вид. (*Смеется.*) Нет, это у моей подруги было, попугая они купили. Такой хороший, способный, в отличие от ее сына. Научился быстро говорить... Один раз они пришла с работы, моет посуду за сыном... Стоит у раковины... А попугай сел на кран и твердит: «Дай кашки, дай кашки дурашке...» А моя подруга молчит, занятая своими мыслями. Будет она еще попугаю отвечать! А попугай вдруг говорит: «Молчишь, сволочь?» Она чуть не упала у раковины там от смеха... Марина, ты забыла мне сделать коктейль.

Марина выходит.

Оказалось, ее сын, этот бездельник, пригласил в гости одноклассников и решил похвастаться, что его попугай разговаривает. А попугай не стал говорить. Тогда сын этот ему с выражением кулак показал и сказал вот это: «Молчишь, сволочь?» Ну и попугай запомнил эту фразу. Гений, а не попугай. (*Выразительно.*) Марина, молчишь?.. Это я ей, но она сейчас вышла. Что? Нет, я тебя прекрасно понимаю. Да, ты любишь... Ну здрасте! Я и сама любила бесконечно, как ты говоришь. Вечно и бесконечно, как оказалось, когда он мне изменил. До того даже не задумывалась, ну есть Зелик и есть, мужчина с университетским образованием... Но когда мы те-ряем что-то, тогда это что-то становится безумно нужным и дорогим, ты это знаешь? (*Пауза.*) Ты по этому твоему Паше с ума сходила! И когда потеряла Чижика, ты месяц бегала и плакала... Ну и пусть Чижик собака! (*Кричит.*) Марина!

Марина входит.

Свари мне еще кофе!

266

Марина выходит.

Я помню, что было со мной, я тоже бегала за своим мужем, как собаку искала, где, когда? Не могла спать, дура... И как я купила яд и спрятала в сейф. И этот яд у меня и лежит на чер-ный день с тех пор... Но черного дня! Запомни, черного дня не будет! Я уже не буду любить! И я теперь благословляю тот день и час, когда мой Зелик от меня ушел и я оказалась одна. Марина! Ты когда-нибудь принесешь мне коктейль? (*В трубку.*) Ну да! Я не сразу благословила этот день... То есть я вы-нуждена была, конечно, обратиться к психоаналитику, вот к этому Ленечке... Смешно, я его умоляла вернуть Зелика. Я си-дела в Милане, у меня был шоурум... Демонстрация моделей... Полулюкс в пентхаузе гостиницы «Палас-отель»... Я плакала Ленечке в трубку. Я не могла выйти из номера, все срывалось у меня, все показы. Я не-мо-гла сделать ни шагу. Ленечка, верни мне мужа! Ленечка! И этот волшебник Ленечка мне все-таки прислал Зелика. Да. Знаешь как? Он за сумму денег как бы нанял его как консультанта своей клиники... Я тебе

не рассказывала, но теперь расскажу! Ленечка дал ему установку на визит как консультирование за рубежом, купил ему бесплатный билет в бизнес-классе... Москва — Милан. Представляешь? Дал ему адрес отеля, что его встретят в аэропорту с плакатом. И не сказал, кто его заказал. Мой этот Зелик приехал в отель с квадратными глазами, его встречал в аэропорту роллс-ройс гостиницы. Фильм «Красотка», где Ричард Гир исполняет на этот раз, наоборот, роль мужчины по вызову. Ну помнишь, там Джулия Робертс играла проститутку, которую нанял миллионер? Ну вот и такая же ситуация была у меня. Леня заплатил Зелику по вызову, только вызвал его в Италию. Я тебе не стала рассказывать, потому что тогда это только произошло и я еще не была уверена, что потеряла его... То есть что я забыла его. Ну вот, теперь я рассказываю. Мне все равно, ты представляешь? Счастье. Счастье! Я умею властвовать собой! Ну и вот. О чем я? А. Зелик, да! Зелик, умирая от любопытства, вошел в номер. Леня ему дал установку, дал бумажку, войти в номер шесть два восемь. В мой номер. Но он же, Зелик бедный, этого не знал совершенно! Что это мой номер! Представляешь? *(Смеется.)* И тут он увидел меня. Сделал стойку смирно, то есть окаменел. Как солдат навьтяжку, руки по швам. Ему обещали тысячу долларов за визит. Дорогая шлюха, нет? Зелик меня никак не ожидал увидеть. Готовился к чему угодно. Что его старуха вызвала или... извращенец какой-то... Романтическая встреча. И как его будут катать, одевать в дорогих магазинах... А он будет такой бедный честный принц! Так. Я увидела его... Знаешь, как в Милане одеваются мужчины? Вообще в Италии? Как будто только недавно вышли знаешь откуда? Из химчистки. Из эксклюзивной химчистки! Все! А мой бывший Зелик небритый, жалкий, потертый... В скатавшемся свитере... Мы спустились в ресторан. Пил много, как будто у него отбирали. Дурак. О! Моя идиотка тащится. Живей, живей! А то выгоню.

Входит Марина, ставит перед Лизой бокал с коктейлем.

Приползла *(делает глоток)*. А кофе?

Марина выходит.

Ну и что я тебе могу сказать? Мы с ним после ужина ко мне поднялись, так легли... Он как манекен, лежит боится. Я сама сняла с себя все. У меня ноги, руки ледяные... Грудь горячая... Я волнуюсь, дрожу...

Входит Марина, ставит кофе перед Лизой, садится за комп.

Погоди-погоди... Ты че это делаешь?

Лиза отпивает коктейль, встает подходит к компу Марины.

Ну ты идиотка. Я предполагала, но не думала, что ты такая идиотка. Это же десятилетней давности Ботафратто! Извини, это я не тебе, это я моей дуре. Зайди на сайт Ботафратто. Его вторая коллекция. Там точно такой же реглан отстроченный. Ты думала, что это новость? Так про-верь! Над нами будут смеяться! Так.

Возвращается, садится.

268

Ты, Анита? Я не помню, на чем остановилась. А. Ну вот. Легли мы с моим еще мужем. Он лег со мной якобы для консультации, присланный клиником неврозов Ротшильта. Ленечка там главврач. Леня мне преподнес бывшего мужа на тарелочке в полной его красе! Знал что делал. Ну и вот, слушай. Зелик снял с себя часы, положил, так? Снял штаны, с себя снял, поняла? Повесил заботливо на спинку стула. Майку стащил. Труссы так аккуратно. Сложил вчетверо. Значит, увидел, что грязноватые. Лежу наблюдаю, как бы закрыла глаза. Сам лег ко мне в носках. Видимо, припомнил, что я не любила, когда у него ноги холодные. Грязные со вчерашнего дня носки! Руки вытер о простыню, значит, они у него были уже потные.

Звонок другого телефона.

Прости, я отвечу по другому телефону. Что? Да. Кто послал? Так. Хорошо. Вас сейчас примут. (Марине.) Ну ты и идиотка, там новая манекенщица стоит под дверью,пусти ее.

Марина не торопясь выходит.

Да... На чем я остановилась? А, мы в постели. Лежим. Ну и лежим. Знаешь, я не смела пальцем шевельнуть. Родное, знакомое, наши слюни мешались, он в меня столько спустил, я не обращала на него особого внимания, пятнадцать лет рядом это валялось как бревно, как ничто, а тут лежит как большая редкость за две тысячи долларов. Интересно, да? Лежит не шевелится. Потому что мне месяц назад позвонила его любовница и сказала, что у них восьмилетний сын. Разумеется, оказалось в дальнейшем, что это ложь, сын был не его, но та баба свое дело сделала. Он ушел, когда я все ему сказала. Он ушел. И вот теперь я беру его руку...

Входят Лена и Марина.

Я беру его руку... Кладу себе туда. Садитесь. Подождите. Такк... Свою руку кладу ему туда. А что делать? Не разговоры же разговаривать... Нет разговоров – нет проблем. Вот Марина мне не отвечает, вот мы с ней и ладим. Приветствую вас! Это я не тебе. Нет, это я не ему сказала... Присаживайтесь. Какая милая девочка! Вы милая? Это я не тебе. Нет, я не Зелику это сказала. Еще чего! Ну и вот... И теперь мой муж лежит рядом со мной...

Лена садится.

Как вас зовут?

Лена. Лена.

Лиза. Нет, я ни тебя, ни моего мужа не могу спрашивать как зовут. Это мне сейчас прислали новую модель. Зовут Лена. Как ваша фамилия?

Лена. Лена Тим.

Лиза. Лена Тим? Да. (В телефон.) Что? Ты что вскрикнула? Ты ее знаешь? Нет? А что ты так заволновалась? Она тебе известна? Лена, вы знаете Аниту? Она пиар-агент. Нет?

Лена качает головой.

Она тебя не знает. Ну вот, Анита. И я его за хохолок потеряла, потеряла, он на меня залез. Он залез на меня, как на проститутку, как бык на корову. Ни капли внимания, никакой мысли о том, чтобы доставить мне оргазм. Никаких предварительных ласк. Мне было буквально больно! По-настоящему больно! Я зашипела. Потом закричала. Он это воспринял, что мне так нравится! Что это я кричу из благодарности, дурак. И давай дальше туды-сюды! А я от злости кричу! Идиот. Я вывернулась тут же. Да нет, Анита, я же сказала, она тебя не знает!

Лена пожимает плечами.

Ну вот. Я не дала ему кончить. Еще новости, потом выскребаться. Хватит! Как решето уже дырявая! Выгнала его, давай вон. А у него, он сказал, билет на самолет на послезавтра. И где он будет ночевать, он спрашивает. Так смешливо. Я ему говорю: можешь не ждать, можешь сейчас же ехать в аэропорт, у тебя бизнес-класс, тебя посадят в первый же самолет. Катись отсюда. У меня ты не останешься. Он так смешливо: а деньги на такси? Навис надо мной голый... (Аните.) Да нет, что ты беспокоишься, эта Леночка Тим, она тебя не знает!

Лена неопределенно кивает.

Ну и вот. Навис он надо мной... У него изо рта, когда он говорил, воняло рыбой и водкой, я догадалась, с обеда в самолете. От подмышек несло мышами. Я уже забыла этот запах. Когда-то мне нравилось... Подумать только! Да. Действительно, молодец мой Ленечка-психотерапевт! Хорошо, я дала бывшему мужу денег строго на такси. Ровно столько плачу я! Он еще попросил на такси из Внукова домой. На прощанье он сказал: «Ты в зеркало на себя посмотри». С моими деньгами уходя. Я ответила: «Проститутка ты по вызову». Молодец мой психоаналитик. После таких слов... Сейчас, погоди.

Включает громкую связь, ставит пустые бокалы на стол перед Мариной.

Г о л о с. Ты так намучилась. Бедная Лиза. Скажи, а эта Лена...

Л и з а. Ты что! Я совершенно не заслужила твоего сочувствия! Я смеялась долго после этого. Ну и что ты вышла за муж, и что? (*Усмехаясь, кивает Лене на телефон.*)

Г о л о с. А я решила, что буду покорной своему мужу. И мы счастливы. Он поверил в то, что он хозяин. Будущим детям это полезно, когда в доме отец.

Л и з а. Холодные макароны это все.

Г о л о с. Я получаю все что мне надо в постели. Ты не представляешь! Никто никуда не торопится, никто ничего не боится... Не спеша он доводит меня до сама знаешь...

Л и з а (*быстро перебивая*). Деньги он дает тебе?

Г о л о с. Мы вместе ездим в субботу по магазинам... Он платит свою половину. Лена Тим, погоди. Что-то мне это напоминает...

Л и з а. Деньги он дает тебе?

Г о л о с. Он все покупает, что нам нужно. Он хозяин. Я же не проститутка, чтобы мне платили. У меня своя профессия. Я зарабатываю. А когда мне не нравится его вкус, скажем, он купил не то — я покупаю в дом, что надо мне.

Л и з а. А как он относится к тому, что ты покупаешь в дом?

Г о л о с. Я стараюсь, чтобы он этого сначала не заметил. Он очень ревниво относится к этому. Хотя он живет у меня.

Л и з а. Да, люди нуждаются в других людях. И все-таки они не насобачились жить вместе. Ну пока.

Г о л о с. Скажи... а Лены Тим... у нее есть мобильный?

Лена кивает.

Л и з а. Лена, у вас есть мобильный? Нет, она говорит нет. Ну пока, Анита.

Г о л о с. А про психоаналитика Ленечку ты говорила... Ты недорассказала.

Л и з а. Да ты его видела. Помнишь, ты со своим проробом... И я. Мы пошли в ресторан. Я вас взяла с собой... Года полтора назад... Мой муж только что ушел. Я боялась ходить одна. Я позвала тебя. Ты взяла этого Пашу, который при своем происхождении и высшем образовании сказал «я тут ча-

сто ездию» и «ложим польта сюда». Помнишь? Все смеялись, потому что думали, что он так шутит. Никаких шуток! Мы пришли, опоздали, а за столом у Лени целая толпа и стулья негде поставить. Мы пошли на веранду... И он потом, Леня, пришел... На нем три телефона мобильных... И я тебе потом же сказала, что он психоаналитик между двумя материками, над океаном. Летает консультирует, он у Ани и Светы Вандербильтов на Пятой авеню... И Ротшильта мамаша у него пациент тоже... Когда этот Ротшильт, у самого у него сдохла его любимая сучка... Леня трое суток тоже находился с ними в реанимации. Там он проводил сеансы, когда Ротшильт стоял над этой своей сучкой. Было подключено все! Но неважно. Знаешь Ротшильта Гургена Ованесовича? Он был начальником таможни в городе Потти, сейчас живет в пещере в штате Кентакки. Под землей ранчо с горным солнцем. У него свой аэродром, знаешь, Джей Эф Кеннеди? Купил недавно Тур Эффель и Мавзолей Ленина взял. У них там электроэнергию за неуплату отключали постоянно. Там же морозильник типа рефрижератор. Вот у него, у Ротшильта, Леня главврач клиники неврозов.

Г о л о с. Ты можешь меня с ними свести? С Леной?

Л и з а. Бесплезно. Там знаешь расценки какие?

Г о л о с. Я возьму у него интервью, сделаю ему пиар.

Л и з а. А ему зачем? Три мобильных на нем висят. Ну пока.

Г о л о с. Я сейчас давай приеду?

Л и з а. Да зачем. Мы сейчас поедem, тут договорились. Съемки, тыры-пыры. Ну пока-пока.

Кладет трубку.

Лена, раздевайся. Марина, включи рефлектор. Дверь не открывать ни-ко-му.

Марина встает, проделывает какие-то манипуляции. Лена сидит неподвижно.

Снимай с себя все.

Лена не шевелится.

Ты что, никогда не работала в модельном бизнесе?

Л е н а. Работала.

Л и з а. Где?

Л е н а. В Нижнем Новгороде.

Л и з а. Да... Ну в Москве принято, когда поступаешь, раздеваться и показывать всю фигуру. В целом.

Л е н а. Да я еще сомневаюсь, что буду тут у вас работать в модельном бизнесе. Есть еще какие-то возможности. Другие.

Л и з а. Да. На панель.

Л е н а. Еще другие.

Л и з а. Кофе подавать, как эта дура Марина. За три копейки. А в моем агентстве девки летают в Милан, в Токио, в Мельбурн. Знаешь Мельбурн?

Л е н а. Читала.

Сигнал сообщения на ее мобильник.

Знаете, мне пора.

Л и з а. Хочешь коньяку? Или кофе?

Л е н а. Коньяку. Но мне действительно уже некогда.

Л и з а. Марина, принеси бутылку. И две рюмки. Знаете, Лена, у вас неплохие данные, сколько я могу вас рассмотреть через штаны и свитер. Марина, принеси коньяк, тот, стоит у меня на тумбочке у кровати...

Марина сидит за компом и не реагирует.

Ты, ревнивый черт! Идио-тка!

Марина не реагирует, сидит, водит мышью. Л е н а встает, подхватывает куртку и уходит.

Л и з а. Подождите, подождите! Завтра в пять вам подойдет? Придете?

Затмение. Большие часы бьют пять раз.

Л и з а. Марина, она там стоит, открой ей.

Марина уходит и возвращается, пожимая плечами.

Лиза. Я тебе говорю, она там! (*Хватает мобильник, набирает номер.*) Алло! Это Лена? (*Смеется от счастья.*) Как я раньше не догадалась вам позвонить! Ваш номер у меня записался! А? Где вы? А это Лиза с вами говорит! Помните, вчера вы были у меня в шоуруме! Мы договорились сегодня на пять часов! А что такое? А. Ну а когда вы сможете приехать? За вами машину прислать? Ну хорошо, в пять завтра.

Затемнение. Свет. Большие часы бьют три раза.

Лена (*входя*). Здравствуйте.

Лиза. А, это вы? Давно вас не видела. Целую неделю. Вы что, устроились где-то?

Лена. Да, я сняла квартиру на Тверской.

Лиза. Однокомнатную?

Лена. Да.

Лиза. Там сдают только проституткам на ночь.

Лена. Да?

Лиза. С кем вы успели переспать?

Лена. Да ни с кем. Я спала сама вчера до шести вечера... Смотрела телевизор... Позавчера опять спала сама.

Лиза. А зачем вам это?

Лена. Не знаю. Надо же где-то жить. Мне предложили...

Лиза. Хотите, живите бесплатно здесь. У нас есть гостевая комната... Кухня. В холодильнике все что надо. Омары, ветчина, сыры... Хлеб нам привозят из немецкой пекарни. Я ведь немка, мы кольбы, старинное племя. Когда я была ребенком, меня снимал сам Фассбиндер. Молодой режиссер... Он рано умер.

Лена рассеянно листает журнал.

Я ведь родилась в Германии. Поэтому у меня такой акцент. Моя мать разошлась с отцом во Франкфурте и приехала в Россию по любви, полюбила семинариста Астрова, он учился на попа в городе Сергиев Посад. Они, мама с папой, приезжали туда как туристы из Германии, и мою маму, ее потряс этот в черной рясе, как бог, она говорила.

Езус Астров. Такая бородка и так дальше. Молодые семинаристы созданы по образу и подобию Езуса и так и дальше. Она училась на отделении русистики. Бог Чехов Астров.

Лена. Выпить нет? Выпить нет?

Лиза. Я прокляла ее за это решение. Я была на стороне отца. Но когда она уже приехала со мной в Москву, все документы, то-се, добилась гражданства, купила квартиру, он, этот ее Езус, уже женился на поваре столовой. Попадья Астрова. А разводиться попам не разрешено. Он объяснял это, что жениться они имеют право только в один момент, какие-то два месяца, связано с окончанием семинарии. Если кто не женился, то дает обет безбрачия навсегда. И он обвенчался с поваром третьего разряда, вообще ноль. Мать впала в депрессию. Перестала молиться.

Лена. Выпить нету? Самое интересное, что денег нет.

Лиза. А мой отец, вот это самое интересное, оказывается, давно жил с женщиной из Кельна, и у них родился во Франкфурте мальчик! Мать мне тут же доложила, что не одна она предатель, так торжественно, тыры-пыры, что отец предал ее еще раньше, и она просто не хотела мне об этом говорить! И поэтому уехала! Что у отца родился сын, о котором они с самого начала, оказывается, мечтали! А родилась я! Должен был мальчик, а я родилась и всем помешала!

Лена. Все матери мечтают о сыне, че такого. Моя тоже родила меня. Надо выпить.

Марина нагнулась, выпрямилась, печатает.

Лиза. Я прокляла Германию. Мы до сих пор с моей матерью не разговариваем. Я ее презираю за ее слабость!

Лена. Все бросают матерей. Вы сами еще красивая. Еще поживете. Надо выпить.

Лиза. Ты красивая. Разумеется, на тебя сразу обратили внимание. Но быть проституткой на Тверской... Тебе их приводят?

Лена. Кого?

Лиза. Клиентов.

Лена. Нет.

Лиза. По телефону?

Лена. Нет. Я же вам сказала. Что вы меня допрашиваете?

Лиза. Ты исчезаешь... Тебя не достать... Живи здесь. Выпьем. У тебя будут деньги, тебя будут снимать для журналов... Ты так хороша! Ну так что? Выпьем?

Лена. Давайте.

Лиза. Марина, принеси тот коньяк и бокалы. Я сказала! Быстро, скотина! Езус Марья. Доннер веттер.

Марина сидит за компом не двигаясь. Лиза сама уходит.
Затемнение.

Лена лежит на невидимой стороне дивана.
Марина печатает на компе.

Лиза (*ходит вокруг дивана, как кошка вокруг рыбы*).
Лена, Лена, Леночка... Зачем ты лежишь, вставай...

276

Лиза садится рядом с Леной и гладит ее по спине. Видно только ее карикатурно резкие движения.

Сделаю тебе небольшой массаж... Рельсы-шпалы, рельсы-шпалы, ехал поезд запоздалый... Из последнего окошка вдруг посыпались горошки, горошки, горошки... Пришла уборщица, подмела, подмела, подмела... Пришел слон, натоптал, натоптал... Пришли куры, поклевали, поклевали. Пришли гуси, пощипали, пощипали. Пришли утки, потянули, потянули... Пришел директор, поставил стол, поставил стул, поставил пишущую машинку... И стал печатать: «Я купил жене и дочке разноцветные платочки, дзынь ля-ля!»

Марина печатает в такт.

Прочел... Ему не понравилось... Порвал все!

Колотит по спине Лены. Смеется.

Ты где вчера была ночью? Мобильный был выключен...
Опять на Тверской в доме двадцать пять?

Лена (*встает, садится на видимую сторону дивана*). Откуда вы взяли?

Лиза. А что, нет?

Лена. Я танцевала всю ночь в клубе.

Лиза. В каком еще клубе?

Лена. В каком, в ночном. Я же молодая!

Лиза. Как называется?

Лена. Туда таких, как ты, не пускают. Там фейсконтроль.

Лиза. Каких таких?

Лена. Ну... взрослых.

Лиза. Взрослых — это старух? Меня выгонят, если я за тобой приеду?

Лена. Сделай мне джинс с тоником.

Лиза. Марина, сделай нам по джинсу. Слушай, ты слишком много пьешь! Ты должна думать о своей этой (касается ее ниже талии). Без фигуры ты никому не нужна.

Лена. Ты лучше думай о своей этой. А мою не трогай. Дело не в моей фигуре, запомни. Меня будут любить всегда.

Марина выходит.

Лиза. Пойми, твое богатство — это твое тело. Оно, разумеется, прекрасно. Оно как жемчуг. И надо с ним обращаться бережно. Ему нужен свежий воздух, движение, спорт, сон. Почему ты все время убегаешь на ночь глядя? Ты не спишь, не ешь, ты только пьешь... Белого света не видишь... Все так думают, что молодость навсегда. Когда-нибудь и ты будешь старухой.

Лена. Да заглохни ты. Тут у тебя не колония для малолетних преступников, так? Я не в тюрьме, ну.

Лиза. А я в тюрьме? Целыми ночами метаться, не зная где ты... Я схожу с ума.

Лена. Вот ты и спи. Тебе тоже нужен... это, ну, сон и как ты говоришь, свежачок. Свежий воздух. Ты мне не мама.

Лиза. Но я... я тебя ведь люблю.

Лена. Ну и люби.

Лиза. А ты?

Лена. И я.

Лиза. Что «и я»?

Лена. Отцепись.

Лиза. Ты меня не любишь... Когда человек любит...

Входит Марина, ставит два стакана на столик. Лена выпивает свой бокал залпом.

Ты че волоклась как старая кошелка, Марина? Опять начинается? Опять?

Лена. Когда-нибудь она тебе оплатит за все.

Лиза. Нет, ты что. Никогда. Она меня любит. Марина, поцелуй мою туфлю.

Марина, встав на колени, благоговейно целует.

278

А ты смогла бы... Мне поцеловать туфлю?

Лена. Противно даже смотреть. Меня все любят. Мне все надоели. Противно.

Лиза. Да, со стороны наблюдать чужую любовь неприятно. Даже когда человек любит своего ребенка. Марина, катись.

Марина, поднявшись с колен, идет работать к компьютеру.

Вот она сейчас наблюдает, а я говорю: у тебя самые прекрасные глаза.

Лена. Я зубы еще не почистила, отстань.

Лиза. Мне все равно. Ты звезда. У тебя прекрасно все. Я боюсь до тебя дотронуться. Давай я тебе сделаю массаж ног?

Лена. Надоела, понятно? Отвяжись.

Лиза. Это мне не мешает. Говори что хочешь. Поцеловать тебе пятку?

Лена. Иди, иди отсюда. Марина и то лучше, чем ты. Что ты ко мне пристала, старая тетка?

Лиза. Когда-нибудь ты обнимешь меня. Я схожу с ума каждую ночь. Сделай мне ребенка.

Лена. Дура старая. Отвяжись. Я сейчас уеду.

Лиза. Я понимаю, я тебе противна. Как мне противна Марина. Не уезжай, я отстала от тебя. Я больше не буду привязываться! Так где ты была сегодня ночью?

Лена. Танцевала с любовником.

Лиза. А! О! Вот это новость! Я тебя здесь храню как драгоценность, не позволяю себе прикоснуться... люблюю на тебя, когда ты спишь... Кто твой любовник?

Лена. Смешной такой негритенок.

Лиза. О господи! Он же может быть болен и очень не-хорошо!

Лена. Он биохимик, пишет диплом.

Лиза. Он врет. Он русский негр?

Лена. Нет. Он из Нигерии.

Лиза. Там один СПИД.

Лена. Ну вот, а потом мы с ним трахались в туалете.

Лиза. О господи!

Лена. Мы с ним трахались за ночь пять раз. Я хотела кончить. Многие об этом говорят. У меня нет эрогенных зон.

Марина перестала печатать.

Лиза. Что ты подслушиваешь, дура! Иди отсюда!

Марина уходит.

Лена. Я не соврала же тебе. Ты этого хотела?

Лиза. Соври мне. Соври мне, что ты меня любишь... Я тебя всему научу... Я плохая, да?

Лена. Ну не расстраивайся так. Дура!

Лиза. Да. Я дура.

Лена. Идиотка.

Лиза. А кто же еще? Сумасшедшая извращенка. Большая на голову старуха. Никогда не думала, что это так больно, любить. Люблю тебя!

Лена. Ненормальная.

Лиза. Да, да.

Лена. Страшная корова. Кому ты нужна.

Лиза. Так болит в районе сердца.

Лена. Болит в районе сердца – сожри побольше перца.

Лиза. Я так люблю тебя, что все причиняет мне боль
(протягивает к Лене руку).

Лена. Не трогай меня, урод. Я тебе не комод.

Лиза. А что же делать? У меня потребность.

Лена. Переживешь, пока не помрешь.

Лиза. Твой Голос как музыка. Всю ночь я ищу тебя...
Чтобы взять твою руку в свою... Мне ничего от тебя не нужно,
ничего! Я ничего тебе не сделаю, я не сделаю тебе больно,
не бойся!

Лена. И ты едешь, скотина, за мной всю ночь на машине?

Лиза. Так не говорят. Надо сказать «едешь». Лена, ты должна учиться.

Лена. Ну скажи? Ты едешь ищешь меня всю ночь? Как свою собственную дочь?

Лиза. Ездию.

Лена. Сука позорная. Над тобой все смеются. Ты противная рожа, на черта похожа. Лучше я буду бесплатно с целой кодлой, чем с тобой за баксы с сукой подлой.

Лиза. Да. Ты смешно говоришь в рифму. И за баксы со мной не будешь?

Лена. Ну тебя. Давай еще выпьем? Я в интернате всем поздравления в стихах сочиняла. Раз в месяц мы отмечали общий день рождения. Разучивали специально танцы.

Лиза. Ты какие танцы разучивала?

Лена. Танго там... Латинские... Забыла уже.

Лиза. Я занималась танго.

Ставит диск с танго. Начинает танцевать.

Лена. Не так, не так. Нас учили не так.

Лиза. А нас так.

Показывает. Танцуют вдвоем, не касаясь друг друга.

Лиза. Марина! Принеси еще два джина! С тоником. Выпьем с алкоголиком.

Лена. Да всю бутылку джина давай сюда. Пойдет как вода. Выпьем, вздрогнем, а то засохнем. Все смеялись на мои стихи.

Лиза. Всю бутылку неси! Давай, корова старая!

Лена. Корова! (*Смеется.*) Марина, ты корова, будь здорова!

Лиза. Не смей так ее называть. Это только наши дела. Убью тебя за такие слова.

Лена. Ну убей как пару голубей.

Лиза. А как его зовут? Ну этого негритенка? Приведешь его сюда? В кровати вам будет удобнее.

Лена. Ну ты урод. Я его вообще в первый и последний раз видела. Я этим занималась не только с ним. Там в клубе для мужчин бесплатный секс. Там спецовая комната. А они зато за меня платили в баре. Наши баре платили в баре. Весело, когда месиво. Групповуха, дам в рот и в ухо. Всех сюда вести?

Лиза. Какая боль!

Лена. Аргентина — Ямайка шесть-ноль.

Лиза. Ты не подумай, что я больная. Все те, кто любят, страдают. Ты кого-нибудь любишь?

Лена. Я люблю, ну, люблю свою мать. А она меня бросила. Она вышла замуж за одного, ну, дурака. А меня отдала бабушке. Сволочь. Я жила в интернате. Ага? Кто-нибудь жил в интернате? Физкультурник нас имел как хотел! Во! Самых мелких приучал! Меня бабушка брала на выходные. А я убежала, садилась в поезд, ехала, ну, к маме и со двора смотрела в наше окно. Звонила в дверь. Отчим выходил, целый балаган был, мать везла меня к бабушке. Я плакала. Потом уже, ну, в четырнадцать лет, я перестала к ней ездить. Уже ко мне стали, ну это, ходить ребята молодые... Бабушка ничего не возражала, они ей водки наливали... Бабушка мне сказала, что я такая, ну, красивая, что мать боится за мужа... Что он типа на меня, ну, залезет... Ну я и больше к ним не ездила. А то правду залез бы. И не отвяжешься потом... Ну они все равно разошлись... Но мать меня все равно не забрала... За мной и так, бабушка говорила, как за той собакой стаи ходили...

А потом меня на берегу, ну, летом сфотографировал один дяденька. Мы с ребятами сидели. Я без лифчика, ну, трусы стринг... Он лазил, лазил, ну, вокруг, наводил камеру... Ребята хотели его в Волгу кинуть, типа не маячь тут, а я не хотела. Пусть, ну, подойдет, посмеемся. Он записал мой адрес. И потом приехал ко мне, ну, к бабушке. Привез фотки клевые. В журнале «Мегаполис» опубликовал на последней странице, девушка недели, ну, называется. Дал мне адрес агентства. Всю ночь я с ним, ну, кувыркалась.

Лиза. Бесплатных фото не бывает.

Лена. Бабушку он угостил, водкой напоил. И сказал мне адрес агентства, чтобы я ходила. Я туда пошла ради смеха в агентство с девочками с интерната, ну. А эти тети на кастинге, ну, меня одну из всех взяли. Девки потом мне на дискотеке, ну, сказали, ты отсюда красивой не выйдешь. Окружили, ну, с бритвами. Махалово было! Ребята из десятого класса меня, ну, вывели. И больше я на дискотеку не бегала. Там в агентстве они меня учили, ну, там, ходить... Потом стали на меня шить. Это стой по часу стояком почти что, ну, голая.

Лиза. А как ты думала, это работа. Тяжелая работа. Деньги что, с неба падают? Таким, как ты, либо стоять, либо лежать.

Лена. И пить, ну, пить нельзя было.

Лиза. А ты думала. Это работа, повторяю, тяжелая работа. Почему девочки все такие взвинченные, с матерком как с ветерком... Ох я таких навидалась...

Лена. То нельзя, есть нельзя, поешь селедочки, потом неделю одни арбузы...

Лиза. Я ем один раз в день. Гору салата.

Лена. От бабушки меня забрали и поселили с ихними девочками. А потом приехала эта тетя из агентства... Выбрала изо всех нас троих. Ну то есть я знаю, кто ее на меня навел. Привезла в Москву в агентство пять звезд. А там взяли только одну Олю. Я была выпившая, ну так хохотала и не хотела ходить. Ноги, знаете, ну, так подворачивались. Всю ночь в поезде с какими-то, ну, ребятами оттягивались в ресторане... Они шли мимо, пойдемте, девчонки...

Лиза. Ты что, ты что... Лицо потерять...

Лена. Тогда она, та тетка, мне дала ваш адрес и телефон. Вы как будто меня выбрали по фотографии? Взяла водителя в этих пяти звездах. А водитель меня вез, он мне сказал, че ты с ними, давай со мной, я тебе, ну, это, квартиру сниму в самом центре, будешь по сто-двести долларов за ночь, это, заколачивать... Дал мне, ну, вот мобильник... Думал, я не умею! Стал учить, тычь туда, тычь туда. А у меня этих сотиков три было! Но я поехала, ну, сначала к вам... А потом вижу, вы не платите, я ответила ему.

Ли за. Все еще будет, все еще будет!

Лена. Ты хотела, чтобы я честно, ну, честно тебе все сказала. А я и половину, ну, не сказала. Но мне на его той квартире не понравилось. Никакой, ну, это самое, еды. Только одни моющие средства. Водитель этот... Серега... потом приходил, сам трахал и забирал у меня, ну, вообще все, что они платили. И эти, ну, мужики... Где он их откапывал? Уроды, ну, сволочи. Страшней нашего, ну, маньяка. Слыхала про волжского потрошителя? И этот Серега мне дал один раз, ну, двести баксов. Я поехала на такси в ресторан... Все прогудела.

Ли за. Давай выпьем. Я сейчас временно... ну это... без работы. Что-то все засто... засто... застоприлось. Тыры-пыры. Итальянцы покупают вещи вообще ну за копейки... Немцы заглохи. Японцы берут по двадцать ну вещей только. Невыгодно вообще в Милане шоурум держать. Наши тоже... Звездам я так шью, бесплатно, это реклама... Но портнихи разбежались. То она за ночь шесть платьев отшивала, то теперь два в месяц, и то намекает вслух, что я ей мало плачу. Ты бы в сутки шесть штук отшивала, ты бы и имела. Все хотят за малую работу, ну это, получать много (*понурилась, пьет*).

Лена. Так что я тебе и не нужна.

Перезвон, сообщение из мобильного.

Во, Серега пишет, приезжай домой, есть работа. Ага. Есть работа, нет оплаты. Чтобы они меня ножами ковыряли. Я три дня в лежку лежала. Причем голодная. Лиза, ты почему мне не даешь, ну это, денег?

Ли за. А ты же не работала. Ты получаешь еду, комнату, мы тебе отшили пару вещей... Но сейчас нет у нас такой

большой работы. Нет больших показов. А я тебя так люблю... (*Пьяно повесила голову.*)

Лена. Любишь, так дай двести баксов.

Лиза. Мы танцуем!

Встает, танцует под непрерывно звучащее танго.

Лена сидит, отвернувшись.

Входит Анига.

Анига (*с порога*). Двести? Всего двести? Так мало? Я дам больше!

Присоединяется к танцу.

Лиза. Ты чего? Чего ты пришла? Че танцуешь?

Анига. Здравствуй (*заглядывает в угол, где сидит Лена. Та отвернулась*). Здравствуйте!

Лиза. При чем тут здравствуйте? Вообще ты пришла и что? Прости, но мы тебя не ждали. Не гляди, не гляди туда. Нечего тебе.

Анига. Лиза, ты не отвечаешь уже какой день. Я каждый день оставляю месседжи. Ты что, я беспокоюсь.

Лиза. Ну и все. Увидела меня, я здорова. Успокоилась и иди.

Анига. Ты пьешь... ты пьешь! Дай мне его телефон, я позвоню Ленечке твоему. Ты себя убиваешь! Тебе срочно надо закодироваться. Лечь в клинику. Дай телефон его.

Лиза. Накрылся Ленечка.

Анига. Что значит... накрылся?

Лиза. Да... Его разыскивают.

Анига. Так я и знала. Так и знала! А что случилось?

Лиза. Уходи. Не удастся тебе ничего тут. Лена, иди в спальню.

Анига. Лена? Вот не ожидала тебя здесь увидеть!

Лиза. А, вы знакомы. Поздравляю.

Анига. Зачем ты с ней пьешь?

Лиза. Ты кого спрашиваешь?

Анига. Кончай бухать. Ты, тварь поганая!

Лиза. Это вы кому, дама?

А н и т а. Я для того тебя вызывала, хлопотала? Ты на первый показ в труху пришла пьяная! Мне уже доложили!

Л и з а. А, так вы знакомы!

Л е н а. Иди к шутам. Не возникай тут.

Л и з а. И давно вы знакомы?

А н и т а. Ты думала, я тебя не найду? Я тебя из-под земли найду! Идем. Все.

Л е н а. Остохренела мне. Отвяжись.

А н и т а. Нет! Идем.

Л е н а. Куда? Ты опять с мужем.

А н и т а. Господи. Я... Я тебе квартиру сниму.

Л е н а. Ну и что. Будет все то же самое.

Л и з а. Что это ты ей квартиру снимешь, воровка? Что это? А ну катись отсюда!

А н и т а (*плачет*). Ну солнышко мое! Ну что за ужас. Я тебя ищу уже неделю. Я договорюсь, будешь сниматься в Гонолулу, для журнала ди кью. Сессия. Будешь зарабатывать, понимаешь? За границей жить!

Л е н а. Подальше от тебя, от твоего мужа.

Л и з а. Этто что за дела? Вот смех. Анита, ты что, трибадой заделалась? А как же муж твой?

Л е н а. Этот муж предыдущего не хуж.

А н и т а. Ага! Поэтесса сраная. Ревнует еще! Все, Ленка, все, идем.

Л и з а. Не прикасайся к ней! Нож беру! Китайский, имей в виду! Для бумаги! Не приближайся! Отойдите друг от друга!

А н и т а. Вот видишь, Ленка, кто это. Она больная.

Л и з а. Ленка, Леночка, деточка моя, не слушай ее. Я тебя повезу в будущем месяце в Таиланд. Вместо Светки. Ты на нее похожа, Светочкин паспорт у меня. Она все равно в отъезде какую неделю лежит. Да, ты похожа. Ну-ка, повернись боком.

Лена стоит неподвижно.

Загримирuem тебя. Там тебе будут суточные, блин... Гонораров они ни хрена не дают, зато оплачивают дорогу. Это же сказка, Таиланд! Там ты будешь королева! Предложения посыплются!

Лена сидит, отвернувшись.

Ани та. И она на тебе заработает, а платить не будет. Это уж мне поверь. Если не сопьется окончательно и если будет твоим агентом.

Лиза. Ну не ты ведь! Ты пришита к мужу теперь! Все. И не рыпайся, а то я ему, твоему новобрачному мужу Давиду все расскажу! Все, поняла? И под кого ты ложилась! Полный список родных и шефов.

Ани та. Ну вот, ну что с нее взять. Подлая лживая баба, ты видишь? В чьи руки ты попала?

Лиза. В общем, так, через месяц, Лена, едем в Таиланд. Там отель и трансфер они обеспечивают. Питание у них брекфест, но в Пукхете можно за доллар обожраться.

Ани та. Лена, не слушай ее. У нее дела плохи, вообще она на нуле. Ничего она платить не будет. Денег у нее ни гроша. Она торгует там своими девками-моделями. Эскорт-услуги для желтых.

Лиза. Я? У меня эскорт-услуги? Ну ты попляшешь! Сво-лочь ты! У меня денег нет? (*Кричит.*) Марина, иди сюда не-медленно! Марина!

Марина входит.

Марина, дай ключ. Я говорю, дай ключ от сейфа! Тебе говорят, скотина!

Ани та. Ну ты видишь, какая она? Как она с теми, кто на нее пашет, обращается?

Лиза. Я повешусь! Дай ключ, животная! Кляча старая!

Ани та. И так и с тобой будет. Поехали.

Лиза. Ну?!!

Марина открывает сейф.

Лиза достает оттуда толстенную пачку долларов.

Видал? На! Смотри! А ты, гадина, сейчас уйдешь!

Или твой муж сегодня же тебя бросит! Я все Галине, его жене, расскажу! Что ты лесбиянка! Она... О, она это так не оставит! Я и про Зелика расскажу, как ты его на себя натяги-вала, моего Зелика! Я знаю, он мне со смехом рассказывал! Говорит, ну, она Клеопатра! Все время хочет! Клеопатра!

Я знаю, ты свою дочь бросила, из дому выставила, свою мать мужа на порог не пускала! В Волгодонске их содержала! Я все, все знаю! Твой Давид такое на дух не выносит! А мне твой предыдущий муж все-оо! Все-оо рассказал после нашей ночи любви! Я с ним жила две недели! Когда ты уезжала, с твоим мужем поганым! Он тоже меня обокрал!

Анита начинает смеяться.

Лена хихикает.

Или ты сейчас уходишь... Или ты остаешься вообще одна! Навсегда! Мне на тебя насрать. Я пойду щас... Пардон. Вернусь, чтобы тебя тут не было. Марина, не отпускай Лену! Отпустишь – покончу с собой!

Марина вынимает деньги из ее рук. Прячет в сейф.

Ли за, пошатываясь, убегает.

287

А н и т а. Лена... Она может тебя убить. Лена. Ну что мне делать...

Л е н а. Слушай, иди. Хватит. Не возникай. Я... Ну иди. Она тебя ведь убьет реально.

А н и т а. Ты знаешь мой мобильный. (*Роется в портмоне, достает оттуда две бумажки.*) На тебе...

Л е н а. На тебе три рубля и ни в чем себе не отказывай.

А н и т а. Я живу на зарплату.

Л е н а. Живи, живи. Раба любви.

А н и т а. Идиотка. Возьми деньги (*вытирает слезы*). Ты всегда ведь брала. И сейчас возьми. Я столько тебя искала!

Л е н а. Не нужны мне твои баксы. От ваксы-плаксы.

Анита обнимает Лену, та ее отталкивает.

Дура, что ли? Сейчас эта явится поссамши и тебя зарежет.

А н и т а. Да плевать мне на нее! Пойдем!

Л и з а (*входя*). Куда это пойдём... Куда... Ннет! Это ты, Анита, или как там тебя... Ты уходишь из моего дома. Нет? Ну тогда я взяла нож...

Ани т а. Ну.

Ли з а. Я подхожу к тебе...

Подходит.

Марина за ее спиной открывает сейф, достает деньги.

Ани т а. Бей. Ленка, беги. Быстро. Беги домой. Это твой дом. Ты там прописана. Оформят тебе пенсию как при потере кормильца. Я узнавала перед операцией. Запомни! Пойдешь в это... В собес. На похороны обязаны дать. Давид поможет. Я его к себе не прописывала. Квартира твоя, запомни! До восемнадцати лет тебе будут платить... Иди учись.

Ле н а. В дальнейшем в хорошую погоду. Поняла? Я не буду эту пенсию получать. И квартира мне на фиг не нужна.

Ани т а. Похоронишь меня на Донском, сожжешь... Там наша ниша в стене... Мама с папой (*плачет*). Баба с дедом твой рано умерли. Спросишь в управлении крематория номер. Фамилия Карповы... (*Лизе*). Ну бей, бей! Скорее! Владимир Серафимович и Нелли Ивановна. Карповы, запомнила?

Ли з а (*отводит руку с ножом*). Ты что бормочешь? Я не в себе. Я не в себе. Уходи!!! Не отвечаю за себя!

Ани т а. Ну давай, давай быстрее. Давно пора.

Подходит, открывает горло.

Ли з а. Ах ты сука!!! Ты что на меня налезаешь? Она на меня напала! Вы свидетели! Хотела убить!

Анита подходит еще ближе.

Ле н а. Ну кончай эту канитель. Ну она же психбольная.

Ли з а. Правда? Она психбольная?

Ани т а. Это она про тебя сказала, псих!

Ли з а. Про тебя!

Марина хватает Лизу за рукав. Показывает ей деньги. Бросает их на пол.

А... Это что? А, баксы (*оглядываясь на открытый сейф*).
А... Ты зачем их вынула, сволочь? А ну подними положи
назад!

Марина стоит.

Лена. Оу, баксы! Валяются. На полу. Какие! (*Подходит,
наклоняется.*)

Лиза. Еще чего (*поднимает деньги*). Раскатала губу. Будешь со мной, тогда подумаю. Может, и дам! Только пусть эта уйдет.

Размахивает ножом. Держит деньги в другой руке.

Лена. Слушай, уйди. Ну уйди, тебе говорят. Ну ты что. Не устраивай тут театр. Бабушка про тебя всегда говорит, когда выпьет: эта наша артистка. Что моему папе крупно повезло, что он живой ушел.

Анита. Ты останешься с этой?

Лена. Заплатит — останусь.

Лиза. Да не сомневайся, заплачу! (*Трясет деньгами.*)

Анита. С каждым, кто заплатит? Останешься?

Лена. С кем хочу. Отвали, скотина! Надоела, блин, воспитывает! С кем захочу! И с кем не захочу! Тебе какое дело! Набздеда! Я проститутка давно! А ты гавно!

Лиза. Понятно? Иди! Проваливай. Мы все продажные твари. Но ты столько не дашь, сколько я. А она продажная шура. Она со мной спит за деньги.

Лена (*Аните*). Иди отсюда. Я к тебе не пойду, не волнуйся. Артистка! Артистка!

Анита уходит.

Лиза (*валится на диван, рука с ножом свешивается*). Ангел мой, так поцелуй меня.

Лена. Катись. Я сваливаю.

Лиза. Поцелуй меня сюда. (*Засыпает.*)

Звучит танго. Марина прячет деньги в сейф.

Лена. Бабушка, это мои! Это мне!

Марина выходит. Лена стоит, смотрит по сторонам, видимо, решая что-нибудь утащить. Входит Марина, садится за компьютер.

Лена (*набирает на мобильном номер*). Серега? Это я, Крошка. Ну где, на гвозде. Слушай. Да я не могу громко, тут одна спит, другая глухая. Я хочу тебе что сказать. Я тебе не раб! Вкальвать бесплатно. Кто, ты мне давал? Ты? Смеешься? Сто за одного, ясно? И все. И за себя тоже плати, вонючка. Да. Я? Я не пожалею. У меня уже другой есть... Если ты... Ты понял? Уйду. Че? Да, я тут. Нет, не уехала. Да. Еду. Кто за такси заплатит? У меня ни копейки. Заедешь за мной? Я буду на Комсомольском проспекте... Ну углу у ресторана «Хлестаков». Позвони, когда встанешь там. Так. Теперь скажи, а кто? Ну кто, скажи? Да, обедала в ресторане. С кем, с кем, это неважно. Еще чего! Я тебе обязана отдавать за каждого? Перебьешься. Да, а кто придет? Не-е. Я опять с этими не буду... Да не буду, говорю! Десять человек... Их десять человек заходит! За одну цену! Совсем ты, да? Сам не платишь, а сам... За квартиру ты раз в месяц! А мне каждый день не платишь! Сука. И пожалуйста. И ты туда же.

Выключает мобильник, подходит к Лизе. Оглядывается на Марину. Собравшись с духом, крестится и целует Лизу долго, стараясь ее разбудить. Вытирает рот.

Лиза. Боже мой. Ты? Еще. Еще!

Лена. Дай денег.

Лиза. Боже мой!

Лена. Без денег все. Я не буду.

Лиза. Марина! Марина проклятая! Дай денег!

Привстает.

Марина, я кому сказала!

Подходит Марина.

Открывай сейф. Открывай, кому сказала!

Марина достает пачку денег.

Л и з а. Дай ей... Две бумажки по сто. На расходные карманы.

Марина дает Лене две бумажки.

Лиза шлепается обратно на диван, бормочет «Целуй меня нежно» и засыпает.

Л е н а. Дай мне все, бабуля! Тебе же все равно умирать! И я умру! Они с ножами приходят! Они меня зарежут все равно!

Марина дает Лене все.

Подходит к лежащей Лизе, трясет ее, поднимает и показывает ей ключ и пустые руки. Показывает на Лену, которая запихивает деньги в сумку на животе.

Л и з а. Прально. Давай поженимся! Лена! Краса моих, это, ну, очей!

Л е н а. Ладно, ладно, очей. Человек ничей. Сговорились, это. В конце света.

Уходит. Звучит музыка.

Л и з а. Куда ты? Она зачем ушла? Задержи ее. Беги, задержи! Да что же это! *(Закрывает глаза, валится без сил.)*

Марина снимает с себя шаль, набрасывает ее на манекен, стоящий у дивана, на котором лежит Лиза, и медленно уходит.

Музыка. Лиза открывает глаза, оборачивается, видит стоящую спиной Марину (это манекен).

Ну? Ну? И что теперь? Ты не пошла за ней? Что ты наделала? Ты ведь ей отдала все мои деньги! Я их специально взяла из банка! Надо за ателье за полгода! Ты же сама знаешь! Отберут же помещение! Зарплату платить! В префектуру Зарубиной! Как ты могла это, ну, допустить? Все мои деньги! Она не вернется. За баксы она была готова на

все! Мы могли прожить с ней целую жизнь! У меня отель в Милане заблокировал счет на карточке! Я тебе не говорила! Больше нет ничего! Поворачивайся и беги за ней! Быстро! Она наверняка ловит тачку на углу на Комсомольском! А то больше никогда! Беги! Ее убьют скоро, ну. Если у нее будут деньги. Она не знает, что делать с деньгами. Она ребенок! Что ты стоишь? Ты нарочно, да? Ты опять сходишь с ума? Ревнивый черт! Дьявол! Я кому сказала!

Встает, толкает манекен. Тот с грохотом падает.

А, чтоб тебя!

Входит Марина, разводит руками. Отрицательно качает головой. Улыбается.

Не догнала? Тогда все. Все. Конец. Ты довольна. Лена сама сюда не придет. Какая боль. Зачем я живу? Зачем? А. Она меня ненавидит. Только эта меня любит. Уйди от меня! Уйди!

292

Марина быстро выходит.

Лиза поднимается, бьет ногой манекен. Открывает сейф, достает оттуда горошинку, бросает в стакан, наливает джин. Болтает, смотрит, пока таблетка растворяется.

Вот я тебе и устрою... Будешь тут смеяться довольная. Пока-пока (*пьет, поперхивается*), Ма... (*Кашляет.*) Ма... Марина!

Выпивает все до дна. Садится. Врубает телевизор. Там выстрелы, взрывы. Переключает. Идет симфоническая музыка. Хор. Ложится.

Лиза (*внезапно кричит*). Маам! Маам! Мне больно! Умираю! Умираю! Скорее!

Набирает номер, ждет. Громкая музыка. Лиза, крича, бежит в ванную. Молчание. Льется вода. Кричит оттуда «Мама!» Марина выводит из ванной мокрую Лизу.

Я приняла яд! Ааа! Вызови скорую... Скорее! Аааа!
Мама! Мамочка! Ноль три!

Падает. Марина укладывает ее на диван, на ту его часть, которую не видит зритель.

Марина набирает номер. Молчит. Молчит. Пытается что-то сказать, не может. Молчит. Молчит. Трясет головой.

Лиза (*делает попытку подняться*). Мама! Не можешь говорить? Не можешь говорить? Ааа! Мамочка! Набери ноль три, я сама крикну!

Марина набирает, подносит трубку к губам сидящей Лизы.

Занято! Мама! Мамочка! Звони Ленечке! А, ты не сможешь ему сказать... Он в Бразилии... Я сама... Он не поможет... Он не берет трубу... Набери номер восемь девять ноль девять... Я скажу... Ленечка, скорую помощь! Мама не может говорить!

Музыка. Хор.

Падает. Ее не видно. Марина заворачивает ее в покрывало, легко поднимает и несет, как ребенка, укачивая. Мычит колыбельную. Уносит Лизу.

На сцене остается лежать манекен, абсолютно похожий на Марину. Протянутые руки.

Примечание: *фигуру Лизы для последней сцены надо сделать из пенопласта, одеть и зарядить под диван, но так, чтобы она была с кинетическими возможностями, то есть на руках у Марины бы дернулась, например, когда та ее уносит.*

ГАЗБЎ

Бурлеск

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маша

Коля

На сцене две кровати. На одной лежит Маша, на другой сидит Коля в черных очках.

Маша. Ну что?

Коля. Что?

Маша. Так и будем?

Коля. Что?

Маша. Так и будем валандаться?

Коля. Что значит валандаться. Я не собираюсь с вами валандаться. Сразу предупреждаю.

Маша. И очень хорошо. А то мы валандаемся, валандаемся. Хватит.

Коля. Мы что, валандаемся?

Маша. Да.

Коля. И я валандаюсь?

Маша. Мы.

Коля. Нет, я не валандаюсь. Еще чего. Я еще стыд не потерял.

Маша. Ну я имела в виду, что мы даром время проводим.

Коля. Нет, не даром.

Маша. Почему?

Коля. Потому.

Маша. А что мы делаем?

Коля. Что делаем, то делаем.

Маша. Ты ничего не делаешь.

Коля. Это больше, чем вы думаете.

Маша. Как это?

Коля. Неактивность больше активности.

Маша. Это смотря для чего. Вот вы зачем здесь присутствуете?

Коля. Сам не знаю. Лучше бы меня тут не было.

Маша. Испугался?

Коля. Отсутствие больше присутствия.

Маша. Как это?

Коля. Ну все это азбучные истины. Основа основ. Нет больше чем да. Отсутствие – ну это я уже сказал.

Маша. Не поняла. Ты отсутствуешь?

Коля. Я, наоборот, присутствую. Но если бы было наоборот, то все было бы много важнее.

Маша. Если бы тебя не было здесь, то...

Коля. Мое отсутствие для вас было бы намного заметнее, чем мое присутствие.

Маша. То есть я бы ждала?

Коля. Ну не совсем так. Гораздо значительнее.

Маша. А что? Что быстряслось?

Коля. Если меня бы с вами не было, я бы с вами был гораздо явственнее.

Маша. Не поняла?

Коля. Гораздо ближе.

Маша. Опять не поняла.

Коля. Что тут понимать, женщина. Это надо знать!

Пауза.

Маша. А я не знаю?

Коля. Никто не знает.

Маша. А как меня зовут, ты знаешь?

Коля. Вас?

Маша. Называй меня на «ты».

Коля. Это сложно.

Маша. Маша и «ты». Ты заруби себе это на носу! А не «вы» и не «женщина».

Коля. Вы не женщина?

Маша. Проверь.

Коля. Мужчина?

Маша. Давай, проверь.

Коля. Не знать — это больше, чем знать.

Маша. Почему опять?

Коля. Безопаснее во многом.

Маша. Опять снова.

Коля. Незнание спасает. Великие знания — великие печали.

Маша. Да не бойся ты! Я не съем тебя!

Коля. Это вопрос. Если вы мужчина... Вон какие ногти! Прямо гвозди! О, мужчины на многое горазды.

Маша. Я не горазда, ты что!

Коля. Мужчины — это смерть, сказано! И правильно сказано.

Маша. Не обязательно. Мне, например, мужчины нравятся. Не все, конечно, но кое-какие.

Коля. Там, где одни мужчины... Я не был в вашей тюрьме. Но кое-что читал об этом.

Маша. Тут тебе что, тюрьма? Охо-хо. Вот уж загнул!

Коля. А армия? Там ведь тоже одни только мужчины. Это же ужас!

Маша. О, испугался. Дрожишь весь. Ну иди ко мне!

Коля (*тонким голосом*). Если вы мужчина, то это многое меняет. Когда бы меня заранее предупредили, я бы с вами не поехал. Еще новости! Месяц с мужчиной в одной койке! Какое-то просто издевательство!

Маша. Все определяется на практике. Запомнил? Узнай меня!

Коля. Я знаю только то, что я ничего не знаю. И хватит на этом.

Маша. Ага-ага. Ты меня не знаешь, я тебя не знаю. А надо узнать!

Коля. Я повторяю, я не стремлюсь.

Маша. Так и проваландаемся весь срок.

Коля. С вами я валандаться не буду!

Маша. А что будете?

Коля. Ничего! Какой кошмар, в самом деле! До чего дела дошли! В брачном агентстве не предупреждают, на

ком женишься! Вы соображаете, что меня обманули? Кинули? Каблуки, ногти. Бюстгальтер! Вы мужчина, вот вы кто!

Маша. Давай на «ты»!

Коля. О. Это сложно. Это надо бутылку купить, по стаканам разлить и выпить на брудершафт. Только так. А если ты мужчина, то тут пол-литрой не обойдешься. Литр! И чекушка. И пивом заполировать.

Маша. Ну хорошо. Я женщина. Ты рад?

Коля. А чего тут радоваться-то?

Маша. Ну не мужчина я.

Коля. И че хорошего? С мужиком бы мы давно два пьюзья раздавили.

Маша. Ты очень необычный человек. Ты это понимаешь?

Коля. Да, возможно.

Маша. Ты не такой, как все.

Коля. Может быть (*приосанивается*).

Маша. Все сразу лезут... А ты другой.

Коля. Так это же ежу ясно!

Пауза.

Маша. Ты близко, но я тебя не могу понять. Ты как инопланетянин.

Пауза. Коля смотрит на дверь, как бы намекая на что-то.

Достает из кармана мелочь, считает.

Маша. Очки хотя бы сними? Покажи личико.

Коля. Неохота мараться (*произносит отдельно*). О-о.

Маша. Я на тебя посмотрю, ты их вообще не стаскиваешь?

Коля. Обычно в данный конкретный момент. О-о.

Маша. О-о?

Коля. Очки отверженные. Производства родной фирмы.

Маша. Это «Газбú»?

Коля. Дженерал моторос.

Маша. Ах вот оно что. Ах вот оно что. Дженерал моторс?

Коля. Не больше не меньше. Моторос (*делает ударение на последнем слоге, губы дудочкой*).

Маша. Это что-то новенькое. Два «с»?

Коля. Ну вот еще!

Маша. А «Газбү»?

Коля. Это ваши дела.

Маша. Но не твои?

Коля пожимает плечами, считает монетки. Пауза.

Очки сними?

Коля. Потом.

Маша. Ты как будто не хочешь смотреть на белый свет.

Коля. Не уверен.

Маша. И на меня.

Коля. Опять-таки не уверен. Не надо быть ни в чем уверенным. Это главная уверенность.

Маша. Но ты со мной.

Коля. Когда?

Маша. Тогда.

Коля. Такой вариант может быть?

Маша. Я уверена. Всё будет.

Коля. Я не уверен.

Маша. В чем?

Коля. Что всё будет. Обязательно что-нибудь снесет. Забодают и всё. Свистнут, брякнут. Где-то запузырят, не сварганят. Я их знаю.

Маша. Это-то да. Но ведь человечество должно существовать?

Коля. Ты вообще что?

Маша. Ничего.

Коля. Ты отдаешь себе?

Маша. Ну.

Коля. Не понял.

Маша. Ну, я говорю, ну! Отдаю себе.

Коля с раздражением закуривает.

Вы же некурящий!

Коля курит быстро.

А правду вы сказали, что вы некурящий?

Коля застывает.

Вы же некурящий, непьющий, да?

Коля. Где.

Маша. Что где?

Коля. Непьющий, где непьющий-то. Где здесь тут есть что выпить? Выпить нету. Я непьющий, да. В данный конкретный момент. Все же исчисляется моментами.

Маша. Но и некурящий же!

Коля. Спустя время (*курит*).

Маша. Надо позвонить.

Лезет в сумку, достает кипу бумаг, изучает. Коля косится на нее. Маша добывает из сумки телефон.

Звоню. В общем, всё. Я должна сообщить. Договор не соблюли. Ты оказался курящий.

Коля застывает.

Коля. Где?

Маша. Что где?

Коля. Ну где я курящий (*курит*). Попробовал первый раз, не понравилось. Тьфу! (*Курит.*) Одна сигарета первый раз (*кашляет*). Вредно, вредно. Это же всем известно, что курение разрушает организм, легкие, психику, вырабатывается привыкание, и какое! (*Затягивается, выпускает дым.*)

Маша. И всё. Всё пропало. Ты понял? Пролетела птичка обломинго!

Коля. Один раз еще не это... Одна сигарета за день.

Маша. День только начинается.

Коля (*кашляет*). А на моих два часа дня.

Маша. Выкинь часы.

Коля. А что?

Маша. Двенадцать вообще-то.

Коля. Вперед?

Маша. Выкиньте часы.

Коля. Что, здесь назад?

Маша. Здесь ровно.

Коля. Приговор месяц условно.

Маша. Что? Я не слышу.

Коля (*оглядывается*). Сносит крышу.

Маша. Вы что, своими рифмами вы чего добиваетесь, не поняла?

Коля. Какая жесть. Хочу есть.

Маша. Купите.

Коля. Купите облупите. Нет денег, совок и веник.

Маша. У меня тоже. Я платила за билеты на поезд, за такси.

Коля. А здесь что, я вообще не в курсе.

Маша. Здесь отдельная квартира.

Коля (*поет*). Я тоскую по родине, по родной стороне моей! Папа часто пел, он из города Челябины. Пел, пел вечером и попал под машину. (*Поет.*) Дал-лиоко далеко ты, родимая Челябины, сам черт ломает ногу среди этих гор! Так пел.

Маша. Вы хорошо поете!

Коля. А-а! Эй бэри буба, эй бэри баба, поем мы в мажоре, а на душе минор! Даллеко-далеко ты, родимая Челябины, и так далее.

Маша. Еще спойте?

Коля. Моя мама дочь подполковника санитарной службы. Валентина Игнатъевна. Вас как зовут?

Маша. Забыл?

Коля. Вы мне не говорили.

Маша. Там знают.

Коля (*поет*). Даллеко-далеко ты!

Маша. Вот именно.

Коля (*поет*). Снова туда, где море огней! (*Ложится на кровать, хлопает по покрывалу рядом с собой приглашающим жестом.*)

Маша. Что?

Коля. Жиденькая кровать-то. *(Опять похлопал, поет.)*
Снова туда с любовью своей!

Маша скептически наблюдает за ним, демонстративно хмыкает, качает головой, разводит руками. Коля начинает снимать брюки, долго их складывает, подсовывает под матрац. Остается в пиджаке, черных трусах и туфлях с носками. Стоит неподвижно.

Маша *(смотрит на часы)*. Ну что, есть будем? Если больше ничего не предвидится?

Коля. Вот! Правда! Давайте! А я в ларек сбегая, тут внизу работает *(достает брюки, сдувает с них пух, начинает надевать)*. За пузырьком!

Маша. За пузырьком? Лежите уж, мужчина, зачем.

Коля *(поет)*. Зачем вы, девочки, красивых любите *(снимает брюки)*.

Маша. А зачем вы штаны сняли?

Коля. Просто так, не думайте *(надевает брюки)*. Это неприлично, я понял.

Маша. Вы давно не пьете?

Коля. Как это?

Маша. Ну, вот вы непьющий, было написано. А вообще вы пили? Когда-нибудь?

Коля. Нет! Я не пил. Что вы! В чем вы меня подозреваете? Во лжи? Ой не скажи.

Маша. А почему тогда вы хотели сбегать за бутылкой, раз вы непьющий?

Коля. А разве пьющий? Где? Я просто предложил сбегать в палатку, чтобы не кушать всухомятку.

Маша. Да мы чай вздуем.

Коля. Чай-чай-чай. Ча-ча-ча! *(Садится, поводит плечами. Как бы танцует.)*

Маша. Вы танцуете?

Коля *(поет)*. Я тоскую по родине!

Маша. Вы поете?

Коля. Пою.

Маша. А где вы поете?

Коля. Сейчас тут.

Маша. А вообще?

Коля. Вообще кастрюля щей в порядке вещей.

Маша. Что?

Коля. Рифма в момент! Намек на обед!

Маша. Я хочу спросить, кто вы по профессии?

Коля. Био, био.

Маша. Био что?

Коля. Мембраны (*поет*). Ночь принесла нам свежесть, отдых от зноя!

Маша. Но вы же кандидат наук? Город Протвино?

Коля. Где уже!

Маша. Но были?

Коля. Какая разница.

Маша. Вам никакой, а Михаилу польза.

Коля. Какому Михаилу?

Маша. Михаилу Николаевичу.

Коля (*надевает брюки, хлопает себя по карманам, достает пачку сигарет*). Все сигареты выкурил... кто-то... Кто-то очень постарался... (*Садится.*)

Маша. Нет, здесь мне нравится. Номер с кухней, с кастрюльками! Не надо с утра пораньше бежать на их завтрак.

Коля. Завтрак, когда это было!

Маша. Не надо ничего варить кипятивником! Я специально взяла с собой кипятивничек, большую кружку, крупу гречку, пшено, рис, масло постное, даже соевый соус у меня есть!

Коля (*осторожно*). Неужели колбасу тоже?

Маша. Какую колбасу?

Коля. Копченую?

Маша. Да никогда!

Коля. Вот и я думаю, какой ужас, эта сырокопченая колбаска... Вредно до безумия...

Маша. Вот такая же и я! И будем варить кашу. Вы какую любите... Кашу какую?

Коля. Я какую?

Маша. Три на выбор. Рис, пшено, греча. Прочищает организм от вредных шлаков. Какую? (*Игриво.*) Какую? Какую?

Коля. Ты-то какуешь. А я-то нет.

Маша. Но еще есть и горох.

Коля. Я горохую. Рифму говорить не буду.

Маша. Какой вы смешной! Что вы всё стишки бормочете! А давайте так: мы можем пойти картошки принести. Сразу мешок на месяц.

Коля (*поет*). Он сказал поехали...

Маша. У меня постное масло как раз есть. Картофель в мундирах с постным маслом очень полезен, кожура такого картофеля содержит все необходимые ингредиенты.

Коля (*поет*). И махнул рукой.

Маша. По-моему, взмахнул рукой.

Коля. Ты!

Маша. Да.

Коля. Ты зачем это...

Маша. Знаете книгу «Очищение организма»? Автор А.Я. Клещ и И.Я. Клещ. Братья, наверно. Или сестры. Или брат и сестра...

Коля. Ты зачем это...

Маша. Я вам подарю эту книгу, она очень важна.

Коля. Ты зачем это... пойдешь мешок картошки тащить, я сам сбегаяю.

Эта фраза производит сильное впечатление, как если бы лопнула струна.

Маша. Моя умница. Я всегда знала, что ты умница. С первого взгляда.

Коля. Надрываться такой женщине.

Маша. Я с первого взгляда поняла — это мой Михаил.

Коля. Меня зовут Николай. Но это неважно.

Маша. Я и говорю.

Коля. Я сбегаяю, ты не волнуйся. Как тебя зовут-то?

Маша. Маша. Мы всюду будем ходить вдвоем теперь.

Коля. Да я амором туда-сюда. Маша, за меня не тревожься. Я еще крепкий (*встает, делает позу из бодибилдинга, Маша к нему тянется*). Я парень хоть куда! (*Выскальзывает из Машиных рук, бежит к двери*.) Да, денег-то у меня уже нет!

Маша. У меня найдутся. *(Берет сумочку, идет к дверям.)*

Коля. Да я за картошкой мигом *(протягивает руку)*.

Маша. Мы будем всегда вместе. *(Поет.)* Эдвин, ты всегда и повсюду со мной...

Коля *(поет)*. Ты со мной — Сильва!

Маша. Ля-ля, ляляляляля-папа-па-голубой! Пошли уже.

Коля. Леди не носят мешки с картошкой.

Маша. Это-то понятно, нести будешь ты.

Коля. Зачем? Отдохни! Жди меня, и я вернусь, только очень жди.

Маша. Я не поняла, вы кто?

Коля. Кто-кто, Жан Кокто.

Маша. Вы поэт?

Коля. Не знаю, может быть. Такие вещи не называют вслух. Я пошел?

Маша. А деньги?

Коля. Ах боги мои, забыл! Боги мои, боги.

Маша. Как я это чувствую...

Коля. Что ты чувствуешь, моя красавица?

Маша *(показывая пониже шеи)*. Тут жжет.

Коля *(смотрит)*. Покуса нет.

Маша. Обними меня покрепче.

Коля. Тогда я уже не пойду за картошкой.

Маша. Ну!

Коля. Но будь осторожна!

Маша. Как раз это неважно. Не надо предохраняться, не надо, все уже в прошлом.

Коля. Будь осторожна! Если я тебя обниму, ты услышишь жуткий вой.

Маша *(закрывает глаза)*. Слушаю.

Коля. У меня в желудке.

Маша решительно прижимается к Коле.

Смешно! Вчера впервые попробовал с другом водки. На прощанье. Не понравилось. Слышишь какой запах? *(Дышит.)* Ужас. Сам чувствую *(дышит в ладонь)*. Чеснок, лук... Соленый огурец... Манты ели... *(Остервенело нюхает.)*

Маша (*отстраняется*). С каким другом? У вас друг?

Коля. У всех есть друг. Что такого.

Маша. Давно?

Коля. С университета. Что такого-то? Чего ты боишься, глупая! Он с женой поругался. Она к нему лаборантку приревновала. Пришел ко мне с пузырем. Говорит: «Хочешь раз в жизни попробовать пятьдесят граммов?» Я вообще-то кремень. Но знаю, завтра обрубая концы, и впервые принял. Пищепровод резало! Огнем! Друг сказал: «Ну ты первоходка!»

Маша. Прочитайте какие-нибудь стихи.

Коля. Есть на свете утес, дико мохом оброс.

Маша. Неправильно «мохом», надо «мхом».

Коля. Посредине утес, дико мхом там оброс.

Маша. У тебя какие глаза? Карие или синие?

Коля. Да разные там. Всякое бывало.

Маша. Сними же очки, глупый!

Коля. Жена вообще говорит — «ну зенки налил». Ну в смысле когда я плачу. А когда я ноги вытяну, она говорит: «Убери бульонки».

Маша. Это хорошо, что у вас есть жена, вы не истаскались. Женатые мужчины надежнее. Меньше опасности разиться, понимаешь?

Коля. Когда, она говорит, ты улыбаешься, смотрю на твои окомелки и удивляюсь на себя, говорит она (*улыбается*). Как я вообще с тобой живу. Окомелки — это мои зубы.

Маша. Что вы, у вас красивые зубы.

Коля. Да это вставные! Хотите, покажу (*лезет в рот*).

Маша. Не надо, я вам верю. Верю каждому слову. Серафим не даст вам соврать.

Коля. Веришь? Я недавно челюсть вставил, в долги влезли, вот поэтому и решил на работу идти. Вот причина, по которой я приземлился в «Газбу».

Маша. А меня Серафим заставил. Зубы вам хорошие сделали. Или Михаил, не знаю.

Коля. На зубы не жалуюсь. Представляешь, ночью в стакан не входят! (*От души смеется, показывая зубы.*) Бидон приспособили. Тогда и левый глаз там умещается в би-

дончике. *(Залезает рукой за стеклышко очков, долго роется, потом вынимает что-то, роняет со стуком, поднимает, плюет на объект размером с куриное яйцо, вытирает обшлагом, протягивает на ладони Маше).*

Маша *(смотрит)*. А, у вас голубые-то глаза.

Коля. Были, теперь один голубой, другой желтый. Раз я попал в одну историю, полез на дерево за котом.

Маша. За котом? Вы молодец! Вы спасли живую душу! Можно, я вас поцелую? Я за кота все что хочешь отдам, даже свою честь!

Коля. Кот орет, спать невозможно было. Жена меня послала. Ночью-то! Ну и у меня глаз выпал с большой высоты.

Маша. Вы пожертвовали зрением, я вас уважаю! Ну? Спасли кота?

Коля. Вот и ну. Тишина воцарилась, да глаз разбился, а в мастерской они вставляют глазные протезы только парами. Что существенно дороже. Пришлось брать остаток, были разнопарки, один желтый глаз и другие такие маленькие черные, для монголов, что ли. Но со скидкой.

Маша. Но как я вас уважаю!

Коля. Теперь я ношу черные очки, поняла? После того как купили мне челюсть, парные глаза мы уже не потянули. Жена сказала, и так хорош красавец. Вот, изволите видеть *(лезет за другое стекло, вытаскивает наружу еще один объект размером с яйцо. Показывает Маше)*.

Маша. Да это не желтый, а светло-карий. Янтарный. Тоже красивый.

Коля. Вы думаете? *(Прячет глаз в нагрудный карман.)*

Маша. А свои какие у вас?

Коля. Были серые, что ли. Как у рыжего кота.

Маша. Так вот оно что.

Коля. Так вот оно что, а как звать тебя — Власом *(кланяется)*.

Маша. Очень приятно, меня Мария.

Маша протягивает ему руку, Коля сует ей свою, Маша как-то растерянно отступает, рукопожатие продолжается, и его рука до локтя остается в ее руке. У Коли в результате пустой рукав.

Коля. Вот вам моя рука.

Маша. Это что, предложение руки и сердца? (*Машет его рукой.*)

Коля. Сердце у меня одно, не предлагаю.

Маша. Меня успокаивает, что раньше вы были в комплекте. Это важно генетически. Вы были ведь полностью, когда родились? Мне нужно знать.

Садятся на свои кровати.

Коля. Я не помню. Мама что-то говорила.

Маша. Что говорила, расскажите о вашем детстве.

Коля. А чего?

Маша. Ну мама ничего такого не рассказывала, что ты был не такой, как все?

Коля. А, в этом плане. Ну, матушка говорила, маленький родился я.

Маша. Это прекрасно. Маленькие живучее.

Коля. Маленький-маленький, говорила. Двести граммов. Рост, правда, пятнадцать сантиметров. Говорила, как глистиночка худой.

Маша. И в результате все обошлось, правда? Мужчина получился видный. За ним очередь стоит!

Коля (*декламирует*). Дай, друг, на счастье руку мне.

Маша отдает ему руку, Коля, отвернувшись, вставляет ее обратно.

Такой огромной не видал я сроду.

Маша. Какой удивительный у вас протез!

Коля. У меня они парные (*вытягивает невероятно длинные руки, это протезы*). Я с третьего этажа с балкона что хочешь достану. (*Прячет их в фукава.*)

Маша. Я думаю, это хорошо, но неважно. Непьющий, некурящий, это важно. Это самое главное.

Коля протезной рукой хлопает себя по карману, достает пустую пачку сигарет, сминает ее, выбрасывает под кровать.

В наше-то время редкость, непьющие и некурящие, они в «Газбу» сказали.

Коля. Я сейчас вернусь. *(Идет к двери.)* А! Ой, все позабыл. Увлёкся темой. Дай денег. Как моя жена говорит: «На тебе рубль и ни в чем себе не отказывай».

Маша. Да что же это за жена такая?

Коля. Жена вытрясла из карманов все до копейки!

Маша. Жены хуже матерей. Мать всегда подумает о Се-рафиме, как он там, не голодный ли, не холодный. Где ты вообще, Мишенька. Иди ко мне, ну тебя.

Коля. Я повторяю, что я не Миша, а Коля, в крайнем случае Влас.

Маша. Я много прочла по педагогике, психологии творчества. Если ребенка воспитывать правильно.

Коля. Меня воспитали правильно, да. А вот мою жену — неправильно. Всё абсолютно деньги! Я еще надеялся! *(Активно роется обеими руками в карманах, снимает ботинки, отворачивает каблук, отвернувшись, копается в штанах.)*

Маша. Главное в воспитании. Мама должна знать, что рождает ребенка не для себя, что она только передаточный механизм из небытия в общество. Что она его кормит, охраняет, одевает, учит — но не для себя на старость. Он — сам для себя человек!

Коля. Человек — пара век.

Маша. Пара век?

Коля. Всё попарно. Пара глаз *(хлопает себя по карману, проверяет за стеклом)*, пара бровей *(удостоверяется в наличии бровей, оттягивает одну, Маша с напряженным вниманием следит)*. Некоторые органы только были выданы одинарные *(щупает нос, кадык, пупок, смотрит в брюках)*.

Маша. Что там?

Коля. Резьба сбоит, видимо.

Сдирает одну бровь, с сомнением рассматривает ее. Приклеивает обратно много выше и криво.

Маша. Ну вас и собирали сюда целым учреждением.

Коля. «Газбу» — это марка.

Маша. Вообще, давайте как следует расскажите мне о ваших предках. Чем страдала мама, бабушка, чем отец.

Коля. Что тут скажешь — гомозигота, страдала зевойтой, гетерозигота, пошла на работу, иксы и игреки, ха ха ха ху.

Маша. У меня, рассказываю, хорошая семья. Мама не старая, она меня родила в тринадцать лет. Недавно только на пенсию вышла.

Коля (*мучительно считает, говорит уважительно*). Вы моложавая.

Маша. Да нет, она у меня бойцом работала, их рано не пенсию увольняют, как балерин. Уже не та точность.

Коля. Бойцом? У меня друг в артиллерии служил, два года продежурил у атомной боеголовки. В колодце сидя. От скуки на ней написал одно слово и добавил «вам». Большими очень буквами. Чтобы, когда она полетит, всем было бы видно. Но не дождался, она не полетела. Уже. Он ее все время поливал, думал, заржавеет — нет. Заржавела. Когда чего-то сильно хочешь, то добьешься. Ракету списали, подняли на поверхность, долго везли с этим словом. А его на губу посадили. Но ненадолго.

Маша. Нет, моя мама на бойне работала. Боец. Она с рубильником управлялась. Плюс, минус, и всё. У нее там был козел любимый, он впереди овец бежит, они за ним. Вожатый. Потом, когда все овцы уже стояли в камере, его мать выводила наружу за рога. Но один раз приходит на смену, ей говорят: Семена меняем, прибыл молодой способный козел, Семен пусть сегодня остается с овцами в камере забоя. Он на нее так смотрел! Не кричал, когда она шлюз закрывала перед ним. Как ты с ними, Семочка, так и мы с тобой, извини.

Коля. Ну и мамаша у тебя... наследственность, я бы сказал... Тут подумаешь, надо ли мне детей от такой тещи.

Маша. Мать очень переживала, после этого скисла, молодой козел не туда повел отару, овцы пошли по цехам, видели кровь, мясо... Блеяли.

Коля. Я бы тоже блеял. Только и остается, блеять.

Маша. Ну и маму от греха подальше перевели на обвалку туш. Работа тяжелая, но не с живыми же. Она там план не выполняла. И ей дали инвалидность по профнепригодности, отправили на пенсию.

Коля. Как же так. Мне сказали, молодая, интеллигентная женщина, ранимая душа, хорошая семья. Не распалась семья.

Маша. А и не распалась. Мы с мамой так и живем, не разошлись. У нас кошки рожают каждый год три раза. И ни разу мама никого не отдала в чужие руки.

Коля. Так и живете?

Маша. Да. Только запах, конечно. Но мама к запахам привычная. На бойне особенно не поблагоухаешь!

Коля. Нет, не поблагоухаешь, да.

Маша. Моя мама любую уличную кошку готова приволочь. Я ведь не сразу поняла, на что она намекает, и вот мой путь в «Газбú».

Коля. Дела.

Маша. Маме нужны были дети. Я потом поняла. Здоровые, умные, красивые дети.

Коля. Но дело в том, что мой папа был арфист из Челябинска. Я-то здоровый, а он арфист.

Маша. Это уже талант, арфист?

Коля. У него были пальцы длинные!

Маша. Это результат упражнений.

Коля. Нет, у него на каждом пальце дополнительная фаланга (*показывает*). И на каждой руке по семь пальцев. У него были гигантские возможности, он охватывал две арфы! Справа и слева! Принужден был писать себе сольные вещи на четырнадцать пальцев аппликатуры.

Маша. Прекрасно!

Коля. Отец моей матери у меня, как известно, подполковник санитарной службы. Когда батя въехал к ним со своими инструментами, с двумя арфами, женился на маме Валентине Игнатъевне и начал играть, то подполковник почувствовал себя как на том свете, так он кричал, сижу как в раю, и сразу предложил по блату ампутировать зятю лишние пальцы, чтобы не позориться перед санитарной службой. Но папина мама приехала из Челябинска, моя

бабка, и резко ответила, что Бог знал кому дал, я вообще, сказала, живу с двадцатью четырьмя пальцами, а он и по-давно с двадцатью восемью проживет!

М а ш а. Но вы говорили четырнадцать?

К о л я. А на ногах же тоже, как ты думаешь! Ступня как ромашка, показать?

М а ш а. Ой, спасибо, я и так верю.

К о л я. У меня эта особенность только на ногах.

М а ш а. А зубов?

К о л я. Я же говорю, в стакане не помещаются! Шесть-десять четыре зуба! Мы сами не местные. Вы поняли?

М а ш а. А глаза?

Коля снимает очки, там у него закрытые глаза, на веках которых нарисованы ярко-черные зрачки. Все это раньше скрывалось за очками.

М а ш а. Вот это да!

Коля быстро нацепляет очки.

Зачем вам это?

К о л я. Так мне Бог послал.

М а ш а. У вас там кто Бог?

К о л я. Кто же знает.

М а ш а. Ну как зовут?

К о л я. Зовут «б» отдельно, отдельно «г».

М а ш а. Но это «Газбу́» меня обмануло. Я работала столько ночей и дней, чтобы скопить денег, оплатить две путевки, продавала котят в подземных переходах, у меня брали, котят редкостной красоты, комки пуха. Они ранят в самое сердце. С ними невозможно расстаться. У нас записывались в очередь. Мы купили дом в деревне. Прикармливали мышей, они у нас в подвале плодились, только наши специально свежие мыши, чтобы котики пушистые не отравились. Продавала, копила, купила путевки в «Газбу́». И все напрасно. Вы уж простите. Вы ведь с другой планеты, да?

К о л я (*солидно*). Как вам сказать...

Маша. И вы, наверно, так хотели детей от прекрасной землянки.

Коля (*улыбаясь*). Бьется в тесной печурке огонь... И поет мне в землянке гармонь...

Маша. Вы знаете много наших песен. Вас, наверно, готовили... Уж извините. Идите, всё, и можете выпиться. Я хотела здоровое потомство, для этого надо как минимум, чтобы будущие родители не пили и не курили. Один месяц. Всего-то. И генетических заболеваний чтобы не было.

Коля. Оу, у меня есть восемь дети. Тут, на земле. Одни землянки. Ни одного земляка.

Маша. Вот и еще одно. А я хотела Мишу или Серафима, еще не выбрала. Мальчика. Нам нужен мужчина. Хотя я подумала, Серафима будут дразнить Серя...

Коля. Не, Серя это Серега. А Серафим это Серяфа.

Маша. Да. Назовем Миша.

Коля. Моя жена сказала, второй раз я отказываюсь тебе рожать, одного такого раза мне вполне хватит. Живот был как микроавтобус. Восемь землянок, представляешь? Это сказываются мои способности. Я у моей мамы был первым, дальше должны были выйти на свет еще девять земляков, но врачи проморгали, упустили момент, была пересменка в роддоме, и следующие мои братья растворились в воздухе. Валентина Игнатьевна ничего не заметила, смотрела только на меня. Они рождались и прощались со мной, мои родные братья. Это уже наш закон: если на родившееся дитя никто не смотрит, оно растворяется.

Маша. И как вы назвали детей? Имена очень важны.

Коля. Мы их пока что не назвали. Так, сами по себе вертятся в тазике. Одну позовешь — все прискакивают. Юркие девки! Мы их зовем Шурки.

Маша. Всех на одно имя? Им тяжело придется в школе. А как ваша фамилия?

Коля. У нас нет фамилий. Свист разной высоты в пяти уровнях.

Маша. И как же? В школе вызовут к доске «Шурка!» (*Свистит.*) И все прискачат?

Коля. Ну к школе они все созреют настолько, что их сразу посадят в десятый класс. Свинговая каприль.

Маша. Это что такое?

Коля. Это когда особая дыхательная система.

Маша. Я хочу вам сказать, что тоже давно питаюсь по особой системе, каши, постное масло, причем необходимо очень медленно жевать масло, до сорока раз одну ложку.

Коля. Я не питаюсь вообще. Фотосинтез и всё. Нуждаюсь в свете. Я вообще зеленый.

Маша. Гринпис?

Коля. Есть и сине-зеленые, которые питаются по принципу водорослей.

Маша. Вот и вы не такой, как все. Я было надеялась встретить заурядного мужика, чтобы он по условиям контракта не пил и не курил месяц, полюбить его за этот месяц и зачать хорошего мальчишку. Больше женщине разве что надо? Чтобы любовь и дети. На большее мы и не претендуем. Сами справляемся. И чтобы дети были здоровы, сыты, обуты, одеты, образованы, сильны и умны. Всего-то. И любили бы всё живое.

Коля. Для этого надо, чтобы была другая система, женщина. Это золотой век, он сейчас есть в двух мирах. Остальные или стремятся к этому путем войн и насилия, или уже прошли этот этап и живут в индивидуальных капсулах.

Маша. В «Газбу» мне сразу предложили искусственное осеменение.

Коля. Это что, шприцом?

Маша. Да хоть клизмой, все равно не то. Ребенок вырастет, спросит. Я ведь никогда не буду ему лгать. Никогда. И в результате мой Мишка потом будет говорить «мой папа сдоился». Или «я ребенок вечерней дойки».

Коля. Я многому тут удивлен.

Маша. Полк солдат на сжеживание шагом арш.

Коля. Да и вообще, ой ли.

Маша. Ой ли что?

Коля. Ой ли полк солдат. А то в тюрьме в камере в углу у парашки поставят флягу. В камере семьдесят человек.

Маша. Вам весело. Вы злорадствуете.

Коля. Мы — мы размножаемся почкованием. Весной вылезают почки на подбородке. Каждую почку аккуратно доводят до первой зеленой чешуйки и в парник.

Маша. Вот я вас и выбрала в картотеке. Там были блондины, шатены, лысые, брюнеты, один рыжий, три тюрка, семит в виде араба, а под вами было написано «англосакс».

Коля. Да? Я да. Но частично. У меня дети англичане.

Маша. Значит, остальные были тоже подделанные тюрки. Правда, было двое афразиатов. Они родом из Монголии, там когда-то после Второй мировой войны не выбрался на родину негритянский полк. И уже в мирное время у них такие кудрявые монголы родились. Эти двое как раз добивались американского подданства, но с документами было неважно. Пока что ходили по заказам. Дети получатся евроафродизиаки и евроафродиты.

Коля. Гетероамбалы и гомодизеля. Я знаю.

Маша. А выбор был у меня, кого взять с собой на месяц на отдых. Молодые красавцы. А я купилась на интеллигентное лицо. Я вас почему-то, короче говоря, пожалела.

Коля. Я пошел в «Газбу» почему. И в другие такие места. Моя жена остановилась на восьми детях. А у Пушкина более ста потомков! Он породнился с Гоголем, с английскими королями, даже с Дантесом. И с Мэрилин Монро, даже с Киркоровым. То есть немереное поле деятельности.

Маша. У меня в роду был царь Эдип и, еще раньше, Авель.

Коля. Авель был убит неженатым.

Маша. А вот кто был женой Каина?

Коля. Вы разберитесь со своей историей вообще-то.

Маша. То есть ежели Авель не оставил потомства, мы все дети Каина. Каиново племя. Изначально погибшие твари.

Коля. Все вы родственники. И только я чужой.

Маша. А вы от кого произошли?

Коля. Мы деревья.

Маша. А у вас сколько детей?

Коля. У одного дерева знаешь сколько семян?

Маша. И от вас рождаются деревья?

Коля. Иногда кусты.

Маша. Да... Вот оно что...

Коля. Я тебе честно сказал, что я не тот, кто описан в картотеке «Газбу».

Маша. Мы рады быть обманутыми.

Коля. И я не человек.

Маша. А вот каково, по-вашему, определение человека?

Коля. У него все должно быть прекрасно. И душа, и одежда, и уши, и брови.

Маша. Простите. А что значит «должно»?

Коля. Ну, так сказано.

Маша. Ну вот я человек. И как я, по-вашему, могу сделать себе прекрасные уши?

Коля. Есть методы самовнушения. Сто раз каждый час повторять «у меня прекрасные уши». Верить в это.

Маша. И что?

Коля. И повесить изображение уха напротив кровати. Каждое утро молиться на уши. И они станут такими без операции!

Маша. Ну а ребенок, если он рождается с ушами как лопухи, он что же, будет не человек?

Коля. Скажем, не тот, кто нужен миру. Ошибка, сбой.

Маша. Но он же не будет как идиот повторять про прекрасные уши. Дети этого не терпят.

Коля. Мать должна верить и повторять.

Маша. Нет уж; пусть человек будет хотя бы нормальным.

Коля. Но вы же заказываете мне человека? Хотите родить с большой буквы?

Маша. Ну пусть что будет, то будет.

Коля. Вот этим всё у вас и завершается, абы как.

Маша. Буду его любить, кормить, купать, одевать. Будет мой маленький друг на всю жизнь. Всегда буду на его стороне.

Коля. Вот моя жена тот раз тоже уперлась рогом в стену, буду рожать. У нее рога небольшие, сантиметра два. Кривой рог.

Маша. Она ваша? Оттуда?

Коля. Нет, она местная, землянка. Но уперлась, будет рожать. Я говорю: у тебя и дети будут такие же, криворожье.

Маша. И пускай.

Коля. Пока не растут ни фига. Не разглядеть. Совсем малые еще дети, я подхожу, прямо вода в тазу закипает. Радуются. Шурки мои. Восемь персон. Моя жена-то, знаете...

Маша. Я знаю то, что я ничего не знаю. Я не знаю что с тобой поделаться.

Коля. Моя жена рогатая лягушка.

Маша. Как в сказке прямо.

Коля. Я, когда приземлился, ничего не понял. Вода, все родное, зеленое. Деревья шумят. Не на дереве же жениться, это я всегда успею. Смотрю – зеленое, понятно. Но прыгает и с рожками. Передвигается. Мы, деревья, стоим – а она прыгает! Так она мне понравилась! Вот это, думаю, обитательница планеты, жительница планеты Земля, первая, кого я увидел на Земле! И я должен жениться. Ну и вот. Дети пока головастички. Зелененькие. Такие пупырышки.

Маша. Ты встретил рогатую жабу, дорогой.

Коля. Потом-то уже я огляделся. Но первое слово дороже второго. Я женат. Жена ревнует, прыгает. Уперлась рогом: в «Газбú» не пойдешь!

Маша. Вот видишь.

Коля (*поет*). Снова туда, где море огней! Выпьем?

Маша. Заладила сорока Якова. Ты месяц не будешь пить и курить. А то мне потом всю жизнь маяться с большим ребенком. Мало того, что отец у него будет дерево. Я на это иду. Но у меня условие, что это будет непьющее дерево!

Коля. Ну вот а твои родители были разве непьющие?

Маша. Не спорю. Но я могла бы стать... не знаю, пианисткой. Лауреатом. А они пили, выпивали, компания, девчонки-ребята, восьмой класс. И я родилась. А маме двенадцать лет. В результате у меня памяти никакой, забываю имена. Встретила школьную подругу, хотела ей подарить котенка, стала надписывать «На память...» остановилась

и спрашиваю: «Слушай, а как тебя звать-то?» Она говорит, вот когда вспомнишь, тогда и подаришь мне котенка. Принципиальная. А у человека ну памяти никакой! Способностей ноль. Вот тебя как зовут, я забыла.

Коля. Дуб, по-вашему.

Маша. Ну и вот! Вышла рябина за дубину.

Коля. Ну и что, память... Ты красивая (*снимает черные очки*).

Маша. Голова два дня немытая.

Коля. Голова! У меня вообще нету головы. И ничего.

Маша. Как нету?

Коля. Это фантом. Мираж. Я этой головой не пью.

Маша. Вот бабушка у меня не пила, спасибо. А дед запивал ежедневно. А мама только после смены полстакана, чтобы сшибить слезу.

Коля. А отец?

Маша. Этот коллективный отец пил и пьет, конечно. Вот потому у меня и мечта. Все восемь человек у мамы отмечены на выпускной фотографии, за исключением двоих, которые сидят, и одного, которого убили. Она сказала, что вроде я похожа на Сережу и Олега.

Коля. А так может быть, ребенок двоих?

Маша. Это братья, один второгодник. Если одному я дочь, то другому племянница.

Коля. Сложные дела у вас тут. Выпить, однако, необходимо.

Маша. А я как решила, так пить бросила совсем.

Коля. А у меня сильная воля, когда хочу, тогда и брошу.

Маша. Я сказала себе, всё! Какое это горе, когда ребенок пьет!

Коля. Они сейчас не таковские. Не пьют. Они больше не пьют тут.

Маша. Это сказки.

Коля. Они нюхают, колются, глотают, жуют.

Маша. Ничего! Авось!

Коля. И зачем тебе это? Вырастишь, а он будет весь в уколах, как хирургический больной.

Маша. Поэтому я в картотеке «Газбу» и сделала запрос на генетически здорового, непьющего и некурящего.

Коля. Но вы же Каиново племя. Чего требовать! Вы и так проживете.

Маша. Да? Да? *(Вытаскивает мобильник, что-то в нем пишет, посылает sms.)* Ну вот и все, дорогой. Мы и так проживем!

Коля. Да уже прожили, я бывал здесь триста лет назад. Мор, голод, грязь. Я тогда приводился в Лондоне. Был женат на рыбе. В Темзе половина карасей мои потомки. Пришел в воду. Сейчас вот к вам попал. Предки высадились в Челябинске после тамошнего взрыва. Целый лес нас.

Маша. Ну как же ты так соврал, непьющий, некурящий. Как же так. В анкете соврал. Это уже уголовщина.

Коля. Не соврал. Когда я писал, я и был непьющий и некурящий.

Маша. Я мечтаю возобновить на земле племя людей с большой буквы!

Коля. Эти эксперименты на людях выходят боком. Уже Гитлер на эту тему многое сделал. И чем кончилось? Экспериментальные дети выросли и борются за права евреев. Гитлер этого добивался, а?

Маша. Но ведь если не пить, родится здоровый человек!

Коля. Любое улучшение ведет к мгновенному ухудшению. Оставь все как есть, родная!

Маша. Нет. Не могу. Я просила от тебя только один месяц не пить. Другие просят год! А я просила месяц, один месяц!

Коля. Я же болен уже, я дуб. Ты не на того напоролась, деточка моя бедная. Но, имей в виду, остальные клиентки всегда соглашались.

Маша. И много у тебя детей родилось?

Коля. Сколько хотели.

Маша. И есть здоровые?

Коля. Пока есть.

Маша. А фотографий детей у тебя не сохранилось?

Коля. В «Газбу».

Маша. А сколько лет ты этим занимаешься?

Коля. У меня же головы нет, одна листва. Алкогольный синдром. Я пенек дубовый.

Маша. А когда я рожу, тебе послать фотографию Мишеньки?

Коля. Можешь.

Маша. Куда?

Коля. На телевидение, мне.

Маша. Так вот откуда у тебя лицо такое знакомое! Как же я раньше не догадалась!

Коля. Потому и ношу черные очки!

Маша. Если бы моя мама знала, где я и с кем! И куда вообще попала... Я ведь поехала продавать последний окот и не вернулась, послала телеграмму «Встретила семью целую дочь». Она же страшно боится, как бы я тоже не осталась на всю жизнь искалеченной и без мужа.

Коля. Как мне тебя жаль! Ну я могу на тебе жениться. Хоть сейчас.

Маша. Как знаешь уже (*сигнал приема сообщения. Читает sms*).

Коля. Но первую жену возьмем, ее жалко. Она вообще немая, только урчит и квакает иногда. У нее пятнадцать болодавок. Я ей куплю террариум. И восемь детей. И иногда я буду туда переселяться, когда допыюсь до зеленых огней. А с тобой я поженюсь.

Маша. Пряма сейчас, только сбегает купим мне фату.

Коля. Мою первую жену зовут странно, Пипа. Пипа Мессершмит.

Маша. Да хоть Вассерман.

Стук в дверь.

Коля. Кто там?

Голос за дверь. Да «Газбú», «Газбú». Отчиняйте. Всё, мужской пол, выходите по одному.

Коля. Эт почему? С какого праздника? Мы сейчас, нам некогда, женимся!

Голос за дверь. Отчиняйте, всё. Вам нельзя жениться, всё. Поступило сообщение sms. Отвал.

Коля. Наоборот, мы только что решили жениться. Правда?

Голос за дверь. Есть, есть тут другой кандидат.

Маша. Кто да кто?

Голос за дверью. Тульские мы.

Маша. Что значит тульские?

Голос за дверью. Город такой, Тула.

Коля. А как зовут? Сейчас, сейчас.

Маша. Уймись!

Коля. Погоди (*обращается к двери*). Друг, друг, сигаретки не найдешь? Она у меня всё отобрала и выкинула в форточку! Тогда тебе дверь открою. Я уже с ней не могу больше. Ничего не разрешает.

Голос за дверью. Да отчиняй, какой вопрос, есть «Мальборо». А ее позови! Пусть откроет! Мы с ней поговорим.

Коля. Ну бутылку хоть прихватил, друг? Просто больше не могу. Хоть чего, хоть рябиновой.

Голос за дверью. За кого ты нас принимаешь? Мы с Тулы.

Коля. Что там у тебя?

Голос за дверью. Путинка литр.

Коля. А для нее что есть? Для дам.

Голос за дверью. Для дам «Что делать»! Редкая вещь. Сувенирная водка.

Маша (*читает sms*). Водитель, непьющий и некурящий, заканчивает институт. Святополк. (*Обращаясь к двери*.) Святополк вас звать?

Голос за дверью. Ну!

Коля. Что «ну»?

Голос за дверью. Ну Святополк.

Коля. Не открывай ему! Он пьет и курит. Я тебе не советую. Ты что! И денег у него нет. (*К двери*.) А деньги есть? Мне очень надо.

Голос за дверью. Нет... Не обещаю. Всё купил вот...

Маша. Это «Газбў» его прислало.

Коля. Ну и что? Хороший мужик.

Маша. Они мне написали. К вам выехал Святополк. Мы в курсе ваших переговоров. Но вот как это... Михаил Святополкович? Или Елена Святополковна вообще?

Голос за дверью. А, вот деньги я вроде нашел. Есть, есть деньги. Немного, но есть.

Коля. Ну все. Открываем?

Маша (*в телефон*). Нет, спасибо, Святополка мне пока вообще не надо. Мы как-нибудь сами тут договоримся.

Голос за дверью. Деньги нужны?

Маша. Спасибо, обойдемся. До свидания.

Коля. Стой, погоди. Давай откроем. Люди старались.

Голос за дверью. Так нужны деньги, мужик?

Коля. Я понял! Понял! Сейчас! (*Маше*.) А где ключ?

Маша. Ты не соображаешь? Они же хотят тебя заманить и выкинуть, понял? Это «Газбү-контрол».

Коля (*горячо*). Это ты не поняла. Они хотят мне деньги вернуть за дорогу. Хотят? (*В дверь*.) Вы деньги хотите дать? Мне хотите отдать?

Голос за дверью. Да, короче, отчиняй дверь. Или мы взломаем. «Газбү-контрол».

Маша. Так. Быстро в кровать! И раздеться, совсем. (*Тацит Колю*.) И трусы снимай. Они проверять приехали. (*К двери*.) Не нужен мне Свято этот полк! Мы живем с Колей!

Коля. Ну стоп... Ну не трынди... Он хороший мужик, ты че...

Маша. Они мне написали, что ты ошибка и ты не тот.

Коля. Стоп-стоп. (*К двери*.) А в чем фишка, земляки?

Голос за дверью. Это ошибка, эррор, сбой программы. Замена файла.

Коля. Файла? (*Смотрит на брюки*.)

Голос за дверью. Возврат денег.

Маша (*в дверь*). Да не надо нам!

Коля. Тебе не надо... А другим, может, надо!

Маша. И другим не надо. Все уплачено уже. Ложись.

Коля. Ты не поняла. Мне деньги очень нужны!

Маша. Ты не понял. Они деньги хотят вернуть как раз мне... Или заменить тебя Святополком этим из Тулы. (*В дверь*.) Поздно, девушка! Мы уже всё! Я уже всё! Я чувствую, что всё! (*Тянет Колю в постель*.) Вы слышите? (*Вскакивает на кровать, ритмично прыгает по ней. Стонет, подвышает*.) О, быстрее! Смелей, вперед! Вперед!

Коля. Мии-нуточку. Ми-инуточку. То есть как вернуть тебе? Они же мне деньги принесли. *(В дверь.)* Кому вы деньги принесли? А?

Голос за дверью. Вам принесли.

Маша *(прыгая)*. Ооо, ааа! Оийй!

Коля. Слышишь, мне! Поняла? Кому деньги, мне?

Голос за дверью. Вам деньги.

Маша подвывает.

Коля. Так. Давай ключ, а ну.

Маша *(тянет к нему руки)*. Иди сюда, у меня здесь ключ. Иди, иди, глупый.

Коля. Да погоди ты, тут дело серьезное.

Маша *(прыгая)*. Кто за такси платил?

Коля. Давай ключ, они ждут с деньгами.

Маша *(прыгая)*. Кто билеты на поезд покупал?

Коля. Ты что, не слышала, они мне деньги принесли!

Поняла?

Маша *(прыгая)*. За что?

Коля. За всё! За этот час!

Маша. А что ты сделал?

Коля. Платят повременную плату! А не сдельно! Поняла? Давай ключа!

Маша *(к двери)*. Идите, идите пока, он еще не кончил.

Коля. Кто, я не кончил? Ми-инуточку *(подбегает к кровати, вскакивает на нее, прыгает, стонет, кричит Маше)*. Ты стони давай.

Оба прыгают. Маша кричит «А! А! А!» Коля кричит «Ой!

Ой! Ой!» и рычит «О-оо!»

Маша. И! И! И! *(Снимает с него брюки.)*

Коля. Кончай!

Маша. Кончаю! *(Снимает платье.)*

Коля *(садится)*. Тебе было хорошо со мной?

Маша. Любимый.

Сидят, смотрят на дверь.

Коля (*громко*). Ух ты, сладкая моя (*звучно целует себя в руку*).

Маша (*стонет*). Устала я... нет сил двинуть ногами... Как хорошо было. (*Кричит*.) О как ты прекрасен, муж мой!

Коля. Пульс сильно бьется. (*Целует себя в руку*.) В горле стучит прям.

Маша. Как звезды глаза твои!

Коля (*к двери*). Как мешки с мукой груди твои! О моя жена!

Маша. Как полная грелка живот твой, о муж мой!

Коля (*к двери*). Как ягнята на холмах сосцы твои!

Маша. Как прекрасны яйца твои!

Коля. Как персик лоно твое!

Голос за дверью. Обнагтели, тьфу!

Маша (*подмигивая Коле*). Как шланг пожарный насос твой!

Голос за дверью. Блин горелый.

Коля. Как мышиный глазок врата твои!

Маша. Да, да! Что ты делаешь! Что ты делаешь опять со мной!

Снова прыгают.

Коля. О! Топ! О! Два! О! Хоп! Эва! Мум! Пли! Хря! Буп! Чпок! Брямс!

Маша. О! Милый! О! Зверь!

Коля. О! Топ! О! Два! О! Три! Хоп! Эва! Пши! Зу! Ба! Щу! Струкс! Дуппс!

Маша. О! Милый! О! Дай! Зверь! Еще!

Коля. О! Топ! О! Два! О! Хоп! Эва! Мум! Прау! Ба! Чуки! Бздым!

Маша. О! Милый! О! Давай! Еще! Хлещё!

Запыхались. Останавливаются, слушают, что за дверью.

Там тишина.

Коля. Але!

Маша. Ушли.

Коля. Как ушли?

Маша. Ушли, убедились, и всё.

Коля. А деньги?

Маша. Да не волнуйся ты так за мои деньги. Вернут они мне, и всё. (*Улыбается.*) Ты так здорово прыгал! Как смешно с тобой. Ты спортсмен? Чемпион?

Коля. А с какой стати? Че ушли-то? Во клоуны (*стучит в дверь*). Есть кто? Ку-ку. Откройте.

Маша. Они ушли, ушли. Прислали сообщение. У вас всё в порядке. Уходим.

Коля. Я же заработал! Как это? Почасовая же оплата!

Маша. Ну не волнуйся. Заплачу я тебе.

Коля. Ты?

Маша. Я.

Коля. Да дура! Люди принесли деньги, сказали мне, «вам», да.

Маша. Не тебе «вам», а мне. Они меня на «вы» назвали.

Коля. Мне. Ты!

Маша. За что? Конкретно за что?

Коля. Да за то! Они слышали, они свидетели, за что!

Маша. Так. Ты не понял.

Коля. Понял, понял.

Маша. Система такая: платила за всё я в «Газбú». Плата вперед. За всё будущее. И они тебе аванс дали. А когда всё произойдет... Я залечу... Тогда ты получишь вторую половину. Но не раньше.

Коля. Я этих денег ни одной половины не видел.

Маша. Я всё оплатила аккуратно.

Коля. Жена взяла.

Маша. Ну правильно.

Коля. Заплатила бы мне в руки втрое меньше, я бы к тебе переехал на месяцок...

Маша. Втрое даже?

Коля. Ну... Вдвое меньше. Или столько же, а тебе не все равно кому отстегивать.

Маша. Но нас познакомило «Газбú». Так бы я на тебя не вышла! В трамвае я бы и внимания не обратила... Мужик и мужик. Убогий какой-то. Это же надо было тебя разглядеть! Увидеть тебя! Услышать! Какой ты есть!

Коля. Все меня кидают. Взяли тут на работу по объявлению... Месяц я им эти изделия возил... Прихожу за зарплатой (*изображает*), а вы нам шкаф уронили! Но я же его поднял! Все доски собрал! Профура! И я иду домой голодный, понял! И всё понимаю! Они после меня берут следующего, он месяц им возит... И они опять: шкаф упал. И опять не платят! А это концы ой-ой-ой! С Бибирева да в Химки! Знал бы, я бы им все шкафы порвал бы!

Маша. Ты мне их покажи, я на них напущу своих людей. Обнаглели совсем. У нас на птичьем рынке такие мастера ходят! Судьи бультерьеров.

Коля. Есть было нечего. Вечером ходил в супермаркет, морковку съем, огурец... Булку. Видеокамеру найду и прямо под ней ем. Она вертикально вниз не берет.

Маша. Мы тебе сделаем сайт в интернете, служба знакомств. Сфотографирую тебя, я котят знаешь как наловчилась снимать! Ты не хуже никакого котенка. Очередь к тебе будет стоять по записи!

Коля (*доволен*). А я тут с тобой ваньку валяю. Да, можно, а что. Фото в интернете.

Маша. Станешь известной проституткой. С тобой высокие чины будут в баню ходить.

Коля. Это с какого переполоху я стану проституткой?

Маша. Как же? Проститутка, мужчина по вызову. Продавать себя за деньги.

Коля. Где они, те деньги? Со всеми сплю бесплатно.

Маша. От меня получил.

Коля. Это деньги? Вообще все доехали прям! И учти, я когда ухаживаю, то предлагаю всё бесплатно. Но к кому ни придешь, дура заявляет так: типа сначала постель, потом только выпить. А у меня процесс такой: стакан – постель – стакан. Ну и еще полстакана. Вернее, так: стакан – поговорил – стакан – музыка – свет гаснет – полстакана – и это.

Маша. Заснул.

Коля. Дура тоже. Ну что ты знаешь, что ты обо мне знаешь?

(Подскакивает к двери.) Да! Вас слушают!

Неразборчивый голос.

Да, да! Я Коля, да!

Неразборчивый голос.

Вы деньги, нет?

Неразборчивый голос.

А когда она ключа не дает!

Неразборчивый голос.

Как? Что?

Неразборчивый голос.

326

Понял. (Маше.) Они говорят, ты пароль знаешь как открыть. (Подскакивает к двери.) Да понял, сказал уже.

Маша. Коля!

Коля. Они деньги принесли мне, поняла?

Маша. Господи! Не уходи!

Коля (у дверей, слушает). Понял. (Маше.) Они говорят, чтобы сказать пароль. Говори пароль!

Маша. Коля! Ну сколько можно повторять, господи!

Коля. Че ты бухтишь одно и то же. Пароль нужно, поняла? Говори скорее, ну?

Маша. Ой, господи. Одно и то же.

Коля. Забуксовала? (Щелкает пальцами перед ее лицом.)

Маша (уклоняясь). Господи, я и сказала пароль.

Коля (в дверь). Она же говорит пароль, откройте! (Стучит.) Это и был пароль!

Неразборчивый голос.

Маша. Коля, господи, оставь их, иди сюда.
Коля. Да погоди ты. Че?

Неразборчивый голос.

Они говорят, это не с этим выражением. У них прибор не считывает. *(В дверь.)* Че? *(Маше.)* Говорят, это по-другому звучит.

Маша. А как?

Коля *(к двери)*. А как? *(Слушает.)* Ну как надо? *(Слушает.)* А. *(Маше.)* Они не знают, как надо. Они знают только, как не надо.

Маша. Ну скажи сам.

Коля. А че я скажу?

Маша. Госсподи. Пряма не знаю.

Вой прибора, скрежет.

Маша. Ух, надоел! *(Нежно.)* Господи, Коля, я же тебя люблю! Тьфу!

Неразборчивый голос.

Коля *(дергает дверь)*. Блин! *(Маше.)* Ну ты в угол меня загнала совсем!

Неразборчивый голос.

Маша. Коля! Когда я тебя выбирала в картотеке, меня предупредили, что у тебя два лица, одно лицо как сейчас, а другое совсем другое.

Коля. Это у всех будет другое лицо, если дверь запирать! А ну, открой!

Маша. Слушай. И мне сказали, что ребенок может унаследовать одно твое лицо, а может другое. То есть одно лицо тебе дано для любви, а другое для равнодушия.

Коля. Ну.

Маша. И я пока что видела только одно твое лицо, а второго не видела.

Коля. Ну.

Маша. И если ты не покажешь мне свое другое лицо, то дело плохо...

Коля. Дверь не откроется?

Маша. Ты не получишь вторую половину денег.

Коля. Как?! Они же слышали, как мы прыгали!

Маша. Они слышали, а деньги плачу я! А что это дает, что мы прыгали? Да хоть бы бегали! Всё одно.

Коля. Я же тебе говорил, дура. Дурочка маленькая! Мой ведь процесс какой: стакан – разговор – стакан – разговор – полстакана – гаснет свет – музыка...

Маша. И дебил.

Коля. Кто дебил? Я дебил?

Маша. Ребенок дебил. От бутылки.

Коля. У меня сейчас восемь человек девок, все после бутылки, и никто не дебилки! Ни-кто! Несмотря на то что я их кормлю вискасом. Им полагается есть комара живого, улитку, ряску, пить речную воду. А где я это возьму? Если они живут в тазике?

Маша. Вьлей их в Москву-реку.

Коля. Сама туда кинься. Это мои дети! Вырастут лягушки, у них всё будет! Отвезу их в лес, попрощаюсь... Идите в болото!

Маша. Ну правильно.

Коля. Я начну зарабатывать! Ты права! Сделаешь мне фото в интернете. А предыдущие мои дети? Караси реки Темзы в Англии? Они умные, живые, едят червя! Я люблю моих детей! Из них никто не дебил! А деревья? Все дубы и все шумят!

Маша. Я тоже уже люблю нашего Егорушку!

Коля. Какого еще Егорушку? Ты че вообще?

Маша. Который у нас родится. Ангел в кудрях.

Коля. Совсем ты, что ли? Он у нас родится дубом. Поняла? Я сейчас дуб. *(Развешивает фуки.)*

Маша. У тебя есть и другое лицо.

Коля. Другое лицо у нас проявляется редко, очень редко, в минуту сна. Я себя не видел другим. Когда я усну, погляди на меня специально.

Маша. Я посмотрю, дорогой. Обязательно посмотрю! *(Читает sms.)*

Коля. Но я тут спать не занимался! Скажи пароль, сука, как надо!

Маша (*закрывает телефон*). Ну вот, приехали из «Газбу», говорят, что готовы предоставить мне другого кандидата. Я половину отдала им на твою оплату, но он согласен работать и за половину. Месяц будет спать со мной.

Коля. Дембель после армии, что ли?

Неразборчивый голос.

(*Слушает у дверей.*) Да нет, ты че, они говорят, что ты уже забеременела! У тебя пятерня!

Маша (*махнет рукой*). Откуда! Ничего же не было!

Коля. Я же дерево! Ты помнишь Зевса? Он и дождем проливался, и лебедем был, и быком. А мы опылением размножаемся, воздушно-капельным путем. Покашлиал — готово, лес.

Маша. А ну дыхни!

Коля. Ты что! Не буду, а то ты не разродишься.

Маша. А кто у меня будет, мальчишки? Или девчонки?

Коля. У меня сейчас идут мальчики. Ну все, я пошел. Дело сделано.

Маша. Господи, как я люблю тебя, Коля! Сейчас откроется дверь.

Смотрят на дверь. Она не открывается.

Коля. Не так сказала.

Маша. Знаешь, это должен сказать ты. Господи, как я тебя люблю.

Коля. Врать не буду. Я женщин не люблю.

Маша. Это интересно.

Коля. Мужчин тоже.

Маша. А детей?

Коля. Только своих, и то в раннем возрасте.

Маша. На что же мне надеяться?

Коля. Я женщин люблю только незнакомых... Она пройдет так мимо... Как ветка, полная цветов и листьев...

(Показывает грудь и бедра.) Но как я вспомню, что у меня восемь детей и жена жаба в тазике квакает... А ведь я ее любил когда-то. И думаешь — все пройдет...

Маша. Скажи. А когда ты меня увидел в первый раз... Что ты почувствовал? Я же была незнакомая? Как ветка, полная цветов и листьев?

Коля. Как ветка, да. Ты так прошла, прошумела мимо... Протарахтела. Чемодан на колесиках... Везла его ветка, полная цветов и листьев, и говорила по мобильному. Прошла мимо, меня не видя, а мне уже сказали, что вот это ты. Ты достала деньги... Я как-то сразу к тебе потянулся... Я шел за тобой очарованный... Такая мягкая, нежная, стройная... Столько денег... Кошелек, доверчиво открытый, в руке...

Маша. Ну? А потом?

Коля. А потом я тронул тебя за локоть, помнишь? Говорю, женщина, застегните кошелек!

Маша. А я?

Коля. А ты обернулась посмотреть, строго так...

Маша. Я не могу терпеть, когда ко мне пристают на улице... И что я?

Коля. Ты говоришь, «че надо» так, «че надо?»

Маша. А ты?

Коля. А я говорю...

Маша. Ты говоришь: «Вы Маша?»

Коля. А ты так строго: «Допустим». А потом: «Ой, это вы?»

Маша. А ты говоришь: «Не вы, а ты».

Коля. Ты мне очень понравилась. Доверчивая, с открытым кошельком.

Маша. «Это ты?» Сказала я. Это ты?

Коля. Это я.

Маша. У меня сердце забилось.

Коля. У меня крона зашумела. Корень вырос.

Маша. А я что говорю?

Коля. Ты так: «Ой, такой чемодан у меня тяжелый, я по сторонам не смотрела».

Маша. А ты?

Коля. А я: разрешите я поволоку ваш чемодан.

Маша. А я?

Коля. А ты так строго: «Пароль»? Так сразу: «Пароль!»
А глаза уже нежные.

Маша. А ты?

Коля. А я засмеялся и сказал «Газбú»!

В дверь стучат.

Да погодите вы! Еще мое время не кончилось. А ты говоришь: «Я вас таким себе и представляла». А я: «Каким таким?» И ты ответила...

Маша. Я ответила, да. Вы — человек, который мне часто снится. Человек с половиной улыбки, а другая половина подразумевается. И ты подхватил мой чемодан, и мы пошли искать билетную кассу, а потом седьмую платформу. Эта платформа будет навсегда для меня местом моего первого счастья. Вырастут наши мальчишки... А я буду приходить на седьмую платформу. Уже и ты меня позабудешь...

Коля. С чего это я тебя позабуду? Не надейся.

Стук в дверь.

Да кончай ты стучать, дятел! (*Маше.*) Как же я могу забыть эти глаза? Это лицо, на котором была любовь... Ты была как ветка, полная цветов и листьев...

Стук в дверь.

Да не надо нам никого! Иди, иди! Шарь отсюда! Мы сами найдем куда деньги мимо положить.

Маша. Ну погоди. Не гони ты его... Ты же добрый. Ты отец Сашеньки, Алешеньки, Митеньки, Юрочки, Андрюшеньки. Они будут как ты, как сейчас у тебя лицо... Добрые, умные, смелые...

Стук в дверь.

Коля. Да отлипни ты!

Маша. Ты лучше их всех.

Коля. Да ладно тебе.

Маша. Если бы ты знал, какой ты...

Стук в дверь.

Коля. Я кому сказал?

Маша. Ну не гони ты его, он бедный... За половину денег идет как раб... Как сексуальный раб.

Коля. Не, пусть там постоит.

Маша. Ты же добрый...

Коля. Не пушу.

Маша. Тебе что, жалко тех денег? Которые тебе не заплатят?

Коля. Мне? Да мне вообще... Если сказать, будешь смеяться. Кто мне из женщин когда платил? А? Жена-жаба? Эта Светка медсестра, с которой я по часу валандался в клизменной? Я уже не считаю в командировках в гостиницах... Никогда меня не отблагодарят, никогда! И в купейных вагонах соседки. А в плацкарте? А на пляже ночью? Хоть копейку бы заплатили! А в туалете в поликлинике? Идешь на риск... И ни гроша ни-ко-гда! Да в жизни! Я от женщин даже спасибо не слышал. Адрес спросят, и всё. И никогда денег не пришлют!

Маша. Ну тогда ты почему не хочешь, чтобы он вошел?

Коля. Потому что ты должна родить моих детей чистой, поняла? Чистой женщиной! А если он внедрится в тебя своим немьтым корнем, они испугаются и рассосутся! Они же дети духа! Так погибли мои восемь братьев у мамы, Валентины Игнатьевны... От обиды, что на них никто не поглядел, никто не ждал.

Маша. Ты можешь быть спокоен. Я больше никого не впушу.

Коля (*поет*). Маша! Ты всегда и повсюду со мной! Ты со мной!

Маша. Коля! Повторяет за мною прибор золотой!

Коля. Маша! Нананана-нанана мечты — это ты!

Маша. Коля! Барбаты марматы это ты, это ты!

Стук в дверь.

Коля. Да не пушу я тебя! (Маше.) Ну скажи мне: «О господи, я люблю только тебя!»

Маша. Ты хочешь этого? Коля, ты хочешь, чтобы я тебе это сказала? Несмотря ни на что?

Коля. Мне никто никогда этого не говорил!

Маша. Но ведь дверь откроется! И он войдет!

Коля. Я его выкину. Я же дуб.

Маша. Ты вообще-то еще ни разу меня не поцеловал.

Коля. Я боюсь!

Маша. Не бойся, глупый!

Коля. Я боюсь девятёрни. У меня, знаешь, такой страх, искренне скажу. Когда меня просят там прийти полку повесить... Ну, знаешь? Диван подвинуть там... Ну, поняла?

Маша. Не поняла, но давай.

Коля. То я всегда боюсь! Что чихну и раз! И я донор этого... Семя, семя извергаю!

Маша. А что этого бояться! Не все ли равно! Не тебе ведь ходить девять месяцев, не тебе рожать, не тебе кормить. Насильно мужа к себе не привяжешь.

Коля. Один раз после Нового года так просыпаюсь, утро, двенадцать часов. Лежу на чужой диван-кровати, две подушки мятые, два одеяла. Хвать! Проверяю руки-ноги, весь комплект. Не хватает одного глаза и трусов. Лезу как есть под диван, всё в пыли валяется. И главное, у глаза резьба сбоит. Тут я и догадался, что меня использовали как донора! Кто, где, как. Думаю и не знаю. Через три года моей маме, Валентине Игнатьевне, телеграмма. Встречай внуков. Один внук художник Шилов, генерал, второй драматург Шатров, третий космонавт Гагарин. Четвертый Евтушенко, знаешь, поэт? Пятый Березовский, кандидат наук, он младший. И еще средний, сержант ГРУ... забыл... Распутин, что ли... И такой Черномырдин, он вообще в детском доме вырос, по-русски не умеет. Валентина Игнатьевна прежде всего у них ножки проверила, и у всех шестые-седьмые пальцы в зачаточном состоянии. Мои дети...

Маша. Стало быть, у моих будет то же самое?

Коля. Ничего, у них отрезают это ниткой еще в родильном доме. Ты не бойся! Ну что! Господи, как я люб-

лю тебя! Как я люблю тебя! Прощай, ветка. Не могу сдерживать этих слов. Пусть он войдет. Господи, как я люблю тебя!

Гром. Растворяются двери. Там никого нет.

Как я люблю тебя, господи боже ты мой! А где все? С деньгами?

Ждут. Никого нет.

Маша. Они поняли всё и ушли. Ты погаси свет, там выключатель. Дверь закрой на щеколду.

Коля закрывает дверь на задвижку.

А то еще скажу это... Как я люблю тебя... *(Замолкает.)*
Мало ли... А я стесняюсь, когда дверь нараспашку и чужие ходят.

Коля. А я!

Маша. Я боюсь, что ничего не получится...

Коля. А я!

Маша. Я так боюсь, я так боюсь... Ужас как боюсь...

Коля. А я! Господи!

Гаснет свет. Открывается дверь.

ОН В АРГЕНТИНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нина, немолодая женщина
Диана, очень старая женщина

Диана сидит перед домиком у стола. На дереве прибит умывальник, под ним ведро. На столе чайник. Под стулом пустая литровая банка. Появляется Нина.

335

Нина. Ну как? Как вы тут? Я приплыла. Что ели? Еда есть? Я вот принесла.

Диана. Ах! А! Здравствуйте. Неожиданно как. Вы теперь сюда приплыли? Не скучно там было?

Нина. Как вы, ладно, спрашиваю? Не скучно — это не то! У меня нет слов, одни буквы. Там — вообще.

Диана. Вы приплыли, и уже хорошо. Тут все другое. Иной мир! Воздух! Поздравляю вас!

Нина. Я спрашиваю, как вы! Еда есть?

Диана. О, спасибо, есть. Вы просто мать Тереза. Обо всех заботитесь.

Нина. И чего?

Диана. Это была такая святая.

Нина. Нет, чего вы тут?

Диана. Вот сажу.

Нина. Вижу, не стойте.

Диана (*переспрашивает*). Что вы, простите?

Нина. Глухня. Говорю, вижу, что сидите. Сама вижу.

Диана. Сажу, как вы уже видите.

Нина. Почему не варили? Вы не варили? Я принесла.

Диана. Почему я не варила?

Нина (*с ударением*). Я — спрашиваю — почему не варили. Вы не варили.

Диана. Кое-что осталось ведь уже.

Нина. От чего осталось?

Диана. От вчера.

Нина. Сегодня вечер!

Диана. Ах вот как!

Нина. А вчера было вчера.

Диана. Вот как? В каком смысле, простите?

Нина. Вот в каком. Вчера это было вчера, а сегодня вон уже вечер, я приплыла.

Диана. Не расслышала, в каком, в каком? То есть смысле в каком.

Нина. В таком, тетеря! Что не ели вы.

Диана. Ах, вот вы о чем. Не заботьтесь! Было-было, вы не беспокойтесь. Вы не всё знаете.

Нина. И вчера у вас ни хера уже не было. Вот осталось от обеда (*кладет полиэтиленовый пакетик на стол*). Винегреда привезла. Наделаешь, наделаешь, настрогаешь целый тазик — не жрут ни хера. Морды воротят, что эта, что те... А того нету трети сутки вообще. Он у тех. Он им повезет весь мой тазик винегреда, те слопают. А эти: «Ма, мы не будем это и это».

Диана. Да? Мм. Эти и те. А того нету. Непонятно, но здорово.

Нина. Вот и да! Вам привезла, вы у меня съедите. Я делала сама. Не собакам же выкидать.

Диана. О, спасибо, я уже.

Нина. Нет, вы еще не уже. Еще со вчера не емши. Я вижу.

Диана. Успокойте себя. Вы не обо всем в курсе.

Нина. Я? Че тут, в курсе, не в курсе, все видно. Вода в чайнике и то (*трогает*) холодная (*заглядывает в чайник*). И почти полный чайник. И не пила?

Диана. Я?

Нина. А кто, я, что ли.

Диана. И пила, и все такое (*делает жест у ножек стула*). Не волнуйтесь.

Нина. Че не волнуйтесь, мне потом расклебывать ваше поведение.

Диана. Не надо ничего расклебывать!

Нина. Надо! Пейте! *(Ищет чашку, находит под столом литровую банку, вытаскивает из нее содержимое, наливает туда воду из чайника, сует Диане под нос.)*

Диана *(отворачивается как может)*. Нет, это не для этого банка! Нет! Что вы! Пре... прекра... прекратите! Ммм... Оо!

Нина. Ну вот, попила. Рот-то был как пещера! Сухая пустыня!

Диана вытирает лицо платком, почти плачет.

И нечего было морду воротить! Как те! Сейчас еще попьешь у меня! И съешь винегред! Полная банка винегреда у меня, некуда девать! Специально везла, у меня еще есть.

Диана. Боже мой, за что? Что я вам сделала? Зачем вы издеваетесь над старым, больным, беспомощным человеком! Я же брат твой! Вы постареете, захотите, чтобы вас так унижали? *(Тихо, опустив голову, объясняет.)* Это грязная специальная баночка!

Нина *(смеется)*. А! Ну понятно. А ничего. Это же твое было! А люди вон специально, просто нарочно, мочу тоже пьют, я по телеку смотрела. Поссут утром и пьют утреннюю дойку! И ничего, потом идут и выступают по тэ вэ! А я козу дою, и мы пьем что у нее между ног течет! Здесь же природа, сельское хозяйство! Говно собираем тут по кустам и в бочку! По технологии! Ночное золото! Что же, оно сопреет – и через срок в картошку, в моркошку, в лук, и всё едим потом! И руки не моем! И всё!

Диана. Боже мой, уйдите.

Нина. Я?

Диана. Да.

Нина. Это мое тут, что ты здесь указываешь. Раскомандовалась с лишним! Все тут мое! Половина почти что острова моя.

Диана. Вы сестра-хозяйка, вы тут главная, но вы не имеете надо мной власти. Этого вам не дано.

Нина. Я тут директор. И все могу сделать!

Диана. Что вы со мной можете сделать?

Нина. Я? Да всё. Отвезти на берег и там высадить. На пристани. Всё! Наша база отдыха закрыта, понятно? Вам тут нечего сидеть голодать!

Диана. Я голодаю? Кто вам сказал?

Нина. Я все знаю и все поняла. Как только приехала и увидела вас.

Диана. Не обо всем вы знаете, нет, о нет! Вы многого не знаете. Вы многого такого не знаете... Лучше вам не знать.

Нина. Че?

Диана. Не надо вопросов.

Нина. Загадки какие-то. Чего это я, интересно, не знаю?

Диана. Насчет моей еды.

Нина *(как бы обалдев)*. О! *(Презрительно.)* А! *(Стонет.)*
О-о. *(Кряхтит.)* Оий. Да знаю я.

Диана. И о будущем вы не можете знать.

Нина. И вы меня не пугайте! Будущим этим! Меня-то!

Диана. Помилуйте! Как можно! Каждый сам за себя, особенно тут. Да. Каждый сам себя пугает больше.

Нина. Вот-вот! Вы это бросьте! Да я такие... Такие думы думаю... Мама мамы в сто лет... Одна подыхала, прости господи, в деревне. Всем же некогда! Тут внучка очнулась, сорок пять лет ей, надо совесть иметь, ее ведь к бабке увозили с пеленок, она там жила каждое лето, ну, был семейный совет, совет в Филях *(ударение на «и»)*, такая картинка была в календаре, ну вот. Она, эта внучка, так головой махнула, ладно, я беру на себя, все согласны. Ну что, поехала, думала выгода будет, избушку ее продала, все пропила, а пришлось брать бабушку к себе, взяла ее эта внучка типа вот как эта ваша мать Тереза, считала, что ненадолго, сунула за шкаф. Все уехали, лето было, думали друг на друга, думали внучка с ней, у которой она жила, а внучка эта... моего старшего брата дочь шалавая... алкоголь вообще. Ей надоело за бабкой смотреть. Запила,

пропала где-то, приехала через две недели... Рука на пере-
вязи. Типа сломатая. В больнице лежала. Да дуру лепила,
что рука. Это как оправдание. А бабка высохла вся, сидела
как фараон египетский... На полу у кровати... Муми-ци...
муми...фикци...

Диана. Мумифицировалась?

Нина. Ну. Пить-то не было что.

Диана. Это фантастика. Да... Вели-ко-лепно. Такой дар
небес.

Нина. Дар, блин! В гроб-то как сидячую ложить?
Как?

Диана. Я об этом даже и думать не желаю. Всему свой
найдется выход. Да!

Нина. За деньги и враскоряку положат. Только пла-
ти. Я заплатила, видали что! Я! А на хера мне это было
нужно?

Диана. А это уже, так сказать, мировой вопрос.

Нина. Какой?

Диана. Выходит, что действительно мать Тереза — это
вы! Благослови вас Господь!

Нина. Ну! (Пауза.) Я еду сюда, думаю, что увижу? Тоже
сидеть будет скорюченная? Но! Слава тебе, Господи. Ду-
шенька моя, живая. Да я тебя сейчас живо в город перене-
су на закорках до катера!

Диана. Мама ваша переживала, что ее мама так закон-
чила свои дни? Без воды?

Нина. А что моя мама? Она все о себе горькие думы
думает. Сама сейчас еле живая у брата плачет, а ко мне не
хочет сюда ехать. Говорит, ты меня на воздух возьмешь,
а на зиму они меня обратно с воздуха в квартиру не при-
мут. На выход всегда пожалуйста, а вот на вход обратно в
свою конуру — извините. Валька, ее невестка, не возьмет
ее обратно, обрадуется. И ты меня, мама моя говорит, не
поселишь у себя в квартире, к тебе нельзя будет. Да! Пра-
ва моя мама! А куда ко мне, это не ко мне! Там я не решаю.
Там дочь с внучками и этот наш знаменитый зять. У меня
есть только диван в проходной комнате, где все толкнут-
ся. А у брата, где моя мама живет на кухне, вон невестка
поперек себя шире сидит жрет. Я вожу сумками, сумками

им! Едят, едят. Я маме вожу поесть, а наша невестка все стрескат.

Диана. Еда — это очень опасная вещь. Вот ваша мама мамы... Это благодаря этому. Только этому. Не есть! Вы в меня вдохнули надежду!

Нина. Че это? На что?

Диана. На фантастический результат.

Нина. На какой?

Диана. Не скажу.

Нина. Не скажет она. Нет, уже хватит с меня мумифи... Это, мумификации! А ну, ешь! Ешьте!

Диана. Я же уже сказала, еда, как я опять убедилась из вашего рассказа, опасна и не нужна для результата.

Нина (*та же игра, что и прежде*). О! А! О-о. Оий. Опасная еда ей. (*Пауза.*) Из какого моего рассказа?

Диана. О вашей маме мамы. О ее результате.

Нина. Кого?

Диана. Мамы мамы вашей результат.

Нина. А. А что я сказала такого? Мамы мамы какой результат, что?

Диана. Да! Не будем уточнять! Но вы вдохнули в меня надежду!

Нина. Ничего я не вдохивала! О господи. Вы, скажите, ели, я уплывала?

Диана. О, разумеется!

Нина. Что?

Диана. Ну кому это может быть интересно, еда.

Нина. Вчера вы не варили.

Диана. Вчера? А что это было, вчера?

Нина. Вчера я, сказано, уплывала.

Диана. Вот как! Вас не было! Я и не подозревала! Как странно!

Нина. Вы не могли варить.

Диана. Я?

Нина. Я газ отключила, кухню закрыла на замок, уплыла.

Диана. Ну разумеется! О чем вы говорите! Я же забыла, я варила перед тем! На три дня!

Нина. Че ты варила, че ты варила!

Диана. Простите? Не расслышала.

Нина. Я была тут, на усадьбе. Подкапывала себе картошек. И я следила за кухней. Тот день вы не варили. Голову так подниму – нет, не пришла.

Диана. Вы ведь отходили? Отходили. Я быстро успела. Туда и сразу сюда.

Нина. Куда, куда я отходила! Я сказала, картошек себе подкопала и все, куда отходила. Пошла варить.

Диана. В туалет вы что, не отходили?

Нина. Я? Да я под яблони хожу, там прикапываю, ты что! Удобрение. Под сливы. И смотрю в сторону дома и кухни. Привычка.

Диана. Вы руки мыть отходили.

Нина. Руки? Руки мыть? О! *(Показывает руки.)* Я всю жизнь в воде болтаюсь! Руки мочу. Еще мыть их буду. Они мытые!

Диана. Ну вы в дом заходили, обедали.

Нина. Я на кухне из кастрюли стоя хлебаю. Время нет, время у меня нет! Так что скажите честно: нет, не варила.

Диана. Наоборот, да!

Нина. Что это еще «да»!

Диана. Да! Да, я не варила. Вы поели и пошли из кухни в дом, не знаю зачем, я забежала в кухню тоже похлебала. Ваше.

Нина. Да тьфу! Я как сварю, все выедаю доскребаю. Там нечего за мной хлебать. Сварю и сожру.

Диана. Нет, я помню... Картошку съела. Вы отлучались, отлучались. Я быстро раз! И выловила картошку. Обжигаясь съела.

Нина. А с чем были щи?

Диана. Я видела только картошку. И выловила! Щей не ела.

Нина. А не щи были! Не щи!

Диана. Я и говорю, щей я не ела.

Нина. А что было?

Диана. Не упомяну. Это же было когда... Позавчера. Память у меня, сами знаете.

Нина. Память у ней! Такк. Сегодня вы ели?

Диана. Варила, да. И съела, кастрюлю помыла.

Нина. Я же газ отключала! Только сегодня включила!

Диана. Вы припльбли когда?

Нина. В три. Да, в три.

Диана. И газ включили, кухню открыли?

Нина. Ну да. Поросяткам поставила картошек.

Диана. Ну, вот я и вклинилась.

Нина. Что вклинилась, когда это?

Диана. Вы отперли кухню, так? И отошли. Ушли в дом.

Нина. Ну.

Диана. За это время я помчалась, успела подогреть.

Нина. Да вы помчались... что вы помчались! Ползаете тут как черепашка какая-то.

Диана. Я боялась, что вы опять все запрете, и вклинилась. О как я ела! Как мясорубка. Все вылизала. Так-то.

Нина. Что это вы вылизали?

Диана. Что у меня скипело.

Нина. А что это у вас скипело?

Диана. Суп. Супчик.

Нина. Суп из чего?

Диана. Ну как вам сказать.

Нина. Че было?

Диана. Не хочу даже говорить. Совру.

Нина. Та-ак. Своровала.

Диана. В каком смысле?

Нина. Ну взяла у меня?

Диана. Где?

Нина. Отсыпала у меня? Картошку взяла?

Диана. Да бог с вами, Ниночка. Бог с вами. Вот это нет.

Нина. А тогда что вы варили? Я часто отхожу, я отойду, я же не запираю каждый раз. Не записываю веса. Я честная и все честные. А вот крупа манка! Манка в банке моя уменьшается.

Диана. Нет, нет. Манка? Я такие вещи не употребляю. Манка. Куда там. Ненужная, вредная вещь! Все витамины, всё там разрушено!

Нина. А докажите тогда, что вы варили?

Диана. Ну ладно, так и быть. Та-ак... Что я варила. (Пауза.) Крапиву. Щи из крапивы.

Нина. И манки туда. Манки сыпануть. Крапиву она ест! Крапиву с кашей манкой. И с картошкой.

Диана. Нет, боже упаси. Мне хватает. Манку я не ем. У меня под кроватью осталось от Даши, от Кати, они уезжали, мне нанесли всего. Ну что вы, говорят мне, Диана Евгеньевна, мы это потащим, поволокем с собой обратно? Эти крупы замшелые с весны? Оставили мне. Вон войдите, под кроватью пакеты. Греча, геркулес. Соль. Но соль я не употребляю.

Нина. Почему это? Соль она не употребляет, ну надо же. Вредная она вам?

Диана. Уже тридцать лет ни соли, ни сахара.

Нина. А вам сколько?

Диана. Вы знаете, сто пятьдесят.

Нина. По-нят-но. Паспорт покажите.

Диана. Он у моих. У моих в городе.

Нина. Так не годится.

Диана. Оставила на всякий случай там.

Нина. Это нельзя, вы понимаете? Паспорт. А что случится?

Диана. А что может случиться?

Нина. А мало ли... Что со всеми, то и с вами.

Диана. Со всеми, знаете, разное случается. Вот вы, вы росли. Разве вы знали, что будете всесильным директором? Сестрой тут и хозяйкой всего?

Нина. Ну и что? Че плохого?

Диана. Наоборот! Вы что! А другие возьмем случаи? Кто окажется в Аргентине, кто вообще неожиданно в Кремле. По-разному происходит судьба.

Нина. Расквакалась. В Кремле! В Аргентине! Я тоже не хуже всех. Хоть и живу на острове тут здесь.

Диана. Вы лучше, лучше! Другие вообще в земле, но как мумии! А вы директор на свежем воздухе. Река. Чистый песок. Такой был прекрасный японский фильм, «Женщина в песках».

Нина. Про мою жизнь можно снимать сериал, а не то что! Я еще вообще молчу! Что со мной было!

Диана. Уважаю, уважаю.

Нина. А мне оно по семечку, ваше уважение. Мне надо, чтобы вашего духу тут не было.

Диана. Это случится, случится.

Нина. Паспорт ваш в таком случае нужен. Только паспорт. Больше ничего от вас.

Диана. Ну я вам верю, верю. Успокойтесь.

Нина. Верит она! Вообще безобразие. Как я с трупом тут буду? Паспорт предъявите. Документик попрошу.

Диана. Вы знаете, у меня заболевание нервной системы.

Нина. Оно и видать.

Диана. Я, знаете ли, с детства скрываю свой возраст. С восьми лет никому не говорю. Стыжусь. Всегда считала себя старухой. В восемь лет, представляете? Потому что у меня была двоюродная сестра младше. И я по сравнению с ней считала себя старой. Завидовала ей. Вот в чем дело! Почему-то никто своего возраста не скрывает, а я да. Я — да! Поэтому и паспорт свой я никому не показываю. Только отдел кадров театра знал, только она. Но она уже умерла, рано, кстати, в восемьдесят пять лет.

Нина. А если что случится?

Диана. С кем?

Нина. С вами.

Диана. Я вас поняла. Я вас поняла. Ну если вы меня переживете, если! То пороесть в моих вещах и обнаружите все, что необходимо.

Нина. Че? Да оно мне надо. Если переживете, надо же... Скажешь тоже. Думаешь, нет? Будешь жить вечно? У меня мама мамы, я говорила, на свежем воздухе тоже жила чуть не сто лет. В деревне. Одна с овцой и котом в избе. Потом мы обдумали, чего нам наследства ждать и чужой смерти желать, все равно ведь все будет наше. И дом продали, половину внучке этой шалавой, потом брату на ремонт машины, и мы холодильник еще один купили. А внучка вообще все пропила. А ведь на воздухе бабке можно было и сто петьдесят лет прожить и всех пережить. В городе у меня суматоха: свет ночью, ванная, туалет, горячая вода, кино, гости, туда, сюда! Дети пла-

чут, зять выступает. Дочь орет. А здесь у нас, как один тут пел на гитаре, ваше величество, в нашем лесничестве, кроме электричества, всё в большом количестве. Вода в цистерне, свет провели, спасибо... Да! Вот руки у меня как у лаптюшницы деревенской, черные... типа лопаты! Копаю, блин! Я специалист по образованию, техник-технолог пищевик! И вот с вами тут... Солю, мариную, запаваю... От голода спасти всех. Как дура. Таскаю им банки полные, обратно пустые.

Диана. Как пищевичке очень рекомендую вам крапивный супчик. Он содержит кремний. Кремний — элемент жизни. Знайте. Причем варить надо очень мало, чтобы витамины не разрушались. А вот крупами я почти не балуюсь. Там все разрушено крупорушкой. Нет оболочки! Берите мои крупы, отсыпайте. Все равно варить негде.

Нина застывает на месте.

Нина *(как бы обалдев)*. О! *(Презрительно)*. А! *(Стонет)*. О-о. *(Кряхтит)*. Оий. Ну это надо же! Ее крупы! Дина Евгеньевна! *(Громко)*. Всю крупу всегда мне, мне оставляют. Всегда и все. Так завелось. Уезжают и мне несут. Моя крупа тут вся! Знают, что у нас поросенок, я рашу. Так что это мое, мое, ваше все под кроватью. Ваше наше и наше наше, твое мое и мое мое.

Диана. И масло подсолнечное мне оставили.

Нина. Оставлять надо все мне! Сказано?

Диана. Берите. Я его не употребляю. Никаких жиров. Дарю!

Нина. Она мне дарит. Раскомандовалась с лишним. Порядок здесь есть, что все уезжают и под ключ оставляют в домиках мне. Это и так мое. Уехали, белье сдали с ключом. Я все проверяю, изымаю, убираюсь в домиках, все должна вынести, масло, крупу, банки. Один раз кофе оставили...

Диана. Кофе я не пью.

Нина. Кофе желудевое. Из желудей.

Диана. А! Черт знает что туда суют под видом желудей. Желуди, их же надо еще найти, поехать в дубраву, собрать

урожай там... Кто этим будет заниматься! Крестьяне все теперь пьют, им нагнуться лень. Так что на фабрике они под видом желудей суют химию, целлюлозу, поролон, полиэтилен. С запахом, с отдушкой, близкой к натуральной. Вы как пишевичка должны понимать.

Нина. Это было когда... Позапрошлым летом. Еще Горюновы оставили мне целую трехлитровую банку маринованных опят. Не могли утащить, в лодку не влезло. А то ли сомневались... Ложные ли опята. Я невестке отвезла. Она сама всё сожрала, маме не дала, на что и был мой расчет. Все живы по сю пору. Мама мне по-тихому говорит, она даже, невестка, ночью вставала, на кухню пришла, где мама якобы спит на раскладушке, и дососала, из-под стола доставши, всю банку со свистом. Ночью! Укус весь выдула.

Диана. Я уксуса не употребляю.

Нина. А это почему еще? Я люблю маринованное, грибки, помидоры, огурчики. Сахар сыплю, укус закладываю. Укроп, чеснок. Ммм!

Диана. Не ем жирного, жареного, соленого, острого, уксуса, мяса и рыбы.

Нина. Зачем?

Диана. Что значит зачем?

Нина. Ну зачем вам это?

Диана. Что — это?

Нина. Ну все это. Не есть.

Диана. Чтобы сохранить сосуды.

Нина. А зачем, к чему это ведет, сосуды? Никому ваши сосуды не интересны. Я понимаю я, я для дочери живу, для внучек. Они без меня не смогут. Живу для мамы, чтобы ее невестку кормить, чтобы она лопнула. А вам зачем сосуды? У вас ведь никого! Насколько я все знаю. Никакой там дочери!

Диана. Ну как сказать, это необходимо, чтобы память иметь.

Нина. А зачем это вам? Память?

Диана. Ну... как шутит моя подруга... Как шутила моя подруга Ксения Романова по кличке Потомок. Она внебрачная была прапраправнучка великого князя от горнич-

ной. Поймал он эту новую горничную... По легенде, ей было четырнадцать лет. Потомок шутила: наш лозунг — до победы на своих ногах и в своем разуме.

Н и н а. До какой победы?

Д и а н а. Это просто так она выразилась. Пошутила.

Н и н а. Ну что такое победа на своих ногах, что такое в разуме? Что?

Д и а н а. Ну... победа человека. На своих ногах и в своем разуме. Это тогда человек.

Н и н а. Одна тут здесь жила у меня... Алла, оперная. Безрукая.

Д и а н а. Я ее помню. Она горела в кухне, упавши руками на горящие конфорки на газовую плиту. Трагедия. Потеря сознания. И сгорели руки...

Н и н а. Да че там, она алкоголик. Ее любовник пристроил так на газовую плиту. Взволков, газ поджег и убежал. Отомстил. Она ему денег не давала. Он всем жаловался: типа на вот тебе рубль и ни в чем себе не отказывай. Так с ним обращалась, солистка хора была.

Д и а н а. Да что вы говорите?

Н и н а. А то говорю! Руки ее положил в огонь и ушел. Она не очнулась. Дверь взломали, когда дым и чад от жареного пошел. Догадались, кто это сделал, но не доказали. И что? Жила тут у меня здесь, как инвалиду ей всегда путевку давали на наше усмотрение, понятно? Вот она ничего не готовила. Была на своих ногах и в своем разуме. Но без рук. Рот подставляла, налей (*показывает*). А-а-а-а. Ее кормили все. А она одно: налей. Аааа!

Д и а н а. Да, как птенец, открывала клюв, вы правы. Всюду где пили. Но она, вы должны быть в курсе, продолжала петь в хоре, ее в опере жалели, у нее опыт громадный, репертуар знает, а на пенсию было не прожить, тем более у нее дома всегда кабак, все собирались, весь хор и мой бывший муж Сусанин-бас при них, так ведь никаких денег не хватит на водку. Приходили все под предлогом Аллочке помочь. Ее на спектаклях в хоре ставили в задний ряд, костюмеры набивали ей пустые рукава и перчатки поролоном. Я помню. Солистка хора. Это было горе.

Н и н а. Умерла на своих ногах. На сцене. Рухнула прямо, говорили.

Д и а н а. Вы не всё знаете. Когда она упала, хор ее заслонил, кто-то сзади ей присел пульс щупал в процессе пения, а это была «Травиата», сцена на балу. Бал-маскарад. Широкие юбки так расправили и скопом стояли не шевелясь. Пока занавес не пошел, так и не двигались с места, одна с ней там сидела сзади хора, она тут тоже потом отдыхала и рассказывала, что голову ей держала, шею щупала, рук-то на ней, на Алле, не было, пульс проверять, и так находчиво она пела на мотив «Травиаты»: «Пульса нету, пульса нету, умерла, не уходите». Они и стояли стеной, уже их сцена кончилась, они молчат как идиоты, но стоят, их там уже не должно было быть, помреж орала из-за кулис, они нет, так молча и выстояли. Еще было бы хуже, они уходят, тут сцена Виолетты, дуэт, а на полу труп лежит не дышит, и руки как веревочки тонкие скручены. Искусственные руки-то! Зрители бы вообще с мест повскакали, чтоб рассмотреть. Ох, что пережил хор!

Н и н а. Да, вот это судьба, не болела не болела — и раз! Окочурилася.

Д и а н а. Уйти на сцене, мм! Да! Это счастье актера, до-работать до победы. Умереть на малой сцене — позор. А на большой — это победа!

Н и н а. Какая это победа?

Д и а н а. Но к этому счастью, к нему надо многое присо-вокупить. Чтобы до победы со своими руками, разумеется. На своих ногах, в своем разуме. И память! Да, еще возможность себя обслуживать, ни на ком не висеть обузой.

Н и н а. Вот я и сомневаюсь. Себя вы обслуживаете?

Д и а н а. О да, прекрасное дитя, о да. Но главное — я на своих ногах и в своем разуме.

Н и н а. Зачем, зачем все это?

Д и а н а. Как зачем?

Н и н а. Вот вы. Вы в своем разуме?

Д и а н а. Надеюсь. Да, надеюсь, что да.

Н и н а. Вы! В своем разуме?

Д и а н а. Надеюсь.

Н и н а. Так считаешь?

Диана. Господи, да что с вами?

Нина. Дура, что ли? Дура совсем, да? В разуме она.

Диана. Простите, но я вас не понимаю.

Нина. Прекрасно понимаешь!

Диана. Я не отрицаю. Я все прекрасно понимаю.

Нина. Но меня вы не обдурите! Нет!

Диана. Зачем мне это, вас обдуривать, бог с вами.

Нина. Ела она. Ела она крапиву. Не ели вы ниче!

Диана. Моя дорогая Ниночка. Что вы шумите? Человек имеет право на все то, что не мешает остальным и их никак не касается.

Нина. Касается, меня касается и мешает. Очень даже касается! Я вот как сейчас возьму и запихаю вам в рот ви-негрета!

Диана. Бог с вами, у меня зубов нет на винегрет. И потом, там же огурцы маринованные! Таких ужасов я не ем. Я сыта, благодарю вас.

Нина. Вот у меня мать мужа дочери. Моя дочь, ее мать мужа моей дочери, так? Понимаете?

Диана. Повторите. Я поняла, но не полностью. Что-то выпало из смысла.

Нина. Моя дочь вышла за этого доходягу, а это доходягина мать! Ясно?

Диана. Доходягина мать?

Нина (*как бы обалдев*). О! (*Презрительно.*) А! (*Стонет.*) О-о. (*Кряхтит.*) Оий. Ну эта, мать мужа моей дочери! Она этого мужа родила непонятно вообще как. В сорок пять лет. Я в сорок пять уже мыться перестала. А она родила этого мужа!

Диана. Родила мужа?

Нина. Да! Родила мужа моей дочери! Поняли?

Диана. Родила мужа. Помнится, вы в общих чертах уже мне это обрисовывали. Дня три тому назад. Я еще тогда тоже не совсем вас поняла.

Нина. Да? Ну так слушайте. Родила его в старости. После чего мать этого мужа живет, хворает, така больна, така больна, но и не помирает десять, двадцать, тридцать лет. Две дочери уже были у нее еще до и окромя сына.

Диана. Что значит еще до и окромя?

Нина (*офет*). То! Она их родила до! Помимо него!

Диана. Родила помимо него, понятно. До и помимо. Окромья. Это мы запоминаем. Один в уме.

Нина. Два! Две вообще! Дочери помимо его. Ну так вот. Теперь! Старшая дочь за матерью больной ходила, выросла старая, померла, теперь вторая дочь подключается ухаживать... И сын этой матери, муж моей дочери, туда же идет.

Диана. Погодите. Сын этой матери... Какой сын?

Нина (*офет*). Зять! Зять мой! Ну?

Диана. Ах вот оно что. Ваш зять.

Нина. Звонят, что ты обязан к нам идти, они ему дозволиваются, на него орут в два горла. Его мать и сестра, ей вообще за петьдесят... Поняла что?

Диана. Я вас понимаю теперь очень хорошо. За пятьдесят ей. Кому?

Нина. Кому-кому, сестры! Ей петьдесят. Зовут его туда переселяться к матери и к сестры. У матери и сестре жить. А я же его же кормлю! А он мне тоже должен же помочь, бочки там с соляркою в лодку и из лодки! Я одна валяю эти бочки по сорок литров, у мене уже внутренние там органы опустились, не могу к врачу сходить проверить, что там, так? А сменить прокладку у крана, а то, а се?.. Орудую гаечными ключами! Вся в масле и пеньке! Соляркою этой буквально ссу!

Диана. Боже, боже! Что вы! Соляркою ссыте, пардон? Какой, понимаете ли, кошмар!

Нина. Ну, это поют: полюбила комбайнера, комбайнеру я дала. Две недели сиськи мыла и соляркою ссала.

Диана. Жизненная песня. У нас в театре служил водитель, тоже был интересный мужчина. Рук не мыл, потому что чего мыть, вымоет и опять пачкать. А уж про ноги я не говорю...

Нина (*с интересом*). Да-а?

Диана. Костюмерши девушки мне рассказывали, смеялись до упаду, знали предмет.

Нина. Вот такие дела на театре.

Диана (*переключаясь на другую тему*). Но вы, вы же преступница!

Нина. Че?

Диана. Вы себя не жалеете!

Нина. Да? А вот картошка, кому рассказать, ее надоть всю выкопать и чтобы высохла, потом в подвал сложить, песком укрыть, а то без меня всё сделают и увезут, аrapy тут вокруг на моторках орудуют, плавают... Я же дочке всё! А он, муж ее, ребенок поздний, сбоку присосался и тоже мое жрет. Его же они ведь, жена и дочери. Хорошо, ешьте и живите. Нет! Его дергают к этой матери. Он и ей, сестры своей, возит мою картошку, моркошку. А с какого перепою? Самому уже за тридцать. Так. Слушайте дальше. Та дочь скончалась, эта заболела. Опять идет время.

Диана. Какая, чья дочь скончалась? Ужас какой.

Нина. Ну матери мужа дочь!

Диана. Матери мужа чья дочь?

Нина. То есть сестра мужа дочери моей. Дочь этой свашни.

Диана. Свашни?

Нина (*теряя терпение*). Свашни моей!

Диана. А что с ними со всеми было?

Нина (*орет*). С кем?

Диана. Вы сказали, дочь скончалась. Это трагедия, я понимаю. Что-то произошло? От чего?

Нина. Та, первая дочь этой моей свашни, я не знаю, хер знает, от чего она умерла! От старости! Вторая дочь кричит, я одна мать не потяну, ты обязан. Мать у них больше центнера весит. У меня поросенка я выкармливаю, и то столько не тянет. А то, эта сестра кричит, я тоже умру такая мамашу, она останется на тебе.

Диана. Сестра чья, я потеряла нить?

Нина (*махнет рукой*). Эта. Живая.

Диана. Живая, прекрасно. Но кто?

Нина. Сейчас поймешь. И все норовит эта, которая еще живая, сестра его, устроиться лечь в больницу, заболеть, чтобы он у матери поселился как следует. Она одна, сама незамужняя, и она не выдерживает и злится, что у ее брата семья. Легла в больницу, опять моего зятя тащут к этой матери.

Диана. Да, я вас понимаю. Как тяжело с больным человеком! Вот у меня муж был, бас, Сусанина пел. Помните? Ты взойди, моя заря.

Нина. Не, не помню.

Диана. Ну Петров, он тоже тут у вас отдыхал.

Нина. Из каких это Петров?

Диана. Из оперных.

Нина. Был из оперных Петров Николай Гербертович, был Иван Иванович.

Диана. Вот-вот. Он. Потомственный алкоголик. Иван по кличке Сусанин. Солист хора. Мечтал о роли.

Нина. Ну, басы, они все такие. А Петров был вам не муж. Я же помню. Да они все тут... Мужья-дружья.

Диана. Да. Выбирать не приходилось. Он был да, мне гражданский муж.

Нина. Ну и вот. Она, эта зятя мать...

Диана. Какая зятя мать?

Нина. Мать зятя, короче.

Диана. Мать зятя? А, понятно. Но какого зятя? Я сбилась слегка.

Нина. Моего! Моего зятя!

Диана. Так бы и сказали.

Нина. Ну. Моего зятя. И она тоже, это, переборчивая: то я не ем, вроде вас, воду в бутылках пьет только свежую, откупорит, глоток выплюнет, всё. Горькое для нее. А деньги-то! Все денег стоит.

Диана. Не правда ли? Все, все денег стоит. А у меня пенсия копится там на сберкнижке.

Нина (*смотрит на Диану как бы новым взглядом*). Да? И ну?

Диана. Продолжайте, вот мать этого мужа, и что?

Нина. Что! Ей надо каждый день варить новое, вчерашнего не выносит! Зять чуть что туда переселяется. Вот зачем это мне такой муж моей дочери? Сестра эта его оставшаяся пока что в живых, сидит в больнице злая как черт... Думаю, хоть бы ты пожила подольше... Врачу послала банку смородины трехлитровую.

Диана. Сколько жить — это уже как судьба. Это рок.

Нина. Ну да, это рок судьбы. Всех эта мать переживет,

что толку-то? Кто за ней будет ходить, вот как вы всех пережили. Что толку-то? В своем уме, не в своем, чего хорошего?

Диана. А вот вам тоже пример. У моей знакомой зять разошедшийся. Разошлись давно. Они выгнали этого зятя, он такое устроил: у них маленький ребенок, а пеленка грязная высохла, то есть жена молодая вовремя не постирала. Он взял ножницы и с таким холодным бешенством выстриг, понимаете, это пятно на пеленке. Испугались этих ножниц родители жены. Стрижет, стрижет так ножницами, а сам смотрит бешено. Мало ли что, подумали, он потом еще что пострижет! А это была их квартира, родителей. Его и попросили вон. Проходит время. Много лет. У дочери уже давно другая семья. А он, бывший зять, через кого-то дальнего передает весточку, что умирает от рака, выписали домой умирать. Ну и что? Никто из них к нему не пошел. И его родной сын в том числе. И этот бывший муж, он больше никого, видно, не звал. Открыли квартиру, он иссох весь. Воды не мог встать налить себе. Сам умер. Мумифицировался. Никого не затруднил.

Нина. Ну и что это за пример?

Диана. Мужественно мумифицировался. Есть над чем поразмыслить.

Нина. Вот у вас дети есть?

Диана. Да какая теперь разница, кому это интересно.

Нина. Нет, вы скажите.

Диана. У вас ведь дочь?

Нина. Я вас! Вас спрашиваю.

Диана. У вас дочь? Я ее видела, красивая. Рыженькая, кудрявая красавица.

Нина. Толку-то! Рыжая, а вся семья на ней. Ее этот муж то и дело покидает, при своей мамаше чуть что ошибается. Та старая его сестра, она то-другое лечит, то она в больнице, то в санатории. Больная — притворная с лишним.

Диана. А сколько лет вашей дочери?

Нина. Да двадцать девять уже.

Диана. По виду совсем юная.

Нина. Нет, старая. Уже двадцать девять. Две дочки у ней. Вот у вас внуки есть?

Диана. Да! Я же видела маленьких девочек рыженьких, они летом жили у вас в гостях. Такие славные! Как их зовут?

Нина. Нет, вот вы скажите мне, у вас внуки есть?

Диана. Это счастье, внуки. На вас смотрю и радуюсь.

Нина. Счастье. Счастье! А толку-то. Зять при своей той семье. Ничем мне не помогает, как разведенный. Там сестра его скандалит. Смотрит на его детей, и в уме они подсчитывают с той бабкой, что первая девочка не его! Почему типа обе рыжие?

Диана. Да... Такие очаровательные мордочки, большие глазщи.

Нина. Вот эта сестра нашего мужа смотрит, зырит настырно так, усмешки строит и говорит: все правильно, все верно, ребеночек не наш, рыжий. Подначивают этого мужа уйти.

Диана. О! За мужчин думает их мать.

Нина. Вот именно что, и сестра! Свой разум пропил. И кто он после того? На лодочной станции лодки выдает. Но это же только до сейчас, до осени! А зимой тоже детям жрать хочется! Вот я его и кормлю, зачем сама не знаю. На зиму хоть бы, как раньше, пожарником устроился на автобазу сутки через трое. Двое суток дома сериалы смотрит, одни сутки там пожарником спит. Но на автобазе к осени уже занято было все. Он лодки любит, ради того ушел на лето. Лодки полюбил я, водную гладь, там, где лодки плавают, там благодать, поэт сраный. Сам сочинил. Дочь мне показывала листок. Что он не такой, как все.

Диана. Вы добрячка, вы хотите всех накормить, благое дело. Вас вспомнят.

Нина. А! Зачем мне это будет! Я тут вообще, все время сейчас к ним плавала с ведрами помоев, пока последние артисты жили тут. Дочь на участке моего поросенка держит, я ей отдала. И кур. А то не уследишь, приплывут архаровцы и увезут всё. Опасно с лишним. А дома свинью держать не будешь даже в ванной, дети ее не дадут забить. Привы-

кнут. Поросенок — он же как человек. Придешь к нему, он на ножки так встанет, об загородку обопрется, смотрит, выражение прям человеческое... От зятя моего такого не дождешься (*показывает*).

Диана. У них, у кошек, у собак, мордочки гораздо симпатичнее! И слушают внимательно всегда, что ты им говоришь!

Нина. Вот да. Все ему расскажешь, поплачешь... А потом и мясо в рот не лезет...

Диана. Я мяса не ем принципиально. Братьев наших меньших!

Нина. А что делать. Сейчас мои помои кончились, всё. От вас отходов нету. Да...

Диана. Да...

Нина. Как я его смерть перенесу, не знаю.

Диана. Все мы под Богом ходим... Молитесь. (*Всполошившись*.) Чью смерть?

Нина. Борова кладеного этого.

Диана. Вы меня испугали.

Нина. Зять не хочет поросенка резать, говорит, чего мараться. Это он завсегда ломается. Но придется его прирезать, а то похудеет с лишним.

Диана (*осторожно*). Кто, пардон? Зять опять? Похудеет?

Нина (*орет*). Поросенок! Сентябрь! От вас отходов нету!

Диана (*быстро*). Сентябрь уж наступил, уж роща отряхает... Последние листы с нагих своих ветвей...

Пауза.

Нина. Вот как я люблю, когда вы стихи читаете!

Диана. У меня тоже два петуха жили дома. Дочке маленькой та бабка в деревне подарила цыплят. Дочка их кормила, тряслась над ними, кормила и выкормила на природе, два петуха здоровенных. Жалела. Петя и почему-то Игорек. Приехали с дачи с ними в город после лета. Ночь на дворе, а эти у нас на балконе глаза продрали и орут! Зарю встречают. Мы прямо на весь микрорайон сразу прослави-

лись. Делегации приходили, кулаками махали. Муж их в деревню отправил, к той обратно бабушке. Думал, мать хоть куриного супу поест от души, нет, она трехлитровую банку курятины закатала и обратно привезла. И жила у нас под это дело всю зиму... Да.

Нина. А что в деревне, скучно!

Диана. Я рада была, она с дочкой, и покормит, и уложит. Мы с мужем в театре. Играли много. Мы были дружная пара. Он Отелло, я Эмилия...

Нина. Дездемону-то играть была ты старая с лишним... Ты старше была, чем Отелло.

Диана. О! Откуда такие новости? Кто сказал?

Нина. Да... Это ваши тут баяли. Я слушаю, а че.

Диана. Театр, серпентарий. Клубок змей то есть.

Нина. А тут, на острове и вокруг, не клубок? Что ни двор, то Гомор, что ни дом, то Содом.

Диана. Люди! Человеческое, слишком человеческое.

Нина. Тут вообще вокруг на моторках ездют, смотрят, где что взять. Уеду на полдня, всё увезут. Стекла, рамы, умывальники. Трубы сдадут в металлолом, алкаши. Провода срежут. Картошки выкопают.

Диана. Я послежу.

Нина. Последит она! Вы же не догоните. Вы же не ходите вообще!

Диана. Сентябрь уж наступил...

Нина. Ну.

Диана. Распалась связь времен...

Нина. Когда ваш концерт тут устраивали, потом на кухне мне сказали, что жаль, Нина Ивановна, вас не было. Я с помоями уплыла, потому что знала, что потом будет банкет и людям некуда будет выкидать отходы.

Диана. Да, так трогательно, все собрались. Юбилей, так сказать.

Нина. И сколько вам, сколько исполнялось, вот скажите?

Диана. Да я уже сказала, сто пятьдесят. Даже Григорий Петрович с супругой приплыл.

Нина. Он это ко внучке. Вот его внучка — это... (*Хекет.*) Не могу даже сказать при женщине.

Диана. Вы можете быть со мной совершенно откровенной, Ниночка. Я никогда никому не скажу. Все говорят мне, а я молчу. О нашем председателе, Григории Петровиче, ни слова, ни звука! А рассказывали многое.

Нина. Григорий Петрович святой мужчина, так ему и передайте, если когда-нибудь его увидите. Как он об вас хлопотал!

Диана. Вы считаете?

Нина. А вы что, не знали?

Диана. Ну никаких совершенно сведений.

Нина. Перед своим последним уходом.

Диана. Он что... тоже? *(Крестится.)*

Нина. Он уехал в отпуск, потом он ляжет в больницу, потом в санаторий на два срока... Как всегда, в сентябре. Как он председатель наш.

Диана. Ах вот оно что... Вон как... Слава богу.

Нина. Богу слава, а мне-то что? Теперь вот я одна с вами тут возжаюсь. На мне всё, даже с лишним. Зачем? Почему? Воду включаю, свет расходую, на лодке туда-сюда мотаюсь. Зачем? Картошку выкопаю, всё ведь! Уехала! А тут вы сидите как пень. Вы куда потом?

Диана. Но я же не знала, что Григорий Петрович до весны ушел!

Нина. Теперь знайте. Он вообще собрался на пенсию. С декабря приходит новое руководство.

Диана. Кто?

Нина. Кого-то присылают с Удмурдии.

Диана. Я спокойна, я совершенно спокойна.

Нина. Надо мне всё, отключать воду и электричество. Придется уж.

Диана. Воду я могу брать из реки... ведро есть.

Нина. Ведра нет, ваше это — мое.

Диана. Но у меня есть пятилитровая канистра пластмассовая. А?

Нина. В ней не вскипятишь воду-то.

Диана. О. Ничего! Принести воду — это главное. У меня есть консервы, банка фасоли. Полкило. Это то, что я сама сюда привезла.

Нина. Не докажете.

Диана. И не надо, тут не суд и не следствие. Я фасоль употреблю в дело. А в этой баночке из-под нее буду кипятить чай! Спички есть. Три коробка мне оставили.

Нина. Мне оставили!

Диана. Я вам отсыплю. Свечки даже есть. С именинного моего торта.

Нина. Это зачем?

Диана. Ночью-то... Свечку зажжешь... Сухого хвороста собрать... Костер развести... Греться...

Нина. Зачем. Дожди пойдут. Обещались. Никакого костра вы мне тут не разводите. Да я ваш домик заколочу. Не беспокойтесь.

Диана. Да! Отговорила роща золотая... Березовым веселым языком. И журавли, уныло пролетая... Так сказать...

Нина. Ну я прям не знаю, что бы для вас сделала. Вы так стихи читаете!

Диана. Я народная артистка.

Нина. А Глебову вы знали?

Диана. Она у меня училась.

Нина. А Ермолу?

Диана. Смотря какую. Машу знала.

Нина. Она еще в сериале снималась... До вас тут жила со своим бойфрендом, у них гражданский брак. А у бойфренда этого оказалась тоже жена с сыном, приезжала, устроила мордобой. Я подошла на грохот, она стучит к ним в дверь, в руке ножик такой столовый, тупой. Берет камень, хочет разбить мне окно ихнее.

Диана. Мне рассказывали.

Нина. Я ей говорю, что хотите, но портить имущество не дам. Громко говорю так, звоните кто-нибудь в милицию. Пусть плывут сюда, на хулиганство. Я не дам вам стекла бить и дверь выламывать. Это пустой домик. Отсюда вчера выехали. Она кричит, да откройте же. Они там, она кричит, я слышу, затаились. Она слышит, как они затаились, видали? А я ей: ты тут никто распоряжаться! Я ей тихо так говорю, а она меня ударила ногой, почти что, так замахнулась. Я: я директор, все свидетели, она мне ногой угрожала. Она: ёханый ты директор.

Говорю: все, кто слышал, будете свидетелями. Мордобой и оскорбления. Все по домикам попрытались. Заперлись.

Диана. В тяжелые моменты никого не дозовешься, вы правы.

Нина. Стекла бить вам не дам, говорю ей тихо, мне потом как вставлять, с имуществом возиться. Мальчика своего постыдились бы. Ребенка зачем вы привезли позорить? Он вам не простит. Она ему кричит — кричи: «Папа, открой немедленно, маму бьют». Кто тебя ударил-то, зараза! Руки марать. Она опять — кричи: «Папа, открой, у мамы плохо с сердцем!» Артистка. Покричала, ей валидола принесли, воды, они сели на лавочку, вечером уплыли. А эти насиделись вдвоем в домике, пять часов ни в туалет, никуда. После этого они друг дружке опротивели, разошлись совсем. Но и домой он к той жене не вернулся, нашел третью бабу.

Диана. Как это жизненно.

Нина. Жизненно не то слово! Скотство одно. Тут, господи помилуй, живешь, всего нагладишься. Внучка самого Григория Петровича. Я ему так и не сказала. Бандитов каких-то привезла, два домика заняла. А люди за путевками давятся, с января подают заявления.

Диана. Да, тут чудесно! Такой дивный остров... Белый песочек, чисто... Река... Закаты...

Нина. Вы вот заметили, какая чистота. Я весь мусор сжигаю, все по кустам собираю ихнее. И по новейшей технологии, в железную бочку и оставляю на две недели. И прикапываю! Ночное золото называется. И с огорода мы всю зиму живем! Я триста шестьдесят восемь банок закатываю! Имея в виду и сноху, и этого зятюшка с его сестрой и матерью. Но где это хранить! Сегодня весной десять последних банок того года украли из погреба.

Диана. Пока что я присмотрю, пока я тут. Не волнуйтесь.

Нина. Да я скоро все перетаскаю к себе. Горе в чем: мои банки зять любит взять. Они там гостей зовут и всё буквально сметают! И банки выкидает в мусорку! Мои банки!

Диана. Как говорил мой теперь уже давно покойный первый свекор, у меня он мудрейший был мужчина. Хотя потомственный алкоголик. Дети, он сказал, заглядывают к родителям как в холодильник, только когда нужно что-нибудь взять. С выражением говорил. Когда мы с мужем к ним приходили поесть. Студенты были.

Нина. Да! А зачем я живу? Я холодильник! Всё только для них, всё только ради них! Я тут и директор, и уборщица, и дворник, и сторож! И сестра-хозяйка! Хотя платят мне только как сестре-хозяйке, что я ответственная за имущество. Смена за сменой, домики трещат, артисты пьют, по кустам гадят, в уборную им тащиться далеко, а я знай убирай... Ментов вызывай...

Диана. Я давно хотела вам что-то сказать. Не обидеться — вот так, прямо в глаза. Нет?

Нина. Я? Да говорите. Меня не испугаешь. Я такое *(хекает)* выслушиваю...

Диана. Вы редкий, редчайший человек, Нина Ивановна. Когда я смотрю на вас, я думаю: вот готовый директор театра!

Нина. Ни за что! *(Хекает.)*

Диана. У нас в драме был директор. Редкостный человек, удивительная личность, невероятная по силе скотина, вор и доносчик. Всё знал обо всех. Бегал стучал в контору, не буду вам говорить, что скрывается под этим термином.

Нина. А то я не театральный человек!

Диана. Поэтому он ничего не боялся. Провокатор был. В самые лихие времена политические анекдоты рассказывал всем и смотрел: как реагируют? И кто стукнет? Тогда за недоносительство тоже сажали. Каждый год у него ремонт театра, каждый год новая машина. При нем резко выросла посещаемость театра. Как-то он умел с военными частями договариваться. Наш главный, Антон Зиновьевич, наш главный режиссер, упросил в управлении его заменить. И ему предложили этого Швандю.

Нина. У меня отдыхали Шванди. Три человека.

Диана. Псевдоним это, я думаю. Из известной пьесы. Не его фамилия. Я этого человека знала. Он другой.

Н и н а. Нет, это были Шванди по паспортам. Два Шванди и она Гуревич. Из оперетты он администратор, жена его Гуревич из филармонии... И их сын.

Д и а н а. Да, да, я помню.

Н и н а. Нет, вас не было. Приехали. Откуда вы можете помнить?

Д и а н а. Я все помню, давно живу.

Н и н а. А сын у них вило... это, вилончелист, привез свою бандуру, репетировать ему надо. А у нас ничего не приспособлено для этого, люди отдыхают же, даже певицы молчат! Такое правило. Иногда случайно за картами заведет кто-нибудь «Благословляю вас, леса». Но сразу замолкает. Ну вот, этот сын Швандя вило... Ну это.

Д и а н а. Да, да. Я поняла. Виолончелист.

Н и н а. Он обещал, ничего не будет вам слышно, все его окружили сразу же, как он сошел с катера, с гулянки, со своей бандурой. Такие правила, извините... Играть вы тут не будете. Тут и скрипачи отдыхают молчат. Ну и вот, он стал уходить репетировать в кусты на тот конец острова, а там тоже люди сидят отдыхают, звук попадал к газовикам в пансионат, они на него с лопатой пошли, да и нам на территории все равно все слышно было. Это как поросенок визжит! Как ножом по стеклу. Новая, кричал, музыка. Стал брать лодку, уплывал. Рыба вообще вся ушла. Наши рыбаки вернулись пустые, пошли к нему в пять утра, но Шванди им домок не открыли.

Д и а н а. Ну вот, слушайте, откуда я этого Швандю знаю! Это же нашего театра директор бывший. Взял наш гений режиссуры Антон Зиновьевич этого нового, этого Швандю, присланного директора, и поехали они на гастроли. Там что оказалось? Посещаемость театра была семь человек за вечер! Ну ничего человек не мог этот Швандя. Не умел с военными частями найти контакт. Ну его и попросили вон! Потом все ушли в отпуск. Возвращаются — опять наш старый директор на месте, тот, вор. Пришел на сбор трупы в иудин день, хлопчет чего-то, шныряет всюду. Оказалось, что покойный Антон Зиновьевич побегал в управление и упросил вернуть ему его вора и доносчика. Это же театр. Зал надо каждый день заполнять! Любыми способами!

Нина. Мне рассказали про этого Швандю. Он-то по паспорту был Гуревич, но сменил фамилию на Швандю, а жена его, русская женщина, не захотела быть Швандей.

Диана. Я ее понимаю. Эльвира Швандя, это что?

Нина. Ну! И осталась Гуревич по мужу. Сыну было все равно, отец его перекантовал на Швандю. А потом, мне сказали, они обратно поменялись на Гуревичей и уехали в Канаду.

Диана. Ах вот оно как!

Нина. Так что я сейчас вам дам винегреда.

Диана. Я сыта, помилуйте.

Нина. И втолкну в глотку, если жрать не будешь.

Диана. А вот тогда я действительно и вне всяких сомнений у вас тут окочурюсь. От удушья. Прекрасный конец! Ни больниц, ни консилиумов. Сразу как Дездемона. И вас обвинят как Отелло.

Нина. О. А я тебя в лодочку да и в реку.

Диана. Вас снимут с работы.

Нина. Да никто не хватится!

Диана. Все прекрасно хватятся. Они в театре знают всё. Когда меня поймают, то есть выловят ниже по течению, то выяснится, что я оказалась в реке уже мертвая. Следователи разрежут и поймут. А как мертвая может утонуть?

Нина. Легко!

Диана. Как мертвая в реку кинется? Нет. Только если этот труп бросят в воду. Тогда встанет вопрос, кто это сделал. Все знают, что на острове были только вы и я. И подозрение падет на вас. А в театральном союзе есть уже кандидатура сюда.

Нина. Кто?

Диана. Я сказать вам этого не смогу, я вас обману. Боюсь обмануть. Но молодая.

Нина. Да кто сюда пойдет!

Диана. Есть план построить тут большое здание. Нужны будут другие люди другого плана. С образованием вроде бы.

Нина. Да за меня будет Никодимова! Я ей гуся отвезла! Пять банок маринованных огурчиков!

Диана. Никодимова? Это кто?

Нина. Тебе не надо знать.

Диана. В союзе театральном таких нет уже.

Нина. А! С тобой говорить. Я тебе к ногам привяжу камень. Никто не найдет.

Диана. А куда я делась отсюда?

Нина. А я откуда знаю? Я тебя довезла до берега. Ты ушла, мне что.

Диана. Все же знают, что мне идти некуда.

Нина. К семье.

Диана. Нет никакой семьи.

Нина. Дочь.

Диана. Уехали они. Квартиру продали.

Нина. Зачем это?

Диана. Все знают зачем.

Нина. Стойте. Я же знаю, дочь у вас с ее сыном, он внук, они вас еще тогда... в прошлом году забирали. Внук такой представительный, рыжий. Я вашу семью-то прекрасно знаю, уж не первый год вы тут у меня обретаесь.

Диана. Мужа моего тоже помните?

Нина. Какого мужа еще? При чем это вы приплели? Какого мужа?

Диана. Такого. У меня муж-то был, я с ним ездила сюда.

Нина. Вот не помню, извините.

Диана. Красивый такой мужчина. В него все влюблялись. Георгий Иванович у меня был.

Нина. Я не влюблялась. Вы что! С ума совсем сошла бабка. Кому он нужен, старый хрен!

Диана. Влюблялись все. Он знал подход. Как я в него влюбилась. Причем уже в немолодом возрасте. В сорок лет!

Нина. У вас же был муж небось.

Диана. Муж не муж, но был. У актрисы всегда должен быть кто-то. Перед ним был из оперы, я говорила... Иван по кличке Сусанин.

Нина. О... Уж я насмотрелась. Каждый год у каждой кто-то новый. В основном актрисы привозили. Приезжают вдвоем в один домик, а путевка на одну ее, а я сразу: ваши

паспорта, штамп о браке? И приходилось им уезжать. Ему или ей. Они надеялись, подмажем, то-се... Нет, не выйдет, я говорю. До слез доходило.

Диана. Нет, вы добрая. Мы знаем. В первый год, когда мы с Георгием приехали неженатые, вы его у себя прописали. И Сусанина моего раньше тоже помещали, я помню, на терраске.

Нина. Ну я что, я же человек. У меня ведь есть лишняя комната, три койки, и терраска еще, пятеро могут остановиться. А где они ночуют, это мое разве дело? Но ваш Сусанин выступал всегда с лишним.

Диана. С этим Иваном Сусаниным я недолго маялась. Он, когда у меня в квартире поселился, имел обыкновение ночами выходить на балкон и петь там «Ты взойди, моя заря» полностью. Соседи были в экстазе. Вызывали что ни ночь наряд милиции.

Нина. Помню, здесь он за вами с вилами гнался, у меня их у сарая подобрал. Он за вами, я за ним, положь вилы где брал! Вы же в Волгу побежали, он бы тоже, но я вилы отняла. Ну как с моими вилами потонет! Ох, такой народ эти театральные.

Диана. А тут этот... В иудин день приходит на сбор труппы новый актер. Георгий Иванович. Не красавец показался поначалу, но такой талантливый, из Саратова к нам перешел. Жить негде, он там оставил семью, развелся, уже когда у нас дочь родилась. Одни драмы. У той его жены не было детей... Она его бешено ревновала. Ребенок первый у него родился от их тамошней костюмерши, еще мальчишки-близнецы от студентки одной... Она на практике у них была в театре. Причем очень смешно: все рыжие. Он сам был, вы помните, рыжий.

Нина. Откуда это я помню. Всех, что ли, помнить... Ни какой памяти не хватит.

Диана. Помните, прекрасно вы его помните. Сам он был такой темно-рыжий, кудри, ресницы длинные, загнутые, как у девушки. Глаза синие. От одной улыбки сойти с ума. Ямочка на правой щеке. Играл у нас Ромео, Тригорина, Гамлета, по утрам Бабу-ягу, Чебурашку, Карлсона... Посещаемость выросла... У всех его детей эта примета, ямоч-

ка на правой щеке и рыжие кудряшки. У моей дочери... У внука. Помните?

Нина. Не помню. Я говорю, что, обязана всех помнить? Каждое лето тут отдыхающих полно. Я тут уже тридцать лет пашу.

Диана. Дочери вашей сколько лет?

Нина. Моей дочери? А что?

Диана. Ну так, для сравнения. Двадцать девять, я помню. Моей дочери Тане сорок пять. Когда ей было пятнадцать лет, они с отцом здесь жили без меня. Я лежала в больнице в Москве. Я упросила Георгия не ехать со мной туда, где я лежала, якобы за мной ухаживать, там же Москва, там полно у него друзей, все алкоголики по театрам были бы его, я послала его пожить с Таней здесь у вас, на острове, тут, где вы. Ну вы помните это.

Нина. Откуда, говорю, я помню, вы че тут.

Диана. Это да, было тридцать лет назад. Вы уже работали здесь. Вы были замужем?

Нина. У меня был мужчина, но мы не успели зарегистрировать брак, он утонул по пьянке. Поплыл и не вернулся. Он приехал ко мне на чужой моторке, уже выпивши. Его друзья высадили, отчалили, он ко мне пришел, а я рыбу чистила на берегу, не тут, я ухожу чистить рыбу подальше в ивняк, чтоб не мусорить. Купила у рыбаков лещей. Я же их копчу. Не как другие, я их потрошу сначала. Только потом копчу. Зять помирает по моим лещам. Ну и вот. Я вам рассказываю чего никому не говорила. Я нагнулась на берегу, была в купальнике, он накинудся со спины, повалил прямо в воду лицом, добился своего, чуть я не утонула, а потом он, наверно, испугался, что я захлебнулась, сразу бросил меня, тут же с места поплыл и не вернулся, всё. Больше я его не видела. Пьяный был. Труп обнаружен был только через три дня, милиция всех опрашивала. Вот от него и родилась у меня дочь.

Диана. А как он вас нашел в ивняке? Остров-то большой.

Нина. Я и говорю, как ты меня нашел, сволочь.

Диана. Когда вы ему это говорили?

Нина. А что вам интересно?

Диана. И как вы узнали, что это он именно? Он же напал со спины. Опрокинул вас в воду.

Нина. Да, лицом на бревно, там топляк был. Лежал в песке. Но я вывернула голову и могла дышать. Все лицо было искорябано.

Диана. То есть вы его и не видели.

Нина. Когда он поплыл, то тогда и увидела. Обернулась. И тогда я ему и крикнула: как ты меня нашел, сволочь.

Диана. Это было в августе. Какого числа?

Нина. Точно не помню уже.

Диана. Мне же сразу актрисы рассказали. Это было двадцать седьмого. Они уезжали двадцать девятого. Вы были растерзаны, вы плакали, и ноги у вас были в синяках.

Нина. Ну и память у вас. Да, меня встретили в кустах...

Диана. Моя дочка хорошо помнила это лето. Как прекрасно было! Приехала домой, плакала. Я вернулась из больницы, она ткнулась мне в руку, реснички мокрые.

Нина. Скучала она за нашим островом?

Диана. Я не вдавалась в подробности. Я вернулась еле живая из Москвы после операции. Дочка моя приплакивает. Я ей говорю, всё в прошлом, всё хорошо. Не переживай за меня. Мы все вместе, все живы. Но она с отцом не разговаривает. Он пожимает плечами, вожжа ей под хвост попала. Вернулись с острова, где отдыхали, чудесное лето, и такой результат. Дочка наша его очень любила, своего сына не стала записывать на фамилию мужа, записала на свою, отцовскую, моего-то внука! Когда мужа не стало, я нашла в его чемодане письмо.

Нина. Он умер давно уже, да?

Диана. Не умер. Такие не умирают.

Нина. Жив? Жив?

Диана. Не умер. Его зарезали на гастролях в Архангельске. В парке.

Нина. Кто?

Диана. Следствие закрыли. Никого не нашли.

Нина. Мне говорили, тут отдыхающие приехали в тот год в августе, что он вроде бы, по неизвестным данным, по-

гиб на гастролях, нашли в городском парке утром. Пошел погулять после спектакля. И на тебе! А вроде и не он это был. Я все думала об нем. Как же так, думала.

Диана. У него там была девочка, как мне сказали. Местная. И это у них было свидание. Я-то не ездила на те гастролы. Уже была выведена из состава труппы. Новый главный постарался. Потом-то меня опять взяли, потому что кто старух будет играть? Все возрастные актриски прооперировались, щеки подтянули, гладкие они у них стали, вроде, прошу прощения, ягодиц, посредине нос пупочкой торчит. Ни морщинки. А кто будет играть Островского? Он всегда в репертуаре, там без старух ни шагу.

Нина. Его там похоронили?

Диана. Нет, здесь. Как же я его оставлю там. Тут он.

Нина. А где?

Диана. Что где?

Нина. Где он лежит?

Диана. Да у нас, рядом с моими папой и мамой. Где и я буду.

Нина. Будешь, как же. Кто тебя хоронить-то станет? Никого у тебя нету.

Диана. По счастью, нету.

Нина. Сунут в общий ров тебя, и всё. Меня вон дочь и зять похоронят. Как это, все тебя бросили.

Диана. В театре постараются. У нас есть один старый артист, он всегда добивается своего. Ходит, собирает деньги. Ставит плиты. Одинокий, обо всех могилках заботится. Мне он обещал. Его фамилия Зотов. Ардальон Зотов. Запомнили?

Нина. А мне зачем.

Диана. В театре знают его. Зотов.

Нина. А мне по семечку, не запоминаю я фамилий.

Диана. Ну и на том спасибо.

Нина. Я сейчас принесу суп и буду насильно вливать. Через воронку. Через которую солярку заливаю в мотор. Привяжу к стулу тебя и покормлю. Если сама не поешь. Я же знаю, к чему ты клонишь. Дешево отделаться хочешь. Семь дней не есть, и всё. Что я, не знаю?

Диана. Почему же вам знать, глупенькая вы женщина.

Нина. Что я, сама не хотела покончить с собой? Когда забеременела в девятнадцать лет? Я же ничего не понимала, думала, что беременность была от того, кто на меня сзади напал... Не ела четыре дня, упала вот прямо тут, не-сла ведро с рыбой... В больницу увезли на гулянке. Десять дней провалялась.

Диана. В больницу тебя увезли не помнишь когда?

Нина. Помню. Десятого августа.

Диана. А какой срок беременности был?

Нина. Шесть недель. Я тогда только поняла, что это от Георгия ребенок будет. Мать моя, когда узнала, пришла в ужас и меня по щекам отлупила. Бьет и плачет. Ее еле увели. Врач объясняет, ее, говорят, изнасиловали, да еще и вы добавляете.

Диана. Георгий знал? Наверно, просил об аборте.

Нина. Да, но я не хотела. Матери я сказала, что с этим человеком, который утонул в тот день, мы собирались пожениться, а то, что я в синяках, это потому, что я отказалась. А то, что на меня напали... Да у нас часто нападают. Когда ты одна на реке, а они пьяные мимо плывут на своей гулянке... Пристанут к берегу и встретят тебя... В милицию обращаться позора наешься...

Диана. А аборт мать требовала сделать?

Нина. Еще чего, убивать! Мою доченьку-красавицу.

Диана. Она какая у вас?

Нина. Все их фотки у меня там, дома, в городе, в альбоме.

Диана. Красивая?

Нина. Да уж.

Диана. Расскажите мне о ней.

Нина. Мое золотко. Вышла за этого дурака. Маленькая была, влюбилась. Он студент, она на подкурсах училась.

Диана. Волосы длинные?

Нина. Курчавые, кольцами. Золото, а не кудри.

Диана. Ресницы?

Нина. Да на них спички можно класть. Хлопает ими. Длинные, загнутые. Когда она была маленькая, я прямо плакала от счастья над ее кроваткой. И такую красоту мама велела мне убить!

Диана. Веснушки?

Нина. Я говорю, она у меня вся золотая.

Диана. А на какой щеке ямочка?

Нина. На правой щеке ямочка. Как по заказу.

Диана. Так что ты забеременела в июле, а не в августе, не тогда, когда, ты говоришь, на тебя напали.

Нина. И че?

Диана. Отец ее любил?

Нина. Как бога.

Диана. Часто приходил?

Нина. Редко. Но всегда с игрушкой. Я их все храню. Ей не давала надолго, даже сломатые игрушки берегла.

Диана. Как ее зовут?

Нина. А зачем?

Диана. Не хотите, чтобы я знала?

Нина. А зачем это тебе, старая ты старушка.

Диана. А я знаю. Звать ее Ангелина Георгиевна.

Нина. Ну и что теперь?

Диана. Я же говорила, что нашла у него в его заветной папочке письмо с подписью «Люблю, Нина». И там было написано: нашу дочь я назвала Ангелина по отчеству Георгиевна. По отчеству, так и написано было.

Нина. Какое еще письмо?

Диана. Ваше.

Нина. А... Ты уже никому не скажешь, всё. Мертвые молчат.

Диана. Как правило.

Нина. Я на все его спектакли ходила. Летом вы приезжали, он уплывал в пять утра на лодке с удочкой, я его ждала в ивняке. За третьим островом. Там такая бухта с песком. Я всегда брала с собой презервативы.

Диана. В театре у него такие, как ты, с презервативами, менялись каждый месяц. Один раз он сказал: «Не могу же я их всех». Задумчиво сказал другу на кухне. Сидели ближе к ночи, пили пиво. Я стояла в ванной, собирала белье в стиралку.

Нина. Я была одна из них, но была. Вас он не любил.

Диана. Что такое семейная жизнь? Там другие чувства.

Нина. Должна быть любовь прежде всего. Страсть друг к другу. Чтобы ее тянуло как на веревке к нему, а его к ней. Прикоснется к тебе – и дрожь по спине.

Диана. Должна быть уверенность в человеке, что не предаст. Уважение. Верность ему – в каком смысле: всегда быть на его стороне. Поддержать в случае чего. Ну и дом – там же всё вместе. Общая постель, стол. Общий ребенок и старые родители, их всех надо кормить и лечить, одевать, воспитывать, утешать, веселить, заботиться о них.

Нина. Ну а что, как он вам изменял?

Диана. И я ему изменяла. Сексуальная измена не предательство. Это физическое влечение, цель которого получить оргазм, это цель минутная, а то, что от этого получается потомство, – это вечная цель природы, и всё. Сексуальная измена – это удовлетворение чисто физической потребности животного, в данном случае человека. Удержишь кота не лезть на кошку? Нет. Но кот живет в семье и любит свою человеческую семью. А ночью он должен гулять. Это его право. Главное – это достижение оргазма.

Нина. Для меня – нет.

Диана. Значит, не было оргазма. Он, видимо, спешил и опасался. Не занимался тобой сколько надо.

Нина. Для меня главное – это любовь. Я на все была готова ради него. Быть с ним. Смотреть на него.

Диана. Смотри, как ты заговорила.

Нина. А ты считаешь, я некультурная? Что я бибигон рабочего класса? И что мое гинекологическое древо ниже вашего? Тут поневоле наслушаешься. Я все годы работала с такими, как вы, и поневоле набралася. Алё! Создать образ на сцене – это самое пленительное изо всего, это прожить жизнь за один вечер, чужую, блин, жизнь, не быть собой. Это счастье, блин, бывает только лишь на театре.

Диана. Да, и я еще хочу сказать вам о сексе на стороне. Тут просто было важно не принести в общую постель какой-нибудь случайной заразы. Он очень за этим следил. После тебя у него детей уже не зарождалось. С тобой у Георгия это изнасилование произошло в последний раз.

Н и н а. Изнасилование?

Д и а н а. Ты же всегда ходишь по территории в трусах и лифчике.

Н и н а. Все тут так ходят.

Д и а н а. Все — это отдыхающие. Свои бабы и девки, театральные. Их уговаривать не надо, сами лезут, лежат вон на пляже голые и враслопыр. Они неинтересны. А ты чужая, посторонняя, ты, как бы это сказать, служанка. Тебя надо именно изнасиловать второпях и в свое удовольствие. Такая мужская потребность, поймать и победить.

Н и н а. Не служанка! Я кастелянша, сестра-хозяйка, ты че. Мадам, вы превышаете полномочия.

Д и а н а. Служанки всегда у бар были объектом нападения. У Льва Толстого четверть кладбища его имени Ясная Поляна была занята его детьми.

Н и н а. Умирили рано?

Д и а н а. Да нет, вырастали, старели, умирали, их хоронили. Свои деревенские были в курсе, кто от него рождался и кто из новых девчонок растет и на кого он кинется в лесу. Мне рассказывала одна театроведка, она писала диссертацию о нем и жила в Ясной Поляне.

Н и н а. Ну хорошо. Я просто хочу вам сказать, уважаемая мадам, заслуженная артистка без публики, что завтра я вас отвезу на городскую пристань. Там вы сядете на трамвай и поедете домой. И никаких самоубийств здесь, на фоне природы и моей базы отдыха. Я вам не прислуга, присутствовать при последнем издыхании и сопровождать умершую в город, а потом отвечать в милиции. На хрена козе баян. А вы знаете, кстати, что моя дочь носит его фамилию? Он ее удочерил.

Д и а н а. Да?

Н и н а. У-до-че-рил.

Д и а н а. Ну это тогда меняет дело. Я остаюсь на острове. И вы меня тихо похороните в случае чего.

Н и н а. С какого это подпрыгу? Здрасте.

Д и а н а. Сядьте, а то вы упадете.

Н и н а. Ну села.

Д и а н а. Так. Вы ведь не знаете, что я подарила свою квартиру внуку, а он ее тут же продал.

Нина. Да знаю я, знаю. Все всё знают, вашу эту дурацкую историю. И родственники все кинули вас тут. Всё на мою шею. В расчете, что вы тут благородно помрете. Зачем только вы дарили квартиру внуку, встает вопрос. Вы же знали, что квартиры у вас не будет...

Диана. Да. Знала и сознательно на это пошла.

Нина. Ну и дура старая.

Диана. Вы ведь отдали свою квартиру дочери?

Нина. Но я там живу зимой.

Диана. Но вы понимаете, что вы им не нужны?

Нина. Я не нужна? А кто детей будет водить на музыку, на фигурное катание? Этот, что ли, безработный, он все к своей сестры ездит мамашу нянчить? Кто им все готовит, кто стирает-моет? Геля ведь работает. Ангелина, моя дочка.

Диана. Скажите, а вам не звонили насчет меня?

Нина. Еще чего.

Диана. Так! Значит, у них плохо поставлена разведка, если они еще тут меня не нашли.

Нина. А зачем вас тут искать? Кому вы сдались во всем мире?

Диана. Есть люди, которые считают, что мой внук должен им огромные деньги. Это его одноклассник, который теперь большой бандит. Он не может простить моему внуку что-то там еще с восьмого класса. Буквально наехал на него и все отобрал и еще на счетчик поставил. Что ему должны миллионы долларов. Почему ни моего внука, ни его матери здесь нет. Бандиты обещали им, если меня найдут, раскаленный утюг на спину и снять с меня скальп. И пригрозили, что любой родственник из семьи подвергнется пыткам, пока не отдаст всё. Так что меня ждет та же участь. Они будут снимать мои пытки постепенно на видео и отправлять внуку по электронной почте, чтобы он сам приехал. Отрезают так одно ухо и снимают это дело на видео, посылают по электронной почте и ждут. Понимаете?

Нина. Ну и что теперь? Я должна вас ради этого тут держать? При чем здесь я?

Диана. Хороший вопрос. Действительно, вас это не должно заботить. Не должно. Как говорится, это не ваши

проблемы, мадам. Но оставьте меня в покое на неделю. На одну только неделю. Ну крайний срок на десять дней.

Н и н а. Я сказала, отвезу вас завтра. И всё.

Д и а н а. Уезжайте, хорошо? Картошку выкопайте и на волю. Все закройте. Будет открыта только моя хижина. Приедете, а все уже кончено.

Н и н а. Да, я приеду, а вас съели крысы.

Д и а н а. Какое это имеет значение?

Н и н а. Для меня имеет большое. Ужас ведь, ужас, кошмар, спать не буду. Буду виновата.

Д и а н а. А лучше, если они меня перехватят на пристани и увезут пытаться, чтобы узнать, где мой внук?

Н и н а. Откуда они узнают вас?

Д и а н а. Я же заслуженная артистка, известный в городе человек.

Н и н а. Но ведь в театре все равно знают, где вы?

Д и а н а. Откуда. Все уверены, что меня определили в интернат. В нашей области в доме для престарелых актеров мест нет. Я повторяла при прощании всем, кто уезжал, что завтра меня увозят с острова, а куда, я позвоню по приезде на место. Что наш Григорий Петрович уже договорился, но не хочет меня заранее тревожить. То есть пугать, грубо говоря. Потому что в нашем интернате люди уже по трое в комнатках обитают. И меня могут отвезти только куда-нибудь в тайгу.

Н и н а. То есть те люди, одноклассники, ждут от актеров сообщения, где вы. Но вы-то им зачем, ведь у вас нету ничего! Гречка ваша и постное масло их не устроят.

Д и а н а. А. Они же, я вам говорила, хотят снять на видео мои попытки и послать внуку по Интернету. Они знают его почту. Уже ему написали. Что найдут меня, где бы я ни находилась. И подвергнут.

Н и н а. Ниче себе! А зачем им это?

Д и а н а. Не знаю. Чтобы он вернулся? И зачем?

Н и н а. Да, зачем? Денег-то у него нет, я так понимаю.

Д и а н а. Да, он пока что развозит там пиццу. Но этот одноклассник имеет какие-то изуверские планы. Убить... Не знаю, в рабство его продать? Я предполагаю. Сколько стоит человек? Раб.

Нина. Да кому это нужно? Взять хотя бы меня.

Диана. Нет, вы не раба. Вы свободный человек в жутких обстоятельствах.

Нина. Не в том дело. Я! Стала бы я у себя раба держать, пусть и бесплатного. Да его кормить надо! Содержать там в цепях, что ли, чтобы не ушел. Где-то чтобы спал. Нет, не надо никому. К человеку быстро привыкаешь. Начинаешь как-то жалеть его...

Диана. Может, на органы продавать? Нет, это технически слишком сложно, нужно сначала сдавать анализы. Бандиты этим заниматься не будут. У них голова не подходит для таких дел. Наехать, убить, бабла нарубить, выпить-закусить, героинчиком вмазаться, поехать на стрелку, поглядеть порнушку, вызвать девушек. Водить машину и расстрелять они могут. А в случае с пересадкой органов там же надо знать, кому этот организм нужен, какому больному подходит, и туда везти. Нет, они это не потянут.

Нина. На Кавказ его куда-нибудь в аул? В публичный дом? Для мужчин бывает? Не знаю.

Диана. Кошмар какой. Для мужчин? Боже мой. Он уже немолодой, мой внук.

Нина. Еще их снимают во время пыток и продают эти фильмы, нет? Я слышала, тут актеры на кухне говорили, там целая индустрия. Кому-то предлагали, прислали по почте вызов, сняться в фильме пыток, изображать дикие страдания. Но платят средне. Актеры говорили, а вдруг они включают ток по-настоящему? Где гарантии? Ты же будешь весь в ремнях? Не успеешь оглянуться, а уже сыграешь такие страдания, что никакой голливудский Чак Норрис не сумеет. И выйдешь инвалидом, а страховки не будет. Если вообще живой останешься. Это же все подпольно.

Диана. Так вот, я не могу уехать.

Нина. А я что, должна тут сидеть до морковкина загоненья и ждать, пока вы покончите с собой? Это за что мне такая пытка?

Диана. А какой выход из положения? Я ведь никому не нужна. Никто, как вы видите, за меня не хлопочет, не устраивает меня никуда. Григорий Петрович, как вы мне

тут сообщили, на три месяца ушел, потом вообще смывается на пенсию. Мне за себя хлопотать нельзя, узнают, сразу к вам сюда приедут, вообще всё сожгут тут к одной матери.

Нина. Я в отчаянии, блин, это мне безвыходное положение, блин, поймите.

Диана. Вы просто феноменально талантливы. Такую фразу так произнести — это только великая актриса сможет. И то, если ей напишут текст. Но вы же не в отчаянии. Вам все по семечку, как вы выразились тут. Вызовете милицию, скорую, труповозку, и всё.

Нина. Сука, блин, ты зачем на мою голову свалилась, а?

Диана. И еще более феноменально! Какие интонации, какое произношение! Скажите это же по-английски.

Нина (*говорит ей на ухо долго и, видимо, матом*). Поняла, сука, по-английски? Хау а ю, вот из ё нэйм, блин?

Диана. Всё. Оставшиеся дни моей жизни я буду с вами работать, учить вас. Вы просто рождены для театра! У нас таких актрис нет.

Нина. Она еще стебется надо мной, блин.

Диана. Скажите это же поточнее. Она — еще — стебется... Ну! Надо — мною... Слово «блин» надо почетче. Блин — это недостаточно, его надо заменить тем словом, которое оно заменяет. Ну, бллль... Ну?

Нина. Господи, ну че, блин, делать мне с тобой, старая ты, блин...

Диана. Убейте меня, плииз. Самоубийство — это великий грех. Знаете, как меня убить? Просто уехать, закрыв дверь кухни на замок и выключивши водопровод.

Нина. Потом меня уволят на хер. Или вообще посадят. За неказание помощи. Вызову вот сейчас гулянку, возьмем тебя с водителем, скажу, что ты сама не ходишь и слегка сдвинулась, не хочешь уезжать, все давно уехали. Мы отнесем тебя на стуле, стул я верну в домик, посадим тебя в каюту на одеяло, заплачу за переезд, и всё. Так будет правильно. (*Вынимает мобильник, набирает номер.*)

Диана. А с меня кожу снимут? Не всю, а частично? Только с головы? И я буду перед камерой плакать кровью?

Нина. Ой-ой, напугала (*ищет номер в телефоне*). Ща. Ща, блин, я тебя пристрою.

Диана. Ну хорошо. Теперь стой и не шевелись. Оставь телефон, сволочь. Я что сказала? Смотри. Хуже будет.

Нина. Ой, заговорила. Актриса. Новая роль.

Диана. Твоя дочь — сестра моей дочери, поняла, сука? По паспорту с той же фамилией, с отчеством и как две капли воды рыжая, на него похожая. И ее дети — брат и сестра моего внука. Двоюродные.

Нина. И че?

Диана. А то, что перед пыткой я скажу, что это его сестра родная, и он ее очень любит, и у нее машина, дача и квартира. И триста шестьдесят банок маринованных огурчиков и помидорчиков! И они начнут снимать кожу с нее и с ее маленьких детей и пошлют это видео моему внуку. Которому это будет тяжело, но он не пошевелится приехать.

Нина. Так. А-а-а... Помидорчиков? Вы это сделаете, вы, культурная женщина? Великая актриса? Ни в чем не повинных детей отдашь на пытки? Защищая себя?

Диана. Сразу отдам, как только меня схватят. Я защищаю не себя, а своего любимого внука, который для меня вся жизнь! Он ведь идиот, он прилетит из своей Аргентины сразу же на мои пытки, и его убьют в мучениях! Они же изобретатели! Прилетит как дурак, которым он и является.

Нина. Он в Аргентине?

Диана. Успокойся. Они это знают. Аргентина — туда лететь двадцать часов. И она по территории как Украина. Там хрен найдешь человека, это как ночью шарить насчет макового зернышка, причем на пляже. Да и в Аргентине ли он?

Нина. Что мне делать с тобой? Убить?

Диана. Да.

Нина. Убить, убить... (*Берет табуретку в руки, замахи-вается.*) Не, не могу. На меня перекалываешь грех? Чтобы я всю жизнь убийцей себя чувствовала? Ночи бы не спала? Я же православная. Вот этого ты не дожدهшься. Ишь какая!

Диана. Убей меня.

Нина. Иду разогреть суп. Несу воронку от солярки и веревку связать. Не будешь есть, поняла, что тебя ожидает?

Диана. И что мы будем делать? Если я буду есть?

Нина. Ждать, блин. Пока ты не умрешь, блин. На всем моем питании. Зиму будем сидеть. Весну.

Диана. То есть ты меня обрекаешь на жизнь? Вернее, на ожидание смерти. И не даешь мне права распорядиться этой своей жизнью? А ведь я живая опасна для твоей дочери с девочками!

Нина. Но как бы я мечтала, чтобы моя дочь с детишками пожили хоть в Аргентине...

Диана. Ну адреса ты от меня не дождешься.

Нина. Я дам тебе телефон, позвони ему.

Диана. Нет.

Нина. А, ты боишься, что я его выдам...

Диана. А ты боишься, что я тебя выдам... Но успокойся, я здесь уйду. Сама. Я сумею. Ты даже не поймешь как. Не беспокойся за меня. Он в Аргентине. Мне больше ничего не нужно. Это мое счастье, уйти.

Нина. Нет, давай не надо. Не надо. Я не хочу. Это же мне на всю жизнь. Спать не буду. Хрен его знает, безвыходное какое-то положение. Живи, летом все приедут... Найдется куда тебя сунуть. Не оставят так просто. Все же люди. Все свои, театральные.

Диана. Мне нельзя доживать до лета. Это опасно для нас с тобой. Поняла? Поняла? Деньги на погребение тебе дадут в театре. Я сегодня напишу на бумажке, где меня схоронить. Там и он лежит. Давно я у него не была. Будете нас навещать. С его внуками. Больше у нас с ним тут никого не осталось. Спасибо тебе заранее, наружи меня не оставишь (*склоняет голову*).

Начинает играть музыка, гаснет свет. Через несколько минут на сцене появляются обе героини – Диана в мужском костюме и шляпе, Нина в вечернем платье.

Танцуют аргентинское танго.

Занавес.

БАЛКОН КУ-КУ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Владимир } супруги
Ольга }
Машка, их дочь, мент
Сереза
Ваня
1-я женщина
2-я женщина
Мухмутьевна
Оксана
Дама в белом

378

Ключ к непонятной речи: это по-русски, только надо произносить текст так, как его произносят иностранцы, с акцентом, в одном месте дается манера произношения и перевод. Это и есть ключ.

Спальня в стандартной квартире. Дверь на балкон. Супружеская кровать. В ней спят Владимир и Ольга. На балконе появляется, спустившись с верхнего этажа, Сереза.

Он не виден за портьерой.

Легкий стук с балкона по стеклу. Крик: «Ку-ку! Ку-ку!»

Очень похоже на кукование кукушки.

Ольга (*в полусне*). Да! Да! Кукушки прилетели! Всё!

Сереза (*во сне*). О господи, опять.

Ольга. Вот и да! Ты понимаешь теперь? А говорил! Непродажная квартира, непродажная квартира! (*Считаем.*)

Раз! Раз! Раз! (*Пауза.*) Замолчала. Ну вот, а ты так и не услышал. Потом мне не поверишь.

Кукование.

Ольга (*Владимиру*). Вова! Вот и всё! Кукушки!

Владимир. Спи еще!

Ольга. Я была права! Мы можем хорошо ее продать! А не как она говорила, эта! Риелтор называется! (*Изображает.*) «Нельзя продать, вашу эту квартиру нельзя продать! Вьетнамское общежитие, экология, туда-сюда!» А можно! Кукушки прилетели! В наш двор, как в лес, прилетели!

Владимир. Господи! Дай спать! Жопа! Какие кукушки! Уже спи!

Ольга. Ты слышишь? Кукушки прилетели!

Сергея (*кивает, улыбается, машет рукой через дверь*).
Ку-ку!

Ольга. Вот! Представляешь, в нашем дворе кукушки! Экология!

Владимир. Хрен, а не кукушки! Дай спать! Семантический тебе кроссинговер! О господи! (*Храпит.*)

Ольга. Я тебе же говорила! Вова! Слушай! (*Толкает Владимира.*) Ты подтвердишь! Ты слышал? Слушай. Погоди. Сейчас.

Кукование.

Владимир. В такую рань! Ты меня будишь!

Ольга. Ку-ку! Ты слышишь?

Кто-то за гардиной кукует, стучит по стеклу.

Владимир. Ты совсем уже. Ку-ку уже вообще. (*Накрывает голову подушкой.*)

Ольга. Что и требовалось доказать! У нас экологически чистый двор! Кукушки это означают! Кукушки прилетают в чистый двор! И нечего! Что вьетнамцы, не люди?

Люди! Я за права человека! А ты не верил! Тот сад, тот лес, который насадили мы с Петром Ивановичем! О, мой сад! О, мы с Петром Ивановичем! Как лопаты точили! Кукушки не живут в загрязненных местах! Мы стоим гораздо дороже! Чем риелтор сказала, вообще с ума сошла. Петр Иванович умер не дождавшись! Ты читал, что мы написали? Там на мемориальной доске что мы написали? На фанерной доске в саду?

Сережа. Ку-ку!

Ольга. Теперь ты слышишь? Ку-ку!

Сережа. Ку-ку!

Ольга. Да ку-ку же, тебе сказано!

Владимир. Уйди совсем!

Ольга. Чистый район! Мы написали на фанере: «Лес насажен Чужиковым Петром Ивановичем!» А эти, риелторша: у вас во дворе общежитие, общежитие! Да вьетнамцы где хочешь живут! И собаки свободно бегают! Никто их не ест! Вьетнамцы никому не мешают! Права человека! Живи! А то (*изображает*): к сожалению, у вас во дворе вьетнамская общага, эту квартиру не продать. А сама риелтор себе купит и продаст в три раза дороже!

Владимир. Дай спать!

Ольга. У нас хороший микроклимат и микрорайон! Кукушки прилетели!

Владимир. Дура, дай спать! Пока дрель у них там сверху не заработала!

Ольга. Когда мы сажали леса, ты тоже не верил и не пошел с лопатой. Биолог называется! А теперь мы правы с Петром Ивановичем! Здесь поселились кукушки! Несмотря на общежитие!

Кукование.

Владимир (*хранит*). Хрр! Фью! Хрр!

Ольга. Послушай! Да послушай наконец! (*Теребит Владимира.*) Ну вот, она перестала из-за тебя! Из-за тебя замолкла! И ты мне не подтвердишь!

Сережа. Да! Ку-ку!

Владимир (*вскакивает*). Кто там?
Ольга (*смеется*). Кукушка, дурак, кто! Теперь поверил?

За портьерой снова «ку-ку» и легкий стук, как клювом по стеклу.

Владимир. Кто здесь?

Та же игра.

Владимир (*привстав*). Открой занавеску, нервная!

Ольга отодвигает портьеру. За стеклом балконной двери, силуэт мужчины. Он кивает, стучит ногтем в стекло и наконец говорит свое «ку-ку».

Вам кого?

Человек (*в дальнейшем он зовется Сережей*) говорит что-то неразборчивое и стучит.

Че за хрень!

Сережа. Это мы. Можно войти?

Ольга (*все еще счастливо хохоча*). Да-да, пожалуйста!
Там открыто!

Владимир. Закрой дверь! На шпингалет! Сейчас же!

Сережа. Что? Ку-ку. (*Стучит ногтем.*) Это я, соседи сверху. Со-се-ди сверху!

Ольга. Это соседи сверху. Сам встань закрой. Какие соседи? Там же балкон! Четвертый этаж!

Владимир. То есть немедленно встать и закрыть!

Ольга. Ой, не ори.

Владимир. Что значит не ори? Вста-ать!

Ольга. У нас и так заперто!

Сережа (*в форточку*). Да! У вас заперто! Мы здесь наверху тут работаем вообще. У жены там началось, а железную дверь квартиры нашей тут здесь заклинило. Не открывается вообще. Выйти на лестницу не можем. К вам спустились. Дверь переклинило вообще.

Владимир А. (*Пауза.*) Дверь у них переклинило. В ремонт дверей позвоните! Все! (*Накрывается одеялом с головой.*)

Сереза. Это не наша дверь вообще. Мы не можем трогать. Телефон вообще йок. Шабшим.

Владимир. Как не ваша дверь? Что это за такое? (*Садится.*)

Сереза. Мы ремонт тут там делаем. Ку-ку. (*Стучит ногом по стеклу.*) Телефон не уплачен. Нам зарплату задерживают вообще.

Владимир. Вообще! Вообще уйдите с нашего балкона! Прыг отсюда!

Ольга. Ты что, ты что! Не прыгайте! Ломайте вашу ту дверь, и всё! У вас же есть дрель! Мы слышали!

Владимир. У них и болгарка есть, я слышал! Которая воеет так, знаешь?

Ольга. Да, да.

Владимир. Каждое утро так: вууу, вууу! У вас болгарка! Мы знаем! Не отпирайтесь!

Сереза. Да не отпираемся, да! Вообще. Денег на дверь пока что нету! Когда сломаем, купить замок не купим. Новую дверь не поднимемся вставлять. Под окончательный расчет получим, но пока не дали хозяи. Телефон не уплачен, не можем звонить. (*Кричит наверх.*) Ку-ку!

Владимир. Это ваши проблемы.

Сереза. Что? Что говорите вообще?

Владимир. Это ваши проблемы.

Ольга. Ты это нехорошо сказал. Это же люди! Они люди!

Сереза. Ну да, мы люди, у нас трое ребят остались на родине, с ними старшая девочка восемнадцать лет, поступает в техникум, отец ушел в монастырь, мама умерла, когда мне было пять лет... Жена делает медовый массаж, убивает все шлаки. Если хотите, уберет у вас. Убирает, уборщица.

Владимир. Спасибо, нам не надо.

Ольга. В смысле уборщица у него уже есть. (*Стучит себе в грудь.*)

Владимир. Кому ты нужна!

Сергея. Вчера у одной женщины в подъезде она на втором этаже убирала шлаки, шабшим убрала, в одиннадцатый еще раз к ней пришла общий массаж делала для пробы, бесплатно, и вот сегодня у ней началось. Я бегом в дверь, она не отчиняется. Я отчиняю — она не отчиняется! Ну что ты будешь делать. Залипла вообще.

Владимир. Это ваши... *(Ольга толкает его в бок)* проблемы *(покачнулся от нового толчка)*.

Сергея *(кивает)*. Наши. Наши. Я за медиком бегу, жена еще раньше договорилась на рынке, там Оксана торгует морожеными кальмарами, она медик. Врач, короче. Отолор. И вот началось.

Владимир. Отолор?

Ольга. Отолор... Ну да. *(Показывает на нос.)* Ухо горло. Приступ начался, что ли? Что? Ангина?

Сергея. Та... Дверь заклинило. А так нет, не приступ. Она это самое... *(Делает неопределенный жест у живота.)*

Владимир. Да? *(Ольге.)* Ты поняла?

Ольга. Да. Еще бы. Я-то поняла. Не ты же!

Владимир. Приступ?

Ольга. Нет.

Владимир. А что вообще раньше думали? Чем соображали?

Ольга. А чем соображают под одеялом.

Сергея. Да что как дверь заклинило железную... Мы все приготовили вообще... С Оксаной договорились... Но началось немного раньше.

Крик сверху: «Ку-ку!»

Владимир. Кто еще там?

Сергея. Это жена меня. Я Сергей. *(Наверх.)* Ку-ку! Она привыкла, она кукушкой служила... Белые колготки... Снайпер.

Крик сверху: «Ку-ку!»

Сейчас! Тут люди добрые! Я сейчас приведу медика!
В крайнем случае!

Владимир. Как приведу? У вас же дверь заклинило!

Крик сверху: «Ку-ку!»

Сереза (*трясет связкой ключей*). Я попробую открыть с той стороны! А то она одна осталась! Воды, воды отходят!

Владимир (*смотрит на потолок*). Опять вы нас затопите? Ну блин... Ну блин...

Сверху: «Ку-ку!»

Ольга (*вскакивает*). Да что же это! Воды отходят! (*Открывает балконную дверь.*) Бегите.

Сереза (*пробегая*). Ку-ку! Дверь там... Ну что как дверь... Надо... Меня Сереза зовут вообще...

Ольга. Меня Ольга Николаевна. (*Бежит следом, возвращается.*)

Владимир. Заперла дверь? И балконную запри. И неси тазы и тряпки. Сейчас польет. Воды пошли.

Крик сверху: «Ку-ку!»

Ольга. Дурак. (*Выходит на балкон.*) Как вы себя чувствуете? (*В ответ «Ку-ку».*) Ничего, ничего, девочка... Попробуйте часто дышать... короткое дыхание! (*Ку-ку.*) Я вас прекрасно слышу, не напрягайтесь! Вы сидите или лежите? А? А. А. (*Пауза.*) А. Вам же надо лечь. Расслабьтесь. (*Владимиру.*) Слушай, как он тут спустился? С верхнего этажа?

Владимир. Я сегодня планировал выспаться! Специально раньше лег! Каждое утро в семь часов эта проклятая дрель и удары к нам в потолок молотом! Лег в девять! И на тебе!

Тот же крик.

Ольга (*кричит*). Это надо перебарывать коротким дыханием, боль. Как собака дышать! Мелко так. (*Показывает.*) Воды отошли?

Владимир (*смотрит на потолок*). Нет еще. Сухо пока. Ну ладно, я понимаю, он спустился. Но ежели он не откроет ту дверь свою железную, как он будет подниматься? Тем более с медиком? Если ключи заклинило?

Ольга. У нас есть стремянка.

Владимир. Так! Ты отдаешь себе отчет? Дверь заклинило, они ее открыть боятся, чтобы не платить деньги потом за раскуроченный замок, и наш балкон будет для них всегда тогда что? Проходной двор? Так? Лестничная клетка? Да?

Ольга. Как бы не померла она там.

Владимир. Да? Да? Ты как реально себе это представляешь? Сейчас врач придет, вверх полезет.

Ольга. Тише...

Владимир. Потом ее, не дай бог, труп начнут спускать.

Ольга. Да тише ты! Замолчала она! Тише!

Владимир. Потом поминки, этот притащит ящик водки с дружками... Будут лазить вверх-вниз... Воображаешь себе?

Ольга. Тише, я слушаю!

Владимир. А гроб поднимать будут? Когда пустой принесут?

Ольга. Ну тише же!

Владимир. А спускать вообще этот гроб с телом будут как? Вытрясут ведь! Уууу!

Ольга. Дурак? (*Кричит.*) Ку-ку!

Ответ: «Ку-ку!»

Жива, слава те.

Владимир. Глаза дикого типа, в скобках красные.

Ольга. Но при этом утром было так тихо! Я проснулась от тишины! И эта кукушка мне показалась...

Владимир. Ну да, ну да. Ты поняла? Этот самый Сережа у нас наверху ремонт и делает, стены ломает... С семи

утра до часу ночи. Подлец! А нас залило? А теперь опять еще воды пошли? Ты понимаешь, кто они? Это те самые ремонтники, бригада над нами, что с семи утра бьют стены! Ты еще вспомнишь, когда их мебель на нас рухнет. Они же снимают там все перегородки! Опираются только на нас! Эти жопы! А протечка опять? Ты помнишь, как мы зимой к ним бегали, когда хлынула горячая вода?

Ольга. Это я к ним зимой бегала... Ты, как всегда, на диване лежал! Когда протечка была.

Владимир. Я лежал болел, и это на меня лилось!

Ольга. Да, ты лежал болел, а по стене лилась горячая вода, два часа вообще как в бане, я бегаю с тазами, а он лежит, изображает.

Владимир. Кто?

Крик: «Ку-ку!»

Ольга. Да-да, я слышу. Скоро придет помощь, врач отолор. Ну хотя бы.

Владимир. Я лежал? Да у меня температура была, а ты как пень.

Ольга. Да? Я помчалась наверх, а там в квартире этой на звонок вообще никто не открывает. За этой железной дверью заперлись как мыши! А теперь сами попались с этой дверью! Ку-ку, я вас слышу!

Владимир. Да, вот именно! А ты им помогаешь!

Ольга (*кричит*). У нас протечка, кричу! И никакого шевеления в ответ. Ку-ку!

Ответ: «Ку-ку».

Владимир. А ты? Что ты? Ты, крышка головной кишки! Ничего больше мне не говори! Я не слышу! (*Затыкает ухо подушкой.*)

Ольга. Ха. Ты никогда не слушаешь меня. А они там ни слова, как мыши затаились. Потом наш водопроводчик, этот Гасан, идет по лестнице, я к нему, у нас вода течет по стенам горячая! Пытка, пытка! Я жалуюсь ему, что это они, ремонтники сверху в той квартире продырявили нам

трубу, а он мне «мамаша, сейчас отключим, это не они, а авария на крыше. Простая авария, дорогая». Тоже ими куплен. На них работает. А мы сидим из-за этого или затопленные, или вообще без воды! С их ремонтом!

Владимир. Ты это мне говоришь! (*Приподняв подушку.*) А теперь ты же, ты же его сквозь нас пропускаешь! Этого ремонтника так называемого Сережу!

Ольга. Может быть, это был не он?

Владимир (*с подушкой на ухе*). Он точно. Я его во дворе раньше видел, он мешок с чем-то нес. С картошкой... Или с навозом...

Крик: «Ку-ку!»

Ольга. А представляешь, если она умрет без врача? И действительно, труп будут спускать через нас? Ку-ку! Два трупа. И будешь всю оставшуюся жизнь лежать без сна! Муки черной совести!

Владимир. Еще чего. Почему два трупа?

Ольга. Да она рожает, дурак!

Владимир (*отнимает от уха подушку, кричит что есть мочи*). Тогда ку-ку!

Ольга. Это не ты должен, а я кричать! Она ко мне привыкла! Как вы там, женщина? Ку-ку!

Владимир (*орет*). Ку-ку!

Голос. Ку-ку.

Владимир. Ты поняла, на кого она откликается? Ку-ку!

Ольга. Вы там смотрите не слабейте! Держитесь! Это естественный процесс! Каждая женщина должна! Ну, смелее: ку-ку! (*Пауза.*) Ку-ку, говорю!

Владимир (*кричит*). Ку-ку! Она тебя не слышит. Ку-ку!

Слушают.

Ольга. Ужас. Все. Вот ты валаңдался, не пускал этого Сережу... Вот всю жизнь теперь будешь вспоминать.

Владимир. Ты! Ты всегда так на мою голову начинаешь валишь! Она тебе не откликается, а мне откликнется! Ку-ку!

Ольга. Тише! Я не слышу, мне кажется, она шевелится. Ку-ку!

Владимир. Скажи опять ей!

Ольга. Что, отстань!

Владимир. Чтобы по-собачьи дышала!

Ольга. Уже.

Владимир. Еще крикни. *(Кричит.)* Женщина, по-собачьи! Женщина! Дышите!

Ольга *(бежит в комнату, роется в ящике, находит лекарство, бежит на балкон)*. Вот вам сердечное! Для поддержания! *(Тянет руку вверх.)* Надо встать на стул. *(Возвращается в комнату. Тащит на балкон стул.)*

Владимир *(не дает нести стул)*. Ты сверзишься вообще! Подожди! Пусть веревку сверху спустит! Алло! Ку-ку, алло!

Ольга. Дурак, что ли! Она лежит, какую веревку!

Владимир. У меня, дура, инженерное решение. *(Идет со стулом, прихватив по дороге табурет.)*

Ольга. Стремянку, да!

Владимир *(выходя)*. Со стремянки рыпнешься! Еще с одним трупом мне возиться!

Ольга. Нет, она жива, я слышу, просто схватки идут через промежутки. Ку-ку! Я тут! Ваш муж скоро придет с врачом. Дышите как собачка. *(Показывает.)* Слышите?

Владимир *(входит со шваброй в руке)*. Оля, привязывай! К швабре!

Ольга. Это же лекарство! А это грязная щетка! С микробами!

Владимир. Тут речь идет о жизни! О двух! О трех, если и ты упадешь! *(Кричит наверх.)* Ку-ку! *(Ольге.)* Привязывай! Вот веревка! Я держу!

Ольга привязывает лекарство к щетке.

Со стороны щетины! На другом конце не удержится!

Ольга. Удержится! *(Кричит.)* Ку-ку!

Владимир. Вот дура! Гигиены ей надо! Со стороны щетины присобачивай, ку-ку!

Ольга. Нет! Там вся грязь! Ты всегдаходишь в комнату в грязной обуви! Где собаки срут, там ты ходишь и это домой приносишь! (*Протягивает щетку наверх.*) Ку-ку! Это вам лекарство! Примите! Протяните руку! Ку-ку! Она без сознания. Дело плохо. Надо лезть к ней.

Владимир. Как?

Ольга. Тащи стремянку.

Владимир. И потом тебя хорони. Нетушки! (*Отчаянно вопит.*) Ку-ку!

Ольга. Шкафчик! Надо поставить туда тот шкафчик с кухни!

Владимир. У него высокий опрокидывающий момент! Кувырнется, короче!

Ольга. Ты поддержишь! Тащи его! Нет, он с посудой! Я выну посуду! Пока постой тут! Знаешь, покукуй пока ты. (*Выбегает.*)

Владимир. Еще чего! (*Кричит наверх.*) Еще чего! Еще чего!

Ольга втаскивает кухонный шкафчик-пенал.

Дура! Осел!

Ольга волочет шкафчик на балкон.

Надорвешься, говорю!

Ольга. Так помоги.

Владимир. Я своими руками тебе не буду могилу копать.

Ольга вытаскивает шкафчик на балкон.

Ты облегчаешь им путь наверх.

Ольга (*ставит шкафчик на балкон*). Ку-ку!

Владимир (*кричит наверх*). Еще чего!

Голос. Ку-ку.

Владимир (*торжествуя*). Умная! Мне она ответила!

Ольга. Ку-ку! Вы меня слышите? Выйдите на балкон, я вам лекарство протяну, выпейте с водой. (*Тянет швабру на-*

верх.) Взяли? (*Возвращает швабру, на ней ничего нет.*) Взяла. Молодец! Ура!

Владимир. Дай сюда. (*Уносит швабру.*)

Голос кукует. Владимир возвращается.

Я же говорил, таблетка не поможет.

Ольга (*наверх*). Дышите мелко-мелко, как собака! У нее опять схватка.

Владимир. Что-то сердце прихватило.

Ольга. Возьми в ящике таблетку.

Владимир (*садится на кровать*). Дай воды.

Ольга. Сейчас.

Владимир. Ты обо мне не думаешь, что это такое для меня.

Ольга (*наверх*). Ку-ку! Все идет нормально, схватки — это нормально. Ты всегда, когда другой болеет, ревнуешь.

Владимир. Воды! Схватило сердце.

Ольга выходит.

Ку-ку! Ольга, ку-ку! Воды мне и таблетку! (*Держится за сердце.*) Схватки! Где ты? Оль-га! Ни одной живой души, все! Никто меня не слышит.

Голос. Ку-ку.

Владимир. Что?

Голос. Ку-ку.

Владимир. Она меня услышала, слышишь?

Голос. Ку-ку.

Владимир. Да, да, я вас слышу! Ау!

Голос. Ау ку-ку.

Владимир (*выходит на балкон*). Правильно. Теперь дышать как собака! Собака, знаешь? Де дог! Дышишь? (*Слушает.*) Правильно. Я тебя научу как рожать.

Ольга (*входя с водой*). Ку-ку!

Владимир. Тише, не мешай. Мы с ней переговариваемся. Ку-ку! Ну и вот. (*Дышит, повизгивая, как собака.*) Это называется поверхностное дыхание.

Ольга. Ты че скулишь? Это неверно! Ку-ку! Надо так! (Дышит.) На тебе воду.

Владимир. Нет, она меня слушает! Ку-ку!

Некоторое время кукуют.

Ольга (*кричит наверх*). Руки так на живот. И — мелко-мелко!

Владимир. Зачем руки на живот? Не надо.

Ольга. Пей свою таблетку!

Владимир (*наверх*). Не надо руки на живот!

Звонок. Ольга вводит Сережу и Ивана.

Ну наконец-то!

Сережа. Сейчас он посмотрит все.

Ольга. Идите. Там на балкон. Мы все приготовили, шкафчик. Ногу на перила, затем раз! Ногу на шкафчик. Осторожно, у него высокий опрокидыватель.

Владимир. Опрокидывающий момент! Она у меня дура неграмотная.

Ольга. Слыхали? Ничего страшного. Он кричит это просто потому, что мы разводимся. Продаем квартиру. Но у нас плохой район, так сказать, вьетнамское общежитие. А там еще одно китайское. Но собаки ходят. Нерезаные. Так... Полотенце чистое дать?

Владимир. Это ты разводишься, д-дура!

Ольга. Опять слыхали?

Владимир. Что значит слыхали, дура ты необразованная! (*Передразнивает.*) Высокий опрокидыватель! Слыхали? То она руки на живот советует...

Ольга. Не обращайтесь внимания на него. Дать полотенце? А то у вас руки вон немножечко слишком... В мазуте, в тавоте... В тосоле?

Сережа. Это у него такие всегда были. У других чистые, а у него...

Иван. Да.

Сережа. Черные.

Иван. А ноги...

Владимир. Что значит не обращайтесь?

Иван. С армии такие.

Ольга. Я и простынку чистую дам... Все вам соберу...
(Выходит.)

Владимир (Ивану). Вот вы, вы считаете, надо руки на живот? Если дыхание — часто дышит, как собака?

Иван. Часто?

Владимир. Ну да! (Дышит.) А? Ведь не надо?

Иван (солидно). И я вас понимаю.

Владимир. При собачьем дыхании, когда так часто, то надо руки на живот?

Иван (медленно). Кому?

Владимир. Вы фельдшер?

Сережа. Он слесарь.

Владимир. А что так?

Сережа. Дверь снаружи не открылась, попробуем изнутри. А то неудобно через вас проходить вообще. Вы ж понимаете. Вас беспокоить.

Иван. Иван. (Подает руку Владимиру.)

Владимир. Владимир. (Пожимает руку Ивану, с сомнением смотрит после этого на свою ладонь.)

Ольга (входит со стопкой белья). Идите, идите, поднимайтесь, вот вам все готовое.

Иван (Владимиру). Честно вам скажу, не знаю, живот на руки или нет. (Кланяется собравшимся.) У меня руки чистые, у нас было село вообще чистое... Руки у меня от рабочего стажа. Камушками аж все обложено... Цветы вокруг... Розы даже... Жили все, мы, русские, немцы, украинцы, аж с Белоруссии тоже... В гости идем, арбуза аж несем... Все чистое, доярки аж в белых халатах... А теперь аж все повыехали... За отцом поехали его забирать, там поселок аж пустой...

Ольга. Что они наделали, сволочи!

Владимир. Опустели земли народов!

Иван. Та не, не опустели. Там живут. В нашем доме один человек, он с Таймыра. Так он теперь у нас во дворе аж стадо собак держит... за забором... Овец приели всех аж... Приезжие ничего не умеют... Так он собак теперь ростит на шашлыки... Чем он их кормит... Траву они не ши-

плют, собаки... Варит им помои, аж как свиньям... Их на сало, на мясо аж выращивает... Продает, а сам аж наркотики покупает... Талибы приезжают, привозят... Граждане! Поможем чем сможем!

Ольга. Возьмите. *(Достает из сумки деньги, дает.)*

Иван. Мы вам поможем. Мы всем помогаем. Мы тут уже встали на работу...

Владимир. Аж на работу.

Иван. Уже аж на работу. Отца мы спасли, ему сказали эти родня того кто дом купил: поедем в город, там тебе деньги за дом отдадим. Он поехал. Дали они ему деньги за его дом, аж двести долларов. И проводили аж на автостанцию. Он купил билет на автобус. А тут мы с поезда сходим, успели, взяли попутку, взяли аж отца, говорим, что ты на автобусе, мы уже взяли машину... Билет не сдали аж. И поехали за его вещами аж в село забирать всё. А оказалось, что в середине пути, аж в пустыне, тот его автобус, на который мы не сдали билет, остановили аж двое на танке и ну кого-то искать. Отца и искали с деньгами. А мы уже проехали на машине. Видели танк, а они нас из танка не разглядели. Ну и что вы думаете, приезжаем, а у него уже за нашим забором этот покупатель, он стадо собак напустил... Отловил, видно, по всему аж селу... Где у нас цветы росли...

Сереза. Выпить надо, эх! Отец, у тебя не найдется граммульки?

Владимир. Не употребляем аж.

Иван и Сереза выходят на балкон, исчезают. Раздаются глухие удары.

Ольга *(возвращается, садится на кровать)*. Слава богу, сразу видно, что фельдшер. *(Кивает на потолок, крестится.)*

Жуткий грохот.

Сейчас она родит.

Владимир. Как раз. Это аж слесарь.

Ольга. Зачем ей слесарь?
Владимир. Сейчас вообще весь дом аж разнесут с этой
дверью.

Удары прекращаются. Звонок. Ольга вводит
двух женщин.

Ольга. Вот сюда, прошу вас. На балкон. Ногу на перила,
потом на шкаф.

Женщины не двигаются.

Полезайте, не стесняйтесь. Кто из вас Оксана?

1-я женщина. Оксана?

2-я женщина. Оксана уйихала на витчизну, нэнько.

Владимир. Оксана? Та шо вы! Ой мамо ж моя мамо,
як же я вас вспоминаю... Ридна мово! *(Поет.)* Гляжу ж я на
нэбо тай думку ж гадаю... Чому ж я нэ сокил! Чому ж нэ ли-
таю! Чому ж мэне боже... Да... Уйихала Оксана... Шо ж тэ-
перь робить...

2-я женщина. Шо Оксана уйихала, то у ньой дядьку
вбили.

Владимир. Як вбили?

1-я женщина. Невзапно.

Ольга. Як-як?

2-я женщина. Та невзапно ж.

Владимир. Сейчас я переведу тебе. У нее дядю убили.
Неожиданно.

Ольга. Кошмар.

2-я женщина. Та... *(Машет рукой, смахивает слезу.)*

Ольга. Я понимаю, вы вместо нее? Вы уже опытная?

2-я женщина. Та я... ну... Як же ж... Тильки кажут
людины...

Владимир. Перевод. Да я ну как же ж, говорят только
люди. Вы по какому вопросу, собственно?

Ольга. Они вместо Оксаны.

Владимир. Так я вас слушаю.

1-я женщина. Хозяя, водицы не нальешь?

Ольга. Сейчас. *(Выходит.)*

2-я женщина *(вдогонку)*. Женщина, а шлаки вам не вывести?

Владимир. Кого?

1-я женщина. Она шлаки выводит с орханизму, медовый массаж.

2-я женщина. Я у профессора училась... Сколько недель...

1-я женщина. Она берет дешевле в пять раз.

2-я женщина. Вот у вас, я вижу, локти, суставы, шея неочищены. Колени покажите. Штаны сымите. Сымите, сымите.

Владимир держится за штаны.

Та я ж и так бачу. Ой, щеки яки неочищены! Уши, уши! Таз покажите. Побачь, кохана, яки таз!

Ходят вокруг Владимира, чмокают.

Владимир *(крутится на месте, защищая от взглядов свой таз)*. Я тебе ща побачу да по шеям.

2-я женщина. Череп, череп неочищенный! У вас отложение солей.

1-я женщина. И у вас, дядьку, сэрденько мрэ.

Владимир. То есть как это мрэ?

1-я женщина. Ну аритмия... Мерцаловка. Замираэ.

Владимир. Ты! Ты чего диагнозы раздаешь? Когда не просят?

1-я женщина. Та шо я, не бачу...

2-я женщина. Шо она, дурко... Шо тута хутарить...

1-я женщина. Ежели не примешь моих рекомендаций, то ой тэбэ лыхо-лышенько будэ! До вечора, слово чести, не дотяхнэш! *(Плюют дуэтом, выдирают у Владимира какую-то нитку из воротника, дуют на нее, скручивают и т.д.)*

Владимир. Оля! Оля!

Входит Ольга.

Немедленно их наверх! Лезьте! Там вас ждут. Там нужны медики. Ольга, проводи. Пусть побачут. Не-хай. Массаж медовый и тэ пэ. Хай идуть по шеям. Хай, хай.

Ольга. Вот сюда. *(Выходит на балкон.)*

1-я женщина. Батя на родине дом, хату продал, через таможеню мне деньги везэ, пограничники ваши усе узяли. Брата вбилы, денег немає, тата прийихав сам з мамою и женой брата и с пацанами семь месяцев, восемь месяцев и пятнадцать и три годика.

Владимир. Так шо, вы сами не местные?

1-я женщина. Ни. Та ни.

2-я женщина. Ищем квартиру, вы сдаете? Какая у вас квартира? *(Выходит.)*

Владимир *(кричит)*. Оля! Оля! Сюда!

Ольга. Ну что ты опять!

Владимир. Иди в ту комнату.

Ольга. Зачем?

Владимир. Дура, иди, раз говорят!

Ольга. На дуру все, больше не реагирую.

Владимир. Ха! Я посмотрю на тебя! *(Смеется.)* Когда они все вынесут!

1-я женщина. Ни.

Владимир *(хохоча)*. Дура! Они хотят снять нашу квартиру!

Ольга. Как раз! *(Выходит.)*

2-я женщина *(возвращается)*. У вас еще есть комната, сдайте одну нам! Позырь.

1-я женщина выходит.

Я вам буду отдавать, буду на трех работах работать... Я за комнату... не знаю... тридцать баксов дам! Заработаю и отдам! Мне надо дитын куда-то сунуть и отца с невесткой... Три месяца, семь месяцев, восемь месяцев, пятнадцать и три годика...

Владимир. Нет, спасибо. Оля! Оля! Веди ту сюда!

Ольга и 1-я женщина входят.

Вам кого?

1-я женщина. Та шо, комната як комната.

Ольга. Но мы не сдаем! У нас... сын и три дочери еще здесь живут с мужьями и женой. Они временно на работе.

1-я женщина. Тридцать пять баксов даю! Ну вы же семья, вы в одной комнате, вас шестеро, и нас семеро, мы согласны, мы поменьше себе возьмем, а? А? Массаж бесплатно ему и вам... И детям вашим, и их жене и мужу тоже... Стирать с вас невестка будэ... Отец поживе на кухне, сготовит вам когда кулеш, когда ажабсанда... К нему брат приеде, тоже пидможе...

Владимир. То есть его брат тоже поможет. Перевод.

1-я женщина. А? А? Не обидим вас... Стоим в чистом поле, на перекрестке Нового Арбата с Садовой улицей уже восьмой день. Ментам платим.

2-я женщина. Я шлаки выведу! Массаж головы и сердца по десять долларов за час. Скидавайте майку, я вам покажу.

Ольга. Нет, спасибо, не надо. Он как раз болеет.

1-я женщина. Я за больными как хожу! Ну как хожу я за больными! У-уу! Я тут одного сердечника выхаживала после покупки квартиры... Он хотел на мне жениться! Ей-бо! Сердце мне предлагал! Уже заявление подали, но тут его супруга пришла домой с магазину...

Ольга. Так что не поминайте лихом.

Слышны удары.

Владимир. О. Оля, ты слышишь? Все-таки милиция пришла. У нас дочка мент. Она прислала. Я позвонил, она прислала.

1-я женщина. У нас разрешение ментуры, шо вы.

Владимир. Они по квартирам с утра делают обход и прямо на месте убивают тех, кто не прошел регистрацию. Лопатой убивают. Милиция, знаете, озверела. При этом кричат «ку-ку». Это у них сегодня такие позывные. Пароль. Ку-ку, как слышите, прием, ку-ку! Так кричат.

Прямо так: ку-кууу! Это значит, тут сидят не прошедшие регистрацию. Их надо ограбить и арестовать. Ку-куу! Ку-куу!

Слышны удары и крик «ку-ку». Женщины переглядываются, плюют в пол, по сторонам и вверх и быстро уходят.

(*Ольге.*) Ты будешь у дверей спрашивать, кто там? Или не будешь?

Звонок.

Погоди, не открывай. Спроси «кто там?».

Ольга. Ты с ума сошел, а вдруг это Оксана? (*Выходит, вводит женщину.*) Это Оксана. Я спросила, Оксана, это вы, она сказала «я».

Оксана. Да.

Ольга (*идет на балкон, показывает*). Вам сюда. Ногу на перила, другую ногу на шкаф... Не стесняйтесь, тут все ходят.

Владимир. Хотели же остеклить балкон. Думали, думали. И теперь вот вам!

Внезапно сверху спускается Иван.

Иван (*Оксане*). Оксана! А, брибед, козбоди пош сакогу фырима маны ны фитлызи? Сакогу, а? Таббай назном исинатала, оқы? (*Давай начнем сначала, о'кей?*) Ганды у ноос ницафо не бызло. (*Тогда у нас ничего не вышло.*) Ай коту тыпы забаразыд ы. (*Я хочу тебя спросить.*) Туту из анда? (*Ты одна?*)

Оксана. Ненду у муну нифахо на тяхонтяфни тэнь. (*Нет у меня никого на сегодняшний день.*) Ай коту тыпы забаразыд дож, тыты андинд? (*Я хочу тебя спросить тоже, ты один?*) Оқы?

Иван. Бофосяшүфай, бызлы ку нам, а? Ку мыны? Имхо. Аллы нны фосящ? (*Послушай, пошли к нам, а? Ко мне? Или не хочешь?*)

Оксана. Оқы-оқы. Фасу. (*Хочу.*)

Иван. Что оқы? Бызлы ку нам или нны фосящ? *(Пошли к нам или не хочешь?)*

Оксана. Я бамтарау, осянны фосю. Танда кафты? *(Я повторяю, очень хочу. Тогда когда?)*

Иван. Кафты-кафты... Фисяш? *(Когда-когда, сейчас?)*

Оксана. Имхо.

Иван. Туту паташты, аяя тольчин сфекась са бальсибисиран фотыком, оқы? *(Ты подожди, я должен сбегать за фальсифицированной водкой.)*

Оксана. Оқы. Сиду шыту тупя. *(Сижу жду тебя.)*

Владимир. Цыгане аж.

Ольга. Какая разница.

Владимир. Погоди, я сейчас им скажу. Оқы? Ку-ку?

Иван *(живает)*. Ку-ку. Оқы.

Крик: «Ку-ку».

Ольга. Еще не родила.

Владимир. Я вообще биолог, но интересуюсь группами языков. Не пойму вашу группу. Банту?

Иван. Я кандидат химических наук зиз елбище. Ы.

Оксана. Я врач-методист по олигофрении зиз елбище ы.

Иван. Ты уже елбище зиз?

Оксана. Комиссия была, оқы. Яны бадавердылы муну кабелипикасиу, муну парафиззиу, зиз елбище. *(Они подтвердили мою квалификацию, мою профессию.)*

Владимир. Банту или манси. Сердце прихватило! Я просил у кого-то воды. Не допросишься. *(Выходит.)*

Иван. И мне аж бадавердылы кабелипикасиу зиз елбище ы. Андахо иа тольчон пизась са бальсибицирна фотыка, ноо. Ы. *(И мне аж подтвердили квалификацию. Однако я должен бежать за фальсифицированной водкой.)* *(Выходит.)*

Владимир. Ничо не понятно, оқы. Даже ы.

Ольга. Молчи. Оксаночка! Давайте я вас туда провожу. Она там *(показывает наверх)* рожает. Минутку, у вас юбка узкая. Я поставлю табуретку. *(Выходит.)*

Владимир. Ты что тут делаешь?

Оксана. Я массаж медовый делаю. Везде. Хочешь?

Входит Ольга, дает Оксане в руки табуретку.

Владимир. Она не фельдшер.

Оксана. Я врач. По олигофренам и дебилам. Дефектолог зиз елбище ы.

Ольга. Сойдет. Пошли.

Владимир. Дефектолог зиз елбище.

Ольга уводит Оксану на балкон, та исчезает.

Вообще ы. (*Кричит.*) Ку-ку! Женщина, вам лучше? После анальгина? Сейчас к вам пришла помощь! Имхо! Ку-ку!

Звонок.

Еще кого-то несет.

Ольга вводит Ивана, у которого в руках ящик водки.

Ы?

Иван. О! Гого аи фичу! Фалатымбир! Быриноз фотыку баласибисирану. Поняелдык? Окы? (*О! Кого я вижу! Владимир! Принес водку фальсифицированную. Понял?*)

Владимир. Окы аж. Зиз елбище.

Иван. Фотыс фыбид? Амми со дапоу мунсыги! Ы! Ожин тосафо гобиль! Бальсибисирна аж фотыка. Фам те тандо? Солодо. Ыыы.

Владимир. Не понял!

Иван. Хочешь выпить? Мы с тобой мужики! Эх! Очень дешево купил! Фальсифицированная аж водка. Вам не надо? У! Золото! Ы!

Владимир (*указывает наверх*). Неси, неси.

Ольга. Женщине не давайте.

Иван. Ну, хозяй, возьми! Это вам! (*Кладет бутылку на кровать.*) От всей аж души! Не обижай! За ваше

здоровье! Хозяя, дай каку-никакую закусочку! Там колбаски?

Владимир. Не-а. Зиз елбище. Ы.

Иван. Колпазги аж не? (*Колбаски аж нет?*) Ну в сырку аж, рыбки не, а?

Ольга. Что вы!

Иван. Огурец аж? Окоуредзэ?

Владимир. Откуда аж!

Ольга. Каша геркулесовая, хотите? Я сварю двухминутную.

Иван. Стакан нет? Зыдаганэ нэнду?

Владимир. Что ты! Но погодите, вы вроде бы тюркская группа... Вы же не пьете?

Иван. Нет! Нет! День рождения отмечать будем.

Владимир. Вы даже докторскую колбасу не едите, так как там свинина. Или ы?

Иван. Нет! Тут день рождения, поздравляем.

Ольга. Ой! И вас также. С наступающим вас! Будьте здоровы!

401

Иван выходит на балкон с ящиком, тут же свешивается веревка с крючком, ящик уплывает вверх.

Иван (*возвращается*). Человек аж рождается!

Ольга. Заранее поздравляем!

Иван. Очень плохо у нас с рождаемостью. Дети аж не хотят выходить наружу.

Владимир. Дети соображают.

Ольга. Что ты такое несешь! Ку-ку! Я вас не слышу! Ку-ку!

Пауза.

Иван. У меня сын родился и пал мертвый. Народ погибает наш. Нас гонят с нашей земли.

Ольга. О господи. Мы тоже такие. Кто мы на этой земле? Гости временные.

Иван. Есть разница, емтырь. Мы незваные, ы.

Ольга. А мы себя как тут чувствуем? То и дело нам напоминают, кто тут хозяева.

Владимир. Про милицию ни слова.

Ольга. Хотите чаю?

Иван. Мы гибнем.

Владимир. Ну а вот сейчас будет пополнение. Молодец, женщина. Алле! Ку-ку!

Пауза.

Иван. Это моя жена. Она аж рождает. Девять месяцев назад ее задержали в милиции на ночь. Денег не было им дать. Меня за деньгами отправили, ее оставили. А я вообще полный импотент. У меня не может быть детей.

Владимир. Надо было жаловаться. У них есть отдел собственной безопасности!

Ольга. Да, да. Они помогают! Я точно знаю! В милиции есть очень хорошие, просто изумительные люди!

Владимир. Меня на днях останавливают, ваши документы. Я: вы че, мужики! Вы на кого бросаетесь? Вы! У меня дочь лейтенант! Пару слов сказал. Совсем обнагле-ли. Надо в суд подавать. Да, я брюнет, и что?

Ольга. Ты лысый брюнет уже.

Иван. Но мы рады. Если даже в отделении милиции зарождается новая жизнь в нашей женщине! Нам нужно! Родится новый человек! Поздравьте меня! Я потому импотент, у нас в поселке была рядом атомная электростанция. Сейчас она остановлена, а что толку. Вся почва отравлена. И вода. Огурцы вырастают с локоть. В пруду двуглавые рыбы плавают. Поздравьте так что.

Ольга. А поздравляем. О господи.

Иван уходит.

А Сережа говорил, это его жена.

Владимир. Есть народы... у них на всех одна жена. Сиккимцы, например. Бутанцы. Они могут купить в дом только одну жену на всех братьев. Нет денег, чтобы купить каждому по жене. Сиккимцы.

Ольга. Они не похожи на сиккимцев.
Владимир. Им сейчас тяжело. Их гонят из родины.
Там аж идет война на истребление.

Звонок. Ольга вводит Старушку с узлами через плечо.

Это еще что? Кто это?

Ольга. Я спросила, вы на балкон, она ответила: да.

Владимир. А ты не спросила, вы нас грабить пришли?

Старушка. Грехи наши тяжкие, светлые наши темные.

А здравствуй, батюшка, сокол ясный, здравствуй, родимущка... Да вы меня не пужайтесь. Как поживаете?

Ольга. Спасибо, а вы?

Старушка. Поманеньку, бауныка, Бог грехам терпит.

Владимир. Бауныка, вам туда. *(Показывает на балкон.)*

Старушка *(выходит на балкон и возвращается)*. А там много нетути.

Владимир. А вы поднимайтесь. Не пужайтесь.

Старушка. Женщины мы не езжалые... Нигде не бывалые...

Владимир. Идите, поднимайтесь аж.

Старушка. Како?

Ольга. Ногу на табуретку, другую на перила, потом на шкафчик...

Старушка *(смотрит)*. Ой! Как расшибет с такой высоты жакнуться.

Ольга. Нет, ногу на шкафчик.

Владимир. Там высокий опрокидывающий момент.

Старушка *(смотрит на балкон, крестится)*. Страсть какая. Опрокидывающий, милоч?

Владимир. Все ходят. *(Кричит.)* Ку-ку!

Ольга *(кричит)*. Ку-ку!

Старушка трясет головой, крестится.

Владимир. Ку-ку там! *(Трясет головой.)*

Ольга *(качает головой)*. Не так. Ку-ку!

Кукуют наперебой, глядя в потолок.

Старушка. А вы что, сектанты?

Ольга (*трясет головой*). Нет. Ку-ку!

Владимир. Ку-ку!

Старушка. Трясуны? Ку-ку?

Владимир. Я пигмей по матери, Ольга хазарка по бабушке, тевтонка по дедушке.

Старушка. Вы не местные.

Владимир. Сами мы люди не местные, предки наши жили на елке.

Старушка (*перекрестившись*). Случается. (*Ольге*.) А может, ты, милка, сама у меня купишь? У зятя на фабрике зарплату дают подушками. У меня четыре тут подушки. Зять в аванс получил пятнадцать ли подушек... Дешево отдам. Дети пока так перепитаются, козы три, баранье, корова, огород, а вот в школу надеть польты и валенки с галошами нетути. На шее как щенята виснут. На гноищах и смегищах ищем обуви. Дома-то они по полу босые жвыкают... А у вас тут карманы глубоки, не выщупаешь... Купите, может?

Владимир. Да куда... Своих подушек некуда девать... Вон две аж валяются...

Старушка. Ты волосами слаб. Млявый поди.

Владимир. Ну не скажи...

Старушка. У меня подушки-то даже гожие. Не потеют на них.

Владимир. Не лепо ли бяшить, братие.

Старушка. Пощуняй, не охичаешь, поди.

Ольга. Я пощуняю. (*Тыкает кулаком в узел.*)

Старушка. Ой, тише, касатик. (*Гладит подушку.*)
Гоже. Лепые.

Владимир. Да маловаты они.

Старушка. Глаза перекрести.

Владимир. Я пигмей по матери.

Старушка. Да Господи Иисусе! (*Крестится.*) Упаси и помилуй! (*Нежно.*) Зачем нашего Христа распяли?

Владимир. Пигмей я! А Иисус Христос-то был не ваш. Еврей.

Старушка. Да Господи Иисусе! Да ты че, батя! Какой он яврей! Наш он!

Владимир. Первые люди все были евреи... Адам и Ева... Каин и Авель... Авеля Каин убил. Все люди, выходит, Каиново отродье. Вопрос: на ком был женат Каин?

Старушка. Да Господь Иисус натворил еще! Из праха! Прах ты есть и в прах обратишься. *(Крестится.)*

Ольга. Да! Кстати, у меня там есть детские валенки с галошами... Куртки какие-то... Не выбрасываю. Мало ли... Вдруг дачу себе заведем... Вдруг внуки будут...

Владимир. Мы разведемся, ты вообще голая останешься. Забыла? Так хоть продашь валенок за батон хлеба на рынке...

Ольга. Барахла полно.

Владимир. Баунька! Мы как бедные научные работники ничего не выкидывали. В стенном шкафу фонд детских валенок.

Ольга. Я думала, у дочки будут деточки. Но они не спешат. Хотят пожить для себя.

Владимир. Пожалуйся еще.

Старушка. Не жалея того, кто плачет, жалея кто скачет. *(Начинает прыгать.)*

Ольга. Мы с ним расходимся. У него появилась женщина, а мы в честь этого продаем квартиру. Покупаем две отдельные. Но у нас плохая-то квартира. Во дворе вьетнамское общежитие. Они собак завезли и лишних пока выпустили, чтобы они тут у помойки перепитались.

Владимир. От дура.

Ольга. Сам такой.

Старушка. Надо говорить «жаль кулака ударить дурака».

Ольга. Пойдемте, я вам найду что-нибудь. Валенки есть. Там много чего... в стенном шкафу и на антресолях. На балконе елка невыкинутая, кстати, Вова, с позапрошлого года.

Владимир. Елка лысая нужна? Еще лыжи старые с одним ботинком, вот куда второй делся? Соковыжималка без штепселя...

Ольга. Сколько просила, просила, умоляла. Купила штепсель... Вставь! Сок будем пить...

Владимир. Чемодан, у него замки сломанные... Что еще... Матрас надувной с дыркой...

Ольга. Просила почини, закрой, закрой... Клей момент купила...

Владимир. Да и клей момент засохший два тюбика. Мясорубка, ручка потерялась. Берите все!

Ольга. Они отремонтируют, что мы не смогли за всю жизнь. Они новые люди!

Старушка. Ой, милка. Мед каплет от устен твоих. Да я тебе за то подушку дам. Идите сюда, лапки, всем подарки (вынимает из узла, кладет на кровать подушку). Зять внизу караулит на мотоцикле, в колясках тридцать ли подушек... Мотоцикл у него с двумя колясками, называется как-то ли тримаран, что ли... Да. Ну, баулька, пошли.

Ольга. Ну пошли, баулька.

Выходят. Сверху спускается Сережа.

Сережа. Здравствуй!

Владимир. Салют.

Сережа (*сидя на кровати*). Вот скажи, почему одним все, а другим ничего?

Владимир. Да! Я тоже об этом думал! Если, наложив на ухо муфту, искусственно держать его в тепле, оно останется белым. Это я про лягушек. Понял?

Сережа. Не скажи!

Владимир достает из кровати бутылку, с полки стакан,
Сережа открывает. Пьют.

Владимир. Несправедливость. Вот я. Ты слышал. Ученый высокого класса. Диссер лежит в столе... Наполовину я калдей! По матери.

Сережа. Торёпе.

Владимир. Что? (*Пауза.*) Казалось бы... Невозможно решить, является ли недоразвитие передней части головы у позвоночных результатом наследственных факторов, ослабляющих индуцирующую способность крыши головной кишки! И никому! Никому не скажешь!

Засмеют! Я в нотариальной конторе работаю курьером.

Сереза. Головной кишки? *(Трогает голову.)*

Владимир. Это я так... Ничего у меня нет.

Сереза. У тебя квартира, жена! Дети есть? Торёпе.

Владимир. Да толку... И жена, и три жены... Я не нужен никому! Мы размениваемся. И вот квартира... Которую я получу в результате... Вот она-то очень нужна кому-то... Как отличить, кому нужен я, а кому квартира?

Сереза. Главное, дети! Жвака торёпе.

Владимир. Дети! Дети меня не одобряют. Когда жена меня, ну, обвинила... ну что я живу там с другими... бред кобылы... У нее сексуальный бред... В ее возрасте бывает... И деточки встали резко на ее сторону... И так они вообще редко ко мне обращались... исключительно занять денег... Знаешь, родители как холодильник...

Сереза. Холодильник родители? У нас старшие не холодильник. Они испытывают наше уважение. По всем вопросам совет дают.

Владимир. Это вы еще архаическая древняя цивилизация. А у нас дети заглядывают к родителям, только когда им что-то нужно взять... Как в холодильник. Вот что я имел в виду. А теперь вообще. Всегда у нас поиски кто виноват. Вот радость! Наконец виноватый нашелся! Это отец во всей нашей сраной жизни повинен! Эх да. Ты знаешь, кто у меня был знакомый? Друг просто? Высоцкий, знаешь?

Сереза. Полузащитник из «Ротора»?

Владимир. Певец, олигофрен!

Сереза. Певец олигофрен?

Владимир. Поэт и певец.

Сереза. Певец я знаю, Паваротти. *(Поет по-итальянски.)*

Владимир. А знаешь, какая настоящая фамилия была у Высоцкого? Володя Шпек. Или Шмук, забыл. Шванц! Вот! Шванц Володька!

Сереза. Моя настоящая фамилия Кравченков, торёпе.

Владимир. Моя настоящая фамилия Смирнов.

Сереза. Смирнов, торёпе. А Пушкин — он из нашего народа.

Владимир. Ой ли?

Сереза. Ой. Лев Толстой тоже из нашего народа. Той — это праздник на многих языках. Тол — это взрывчатка. Лев Толтой. Неправильно произносят. Я праправнук Лев Толтой. Я написал продолжение «Война и мир», называется «Брандахла».

Владимир. Брандахла? И всё?

Сереза. Война. А брандахла да брандахлы — это война и мир. У нас это почти одинаковые слова. Война — брандахла. Изменяем одну букву — брандахлы, то есть мир. Остальное аналогично.

Владимир. А Лев как переводится?

Сереза. Лев — это левый, левак. Леворадикальное течение. Леворадикальный праздник взрывчатки, вот полный перевод Лев Толтой.

Владимир. Погоди, а Троцкий тогда тоже ваш? Торёпе?

Сереза. Кто?

Крик: «Ку-ку!»

Владимир. Слава тебе господи, жива.

Сереза. Пусть кричит. *(Стучит о подушку кулаком.)*
О! *(Нюхает ее, бросается ничком на пол. Полежав, встает.)* Наша подушка! С гексагеном! Мухмутьевна при-
несла?

Входит Старушка, обвешанная валенками, на голове две ушанки.

Старушка. Ой ты гой еси! *(Кланяется Серезе.)*

Сереза. Брифетфуя тыпы.

Владимир. Ты что, гой?

Сереза. Гой.

Владимир. Я наполовину гой тоже. Наполовину торёпе!

Сереза. Ты... Ты таджит.

Владимир. Я пигмей тутси. *(Как бы танцует негритянский танец.)*

Мухмутьевна *(поет)*. Ой да ты погож, погож да...

Сереза. Мухмутьевна! *(Показывает на Ольгу.)* Тыпыянна бастфотит? *(Тебе она подходит?)*

Старушка. Ой да кака баунька!

Сереза. Гораздая.

Ольга *(встревожившись)*. Я сейчас. *(Выходит.)*

Владимир. Не понял, вы вообще откуда будете? Вы не местные?

Сереза. Пока что да.

Старушка. Ой, пока что плохо нам, ой, плохо! Яко же птица отлетает от своего гнезда, тако человек порабощает, егда устранится от своих мест!

Владимир. Какие красивые слова!

Сереза. Это слова Лев Толтой.

Владимир. У тебя одна, знай, песня.

Сереза. Нет, две. *(Поет.)* Суль маре лючико!

Владимир. Так. В моем присутствии прошу не петь.

Старушка. Господь гордым противится, смиренным дает благодать. Базнадреля на нуо. Гаразибая. Ожедь гаразибая. *(Посмотрела на нее. Красивая. Очень красивая.)* Да. Хорошая. Она хорошая.

Владимир. Володька Шпек... Нет, Шванц... как я, наполовину гой.

Сереза. Вот! Он наш. Из нашего народа. Наш народ все униженные и оскорбленные. Все! Нацменьшинства, секс-меньшинства, все на той!

Владимир. Брандахла! Я верно понял?

Сереза. Брандахла и соответственно потом только да брандахлы. Слышал? *(Поет.)* Весь мир насилья мы разрушим! Весь брандахла насилья мы брандахлы! До основанья, а затем кто был ничем, тот станет всем!

Владимир. Кто был ничем, тот стал патриот.

Сереза. Да! Мы патриоты!

Владимир. Сам себя не похвалишь, сидишь как оплечванный.

Сереза. Ин сворчит, а я смолчу. Как говорил наш Лев Толтой.

Старушка. Да!

Сереза. Не нами стало, не нами и кончится.

Владимир. Землю на раздел, царя на расстрел.

Сереза. Ничто так не окаменяет сердца, как сознание своей правоты. Это слова Лев Толстой.

Владимир. Так я тоже о том же говорю!

Входит Ольга с грузом валенок.

У! Мухмутьевна, давай. Зачинай.

Старушка. Ой ты, гость богатый, ворон толстоголовый! *(Подумав, падает на карачки, бьет поклоны.)*

Владимир. Это вы мне?

Сереза. Тебе.

Владимир. Где это я толстоголовый?

Старушка *(встает, делает широкий жест)*. У меня купец, у тебя товар.

Владимир. Товар? Не, подушек мне уж не надоть. Ляжешь на нее и костей черепа не соберешь. Она же у вас со взрывчаткой, он сказал.

Сереза. Мухмутьевна! Кжи лба. Торёпе ин.

Старушка *(махает рукой примирительно)*. Ну и хер с энтим. *(Воет.)* У тебя соколиха ясноглазая, у меня Финист — ясный сокол.

Владимир. Где это у меня соколиха?

Сереза. Да ладно, Мухмутьевна, ты уж прям... нельзя слово-то тебе молвить, ты уж сразу затрапорешила... Погодь, пока засмягнет. Может, она и не захичает...

Старушка. Вижу-вижу, как она очеса свои ясные потупляет, Сереза. Дай руку, ластонька покрепочка! Не исклентаю авось тебя. *(Берет руку Ольги и соединяет с рукой Сергея.)*

Владимир. Та-ак. Оля!

Ольга. Ну что, господи, ну что вы, баунька! *(Пытается отнять руку.)*

Владимир *(Ольге)*. Ты что, забыла, баунька? Что у нас несделанное дело? Развод? Разъезд у нас, ты в Куркино, я в Машкино.

Ольга. Да, да, я не могу, мне с вами тут некогда, мы покупаем две разные квартиры. Да. Но нам за нашу квартиру дают мало денег. Но теперь мы знаем, что у нас экологически чистый микрорайон, даже утром прилетали кукушки... Хотя да... *(Утирает пот со лба.)*

Владимир. Ку-ку!

Голос: «Ку-ку».

Сереза *(наверх)*. Да унпокотя ты! *(Держит Ольгу за руку.)*

Владимир. Унпокотя ты! *(Тянет Ольгу за другую руку.)*

Старушка. Нет, Сереза, она должна, заюшка, кукушка, куковать-кричать, ахроян, ты разумом легонек, а детушки нужны, кости некому будет прихоронить, если детушек нет! Народа не будет! Нам детушки нужнее!

Владимир. Пока она моя жена! Унпокотесь, вы! Она моя навеки пока еще!

Старушка. И будет, милай! Унпокотя. И будет! И твоя и его навеки. Что голову между плеч повесила? Такая соколиха ясноглазая, красная зоренька. Ну погляди ж ты на него. *(Поет.)* Эти глаза напротив... Корова солому ест, и то играет. Будет и твоя, и евоная, сокол ясный. Соколиха наша.

Владимир. Как это — и евоная и моя? С какого это переполоха соколиха ваша?

Старушка. У тебя она, свет батюшка, торёпе, соколиха ясноглазая, у меня Финист — ясный сокол. Такая добрая баба должна иметь минимум двух мужавей! Как минимум!

Владимир. Да у нее уже внуки могут быть!

Старушка. И добро, и добро. Любо! И внуков нам нужно!

Сереза. Да ладно, Мухмутьевна, она меня не схочет.

Старушка. Ладно что ты ее схотел.

Владимир. А по морде? Я хоть и торёпе...

Старушка. Очкнися! Лучше укрух хлеба в мире, чем дом полон добра с бранью!

Владимир. Какой там мир! Где он давно уже у нас!

Старушка. Такая белая лебедушка! Расхорошая! И одинокая!

Владимир. Какая она одинокая? У ней пока что муж есть!

Сергея. Та вы расходитесь же! Я слышал!

Владимир. А вот уж это наше сугубо семейное дело! Никого не касается! В разводе участвуют только муж и жена!

Старушка. погоди. Муж и муж. Но! Один муж так сердце не успокоит, как два! А у такой и трое мужавей могут быть!

Владимир. Имей в виду, Оля, ты поняла? Они на твою будущую квартиру нацелились! Как услышали, так сразу! Имей в виду, я об этом много думаю!

Ольга (*невольно смеется*). Ну, Володя, не волнуйся, что за ерунда такая. Ну кому я нужна?!

Владимир. И поселятся там всем табором! Я не хочу, чтобы ты ко мне потом ползком приползла спать на моем кухонном уголке, который я к чертям забираю!

Старушка. О-о-о! Че это ты чертыкаешься! Пес какой.

Владимир. Сама псовка.

Старушка. Надо будет с тобой поработать в группе психологического очищения.

Владимир. Перетопчешься.

Старушка. Слова грязные затемняют душеньку.

Владимир. Что же мне, нельзя и самовыразиться? Да я лопну!

Ольга. А вот, кстати, скажи, почему ты всю жизнь на мне верхом едешь?

Владимир (*пауза, хлопает глазами*). А потому, что поза такая самая естественная! Для мужчины. Я же мужчина!

Старушка. Она мужчина.

Ольга. Да. Все я да я должна делать. Ты гвоздя не забьешь! Все на моих плечах лежит.

Владимир. Да, но это для женщины нормальная сексуальная поза.

Ольга. Вот ухожу от тебя специально. Лучше сама себе буду варить.

Владимир. Ты погоди, они тебя захомутают, квартиру отберут, мешок на голову. Это у них паранджа называется. На ноги штаны, на туловище халат. На ноги шлепки. И все. Даже в поликлинику тебя не пустят. Ба, в поликлинику ей можно будет сходить?

Старушка. Мы рожаем в дому.

Владимир. Рожать — это мы перебьемся. А вот просто к врачу отведете?

Старушка. Дороговатенько. Я молитвы знаю.

Владимир. А ногу она ломает? В вашем лесничестве?

Старушка. А ишь чего схотел. Мы травы употребляем. Лист капусты на место перелома.

Владимир. А аппендицит?

Старушка. Аппендикс — это с левого кулака на верхний угол трижды свечой посветить ночью, три стака на ромашки с мандрагорой опрокинуть на свежий погост да на заре плюнуть в глаз через повернутый локоть, и все.

Владимир. Это да. А, скажем, ухо заболит?

Старушка. А это туя, апис шестой и пульсатилла три креста ночью зарыть где ступала левая нога милиционера.

Владимир. А зубы дернуть?

Старушка. Помолимся, новые выростут. Я знаю слова. *(Затянула.)* Ой ты собака-собака, встань к хозяину мордой, а ко мне мудями. Аминь-аминь.

Владимир. А не выростут?

Старушка. А с молитвою и так бегать станем. *(Ощереется, у нее все зубы черные, кроме двух нижних клыков.)*

Владимир. Оля, слышала? Они талибы.

Ольга. А ты сам не талиб? Тарелки за собой не вымоешь! Полка как рухнула, так через нее и переступаем. Диван без ноги. Стоит на кирпичине три года, даже кирпича принести сам не мог. Я волокла в сумочке восемь штук, со стройки унесла вечером! Ты меня заставил быть вором кирпичей!

Владимир. Это ты меня заставляла, а я и не стал! Я-то же не вор нашелся!

Ольга. А дверь от шкафа стенного! Имя прилагательное! Стоит приложена к стенке! Ты говоришь, купи роляльные какие-то петли. Я нашла с трудом, купила. И то не смог!

Владимир. Я у тебя не разнорабочий.

Ольга. И вершина всего! Елку с балкона еще не выкинул!

Владимир. Ну завела... Ты одно и то же три года мелешь.

Ольга. Вот иди сейчас на балкон и выкинь немедленно! При чужих!

Владимир. Совсем в угол меня загнала, да?

Ольга. Я принципиально ее с балкона не буду сбрасывать! А эти твои три жены? Все! Ухожу от тебя!

Владимир. Я же мужчина! Я все должен испытать!

Ольга. Вот и испытай, а я уйду.

Сергея. Куда уйдешь, я сам увезу тебя! Увезу тебя я в Анесси к нам! Уберу тебя в золото! Мы во Франции живем!

Старушка. И уберет, уберет! И мужа уберет, и его двух жен уберет!

Владимир. Ты слышала? Всех нас уберет!

Старушка. Да в чистое золото же!

Сергея. Будешь пасти стадо белых ослиц, как королева!

Владимир. Чабанкой будешь у них, во. Ха-ха!

Сергея. На каждой ослице золотых цепей на сто двадцать карат! И срут они золотом! Апулей про них книгу написал! Я читал охотно Апулея!

Владимир. Вот, лапотницей навозной станешь у них! Кандидат наук!

Сергея. И можешь мужа своего туда взять, как ваша фамилия?

Владимир. Крупский.

Сергея. Вот, товарищ Крупский. Молоко с медом будете пить...

Владимир. С содой, теплое. На ночь.

Сергея. Да все можно!

Владимир. Ага, я в ваше ословодство не пойду! В мулоразведение!

Ольга. Вы что! У меня муж, дети... У детей муж и жена...

Старушка. Всех поперепоженим! Дочери найдем трех мужей, жене вашего сына золотого еще мужей найдем... скажем... четырежды! Четырьжды! Четверех... четверья... мужавей! Наш народ гибнет! Нам ООН дал горы под Парижем! Участок в полга! Почти га! И в Инсбруке в Австрии три сотки альпийских лугов.

Владимир. И забирайте вашу подушку к одной матери!

Старушка. Она из пера птицы улялюм!

Владимир. Знаю я вашу улялюм. Трах-бах-тратата! Идет кошка за кота! *(Кривляется, танцует.)*

Старушка. Осторожней, товарищ Крупский.

Владимир. А вот интересно, а у мужей ваших по сколько жен?

Старушка. А квантум сатис, милоч.

Сергея. Это кто сколько может прокормить.

Владимир. То есть что, у вас шведская, что ли, семья?

Сергея. Мы всех детей считаем своими.

Владимир. Групповуха, короче. Свальный грех. Группенсекс.

Сергея. Торёпе.

Старушка. Мы должны рожать детей, и все детки будут наши.

Владимир. А условия? А деньги их прокормить откуда?

Сергея. Ну... Летом мы в Альпах... Ослицы срут золотом... Три карата на кучу.

Владимир. Это что, рыться надо? В кучах-то? Каждую кучу отслеживать?

Старушка. Лето-летенски на работах... Врукопашную перебирам... В сору роемся...

Сергея. Нет, у нас золотодобыча методом промывания кишок в условиях стационара прямо на тонкие решета типа сито.

Владимир. Но работаете не сами.

Сергея. Мы организаторы процесса.

Владимир. Рабы пашут.

Старушка. Мы сами продаем золотые кольца сорок седьмой пробы...

Сереза. А зимой ремонт делаем... На базарах с контейнера у нас... цинковые крыши! В метро держим пятьсот семьдесят пять туда, пять сюда инвалидов...

Старушка. Все у нас будет со временем, не бохайся.

Владимир. Вот именно. Олька, иди сюда. Ты, Толстой, или уйдешь сейчас, или я не знаю что!

Сереза. Дуэль? На ножах или на бейсбольных битах? Торёпе засие.

Владимир. Фигу тебе. Торёпе не торёпе, а это мой дом, ясно? Катись. Дворянин сратый. Я тебе не Пушкин, засие.

Сереза. Недостойные речи для интеллигента. Для торёпе засие. Неполиткорректно это даже. Халдей так не может выражаться. Тем более пигмей.

Владимир. Засие!

Старушка. Да Господи Иисусе! *(Крестится.)* Где слова такие страмные-то взял!

Владимир. Засие, засие!

Сереза. Ругань — это не аргумент, торёпе. *(Выходит на балкон, поднимается.)*

Ольга *(внезапно)*. А у нас часто жена мужа кормит.

Старушка. Это да. Сколько у жены мужей, столько она и кормить обязана.

Ольга. А у нас тоже мужа несколько жен кормит. То у одной поест-поспит, потом у другой. Там грязные носки поменяет, в другом месте ему рубашку постиравши прогладят, а старую возьмут. Да, Вова?

Владимир. Где?

Ольга. Там. Вот и живи там.

Владимир. Ты кончай свою шизофрению на сексуальной почве. Обаддели вы все, засие. Как сговорились претензии предъявлять. То эта, как ее, моего одного товарища по институту одна знакомая хорошая, так сказать... и она тут вдруг выразилась, так сказать, вот переходи ко мне жить, а в твою будущую квартиру поселим моего взрослого половозрелого допризывного идиота, а то ему некуда водить, он с тобой стесняется спать с де-

вушкой в однокомнатной квартире. Сын ее. Якобы сказал ей. Я говорю, говорю своему товарищу, скажи так: я ваши семейные проблемы не приду решать, он ей так сказал, товарищ, а она отвечает, представляешь, ему-то: у нас же будет все общее, в том числе и мои проблемы будут твоими!

Ольга. Ах, вот как, даже до этого дошло? Ее проблемы — это твои проблемы? Так!

Старушка. Вот потому я и прошу руки и сердца вашей соколихи ясноглазой для моего ясна сокола. У нас такого быть не может. У жены столько мужей, сколько их есть. У мужа столько же жен.

Ольга. Ну ты подумай! А я и не знала! Что так далеко заехало. Что на твою квартиру уже есть жилец. А про детей ты подумал? Про Алешу и Машу? Ведь они будут у нас прописаны, Маша у меня, Алеша у тебя.

Старушка. Нет, у нас не так.

Владимир (*Ольге*). Так что, я не буду хозяин своего жилища? Мой дом не будет моя крепость? Кто-то начнет отсчитывать дни моей жизни? Я рассчитывал, что Алешка к тебе пропишется...

Ольга. А ты хочешь, чтобы твои дни отсчитывали чужие дети? Жизнь-то кончается!

Владимир. У меня начинается, дура!

Старушка. И у нас все живут со всеми в миру и в ладу.

Владимир (*переключается на старушку*). Это так быстро ваш народ бохнется. Если все со всеми будут жить. Смысл сожительства супружеской пары — это жизнь только друг с другом в здоровой атмосфере.

Ольга. Именно! Именно!

Владимир. А у вас, при вашем образе коллективного секса, как один отошел на сторону, как заболел триппером, и все тут же пошли чирьями да бубонами. И дети. В этом опасность групповых систем, я вам ответственно заявляю. Потому Африка погибается от СПИДа. Все спят со всеми.

Ольга. А как же ты живешь с двумя? С тремя?

Владимир. Кто?

Ольга. Ну этот твой старый товарищ по институту? Как он со своими женами? Не заразился?

Владимир. Они аккуратные! И потом, у многих мужья.

Ольга. А у мужей-то тоже имеются... случайные связи.

Владимир. Ну (*пауза*), живой надеется. Мой товарищ (*водит рукой понизу*) здоров.

Ольга. Вот так и Африка все надеется. А товарищу неплохо сдавать анализы кажинный раз.

Владимир. Дура была, дурой и осталась.

Ольга. Ругань не аргумент, как ты тут доказывал.

Старушка. Но мы... У нас никто на сторону не ходит, в том-то вся и основа! Мы живем отдельной семьей. Семей вольной, новой, не забудьте, помяните добрым тихим словом. Сказал наш поэт Тарас Бульба-джан.

Владимир. Стало быть, вы шведы.

Старушка. Шведы, шведы мы.

Владимир. У вас шведская групповая семья.

Старушка. Групповая, да. Твоя жена родит нам нового шведа.

Владимир. Да вы знаете, сколько ей лет?

Старушка. У нас все рожают. Мы знаем как. До ста семи лет женщины репродуктивны! Но дети долго не живут из-за боевой обстановки. У меня вот сыночек трехлетний преставился. (*Крестится, плачет.*)

Ольга крестится.

Вез взрывчатку, попал в засаду...

Ольга. Господи! Как это трехлетний вез взрывчатку?

Владимир. В коляске. Ковбой Хаггис!

Старушка. Да! Но я опять ношу под сердцем. (*Крестится.*) Мы наш, мы новый мир построим.

Владимир. Земля вам пухом.

Старушка. Да. Господи, когда придет кончина века, все гласи страдания го боятся, хоромы глас его огня соблестания невятся, людины возмутятся, царю ужаснутся, и будет царство царя древова...

Владимир. Вы что вообще? Оля, у меня схватки, подай таблетку мою.

Старушка. А ты успокойся. Не надо никаких таблеток. Чему быть, того не миновать. Нельзя мешать, ежели человек уже помирушка. Ежели человек уже опустился вниз, мря идет по долине смерти, то ему не препятствуйте.

Владимир. Оля! Ты слышала? Ты своего добила, мря идет.

Ольга. Какая мря? *(Роется в пакете.)* Ищу, ищу!

Владимир. Ты что роешься долго? Ты уже на их стороне? Хочешь нашу квартиру себе целиком? Ты уже ихняя сука биллялидь?

Старушка. Наша сука, да. Наша уже желанная биллялидь. Там явится престол давита нова, у таму давиту нову буде страх великой...

Владимир тарашится.

419

Ольга *(ищет)*. Тут же было! Господи!

Старушка. Не найдешь, не найдешь, он уже кремняет, отходит, улетает наша белая лебедушка за леса она стоячие, за тучи она ходячие, на иное на безвестное живленьце.

Сереза *(всовываясь)*. Аминь.

Владимир. Охренели все на харарер?

Старушка. Вишь, в него уже беси вселились, харю ему как раскуролесили-то, глаза на кусы исклентали, лытки у него дрожат, юнчики побежали... Все. Не восстанет. Уходит он.

Владимир. Оля, тебе не стыдно?

Ольга. Не могу! Не нашла еще! Ищу!

Владимир. Блуда захотела?

Ольга. Ищу! *(Высыпает все на пол.)*

Старушка. Отдашь нам ее, я тебя исцелю!

Владимир. Исцелил волк кобылу!

Ольга. Ты же родил с этой Петровой мальчика? С Мухой Петровной?

Владимир. Какого мальчика, стой!

Ольга. Марья Николаевна вас встретила, ты мальчика ведешь за руку и говоришь: «Это мой сынок!»

Владимир. Верь своей Марье Николаевне! Она сама за мной ухлестывает! В матримониальных целях! У нее сексуальные фантазии! Мальчик! Это внук ее! Клевещет на меня, как... я не знаю, Яго! И я знаю почему! Я ей отказал в сожительстве... Она хотела меня! Причем как водителя, как плотника и как землекопа батраком на свою дачу! А зимой как лесоруба и истопника! Я ей в лицо отказал! Мальчик ей привиделся! Кровавый! Как Борису Годунову.

Старушка. Ну вот, а у нас, у нашего народа, все дети желанны. Кто от кого ни возьмись, тот и свой.

Владимир. Это у вас еще век неолита. Вы неандертальцы.

Старушка. Мы шведы, батюшка. Нас защищает Организация, милка, Объединенных Наций. И Евросоюз.

Владимир. Это еще до того у вас, до наций. Это обезьянки такие, они всем племенем трахаются, кто на кого наскочит.

Старушка. Наоборот, за нами будущее. С нами нет, батюшка мой сокол ясный, ни депрессий, ни фрустраций, ни тендерных яко тако проблем типа крика «мой милый, что тебе я сделала». Ни женского вопроса, ни подростковых прыщей, так называемых «хотюнчиков», ни проблемы мужского климакса зрелого возраста. Мы живем легко, у нас нет ненужных. Мы должны плодиться. Но вы нас убиваете.

Спускается Сережа.

Владимир. Я лично вас не трогал. Ку-ку! Вы не тем занимаетесь! Вон у вас роженица одна осталась со слесарем. Ку-ку! Смотрите: нет ответа.

Сережа. Что так долго-то? Али бо гаре сакотела? *(Али по харе захотела.)*

Старушка *(спохватившись, талдычит)*. А и гой еси, добрый молодец, у тебя товар, у меня купец. Мы золотом платим.

Владимир. Знаю я ваше золото. Сами пробы наладились ставить.

Сергея. Четыреста восемьдесят пятая проба.

Старушка. Даем: цепь золотую, перстень и четыре зуба.

Владимир. Зубы-то у кого выдернули? Фашисты.

Сергея. Гну андеть бзу. *(Ну ответь псу.)*

Старушка. Это я пожертвовала, собиралась вставлять, уже померили мне, но, грехи наши тяжкие, приняла аскезу святого Франциска. Ем цветочки.

Владимир. Четыре зуба мало. Килограмм золота в слитке буханкой и машину «мерседес шестисотый». И самолет до... до... Я знаю, до Каны Галилейской. Хочется посмотреть на родину мамы.

Старушка. Ты что, пес!

Владимир. На слитке личная подпись председателя Госбанка, чтобы без фальшивок. Оля, я умираю. Когда в больнице долго не дают лекарство, это называется у них пассивная эуганазия.

Ольга. Вспомнила! На кухне! Я же давно приготовила воду и таблетку! *(Выбегает.)*

Сергея. Мухмутьевна, ты вообще как эта. Давай я его завалю, емтырь, на Киевский рынок отвезем его, продадим на шашлыки...

Владимир. Я и говорю, вы людоеды! Пещерный век! Поздравляю!

Старушка. Ну, труп врага всегда была законная добыча шведов. *(Наверх.)* Ку-ку! *(Пауза.)* Ни слова не голчит.

Сергея *(показывает вверх)*. Улетает наша белая лебедушка... Уж скольких она сама положила, кукушка, теперь ее черед. *(Прослезился.)*

Старушка становится на колени, бьет поклоны.

Ольга *(входит с лекарством и водой)*. Вот, выпей.

Владимир. Нет, Оля, сейчас другой расклад. Они решили меня зарезать и съесть. Тебе достанутся явно яйца всмятку как невесте. *(Вдруг его осеняет.)* А кстати, баунька, вы трупы едите?

Старушка. Брезгуем, сударь мой.

Ольга. Прими таблетку! Не глупи!

Владимир. Хрен, я сейчас сам умру. Тогда они меня не тронут.

Сереза. Это вы едите трупы. Которые вам продают на рынке под видом забитых. Кто же летом скотину будет резать! Когда самый прирост веса! Когда корма подножные! Нет. Мы трупами не увлекаемся. *(Выходят со старушкой на балкон, поднимаются.)*

Владимир. Тогда вперед. *(Таращится.)* Оля, схорони меня в отцову могилу. *(Из всех сил таращится.)* Допекла ты меня, как Натали в конце концов Пушкина. Кстати, допекла – это дожарила. Мы тоже когда-то были людоеды. Мы же говорим – ты мне голову проел! Плешь прогрыз. Все древние дела остаются в поговорах. Они его съели с потрохами, его сожрали на работе. Или: ты мне все кишки проела с этой продажей квартиры и с нашим разводом. Ты у меня в печенках сидишь. Ты как все, людоедка... Я думал, ты у меня единственная, самая лучшая... Я же все время сравниваю в твою пользу! Тебе одной от меня ничего не нужно. Ну все, пока. *(Таращится.)* О, вот оно. Сколько времени? Я должен знать точно. И какой день недели, когда я умер.

Ольга. Да прими таблетку! Слышишь? Я давно прощаю.

Владимир. Да кто ты такая меня прощать? Если ты замуж идешь? Смотри, тоже у них станешь кукушкой. Кукушка – это снайпер по-ихнему. Иди, бей своих. Давно пора.

Ольга. Дурак старый.

Владимир. Дура старая. *(Берет таблетку, принимает ее, запивает.)* Наденешь белые колготки... У них все кукушки в белых колготках.

Крики, грохот, выстрелы, взрывы.

Сереза *(входя)*. Уда! Додила! Боя додила!

Старушка *(входя, считает взрывы)*. Раз, два, три... У нас родился мальчик!

Сереза. А як нее! Гамигадзе родился!

Владимир. У вас фамилия такая?

Сергея. Нет. Но он с голыбели гамигадзе герой Долдой!

Владимир. Долдой?

Сергея. Лев Долдой. Яздая боляда. В голязгу дол и бо-жёл.

Владимир. Вот не понял.

Сергея. В коляску тол и пошел! Три новых сына погибли как герои в колясках, теперь пришел на смену новый, сын милиционеров!

Старушка. Любо, любо! Если бы было два взрыва, то означает девочка. Поше, поше, о коспоти! А три взрыва, то пацан.

Владимир. Поздравляем!

Ольга. Слава богу!

Старушка. Когда придет кончина века, все царства возмутятся, все страдания бояться, им явился престол давыта нова, у тамы давыта буде страх великай...

Сергея. Так, вот вам подушку! Храните ее! Беречь от огня. Не встряхивать. Не нажимать сильно. Не выкидывать! Она с дистанционным управлением. Если подушку положишь, взорвем тебя. Если муж до тебя коснется, взорвем вас обоих вместе. Взрыв локальный, разносит только головы.

Мухмутъевна. Ну что, честным пирком да за свадьбу! Женятся рабы Божий Сергей и как тебя? Как тебя величают? Рабу Божию?

Гремит музыка. Ольга стоит, держа подушку на отлете.

Владимир. Оля, надо вызвать милицию!

Мухмутъевна. Анжелка!

С балкона спускается женщина в серебристом платье с красной лентой через плечо, в руке журнал.

Ольга ее звать. Венчаются рабы Божий Сергей и Ольга! Запиши их.

Владимир. Она замужем!

Мухмутьевна. Жена мужа любила, в тюрьме место купила. Там, в той суме, у меня журнал записи разводов. Анжелка, достань. Нет, это запись смертей. Вон та. Тебя как звать? Владимир его величают. Пиши: разводятся рабы Божий Владимир и Ольга. И вон этот журнал доставай. Прописывается раб Божий Сергей к рабе Божьей Ольге!

Владимир. Это что же такое!

Мухмутьевна. Веди ее в ту комнату. Дважды жена мила бывает, когда в дом ведут и когда вон понесут! Свадьба!

Через балкон входят люди с верхнего этажа.

Водят хоровод.

Звонок.

Сережа вводит Машку. Это огромная женщина.

На плече ее футляр от теннисной ракетки.

424

Машка. Ма, па! Представляете! Мой муж мне велел убираться к одной матери. А то он меня закажет закатать в асфальт на Новорижском шоссе, имейте в виду. Так что как увидите лежачего полицейского, то это буду я. А это кто?

Владимир. Еще какие новости!

Ольга. Это террористы. Не обращай на них внимания. Я заложница. Какой ужас, этот твой Степан! Я тебя предупредила же! Он мне никогда не нравился!

Машка (*не слушая, машет рукой*). Так что я к вам приехала жить. Я хотела на дачу перебраться, вещи собрала (*потрясает мешками*), поехала, а он меня догнал на «мерседесе», встал поперек, открыл мою машину, отнял сумку и уехал. А в сумке все ключи: от квартиры, от вашей квартиры, от дачи и от дома на Рублевке. У него новая жена. Еще со мной не разошелся, а уже с этой катается. Я говорю ему, кричу ему, Степан, ты богатый человек, что ж ты такой жадный, все гребешь! Ключи от машины у меня отобрал!

Ольга. У него же три завода в Китае! Ну как так можно! Нет, ты разводись с ним, по решению суда твоя бу-

дет половина нажитого имущества! Я ходила в юридическую консультацию. Мы с отцом разводимся, так что...

Машка. Еще какие глупости, вы с отцом разводитесь! Еще мне этого не хватало. Я ведь беременна! Ребенку не так нужен отец, как дед и бабка.

Владимир. А, Степан, мы его знаем, он у тебя ребенок выкрадет.

Машка. Я со Степаном уже год не живу. Нет, это будет ребенок от одного наркодельца. Но он сейчас умирает. Передоз.

Ольга. Кошмар.

Владимир. Ты вообще... Тебя тому учили? Вяжешься с какой-то сволотой всегда! Девочка из интеллигентной семьи!

Ольга. Говорили мы, Степан человек взрывной, не водись с ним. Как он бутылку об пол хлопнул! Когда ты стала его уговаривать не пить на свадьбе! Я помню! Он неотесанный человек!

Машка. Мам! Как я по тебе соскучилась! *(Хочет ее обнять.)*

Ольга. Не прикасайся ко мне, я шахидка на дистанционном управлении. Они меня взорвут сразу же.

Машка. Да я их раньше замочу! *(Достает револьвер.)*

Мухмутьевна. Сережа, ты на этой тоже женишься! Вот соколиха так соколиха! Анжелка, запиши ее в книгу разводов, а потом в свадебную книгу.

Ольга. У нас так нельзя. Жениться сразу на двоих.

Мухмутьевна. Если нельзя, но очень хочется, то можно. У нее там два журнала для записей.

Ольга. Она же замужем!

Мухмутьевна. Ну и хорошо! У такой женщины и три мужа может быть! Она всех прокормит!

Владимир. Послушайте, имейте разум: Машка замужем за небольшим олигархом. Он, правда, жадный, но если вы его взорвете, то Машка унаследует все его заводы и конец газовой трубы. Вот тогда вы ее и возьмете за муж.

Машка. Хрен.

Мухмутьевна. Адрес давайте, сделаем. Зовут Степан?

Машка. Хрен вам. Пап, ты че? *(Наставляет револьвер на Мухмутьевну.)*

Мухмутьевна. Если будешь тут пушкой трясти, мы твою мать взорвем локально. В районе левого виска.

Машка. Хрен вы ее взорвете.

Выхватывает автомат.

Ложись, руки за голову! Я кому сказала!

Мухмутьевна. Тебе же добра хотят. О! Девка спесива, не скажет спасибо.

Машка. Ложись! *(Стреляет в потолок, оттуда начинается вода.)*

Мухмутьевна. Не спеши жить, смерть придет, скажешь «рано»!

Ложатся на пол. Ольга с удовольствием кладет свою подушку на спину Мухмутьевне.

Владимир. Оля, иди сюда. *(Берет ее за руку.)*

Появляется Дама в белом.

Дама в белом. Вова, там было не заперто. *(Подходит к нему, крепко целует его.)* О, что это у вас?

Владимир. Это у нас свадьба.

Дама в белом. А что лежат?

Владимир. Это такой новый ритуал.

Дама в белом. Напились?

Владимир. Вроде того.

Дама в белом. Ты у меня пить не будешь ни грамма. Даже на нашей свадьбе. Нам надо беречь здоровье для другого, да, малыш? Кстати, там внизу в машине ждет мой сын с девушкой, ты поедешь ко мне, а они пока поживут в твоей комнате, ладушки?

Машка. Это кто?

Дама в белом. А это что за чума?

Машка (*наставляет на нее автомат*). Ложись.

Ольга. Это террористы, а мы заложники. Ложитесь, ложитесь. Я вам очень советую.

Дама в белом. Я тогда лучше сыну позвоню. (*Достает мобильник.*)

Машка. Дай сюда телефончик. Ложись.

Дама в белом (*ложась*). Милиция! Убивают!

Машка. Я старший лейтенант, вам что? Наручники надевать при сопротивлении?

Мухмутьевна. Сергей, таб у бедя в субге бдого. Дай ей.

Машка. Лежать. Это взятки при исполнении. Семь лет колонии строгого режима.

Владимир. Это террористы, Машка. Им пожизненное.

Ольга. Ну какие они террористы. Ремонт делают, подушками торгуют.

Звонок.

Маша. Да. Да. Да? Да. Ну еду. (*Родителям.*) Видите что... Степан с этой новой женой налетели на дерево, разбились в лепешку.

Ольга. Ну вот... Спешил очень.

Владимир. Царствие небесное.

Лежащие на полу затягивают поминальную молитву на непонятном языке, может быть, и по-латыни.

Машка. Па, вот тебе автомат и револьвер, последи за этими, я пришлю из убойного отдела людей. Мне надо на место аварии.

Мухмутьевна. Это я ему послала дерево на путь, прочла заговор на встречу. Тебе тоже прочту, если ты нас не отпустишь.

Машка. Они погибли час назад. Какое твое тут дело!

Мухмутьевна. Мои заговоры имеют обратную силу во времени. Я могу сделать, что он погиб и вчера, а могу и час назад. Ты родишь дочь. Ее будут звать Таиса. Степан

женился на тебе, чтобы ты закрыла его дело. Он убил компаньона.

Машка. Да? Интересно.

Ольга. Иди, иди, Машка. Тебе вредно это слышать.

Машка. Ма и па, пока. Стерегите их.

Владимир берет оружие, Машка уходит.

Ольга забирает у него револьвер.

Мухмутьевна. Менты — это главные террористы.

Владимир. Я тебя за такие слова пристрелю! Лежать.

Мухмутьевна. И от серебряной пули заговор есть.

Ольга. Вова, ладно тебе. Вставайте, все вставайте и идите. Воду, воду там перекройте, нас опять заливает. И вы забыли, у вас наверху женщина рожает. Так что ку-ку! Никакие они не террористы, Вова.

Мухмутьевна (*живо встав на ноги*). Ку-ку!

Сереза. Ку-ку!

Сверху слышен ответ. Сереза рвется на балкон.

Владимир. Нет-нет, не туда. Иди в дверь. Мухмутьевна прочтет заговор, и все двери растворятся.

Выходят все, кроме Дамы в белом.

Дама в белом. Володечка. Ну как я дрожу! Ты видишь? Потрогай мое сердце! (*Направляется к нему.*) О господи. Какой кошмар. Ну я звоню, мой Никита с его девочкой подымутся? Девочку я не знаю. В ванну после нее бы побоялась.

Владимир. Руки вверх! Шагом марш отсюда!

Дама в белом. Ну что ты в самом деле. Ну постеснялся бы тети.

Ольга. Чаю хотите?

Владимир. Буду стрелять. Это в пределах самозащиты, легкое ранение. В ногу, например.

Ольга. Все, хватит. Женщина! Вы же видите, в каком мой муж состоянии. Пока ничего не случилось, я вам советую уйти.

Дама в белом. Муж? Он мне сказал, что у него только тетя! Престарелая тетка! Я поняла, что это и есть вы!

Владимир. Она родилась, когда ты уже за прилавком вовсю шаршила.

Дама в белом открывает рот, идет писк, как на телеэкране.
Уходит.

Ольга. А я не знала, что Машке уже присвоили старшего лейтенанта.

Вода льется с еще большей силой.

Владимир (*стукает в стену кулаком*). Идти к ним наверх бессмысленно. Вызывай слесаря из ДЭЗа. Какие они террористы, такие и ремонтники.

Ольга. Мне их жалко. Они рабы.

Владимир. Вот-вот. Погоди, они нам устроят восстание. С этим Спартаксом во главе.

Ольга. Жить им негде, денег им почти не платят, обманывают. На вокзале, когда они уже едут к себе домой, у них все отбирают. Менты вот уж точно их грабят, прохода не дают. Надо сказать Машке. Пусть примет меры.

Ложатся в кровать. Свет пригасает.

Владимир. Я работал в Японии сырой рыбой. Поступил в МГУ на консервный факультет.

Ольга. Дайте мне квартиру в шесть квадратных метров! Так раскладушка, так ванна, так унитаз. Так фонтан, так колонны.

Кукует кукушка.

(*Сонно.*) Ты слышишь? Кукушки прилетели!

Владимир. Спи!

Ольга (*в полусне*). Да! Да! Кукушки прилетели! Все!

Владимир (*во сне*). О господи, опять.

Ольга. Вот и да! *(Считает.)* Раз! Раз! Раз! *(Пауза.)*
Замолчала. Ну вот, а ты так и не услышал. Потом мне не
поверишь. Володя!

Кукушка кукует.

(Владимиру.) Володечка! Кукушки прилетели!

Владимир. О господи, снайперы! *(Поднимается в по-
стели.)* Оля! Какой мне страшный сон приснился! Что мы
с тобой разводимся! Это сон, сон! Я не верил! *(Валится на
подушку, накрывается одеялом с головой.)*

Через балконную дверь видно, что там поднимают
на тресах танк.

СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ

— Слово предоставляется помощнику главного режиссера. Идите сюда, Миша.

— Гаврик не будет тут говорить ничего, да? А я ничего не знаю, я вообще спал в таком... ну. Коридорчике, короче. Между санузелом и комнатой, так сказать. Там, в этой гостинице. Но я... да, все по порядку. Так. Мы с Гавриком, как известно, часто посещаем Будапешт. Нет, не Венгрия... Вы что тут! Жора! Ресторан под названием «Будка», «Будапешт», Татьяна Александровна. Как будто вы не знаете. Тем более что Жору тоже оттуда не раз выводили... А я и не валю! С какой больной на здоровую! Ты, Жора, вообще... Нашлась здоровая голова. Я не обвиняю. Жора! Ну месяц назад мы Жору разбирали? Да! Да! Хорошо! Я о себе скажу! Все. Хотя при чем здесь я? Ладно, я пошутил, в шутку. Так... А? С начала. Мы с Гавриком посетили «Будапешт». Как откуда? Оттуда, Жора! Деньги у нас были! Ну Гаврик... это... огреб за это... Ну вы же знаете... За немецкого шпиона... Этого... штурмбаннфюрера? Да! Да! Я забыл фамилию. Шульц? Шварц? Гаврик тут сидит, подскажет. Он там сыграл свою роль. Да! А че я сделал-то, это подлинные слова Гаврика. Он действительно ничего там не делал, изнасилования не состоялось. Гаврик тут стесняется, а я спал в коридоре и все слышал. И экспертиза показала, что не было у него ничего. Да эта дура вообще... Таких просто надо вешать на первом суку сразу после восьмого класса... Молчу, Татьяна Александровна, не пишите это. А синяки вообще у нее позавчерашние... Ну не позавчерашние в смысле что на сегодня позавчера, а на тот момент позавчера... Или, в крайнем случае, вчерашние

на тот вечер. Несвежие. Да вообще! Ну что, наши бабы Гаврика не знают? Не орите. Никогда он не нанес никому из вас... ничего. Его самого не уговоришь-то! Волоочь волоком надо! До койки. Нашего Гаврика. Ти-ше! Я даю или не даю показания? Я единственный свидетель защиты! Так. Или вы не будете тут... Или я не знаю... Да! Отвечаю за слова! Да все там горничные три еле удерживались от такого иронического смеха... Когда ясно стало, что Гаврик это самое... ну мы же выпили литр триста! Не проблема, конечно, Жора, но учтите все здесь, что с утра мы не ели, маковой росинки во рту не было... А мы достоялись в кассе «Мосфильма» только к закрытию, из бухгалтерии позвонила Нина Ивановна, как всегда, как ненормальная, что последний день выплаты, передайте Гавриле Александровичу... Слово ненормальная не пишете, Татьяна Александровна... Схватил тачку, заехал за Гавриком, побудил, а уже день-то к вечеру катился! Закат над Москвой-рекой! Едрен батон. Пока доехали, в пробке застряли... Не шути так, Жора! Вы все слышали? Говорит, я даже знаю, как эту пробку зовут. Это оскорбление свидетеля защиты, суд! Да. Причем Гаврик был на выхлопе, Гаврик, да? Он молчит. И не надо вам говорить, что зарплата была послезавтра на тот момент. На ту дату. Я у Гали взял из священных денег на зубы! Получу, думал, отдам. Вложу с процентами. Да... И только мы получили... Да, мы! Мы, а Жоре лучше помолчать. Я тоже там в акции поимки шпиона участвовал! Хорошо, посмотрите кассету... Я дам, у меня есть желающим. Меня там видно, седьмая спина слева в мундире. А то, Жора, ты, как всегда, думаешь, что если Гаврик получает, то ты всегда с ним рядом, да? На сей раз обошлось без тебя. А я ехал получать как рядовой сотрудник органов, да! Сам! В форме был, в обмундировании, мне выдали на ступице! Ну и вот, получили все до копейки, деньги в кармане скребутся, сунулись в буфет принять на посошок, буфет закрыт! Причем до конца рабочего дня! Не было слов, одни только буквы... Я взял тачку, поехали в «Будапешт». Говорю водиле: командир, в «Будапешт» задом! Он мне: пятьсот долларов. Я говорю, хорошо, передом. Гаврик мучается, я мучаюсь, тоже плюс в груди жжет: я же получил ровно столько, сколько обошлись тачки в обе стороны! Что, думаю, я

Галочке скажу? Как денежку докладывать буду? Она же не знает, что я знаю, что у нее деньги в кастрюле лежат! Лежали, короче. Иначе почему я в черных очках ходил неделю? Нет! Я не растекаюсь! Я свидетель защиты, елки, и я буду все по порядку. Хорошо, едем. А вчера у Ирочки был день рождения, то есть вчера по тому времени... В ресторане этом... Как его! Ну! Жора тоже не помнит, хотя его туда никто не звал, а он первым пришел, сидел уже около вешалки так скромно на лавке, когда мы все приехали. Молчи уж, Жора... И я не помню, кто меня домой привез, Галочка моя не знает тоже, они просто на кнопку звонка нажали и немедленно съехали на лифте. Меня посадили на коврик... Или даже сразу положили... Видимо, чтобы избежать скандала с Галочкой. Я это к тому, да! Я о деле, все о деле! Я это к обрисовке атмосферы, которая воцарилась в машине между мной и Гавриком, чтобы вы поняли, как горела душа после вчерашнего на тот момент. Я залез утром в кастрюлю, когда Галочка ушла, и выпил пива, не знаю, как Гаврила Александрович... Он умолчал. Перед работой надо быть в форме. Я на работу припозднился, Гаврила Александрович вообще по справке дома пролежал. Я писал объяснительную, причем не один я, Жора тоже что-то накарябал про электричку... Якобы технологическое окно. Я не валю! Кто доносчик? Так! Прошу занести в протокол для возбуждения дела об оскорблении. Достукаешься, Жора. Да! Сегодня я один из обвиняемых! Но жизнь — она ведь меняется стремительно! Так, на чем мы остановились? Едем передом в «Будапешт», в «Будку». Ну нас там девочки знают, сразу графинчик, ассорти солений... Огурчики маринованные, помидоры соленые... с перцем... Графинчик ледяной... Запотевший... Не войте! Завыли. Капустка маринованная, чеснок... Нечего шуметь. Хрустит так на зубах после второй... Так. Я не могу продолжать в такой обстановке! Так, на чем я остановился... Водочка графин запотевший, ледяная. Кончайте, вы! Аплодировать тут. Так. Но я не открою вам секрета, если скажу, что Гаврик там уже должен, в «Будке». И подошла их метрдотель Валерия Петровна, то-се, вы хорошие, мы тоже, но не могли ли бы вы погасить долг. Они как чувствуют, когда у Гаврика деньги. И Гаврик так твердо после четвертой го-

ворит: да! Так решительно: да! Я ан-дам! И Лена приносит счет. У Гаврилы Александровича буквально капуста носом пошла, он не ожидал! Видимо, там тоже не все справедливо было, в этой бумажке. Это не заносите в протокол, Татьяна Александровна. И он машинально полез в карман и так как бы призадумался, замедлил движение. И официантки как-то остановились... А мэтр стоит, не отходя, она держит паузу, якобы стесняясь. Эпизод из «Бориса Годунова», там, где сцена у фонтана. Охранник в зал заглянул... Так что Гаврик поневоле потом встал, и ушли они с мэтром, а потом он вернулся и сел, и сидит, как... Аленушка над речкой. Я не тяну резину, я обрисовываю обстановку, в результате которой родилась версия об изнасиловании с нанесением побоев! Она еще в довершение всего перечислила половину зуба, эта... Я извиняюсь, Танечка. Так. Да! Гаврик вернулся после оплаты, сел и сидит, как Гоголь работы скульптора Андреева, руки так безнадежно сложены, ручки на штучке, Гаврик наш. Так. Значит, отдал Гаврила Александрович деньги за немецкого шпиона, все, видно, отдал, а уже новые два графина водки и ассорти солений идут в долг, и опять там натикает сверх того, это не для протокола, а для обрисовки ситуации. Вот. Минута молчания. Мы быстро допили вторую емкость, нет, ты не прав, Жора, это не я быстро допил, Гаврик тожепил наравне. Ну и что, сразу уходить? Мы с Гавриком замялись. Официантка Леночка бегаёт вдали, к нам не подходит, как к больным чесоткой. Все померкло. Тише! Это не шутки! Вечер понедельника, имейте в виду, и без копейки, и зарплата послезавтра на тот момент! Я же платил за тачку в обе стороны! Деньгами из кастрюли вообще! Сидим, два красивых мужика, с высшим театральным образованием, женатые, москвичи, актеры. Получившие законную денежку за немецкого шпиона. Метрдотель Валерия Петровна спряталась, а Леночку звать зачем? Незачем вроде уже. И тут раздаётся такой одинокий смех в зале за столиком через один из нас. Серебристый так называемый смех. Оборачиваюсь, это же ясный сигнал! Типа побудки. Вставай, вставай, дружок, типа. Женщина с официанткой одинокая, представьте себе, беседует и хохочет ни с того ни с сего, как будто та ей анекдот рассказала. У официантки Ксюши при

этом харя совсем не веселая, да. А скорее скособоченная. И она вообще женщина молчаливая, ну, вы ее знаете. Но Ксюша не удивлена этим взрывом хохота. Я смотрю на них, даже как-то обратил нарочитое внимание. А эта хохотушка смотрит якобы в потолок, а потом снижает угол зрения и на нас так: пли! И опять глаза в потолок и хохочет. А Гаврик ноль внимания и сидит как мешок с сухим дерьмом, пардон. Даже не интересуется. Не дрогнет. Ас! Он все знает, Гаврила Александрович, он все заранее предвидит. Сидит спиной к источнику и скучает, а дама уже откровенно косится. Ксюша отошла, смеяться вроде больше с кем. Так просто тетка эта сидит, якобы улыбается, как девушка с рекламы гигиенических прокладок. Критические дни типа. Гаврик сидит Гоголем и не реагирует. У нас графин пустой, осталось два зубчика маринованного чеснока. Гаврик сидит осторожно и на всякий случай, вижу, чеснок не жрет. А я стал есть свою порцайку, мне без разницы. Один зубок съел. Не пропадать же добру. Говорю ему: «Ну что, почесали отсюда?» Я ведь как предвидел! Но Гаврик, он как налился силой, сидит такой утес и тоскует. А женщина ждет... Пока пьет из рюмочки прозрачный такой напиток цвета чая. Жора уже догадался какой, слотнул даже... Ну, она хлобыщет, короче. Гаврик сидит. Мы выпили всего ничего, четыреста на двоих. Нет, я не пил вдвое быстрее, это ты клеветешь, Гаврик. Голос прорезался, понимаешь. Молчи! Я твоя единственная защита в этом грязном деле! И вдруг эта Ксюша приносит той бабе сильно запотевшую бутылку финского «Абсолюта»! Новое дело! Тихо, Жора! Я, разумеется, встал и осторожно так пошел в туалет, но изменив маршрут, так что привелось проскользнуть мимо ее столика, и здесь я говорю так тихо-тихо, как бы в сторону, как нас учили в нашей школе, глаза опущены, но дикция работает и звук-посыл летит ясно, говорю ей так внятно, как шпион: «Здравствуйте». Не бутылке, Жора, а той бабе. Дошугитесь сейчас, я вообще все поперезабуду. Быстро все сделал что надо, умылся, освежился и возвращаюсь, опять изменив маршрут, прохожу мимо нее, а она встрепенулась и из-за бутылки так приветливо скалится и говорит тоже «Здравствуйте». Как два финна. Говорю: мы с вами как те два финна, знаете анекдот? Она: «Да вы присядь-

те!» Я: «Спасибо» и так нагнулся и рассказываю: утром два финна встретились в своей тайге, и один другому говорит: «Хорошая покотта». Разминулись. Вечером возвращаются, опять встретились, и второй отвечает так: «Та! Покотта хорошая!» Я ей этот анекдот рассказал, нет, Жора, без намека на финскую бутылку. Она: я что-то не поняла, присядьте. Как в сказке про колобок. Я присел так и повторил. Опять не поняла. Простите, можно еще разик. Я говорю, разрешите я вам налью? (Пауза.) Каюсь! Каюсь! Да, это я виноват! А тут эта авиабомба Ксюша подваливает и несет еще прибор целиком, то есть две рюмки, фужер и три вилки и два ножа. Я себе налил тоже. И покатился колобок, короче. Дама Ксюше заказала рыбное ассорти. Так. Нет! Мы не ноль два мальчика по вызову, как у тебя язык поворачивается так говорить, Ирина Георгиевна, родная! Даже рассказывать дальше неохота. (Пауза.) Я не молчу, Жора, я собираюсь с мыслями, так как меня перебили. Да! И кто же знал? Гаврик вообще резко отвернулся к нашему столику профилем. И глаз такой остановившийся. У Гаврика сильно развито так называемое боковое зрение, как у лягушки... Когда она нацелилась на комара. И вот сами посудите: что же я, один буду пить с этой? Она, я вижу, тоже ерзает, хотя и стесняется его позвать, Гаврика. Типа у нее неосознанное влечение. Гаврила, это же надо учитывать, это же он как маленький принц! Я не имею в виду то, на что ты намекнул жестом, Жора, а имею в виду его дикое обаяние для одинокой женщины. Помнишь, Гаврик, как мы изображали двух иностранцев? Которые заблудились на просторах Манежной площади? Помнишь, они нас привели, и одна другую инсценирует прямым текстом прямо при нас... Как соблюдать гигиену, что мыть... Еле мы смех удерживали, рвавшийся из груди... А мы как бы ничего не поняли и ушли не заплативши... Помнишь? Не шумите, женщины! Как не с тобой? А. Прости, Гаврик, я обознался. Память! Я свидетель защиты! И не со мной это было, это нам этот рассказывал... Трофик, что ли, лысый такой из Баку фотограф. Про других совершенно людей. А я с моим богатым воображением как бы сам это пережил... Ха-ха-ха. Все в голове смешалось. Ну и вот. Возвращаемся за столик. На котором стоит уже опустев-

шая бутылка. Даму зовут Софья Павловна. Но ведь я ясно вижу, что за человек передо мной. Нас ведь в школе специально учили психологическому портрету! Но при этом я продолжаю сидеть! Анекдоты там... Что характерно, не смеется. Я: кто вы, откуда такое чудо. Из Питера она, в Москве проездом в Копенгаген. А сама на Гаврика смотрит, он повернулся к нам своей могучей спиной. Сидит как дурак перед одним зубчиком чеснока. Уже все дамы стали обращать на него пристальное внимание. Излучает, подлец, прости, Гаврик. Такая грусть разлита во всей фигуре мужика. Не в том смысле разлита, Жора. Эта Софья просто кипела. Ан близок локоть, да не укусишь! Я ей свое травлю, сам выпиваю, тут еще коньяку принесли, рыбки полон стол. Э, вижу, она здесь не первый день, ее все знают, Ксюша мотается как гиппопотам по болоту туда-сюда. Я пью тихо... Хватит тебе, Жора. Намазал толстым слоем икры кусок французского багета, икра зернистая, граненая... Малосольная. Тихо! Хлопнули по коньячку... Мартель она заказала французский. Его надо согреть в ладони... Дурак необразованный! Не показывай как, не наливать в руку, а рюмку согреть ладонью через стекло! На Гаврика я уже не смотрел. Тут, вижу, глаза у Сони замазались. А это Гаврик идет мимо и говорит:

— Ну. Ты идешь? Твоя Галя тебя ждет с кастрюлькой в руке.

А я ему рассказал уже про кастрюлю.

А Софья:

— Здравствуйте! А мы тут обсуждаем интересный проект. Мой муж известный бизнесмен...

И добавляет:

— Да вы присаживайтесь.

Я думаю: какой мы обсуждаем проект? Я ей рассказывал, как очень долго не мог даже посмотреть на красную икру, когда на Северном Урале мы с киногруппой как бы парашютистов застряли, хлеб кончился, остались одни гранаты, мы ими глушили горбушу... Она еще меня спросила, в каком я чине, я ответил, что это не подлежит приглашению.

Гаврик сел, как этот... Как шпион в фильме «Подвиг соотрудника», так нехотя, не дурак. А она:

— Вот вы, кто вы по профессии?

Гаврик, пусть Бог его простит, отвечает:

— Торгую резиновыми изделиями.

Ну на нас же не написано, кто мы. И нечего было обижаться. Гаврик! Нет, ты обиделся!

И тут она:

— О, как интересно! А у мужа морской терминал у моего в Усть-Выме.

Я говорю:

— Ну вот, как раз. Будешь возить резиновые изделия из Китая через Ледовитый океан, море Лаптевых.

А она опять:

— У мужа терминалы в разных портах.

Причем мне она перед тем сказала, что он торгует цветным металлом. И это одно уже должно было меня насторожить. Связываться с цветными металлами опасно! Там убивают! Ну а Гаврику все едино, он сидит скучает. Это у него такая жизненная позиция, женщины, спокойно! Когда баба за ним начинает ухаживать, я не открою секрета, если скажу, что Гаврик затаивается. Он буквально делает вид, что его тошнит. Гаврик, не вскидывайся. Так, а надо еще сказать, что Софья эта чертова Павловна женщина постарше меня, такая вся наглухо упакованная в кожу и свитер под подбородок. В ушах причем по миллиону. На каждое ухо можно снять полнометражный фильм с экспедицией в Таиланд. Это и должно было меня насторожить: женщина вечером в ресторане в брюликах, а одета как для прыжков с трамплина на водных лыжах. Все скрыто до пальцев, а на них кольца. Так. Гаврик не смотрит на нее... Враждебный сидит, а сам, видимо, считает, на сколько рюмок я его опередил. Сонька позвала Ксюшу и говорит:

— Налейте этому суровому человеку коньяку.

Ксюша нависла над Гавриком и набулькала ему. Гаврик из-под Ксюши выглядывает, как кошка из-под кота во время вязки. Только что не мурчит. Ну тут Сонька Ксюшу отослала. Но чтобы Ксюша так парилась для нас — никогда! Мы люди простые, бойцы невидимого фронта. Нет, Жора, мы с тобой в этом фильме — бойцы невидимого. Так отклоняемся! Я должен все обрисовать. Сонька начала атаку на Гаврилу:

— Вы такой интересный человек, но такой печальный! А у меня день рождения сегодня, выпейте за меня. Я глубоко несчастный человек, у мужа есть другая, даже две, выяснилось на банкете недавно. Последней вообще лет четырнадцать. При мне подкатывает к нему, что ты такой грустный, у тебя есть жена, есть любовница, есть я, а ты тормозишь. Вы же знаете, что теперь дума разрешила сожительствовать с восьмиклассницами. А что же делать нам, которым уже тридцать два! — сказала Сонька и соврала лет на двадцать. И далее по тексту: — Неужели вы побрезгуете стареющей миллионершей, никому не нужной?

И тут Гаврик сделал серьезную ошибку: ему втемяшилось ее пожалеть, и он с ней так серьезно чокнулся. Мы выпили. Сонька опять позвала Ксюшу, и с этой минуты мы перестали наблюдать за временем. Гаврик стал говорить с Сонькой, как он это умеет, об открытиях академика Фоменко, что время смещено и все в мире загадка, а Чингисхан на самом деле был царем Иваном Грозным, он же Наполеон. Дальше вообще мы поехали в ночной клуб для дам и там смотрели мужской стриптиз с какого-то переполоха. Ей занудилось. Эти к нам подходили, чтобы она им за плавки засовывала по сто долларов. Подставляют и подставляют плавки! Наглые как танки. Нет, Жора. Нет, мы не подставляли... Это ты сходи туда за кулисы... насчет работы... ты сам сбегай туда подхалтурь... Кто только тебя возьмет... А потом Гаврик намылился ее провожать в частную гостиницу морского пароходства, она одна типа боялась. Усть-Вымь и все такое. Ну и я поехал. Не бросать же друга, ой как это пригодилось! Ну там была типа того гостиница пять звезд якобы, и одно то должно было нас насторожить, но уже мы катились по наклонной плоскости. Она сказала: обсудим наш новый проект с резиновыми изделиями у меня в номере. И она научила нас как пройти, дескать, я войду, а вы потом просто смело открывайте дверь и ни на кого не глядя притесь по лестнице на второй этаж, номер двадцать пять. Ну не идиоты ли мы? Входим так важно, как двое сотрудников из главного по организованной, я типа подполковник, а Гаврик как большая акула идет, весь такой расслабленный. Причем портье как бы спряталась за

своей стойкой, сидит головы не поднимая. Ну это-то должно было нас остановить! Нет. Гаврик ей так кивнул, я со страху тоже. Думаю: чего я пруся? Галюнчика обманывать только... Ну за компанию и батьку женили. Поднимаемся. И тут Софа говорит: кто первый в ванную? Нам стало неудобно, Гаврик уступил очередь даме, и мы с ним присели на стулья как идиоты. Нет, он поперся в туалет. Что нам тут делать типа? Кровать как стол для пинг-понга, два на два с половиной. Она из ванной выходит босая, в халате, на шее полотенце, я потом понял зачем. Нет, Жора, не то что ты подумал. Гаврик же отошел в санузел, а я не знаю, что делать, она снимает покрывало с кровати. Я, чтобы не мешать, скромно присел на пол в коридоре. Пусть себе. Заскрипело так, вижу, мне пора уходить. Ну и я хотел встать, но отрубился сидя на полу. И пробуждаюсь, что надо мной идут люди, прямо по мне пешком, мелькают сапоги, ноги. Каблуки там. И зажгли весь свет, меня подняли, поставили. Софья дает показания, что легла спать, а к ней зашли двое, избили и изнасиловали. И пасть раскрыла и показала зуб, сломанный наполовину. И синяки на руках и на ногах и на шее, которую она специально полотенчиком пока что прикрыла. Нет, Жора, Гаврик не такой молодец и не он ей вломил. Хотя синяки были здоровые. Видно, кто-то до нее добрался и накостылял. Но не мы! А те три горничные и портье-девушка, которая на нас не обращала внимания внизу, они показали менту, что мы незаметно для них проникли в помещение гостиницы и ворвались в номер двадцать пять. Но у нее, у Софки, вид был такой нехороший, она как-то была недовольна. И я понимаю почему. А! Жора, ты тоже понял. Но ты не то понял. И я объясню тебе, Ирина Георгиевна: просто они все прибежали слишком рано. Как выяснилось, Гаврик заснул в санузле сидя на унитазе. Он так показал. Даже не успел душ принять, сухой был, действительно. Он показал, что мы познакомились в ресторане и она пригласила нас помыться к себе, ну так просто. Типа у меня (он на меня свалил) мелкий ремонт в ванной и не идет горячая вода. И что только он заснул, как тут же вы (имея в виду обслугу и ментов) ввалились. Но как он оказался в кровати, он не помнит. Какое-то снохожде-

ние, лунатизм во сне. Да, и как разделся, не знает, может, и не сам... И я присовокупил, что не слышал, как он через меня перешагнул и сколько времени прошло... Сказал, что не знаю, я спал... Жора! Клянусь, ты у меня схомячишь по шее! За свои намеки! Не полтора часа прошло! И я ничего не видел, там было действительно темно, они глазами лупали, когда свет им зажгли, но! Синяки у Соньки были не свежие. Как я уже сказал, позавчерашние на тот момент. И она тут же возмущенно закричала, что у нее муж бизнесмен и не потерпит. И что у нее украдено кольцо. Очень дорогое. Демонстрировала палец пустой. Муж будет в экстазе. Кольцо стоит как два теплохода. Новое дело! Ну меня обыскали... Нашли пять рублей. А Гаврика что было обыскивать... Он стоял, прикрытый подушкой. Руки, говорят, в стороны разведите и повернитесь, и все... Он только успел выговорить: «Требую экспертизы». Да, Жора, он молодец. А она только вякнула что-то, не буду говорить что. Жора догадался тоже, молодец, и вам всем объяснит в фойе. А уже через два дня Леночка в «Будапеште» нас просветила, что накануне Софка там познакомилась с тремя лицами какой-то национальности и ушла с ними. Вот, я вам рассказал все. Прошу вас теперь выслушать Гаврика. Он расскажет все остальное, что я проспал. А? Почему? Ну видите, они не в настроении, не хотят. Гаврик отказывается от последнего слова. А вы, как коллектив нашего театра, вы должны его понять и вынести такое постановление товарищеского суда, чтобы все там было отражено как есть. Что мы с Гариком отмечали наш гонорар по фильму «Две марки за мертвеца», где мы оба играем. И если Жоре прошлый раз на товарищеском суде скостили зеркало, простили даже поваленное пианино, бармена на полу и целую барную стойку, то уж я и не знаю. Всему нашему коллективу театра, всей труппе и лично Татьяне Александровне — спасибо за беспокойство.

Отрывок стенограммы обсуждения в Управлении театров Москвы запрещенного спектакля «Квартира Коломбины» (театр «Современник», режиссер Р. Виктюк), а также проблема с запрещением спектакля «Три девушки в голубом» в театре «Ленком» (режиссер М. Захаров)

Ведущий. Слово предоставляется Петрушевской.

Петрушевская. Дело все в том, понимаете какая история, что запрещение спектакля «Квартира Коломбины» и последняя эпопея со сдачей и с исчезновением на афишах «Трех девушек в голубом» этому не способствует, моему сильно развитому чувству юмора и жизнерадостности, ибо я кормлю трех детей, я честно делаю свое дело, а жить мне не дают.

Одному видится в одном недостаток, другому в другом, а я хотела бы, чтобы наконец смирились с фактом, что я существую — и наконец-то я бы стала зарабатывать деньги своим трудом, а не переводами, которыми я занимаюсь. И не жила бы я, в общем-то, в заботе о хлебе. Сейчас так живут многие, и я как все люди. Но меня с некоторых пор перестали утешать чужие несчастья. Я обращалась к Михаилу Филипповичу с просьбой, чтобы обратили внимание на то, что происходит со мной.

Это сомнение в том, что действительно ли я могу существовать просто физически, не говоря ни о чем другом. Вот это то, что я хотела сказать честно, откровенно.

Для меня фантастической была история, когда товарищ С. сказал, что ему нравится спектакль («Квартира Коломбины») и он его принимает. И через три минуты буквально, выйдя из театра и садясь в машину, он сказал, что спектакль не принимает. Он не пожелал его выпустить. Я тогда, перед этим, пожала ему руку. У меня эта рука два дня болела! Больше я постараюсь этого не делать.

Что касается моих пьес, которые здесь представлены, то и Роман Григорьевич Виктюк, с которым меня связывает долгая история, и театр, который взялся за это, и ак-

теры, которые взялись за это, я думаю, что им зачем-то это все было нужно. И зрители, которые пришли и хлопали, из которых одна женщина пожилая подошла ко мне с палочкой и сказала: «Вы — классик». Для меня это как бы ничего не значит, потому что все мы знаем, что у людей могут быть разные мнения, но в том числе вот и такое. Но кому-то это надо. Почему это не надо вам? Может быть, вы в какой-то степени оторвались от жизни, может быть, вы отстали от жизни, может быть, вам надо пересмотреть свои взгляды на то, чем вы должны заниматься в театре? Может быть, правы все-таки в какой-то степени зрители, которым это нужно? Может быть, не я виновата в том, что такая безобидная вещь, как «Квартира Коломбины», рассматривается с позиции чего-то грязного? Это действительно фарс. И если там есть элементы, которые оскорбляют вас, пожалуйста, посмотрите у классиков, у таких великих, которые у нас кристально чистые. Когда один шутливый критик обвинил меня в том, что в «Трех девушках в голубом» я воспеваю сортирные проблемы, то группа людей мне тогда звонила и говорила, что у Пушкина надо многое зачеркнуть, у Толстого очень многое, у Чехова очень многое зачеркнуть, у Бунина. Это ведь был вопль души человека, поставленного в крайние условия. Надо уметь видеть все, надо давать возможность людям видеть многое.

Что касается моего отношения к спектаклю, кроме того, что я очень благодарна театру, и режиссеру, и актерам, у меня есть с ними определенные расхождения. Как ни странно, они, в общем, совпадают со многим, о чем говорила Мария Яковлевна.

М. Я. Медведева. Почему же странно, я ведь ваш редактор.

Петрушевская. Я просила Романа Григорьевича убрать балахоны, я говорила ему, что это не то. Нельзя из них делать символ наркомании. Дальше. Закрит спектакль «Три девушки в голубом», который был принят здесь. А есть люди, которые на него так рвались, что сломали руку дружиннику. Я не понимаю, почему он не идет,

почему я не зарабатываю своих, пусть не очень больших, но денег.

Я знаю, что кроме социальных вещей существует такой жанр как фарс, и существует такая вещь, как возможность актрисе проявить себя в самых разных видах и открыть ее в «Коломбине» уже теперь как вечное существо, которое было тогда, когда и паспортов не было, и будет тогда, когда их не будет, вечная актриса, которая может играть и так, и так, и так и в конце выходит к нам в неизвестно каком веке уже, но вечная, со своими вечными проблемами, со своей вечной любовью к режиссеру, который у каждой актрисы есть и будет навеки.

Я не понимаю, почему этому нужно придавать такое кошмарное, гигантское значение. Когда вы придаете мне такое громадное значение, я превращаюсь в тот же самый социальный символ, который, я понимаю, совершенно не нужен никому, я превращаюсь в загнанного неизвестно куда человека.

Я категорически против того, чтобы со мной так обращались, буду бороться дальше, буду бороться с вами, с людьми, которые не дают мне жить. Тогда просто нужно решать вопрос о моем существовании. Может быть, меня надо исключить из Союза писателей. Какой я писатель, если «Три девушки» закрыты, «Коломбина» закрыта. Я не могу вам сейчас ничего сказать, для меня эта проблема огромная, великая проблема, проблема всей моей жизни.

Почему министерство не может заплатить мне денег за эти два куска, за то, что я пишу? Почему мне не дают существовать, я не знаю, я не понимаю.

Очернительство? Господи, да читайте же русскую литературу, читайте вы «Тихий Дон», я не знаю, что я по сравнению с этим, читайте классиков советских, читайте Булгакова, Зощенко. Существуют же примеры.

В чем я тут провинилась? Может, я слабее в литературе, время такое, не пришли еще Гоголи, Салтыковы-Щедрины, мы их ждем уже много лет.

Когда вы меня будете запрещать, я вырасту вдруг в

огромное явление. Зачем вам это нужно? Зачем мне все это, я проживу на том, что есть, но дайте жить мне, я ведь умру от этой несчастьности. Человек не может жить все время в несчастье. Вы мне сами диктуете темы моих произведений. Вы извините, у меня дети больны. (*Хлопает дверью, уходит.*)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИНЗАНО

Часть первая. ЧИНЗАНО	5
Часть вторая. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ СМИРНОВОЙ	24
ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА	43
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСПОДА БОГА.	58
МОСКОВСКИЙ ХОР.	117
БРАЧНАЯ НОЧЬ, ИЛИ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ МАЯ	183
МУЖСКАЯ ЗОНА.	223
ГАМЛЕТ. НУЛЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ	232
ТАНГО-КВАДРАТ	263
ГАЗБУ	294
ОН В АРГЕНТИНЕ	335
БАЛКОН КУ-КУ	378
СВИДЕТЕЛЬ ЗАЩИТЫ	431
Отрывок стенограммы обсуждения в Управлении театров Москвы запрещенного спектакля «Квартира Коломбины» (театр «Современник», режиссер Р. Виктюк), а также проблема с запрещением спектакля «Три девушки в голубом» в театре «Ленком» (режиссер М. Захаров).	442

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Петрушевская Людмила Стефановна

БРАЧНАЯ НОЧЬ, ИЛИ 37 МАЯ

Ответственный редактор *Ю. Селиванова*

Литературный редактор *Е. Толкачева*

Младший редактор *Е. Шукшина*

Художественный редактор *Ю. Девятова*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Е. Бобылева*

Корректор *Е. Трубецкая*

ООО «Издательство «ЭКСМО»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүш: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «ЭКСМО»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша

арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251-58-12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Өндiрген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>.

Подписано в печать 04.06.2020. Формат 60x90/16.

Гарнитура «NewBaskervilleTC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 5782.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaotprk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
Издательской группы
«ЭКСМО-АСТ»

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: Ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Буховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ц
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АСТ Сиз энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: lmarket@eksmo-sale.ru

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

[eksmolive](#)

[eksmo](#)

[eksmolive](#)

[eksmo.ru](#)

[eksmo_live](#)

[eksmo_live](#)

ISBN 978-5-04-110746-8

9 785041 107468 >

В электронном виде www.litres.ru

ЛитРес:

Людмила Петрушевская

пишет, как она выражается, все – и добавляет: «Кроме доносов». Изобретает новый язык и сочиняет на нем цикл сказок. ♣

Выступает с концертами как певица, автор и композитор, устраивает выставки своих работ и за это получает премии:

- Государственную премию,
- независимую премию «Триумф»,
- театральную «Станиславский»,
- премии Бунина, Гоголя, Довлатова,
- немецкую «Pushkinpreis»,
- американскую «World Fantastik Award»,
- русско-итальянскую «Москва-Пенне».

ISBN 978-5-04-110746-8

9 785041 107468 >

